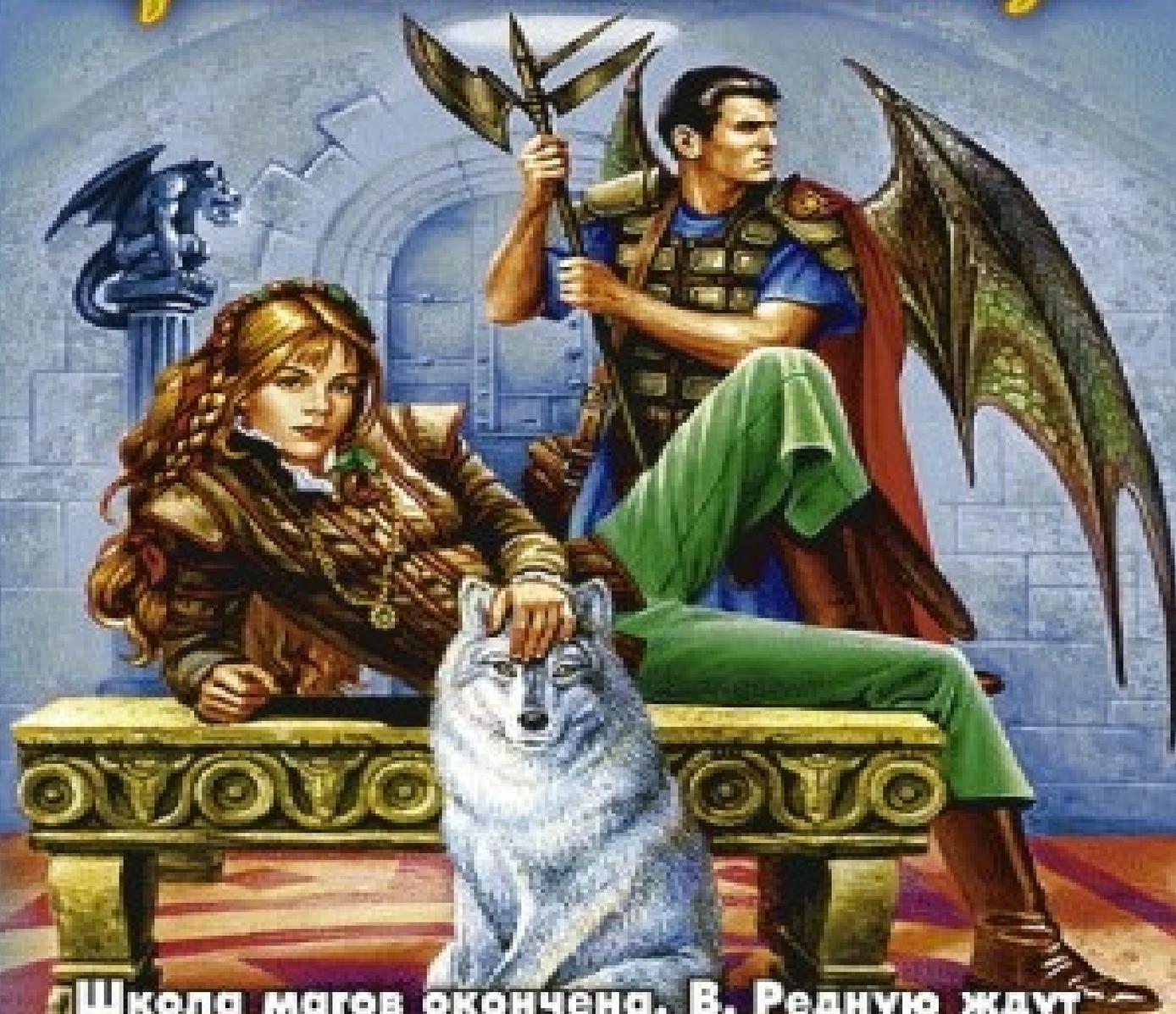

Ольга Громыко

Ведьма- хранительница

Школа магов окончена. В. Редную ждут в Догеде, стране вампиров. Но распределение предполагает, а Провидение — располагает...

Annotation

Кто сказал «Тяжело в учении, легко в бою»? А подать его сюда, в бой! Школа Чародеев, Пифий и Травниц закончена, но проблемы молодой дипломированной ведьмы только начинаются.

Школа магов окончена. Вольху Редную ждут в Догеве, стране вампиров. Но распределение предполагает, а провидение – располагает...

Захотелось ей, видите ли, приключений, легендарных подвигов и разгадок великих тайн! Что ж, хлебная должность королевского мага побоку, и пожалуйста – теперь Вольхе Редной будет о чем рассказать внукам... если, конечно, удастся с честью выйти из любезно подкинутых Судьбой испытаний...

- [Ольга Громыко](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
-

Ольга Громько

Ведьма-хранительница

*...У любовной
истории со счастливым
концом нет шансов
войти в легенды...*

Циничный менестрель

Глава 1

Надежды пессимистов на холодную, затяжную весну развеялись уже в середине цветня. Чуть отзвенела капель – дохнули жаркие южные ветра, вытапливая из почек бутоны, а из земли – сочные молодые травы. Несколько удивленные внезапным теплом, птицы вили гнезда, звери линяли, а люди доставали из сундуков сапоги и куртки, на всякий случай не пряча шуб и валенок. Всего три недели назад вниз по реке тянулись караваны льдин, а сегодня уже отцветали сливы и луга подернулись желтой дымкой одуванчиков. Лесное озерцо, еще не успевшее зарости кувшинками, оторочили побегами камыши, припорошили сережками ивы. По водной ряби плясали солнечные блики, над раскаленным песком лениво колыхалось марево, стрекозы с треском вспарывали воздух, гоняясь за мошками. Сочная, по-весеннему яркая молодая листва зеленым пламенем трепетала на веточках, птичий оркестр исполнял залихватскую симфонию, в глубине леса томно куковала кукушка.

Все было настолько прекрасно и упоительно, что при взгляде на гору конспектов, пожелтевших свитков, расхлябанных гремуаров и прочей дряни у меня темнело в глазах и возникало непреодолимое желание утопиться в озере.

– Билет 127, вопрос 3, – неумолимо продолжал Лён. – «Самопроизвольный распад заклинаний и его причины».

– А... Э... Вот, например...

– Отлично, помнишь. Пошли дальше.

Я благодарно взглянула на вампира. Не будь его, я бы уже давно сбила язык и натрудила пассами руки, доказывая, что в закромах моей памяти еще не обросли пылью ценные сведения о произвольном распаде.

– Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

– Может, пропустим?

– На экзамене тоже пропускать будешь?

– У-у-у... Я лучше семнадцать реакций конденсации энергии напишу.

Ну какая разница, в каком году Рион Копыльский изобрел мультиполярную трансгрессию?

– Не Рион Копыльский, а Половья Белорская, твоя, между прочим, землячка.

– Давай повторим самое важное, а потом вернемся к истории.

– Отринь надежду, скудоумная отрочица. Нет тебе ни пощады, ни

диплома.

– Ах ты, вампирюга! – Я бросилась на Лёна, и мы, сцепившись, покатались по пляжу. Тщетная попытка отстоять мое доброе имя. Вампир очень быстро одержал верх и, довольный, пригладил растрепанные волосы правой рукой, левой без видимых усилий прижимая меня к песку.

– Ну Лён! – чуть погодя заскулила я, отчаявшись вырваться.

– Проси пощады.

– Ни за что!

– Тогда лежи, – великодушно позволил вампир.

– Ну Лён! Мне повторять надо! У меня экзамен через три дня!

Вампир демонстративно зевнул, не убирая руки.

– Повторяй. Билет 128, вопрос 1. История развития магии.

– Не знаю! – Я дернулась из последних сил, но стальная рука даже не шелохнулась.

– Ага! Учи давай.

– Не буду! Он мне не попадетсЯ!

– Так что, выходит, я зря послал в Школу запрос на молодого специалиста?

– Ты это сделал?!

– Да, и уже раскаиваюсь. Магичка из тебя, как из козла – дойная корова!

– Лён, ты прелесть! – восхищенно завизжала я.

– Знаю, – уныло согласился вампир. – А еще дурак, каких поискать.

Казалось бы, я знаю тебя достаточно долго и хорошо, чтобы не совершать подобной ошибки.

– Ну отпусти, я буду паинькой!

– Что-то не верится, – вздохнул Лён отодвигаясь.

Окрыленная радужной перспективой, я раскрыла конспект, но длинный столбик дат и имен живо привел меня в чувство. Я снова взбунтовалась:

– Ну почему я должна засорять мозги этой ерундой? Можно подумать, кладбищенские упыри и буерачные стрыги будут помогать от меня фамилии изобретателя левитации или издохнут от страха при упоминании даты создания Межрасового Ковена Магов!

– Не засорять, а тренировать. Учи-учи, не отвлекайся. И набрось рубашку, у тебя уже плечи обгорели.

– Серьезно? Пока не чувствую. Погоди, полежу в купальнике еще пару минут, пусть загар возьмется покрепче. Мало ли какое лето выдастся, в прошлом году хорошего солнца вообще не было, так и ходила бледная, как

вампир... то есть немочь.

Бледным Лёна не посмел бы назвать самый лютый недоброжелатель. Загар ложился на его кожу ровнее патоки, вампиру не приходилось прилагать для этого никаких усилий вроде многочасового лежания на пляже с натиранием специальными кремами.

– Итак, начнем. Я буду называть дату, а ты – всесторонне ее освещать, – предложил Лён, с книгой в руках переворачиваясь на спину и сладко потягиваясь, шурша крыльями по песку. – 147-й год до эн э.

– М-м-м... Теория овеществления желаний?

– Да. Ты подсматриваешь. Закрой конспект. О, леший бы его побрал!

Я бы не возражала, если бы леший побрал не только конспект, но и свитки, гремуары, экзамены, Школу, да и Лёна в придачу.

– Кайел идет, – пояснил вампир, вскакивая на ноги и торопливо отряхивая песок с груди и штанов. – Меня здесь нет! Не было и не будет.

– Ладно, – проворчала я, втайне радуясь нежданной передышке. Впрочем, довольно сомнительной передышке. Кайел был нашей общей головной болью. Во-первых, он считал Лёна чем-то вроде своей записной книжки и консультанта по жизненно неважным вопросам, преследуя Повелителя, как голодный слепень. Во-вторых, твердо верил, что умирает от страшной болезни, вот только никак не мог определиться от какой. Разочаровавшись в Келле (несдержанная Травница, доведенная нитьем профессионального больного до белого каления, высказала симулянту все, что о нем думает, смертельно оскорбив несчастного страдальца), Кайел переключился на меня. Все свои каникулы и преддипломную практику я просидела в Догеве, собирая материал по свойствам уникального природно-магического явления, так называемого «эффекта черновика», попутно совершенствуясь во врачевании на страждущих добровольцах (с ведома Лёна и Келлы; последняя охотно поручала мне несложные операции вроде заговора прыщей и с еще большей радостью свалила на меня Кайела). Этот относительно молодой вампир (лет сто восемьдесят – двести) выглядел на все тридцать и, по нашему общему с Келлой мнению, был здоров как бык. Тем не менее я добросовестно осматривала его по любому поводу, честно пытаюсь отыскать в крепком, упитанном теле зловещие признаки надвигающейся кончины, но тщетно. Брюшной тиф, чахотка, инфаркт, столбняк и гангрена моментально отступали, стоило мне убедить Кайела, что они проявляются совсем иначе. Он верил, но недолго. Уже через два-три дня он обнаруживал в себе новые симптомы и, стая, бежал ко мне, твердо веря, что одна я могу спасти его от неминуемой гибели.

Лёну приходилось еще хуже. Единственной официально признанной

болезнью Кайела был склероз. Самое удивительное, Кайел игнорировал диагноз и возмущенно отказывался от Келлиных эликсиров, улучшающих память.

Первое упоминание о Кайеле относилось к осени позапрошлого года, когда Лён, издали почуяв очередного просителя, идущего к Дому Совещений, подхватился с кресла и совсем уж не по-повелительски выскочил в распахнутое окно.

– Надоел мне этот тип хуже горькой редьки, – жаловался потом Лён. – Дня без Повелителя прожить не может. Вчера тоже приходил... в расстроенных чувствах. Хомут у него пропал. Вернее, загулял парень вечером и не помнит, где распрягал лошадь. А мне копайся в его подсознании, перерывай грязное белье. Тягается с разной ерундой, вместо того чтобы поискать получше... – раздраженно добавил он.

– Нашелся хомут?

– Нашелся. Он его под печь засунул.

– Вот уж где не подумала бы искать. Не ерунди, надо относиться к жизни проще, а не то к двумстам годам превратишься в настоящего упыря – ехидного, злющего, занудного и вредного. Если уж этот мужик... то есть вампир... набрался храбрости и пришел к тебе, значит, для него этот хомут как сын родной. Может, это тещин подарок на свадьбу. Пожалей бедолагу, пусть найдет свой хомут и возрадуется!

– Так он в следующий раз вконец обнаглеет и пошлет меня топор искать! – пуще того распалился Лён.

– Может, постыдится?

– Держи карман шире!

Ох, не знала я, за кого заступаюсь! Топор, портки, кадушка, странные звуки на чердаке, ночные отлучки старшей дочери, косой взгляд соседа, невсхожесть позапрошлого года семян огурцов, приснившийся гроб, утонувшая (или всплывшая) в колодце кадка, карканье вороны под окном, бульканье в левом подреберье при надавливании, – все это мы с Лёном должны были осмотреть, истолковать, дать совет и так далее и тому подобное. Неудивительно, что Повелитель шарахался от ретивого подданного, как от моровой язвы.

Укрыться от Кайела в Догеве, как, впрочем, и от любого вампира, было невозможно. Он чуял меня за версту, как стервятник – павшую корову. Если Лён или Келла, вовремя приметив Кайела, могли (что и делали) шмыгнуть в кусты и затаиться, то мне оставалось только скрипеть зубами, через силу выдавливая вежливое приветствие.

– Доброе утро, Кайел, – как можно небрежнее бросила я, делая вид,

что всецело поглощена учебой.

– Кому доброе – кому, быть может, последнее, – уныло, в своем репертуаре протянул Кайел, останавливаясь возле меня и заслоняя солнце. – Ты Повелителя не видела?

– Нет, не было и не будет, – заученно отбарабанила я, переворачивая страницу. Горький опыт подсказывал мне – так просто от Кайела не отвязаться. Горький опыт был прав. Кайел не уходил, выразительно сопя над моим плечом. Ни в коем случае нельзя было задавать ему никаких вопросов, особенно интересоваться здоровьем. В противном случае вы уже не смогли бы уклониться от подробного описания заполненного страданиями дня и такой же ночи.

– Что-то я себя неважно чувствую, – начал Кайел, так и не дождавшись от меня возобновления разговора.

Я ничуть не удивилась. Это была его дежурная фраза. Внутренне сжавшись от предчувствия неизбежного, я молчала, как гном на допросе. Сколько крови мне испортил этот «умирающий» вампир, не передать.

– Голова что-то кружится... Сердце громко стучит. И в глазах темнеет... – продолжал Кайел, заметно воодушевляясь и делая неизменный логический вывод: – Видно, смерть моя пришла.

– По-моему, с прошлого лета она и не уходила.

– Как тебе не стыдно шутить над такими вещами! – неподдельно возмутился Кайел. – Бессердечные вы, люди, безжалостные. Нет в вас сострадания к ближнему. Умри я у тебя на глазах – и то не заплачешь.

– Не заплачу, – подтвердила я. – Кайел, вы меня переживете. Ну что вы опять выдумали? Сколько у вас голова кружится? Минут десять?

– Час, – гордо поправил меня вампир. – С утра нормально себя чувствовал, до обеда – тоже, а как закончил сажать картошку, разогнулся, – так и повело...

Я чуть не застонала от злости.

– Кайел, вы просто перегрелись на солнце. Посидите в теньке, выпейте стакан воды, и ваша смерть уйдет несолоно хлебавши.

– Горячей или холодной? – дотошно уточнил вампир.

– Теплой, кипяченой!

– А это точно поможет?

– Точно, точно, только уходите отсюда, не стойте на солнце, а то хуже будет.

Лишь непосредственная угроза здоровью могла прогнать Кайела с пляжа. Просветлев лицом, вечный доходяга удалился бодрым шагом абсолютно здорового вампира.

Лён выбрался из кустов, и мы возобновили каторжные работы в гранитных рудниках науки. Выучить, то есть логически уложить в памяти, историю развития магии я так и не смогла, – задолбила, как скворец, не вникая в смысл слов. С сожалением убедившись, что на большее я не способна, Лён объявил десятиминутный перерыв.

Спина у меня сторела окончательно; по мнению Лёна, ее радикальный красный цвет свидетельствовал скорее о готовности вареного рака, нежели намертво взявшемся загаре. Как ни манил меня теплый песочек, пришлось накинуть рубашку и перебраться в тень под ивы. Мартовский ураган повалил одно из деревьев, вывернув с комлем, и оно медленно, мучительно умирало на земле, поникнув едва развернувшимися листиками.

– Лён, помоги, а?

Вампир, казалось, дремал, растянувшись в редком теньке, но охотно поднялся и подошел к дереву. Я еще раз подумала, как удобно общаться с телепатом, – не задав ни единого вопроса, Лён рывком приподнял иву и установил комлем в яму.

– Чуть левее... теперь на меня... хорошо, вот так и держи. – Опустившись на четвереньки, я с энтузиазмом подгробала и утаптывала землю вокруг ствола. Лесопосадочные работы близились к завершению, когда в кустах снова зашебуршали шаги и оттуда вынырнула Келла с букетом молодой крапивы, от целебных укусов коей Травницу защищали толстые холщовые перчатки.

Увидев Лёна, вампирка ахнула от возмущения.

– Повелитель! Что вы тут делаете?!

– Держу дерево, – вежливо, но малопонятно объяснил Лён, избегая глаз Травницы, мечущих молнии.

– Вас по всей Догеве разыскивают!

– Зачем?

– И вы еще спрашиваете!? Через полчаса прибывает посольство из Арлисса!

– Келла, я вчера ясно дал понять: я не хочу и не буду его принимать. Разбирайтесь сами.

– «Не хочу» и «не буду» – две разные вещи. А ну, немедленно собирайся, и идем в Дом Советаний!

– Келла, с кем ты разговариваешь? – вкрадчиво поинтересовался Повелитель.

Травница немного сбавила тон:

– Повелитель, вы *обязаны* там присутствовать.

– Ничего подобного.

- Будет скандал!
- Будет, – равнодушно согласился Лён.
- Повелитель!
- Травница?
- Умоляю вас, примите их.
- Нет.
- Лён!
- Нет.
- Ваше непонятное упрямство поражает меня в самое сердце!
- Если бы у тебя было сердце, ты бы меня поняла.

Келла как-то странно примолкла, бросила косой взгляд в мою сторону.

– Лён, я тебя от чего-то отрываю? – робко спросила я, почуяв неладное. – Иди, я сама повторю, мне уже немного осталось.

– Ни от чего ты меня не отрываешь. Уходи, Келла. Не стоит продолжать этот бессмысленный разговор.

На побледневшем лице Травницы явственно отразилось желание отхлестать Лена крапивой.

– Ты, паршивый мальчишка! – вспыхнула она, отбросив приличия. – Хватит с меня твоих дурацких выходов, и без того ославил себя, а заодно и Догеву хуже некуда! Повелевать легко, поди-ка подчинись разок, наступи на горло своей гордости, зарвавшийся щенок!

Последовала немая пауза, во время которой Келла, осознав, на кого повысила голос, медленно покрывалась пятнами. Ее расширенные зрачки подрагивали, словно в предсмертной агонии.

– Aek'vill kress, – тихо и зло сказал Повелитель, вспарывая напряженную, страшную тишину. – K'ere-ell, Kie-Lanna.

Это прозвучало как пощечина.

Травница пошатнулась. Швырнув крапиву Лёну под ноги, Келла закрыла лицо руками и, спотыкаясь, как подстреленная, помчалась прочь, не разбирая дороги.

– Лён... – осторожно начала я.

– Помолчи, ладно?

– Может...

– Знаю. Я погорячился. Она тоже. – Вампир отступил на шаг, критическим взглядом окидывая прикопанное дерево. – И хватит об этом, давай готовиться к экзамену.

Пожав плечами, я подобрала с земли конспект, но процесс обучения застопорился и постепенно сошел на нет. Лён заметно охладел к практической магии, стал рассеян и почти не слушал моих ответов.

Мне быстро надоело слушать свой запинаящийся голос и равнодушное поддакивание вампира. Звучно захлопнув конспект и тем временно вырвав Лёна из состояния отрешенной меланхолии, я объявила, что на сегодня хватит и вообще я хочу есть, а Крина обещала испечь на ужин пирог с потрохами. Окажет ли Повелитель нам честь, присоединившись к трапезе? Нет, не окажет – отчасти из-за нехватки времени, отчасти из-за отвращения к потрохам. Возможно, заглянет попозже, ближе к ночи... не захвачу ли я с собой его штаны? В волчьей пасти они могут потерять товарный вид. Я заверила Лёна, что обладание штанами Повелителя доставит мне огромную, ни с чем не сравнимую радость.

На сей раз мой сарказм не достиг цели. Повелитель скомандовал «Отвернись!», а когда мне позволили оглянуться, аккуратно сложенные штаны лежали на песке. Рядом встряхивался, приводя в порядок лохматую шубу, белый волк.

На том мы и расстались. Волк исчез в чаще, приюхиваясь к Келлиным следам, я же, перекинув штаны через плечо, пошла к ближайшей пространственной перемышке – за время работы над дипломом я досконально изучила сетку портов и туннелей «черновика».

Как и следовало ожидать, почти сразу же я наткнулась на Келлу, старательно поливающую слезами жасминовый куст. Куст не проявлял должного восторга. У догевской Травницы был просто феноменальный талант попадаться на глаза жаждущим уединения догевцам и исчезать, когда позарез требовалась ее помощь.

Подойдя к рыдающей девушке, я села рядом. По правде говоря, «девушка» была старше меня раз эдак в десять, но внешне казалась моим погодком. Келла частенько задавалась по этому поводу, снисходительно называя меня «малышкой», но разве я виновата, что вампиры живут в пять раз дольше? При всем своем желании я вряд ли доживу до того возраста, когда разница в годах уже не будет иметь значения. А посему я давно махнула рукой на этикет и упорно называла Келлу на «ты». Не сказать, чтобы ей это нравилось, но открытого недовольства она не выказывала.

– Эй, – я легонько коснулась ее локтя, – да что случилось-то?

Вместо ответа вампирка порывисто уткнулась мне в плечо, обняв руками за шею. Я растерянно погладила Келлу по вздрагивающей от рыданий спине. Утешать я никогда не умела и не любила.

– Ладно тебе убиваться... Подумаешь, с Повелителем поругалась... вы с ним по десять раз на дню цапаетесь...

– Он... он обозвал меня... сводницей! – горестно всхлипнула Келла в

мое и без того насквозь промокшее плечо.

– За что?!

Но вампирка возрыдала пуще прежнего, явно не желая отвечать на вопрос, и я поспешила сменить тему:

– На каком языке вы говорили?

– На алладаре, – невнятно буркнула Травница. – Это наш древний исконный язык...

– Неужели? А я думала, вампиры говорят на Всеобщем. – Я изобразила глубокую заинтересованность.

Сработало. Травница оторвалась от моего плеча, достала из кармана платок и звучно высморкалась.

– На алладаре мы общаемся только между собой, и то не всегда. Это Всеобщий как лесной пожар – охватывает одну расу за другой. Через пару-тройку столетий никто даже не будет догадываться о существовании иных языков. Зачем семь лет изучать алладар, если уже через полгода можно свободно болтать на Всеобщем? – Келла звучно потянула носом.

Я почесала маковку. Все Разумные расы, разумеется за исключением человеческой, находили во Всеобщем свои недостатки. Гномам не нравилось обилие гласных, эльфам – грубое звучание, троллей не устраивала скудость ненормативной лексики, теперь вот еще вампиры сокрушаются по поводу неравноценной замены. По мне, все их языки годились только на заклинания – такие же замысловатые и зубодробительные. Поделиться этим нелестным для вампирки соображением я не успела – на поляну выскочил белый волк.

Увидев меня, он попятился от неожиданности, но потом, досадливо чихнув и покрутив мордой, трансформировался, помахал крыльями, разминая мышцы, и подошел к нам.

Два угрюмых взгляда снизу вверх слегка пошатнули его решимость. Вампир помялся на месте, смущенно кашлянул.

– Вольха, там тебя пирог ждет не дождется, – напомнил он.

Я вложила в скептическое хмыканье все свое отношение к его дипломатическому такту.

– Согласен, это дурацкая отговорка. Пожалуйста, уйди – нам нужно серьезно поговорить.

Я посмотрела на Келлу.

– Иди, – кивнула Травница, – мы сами разберемся.

– А если вы поубиваете друг друга – можно, я возьму черепа для музея? – с надеждой поинтересовалась я. – Эй, эй, я все поняла! Уже исчезаю!

– Штаны отдай! – наконец вспомнил Лён, и я мстительно запустила в него скомканными штанами.

Подслушивать за вампирами было бесполезно. Во-первых, Лён мгновенно выводил меня на чистую воду, во-вторых, – они немедленно перешли на свой гортанный язык. Пришлось уйти по-настоящему.

Пирог Крина обещать-то обещала, но так и не испекла. И вообще, с тех пор, как в ее доме поселился некий – надо заметить, довольно симпатичный и приятный в общении – вампир мужского пола по имени Ороен, моя домохозяйка стала уделять готовке возмутительно мало времени, целыми днями где-то пропадая со своим избранником. Можно было подумать, что они питаются воздухом. Последний месяц я ходила злая и голодная, подкармливаясь у своих пациентов да изредка на банкетах у Лена. Не то чтобы Повелитель редко меня приглашал – просто он терпеть не мог официальных приемов, сбегал оттуда под любыми предлогами, и мы голодали вместе.

Вот и сейчас – вместо тепленького, поджаристого пирога с хрустящей корочкой меня ожидали чугунок с холодной вареной картошкой, кринка с кислым молоком и ломоть черствого хлеба. Тяжело вздохнув, я зачерпнула простоквашу ложкой, подержала у рта и со страдальческой гримасой вылила обратно в кринку. Раньше она хоть для волка мясо покупала. Волк исчез незадолго до весны, в мое отсутствие – видать, издох от голода, мрачно подумала я, бросая ложку.

В окошко мне виден был уголок Дома Советаний – там переминались с ноги на ногу гнедые кони в сине-золотых чепраках. Арлисская делегация как раз проходила в здание, только что покончив с приветственным церемониалом. Последними в Дом вошли Догевские Старейшины. Я сглотнула слюну, представив длинный стол, накрытый белой скатертью и уставленный изысканными блюдами. Конечно, стоило мне пожаловаться Лёну на вегетарианскую диету, и он подыскал бы мне более хлебосольную домохозяйку, но я не хотела обижать Крину и, что греха таить, надеялась хоть чуточку похудеть перед выпускным балом.

Один из коней заржал, и мое внимание снова переключилось на Дом. В поле зрения появились Лён и Келла – оба при полном параде, он в белом, она в черном. Рука Травницы покоилась на галантно подставленном локте Повелителя. Сладкая парочка усиленно игнорировала друг друга, заключив временное перемирие на взаимоневыгодных условиях. Лён пропустил Келлу вперед, вошел следом и закрыл дверь. Конь снова заржал, отмахивая мордой назойливого овода. Красивый, рослый верховой жеребец, но не той породы, что разводят в Догеве, – здешние кони несколько массивнее, с

более густыми, но короткими гривами-щетками и длинными волнистыми хвостами. Вампиры называли их «к'яарды», утверждая, что лучших скакунов не сыскать. В Арлиссе, похоже, сыскали...

Я отвернулась от окна. Вид простокваши и конспектов наполнил мою душу неизбывной скорбью.

Глава 2

До отъезда мне так и не удалось повидаться с Лёном. Это почему-то показалось мне дурным знаком. Не из-за экзамена. К десятому курсу начинаешь понимать, что абсолютного знания не бывает, за относительное ниже тройки не поставят, а недостающее всегда можно придумать. И потом, у меня было ощущение, что все оценки распределены заранее, подписанные дипломы давным-давно лежат у Учителя в столе, а выпускной экзамен нужен Школе только для отчетности – неужто за десять лет наши преподаватели так и не выяснили, кто на что горазд? Конечно, ударить в грязь лицом не хотелось никому, но и излишне переживать не стоило.

Особенно не торопясь, но и не оттягивая время, я распихала по чересседельным сумкам учебники, конспекты, свитки, листы и клочки бумаги с пометками, оделась по-дорожному и, послав к лешему Крину с Келлой (они традиционно пожелали мне «ни пуха, ни пера»), уехала из Догевы.

Лён даже не вышел на крыльцо Дома.

Чем дальше я отъезжала, тем больше мне хотелось завернуть коня и во весь опор помчаться обратно. Ощущение, что я бросаю друга в беде, все усиливалось. В то же время я прекрасно представляла себе лицо Лёна, если я вернусь с полпути, дабы убедиться в его благополучии. Да прежде все догевские вампиры лягут костями, чем на их драгоценного Повелителя упадет пушинка!

Как только Догева скрылась из виду, тревога пошла на спад, но до конца так и не развеялась. Впрочем, очень скоро мне стало не до нее – предстоящий экзамен вытеснил из головы все прочие мысли. Как водится, первыми его сдавали Пифии (иначе от них не было никакого спасения; вынужденные томиться до последнего дня, они так и норовили предсказать идущим на заклятие коллегам какую-нибудь гадость якобы в порядке «повторения материала»), на следующий день экзаменаторы терзали Магов-Практиков, и в последнюю очередь самых терпеливых и безропотных Травников.

Я рассчитывала прибыть в Стармин вечером накануне экзамена, но налетевшая гроза спутала планы, пришлось пережить ее в придорожной корчме, так что в Школу я приехала в самый разгар суматохи – нынешние выпускники, измученные бессонными ночами, бесцельно слонялись взад-

вперед по коридорам, уткнувшись в конспекты и бормоча под нос обрывки заклинаний. Результаты не заставляли себя ждать. На втором этаже прямо из потолка шел снег, на третьем лаборанты с кафедры неестествознания гонялись с сачками за пятипалым крысолаком, над головой то и дело проносились молнии, один раз я врезалась в невидимую стену, воздвигнутую на месте открытой двери, потом едва успела отдернуть ногу от вычерченной на полу пентаграммы, которая тут же полыхнула трехаршинным столбом огня, оставив после себя черный дымящийся контур. Двое аспирантов, пыхтя, несли в экзаменационный кабинет длинный стол, покрытый бархатной скатертью. Стол ловко изгибался на поворотах, скатерть брезгливо поджимала углы, уворачиваясь от парящих в воздухе пульсаров.

В спальном крыле было потише; всеми забытый зомби, методично и печально ошпиывающий листья с некогда раскидистого фикуса, при виде меня поспешно спрятался за высокую кадку.

– Здравствуй, красна девица! – приветствовала меня Велька, отрываясь от потрепанного фолианта «Приворотные и отворотные зелья». – Ох, до чего же ты красна!

– Н-да, переборщила немного, – призналась я. – У тебя нет какого-нибудь увлажняющего бальзамчика? Плечи словно горят.

Помимо благотворного действия солнца, расцветившего кожу алыми жгучими пятнами, пребывание у озера обернулось для меня доброй сотней зудящих волдырей от комариных укусов. Велька порылась в стенном шкафчике, выбрала большую пузатую бутылку, заткнутую винной пробкой, откупорила, подозрительно понюхала и скривилась. Судя по ее лицу, травница мучительно вспоминала, что же туда налито и не станет ли у нее одной подругой меньше. Поразмыслив, Велька решила рискнуть, отдала мне бутылку и вернулась к конспектам.

– Как знания? – поинтересовалась я, пытаюсь рассмотреть содержимое бутылки на свет. Точно не поручусь, но там плавало что-то вроде дохлой крысы, невесть как пропихнутой сквозь узкое горлышко.

– Каша в голове, – честно призналась травница, перелистывая страницу, из-под которой выскользнула на кровать сушеная веточка череды. – Такое ощущение, что впервые вижу собственный конспект. А у тебя?

– И не спрашивай. – Я вытряхнула на ладонь немного бальзамчика, оказавшегося густым и прозрачно-серым, с вкраплением каких-то мелких лепестков. Как ни странно, зуд он унял мгновенно, по плечам разлился приятный холодок.

– Счастливая. У тебя экзамен через полчаса, а у меня – завтра, – позавидовала Велька.

Подобное счастье казалось мне весьма сомнительным. Едва я успела втереть в плечи последнюю порцию бальзама, как в комнате, презрев приличия, материализовались Важек, Темар и Енька. Последний держал под мышкой покорно обвисшего Барсика. Хлебная должность школьного талисмана и природная жадность обязали его слопать все дары, поднесенные адептами в преддверии экзамена, и теперь черный кот висел на Енькиной руке мертвым грузом, закатив глаза и лишь изредка шевеля хвостом, чтобы его по ошибке не выбросили на помойку. У остальных был такой затравленный вид, словно они кого-то убили и хотят всучить нам труп на хранение.

– Ну наконец-то!

– Явилась!

– Где тебя носило, рыжая?!

– Я не рыжая! – больше по привычке огрызнулась я. Как назло, с возрастом мои светло-русые волосы все сильнее отливали медью. – Я золото-тис-та-я!

– Ой-ой-ой! – передразнил Темар. – Лучше скажи – готова ли ты к героическим подвигам и великим свершениям? Увековечены ли для потомков бесценные крупницы совершенного знания, готова ли ты одарить ими страждущих или, ослепленная гордыней, откажешься протянуть руку помощи сирым и убогим?

– Ты имеешь в виду – как у меня с подготовкой к экзамену, написала ли я шпаргалки и буду ли тебе подсказывать, когда ты начнешь тонуть?

– Ясновидящая... – уважительно вздохнул Темар.

– Да подскажу, конечно, куда я денусь? Если сама что-нибудь вспомню...

– Кто бы говорил! – слаженно протянули друзья-коллеги. – Сбирайся, красна девица, на бой со злобными старцами!

– Ни пуха, ни пера! – напутствовала нас Велька.

– К лешему! – привычно откликнулась я, закрывая дверь.

* * *

«Злобные старцы» в лице бывшего аспиранта, а ныне Магистра 3-й степени Алмита (предметная магия), Магистра 2-й степени Крениана

(травоведение) и Магистра 4-й степени Родомира (стихийная магия) встретили нас очень радушно, лишний раз подтвердив мои догадки относительно заранее подписанных дипломов. Экзамен еще не начался, ждали Учителя (он же Ксан Деянир Перлов, Магистр Практической Магии 1-й степени либо просто директор Ксандр). Скопом запущенные в аудиторию, адепты первым делом бросились к столу с билетами. Переворачивали, охали, хватались за сердце, закатывали глаза, пытались как-то пометить наиболее выученные или хотя бы запомнить их расположение. Магистры только посмеивались, не делая замечаний.

Но вот, постукивая толстым ясеневым посохом, в аудиторию вошел Учитель. Посохи остальных членов комиссии мирно стояли за их креслами – они были не более чем символами, такими же, как мантии и высокие колпаки, надеваемые в особо торжественных случаях. Повсюду таскать за собой тяжеленный, инкрустированный серебром и камнями посох, даже обладающий магической силой, не стал бы самый выносливый маг. Если уж практики и пользовались дополнительными источниками силы, то предпочитали браслеты, медальоны или кольца.

Разговоры и шум тут же утихли, мы с ужасом вспомнили, что пришли на Государственный Экзамен по Магии, а комиссия неохотно расселась по местам, готовая выслушать и оценить наши скудные знания.

Первым делом Учитель отобрал у Важека шпаргалки. Потом сделал мне замечание:

– Вольха, прекрати клацать зубами! Мне страшно находиться с тобой в одной аудитории.

Я послушно стиснула челюсти. Зубы перестали клацать, задрожали ноги.

Учитель глянул на стол с билетами, сдвинул брови. Все пометки, царапины, загнутые углы исчезли, как платяные складки под раскаленным утюгом. Енька, и без того бледностью напоминавший покойника, пошел пятнами, смахивавшими на трупные. Я вздохнула, сообразив, что под вторым слева билетом в третьем ряду уже нет трех законов некромантии, теоремы Лупина-Бабкина и задачи на дематериализацию.

Удовлетворенно погладив бороду, Учитель широким жестом предложил нам тянуть билеты.

Так я и думала! Тринадцатый! Везет мне на это число, за десять лет и сорок экзаменов я вытянула ровно дюжину тринадцатых билетов! Назвав секретарше бросившийся в глаза номер, я, больше не глядя на билет, села на вторую парту в среднем ряду. Взяла из стопки несколько чистых листов с казенными печатями по углам, сняла крышечку с чернильницы,

проверила на ногте перо. И лишь тогда прочитала вопросы. Ура! Первый вопрос я знала назубок, второй поддавался воспоминанию, а третьим оказалась та самая распроклятая история развития магии. Естественно, половину дат я успела забыть напрочь, но первые в списке, благодаря Лену, так и стояли у меня перед глазами. Я быстренько перенесла их на бумагу, чтобы не растерять к моменту ответа.

Учитель встал и прошелся между рядами, беззастенчиво заглядывая в парты в поисках конспектов. Отобрал у Важека копию шпаргалки. Постоял надо мною, вглядываясь в беспорядочные каракули. Я привычно закрыла свою писанину рукой, – сколько Учитель ни ругался, я так и не смогла избавиться от этого машинального жеста. Не люблю, когда мне смотрят через плечо. На сей раз Учитель смолчал и пошел дальше.

Я огляделась по сторонам. Енька, сопя, чертил на листе схему самолетной метлы. Важек увлеченно списывал с копии копии шпаргалки.

Патологическая страсть Важека к списыванию не поддавалась объяснению. Выучив конспект наизусть, перечитав кучу основной литературы и пересмотрев гору дополнительной, он не мог удержаться от искушения исписать малюсенькие клочки бумаги одному ему понятными пиктограммами. Почти всегда его ловили, заставляли тянуть второй билет и отвечать без подготовки. Важек неизменно отвечал с блеском, безмерно удивляя экзаменаторов.

Через полчаса чьи-то нервы не выдержали, и спотыкающаяся фигура неверными шагами достигла кафедры, комкая в потных ладонях исписанный с двух сторон лист.

– Б-б-билет 7. Т-теоретические и пра... практические основы телекинеза. – Заикаясь и облизывая пересохшие губы, адепт прочитал первый вопрос и устремил наполненные предсмертной мукой глаза куда-то в потолок.

Учитель ободряюще кивнул Вандеру, перевел взгляд с отвечающего на аудиторию и с вполне понятным негодованием обнаружил лишь брошенные листы и перья. Все адепты дружно нырнули под парты.

– Эт-т-то еще что такое?! – гневно пророкотал он, стукнув посохом. – Немедленно вылезайте оттуда! Родомир, Крениан, посмотрите-ка на это безобразии!

Учитель оглянулся и вздрогнул от неожиданности. Над столами приемной комиссии сиротливо посверкивали наверхия магистерских посохов.

Неспособность Вандера к практической магии была притчей во языцах. Вся группа списывала у него домашние задания, но, когда от

Вандера требовали немедленных действий у доски, адепт терялся, нервничал и путал простейшие заклинания, представляя немалую угрозу для общества.

Учитель недовольно покачал головой, но я заметила, как он незаметно шевельнул концом посоха, создавая невидимый экран Грюнделя – рассеиватель заклинаний.

– Можно водички? – жалобно попросил адепт, подбираясь к практической части вопроса.

– Налейте воду в стакан с помощью телекинеза. Пусть это и будет вашим ответом, – посоветовал Учитель, покрепче стискивая руками посох.

Вандер кивнул, наморщил лоб и уставился на графин.

Для начала вода вскипела.

Адепт сосредоточился. Кипение прекратилось, вокруг графина намерзла корка льда. Почти тут же хрусталь разорвало, ледяная копия осталась стоять на столе, а вокруг нее в беззвучном вальсе закружилось облако стеклянной крошки.

– Достаточно, – торопливо вмешался Учитель, – следующий вопрос!

Осколки со звоном посыпались на пол. Невозмутимая секретарша унесла ледяной графин и вытерла натекшую с него лужу. Экзамен продолжался. На наше счастье, практических вопросов Вандеру больше не попало, и он, безмерно довольный окончанием экзаменационного кошмара, вприпрыжку выскочил из аудитории, хлопнув дверью.

Мы завистливо вздохнули. Я решила не тянуть с приговором и заняла опустевший стул перед кафедрой. Учитель бегло просмотрел билет, кивнул и выжидательно устремил на меня суровый взгляд из-под грозно сдвинутых бровей. На первом курсе у меня бы отнялся язык, на пятом – задрожал голос, на десятом я без колебаний ответила ему тем же. Комиссия поперхнулась плохо скрываемыми смешками, Учитель досадливо постучал костяшкой указательного пальца по столу, призывая к порядку.

Пока я отвечала на первый вопрос, архимаг не перебивал и, кажется, вовсе не слушал, изучая разложенные перед ним ведомости, и лишь изредка кивал, чтобы я не думала, будто обо мне забыли.

– Ну хорошо, – наконец сказал он, – вижу, в теории левитации ты разбираешься. Что там у тебя вторым вопросом? Психосоматическая блокада? Очень хорошо. Опустим принципы и характеристику, их любая третьекурсница знает, переходи сразу к практике. На мне.

На нем?! Заставить архимага заживо окоченеть подобно трупу, причем тот наверняка пустит в ход контрзаклинание, а то и «зеркало», отражающее чары на саму заклинательницу?

Я облизала разом пересохшие губы, живо представив, как мое онемевшее тело выносят из аудитории вместе со стулом и ставят под фикусом. Комиссия, заинтересовавшись, вынырнула из легкой бдительной дремоты, в которой Магистры привычно пережидали экзамен. Поговаривали, будто Магистр Верогор с кафедры Травников наловчился даже спать с открытыми глазами, одобрительно похрапывая на особенно долгих и нудных ответах.

Легче всего использовать для блокады универсальное заклятие Миртона, и его же не составляет особого труда отклонить в сторону. Можно попробовать пластическую формулу с семью переменными, основанную на магии стихий, но это заклинание самое капризное и непредсказуемое, требует досконального знания противника. Я испытующе посмотрела на Учителя, прикидывая, какие слабые места могут быть в его защите. Проще всего наколдовать себе увесистый ломик и зайти сзади...

Есть еще одно очень хорошее и мощное заклинание... слишком мощное даже для опытного мага. Выплетается долго и тщательно, зато позволяет вкладывать силы по частям, а не одним импульсом в конце. Очень удобная вещь, когда есть время восстановить магический резерв: сплел первую часть, отдохнул, сплел вторую – активировал и пустил в ход. Но вряд ли комиссия будет ждать сутки или пока я сбегая к ближайшему источнику силы...

А если предположить, что «зеркало» Учитель уже заготовил и оно висит между нами, ожидая моего ответа? Скорее всего, оно настроено на отражение прямого удара и незаконченное заклинание пропустит. А то, пройдя сквозь «зеркало», утянет его за собой и тем самым достроится.

Но если «зеркала» нет, не миновать мне осенней переэкзаменовки...

Я соединила кончики заметно дрожащих пальцев классической сферой, делая вид, что остановилась на Миртоне – огромный соблазн для противника поставить «зеркало», сама же мрачно, абсолютно не веря в успех, произнесла про себя совсем иные слова и на всякий случай закрыла глаза, чтобы не видеть своего позора.

Заклинание ушло, отката я не почувствовала – либо сработало, либо так и не достроилось. Ко мне, по крайней мере, не вернулось. Прошла одна томительно-бесконечная секунда. Вторая. Я рискнула приоткрыть один глаз. Учитель все с тем же испытующим прищуром смотрел на меня, чуть подавшись вперед.

Сидевший рядом Алмит недоверчиво протянул руку и помахал ею у Учителя перед носом.

Мне стало как-то не по себе. Адепты, ловя момент, бросились

списывать напропалую. Важек торжественно выудил из-за уха крохотный комочек бумаги, мгновенно разросшийся в полупудовый фолиант «Теория и практика работы с пространством», разложил его на коленях, и тот сам собой замельтешил страницами, остановившись на главе «Манипуляции размерами».

Магистры выждали для приличия пару минут, но ничего не изменилось, разве что шума в аудитории стало побольше – адепты торопливо обменивались знаниями.

– Вольха, дополнительный вопрос, – откашлявшись, сказал Крениан, – как у тебя насчет снятия психосоматической блокады?

Я жалобно посмотрела на магистра, запоздало вспомнив, что развеять наложенное мною заклятие может только сам заклинатель либо его жертва, причем у меня сил не осталось вовсе, а Учитель по каким-то причинам не торопился пускать в ход свое умение.

– Ну, сбегай в актовый зал к источнику, только быстро, – разрешил прозорливый Алмит.

Впопыхах опрокинув стул, я подорвалась с места и стрелой вылетела за дверь. На восстановление резерва у меня ушло минут пятнадцать, и к моему возвращению экзаменационная аудитория больше походила на библиотеку – на всех партах кучно и россыпью лежала вспомогательная литература, из висящего перед Темаром хрустального куба доносился чей-то гнусавый голос, диктующий восемнадцать отличий упыря от вурдалака. Комиссии было не до адептов – столпившись вокруг Учителя, они безуспешно пытались определить, что и как я с ним сделала. При виде меня магистры торопливо расселись по местам, со смущенным уважением покашливая в кулаки.

Сняв блокаду, я виновато сжалась в комок, ожидая грома и молний, но Учитель как ни в чем не бывало одобрительно хмыкнул, небрежно черкнул в ведомости и позволил себе небольшой перерыв, на пару минут выйдя из аудитории. Вопрос по истории развития магии принял на себя Алмит, прочие магистры согласно задремали.

– Так в каком же году безвременно почил многоуважаемый архимаг Капуций? – вкрадчиво поинтересовался бывший аспирант, улыбаясь в бороду.

Отлично понимая, что на тройку я уже наработала, да ниже Алмит и не поставит – слишком свежи в памяти его собственные мытарства на госэкзамене, я растеряла остатки страха и, даже не попытавшись вспомнить, нахально предположила:

– В 341 году.

– А почему так нерадостно? – полюбопытствовал магистр.
– Чему тут радоваться...
– Да уж. В 341 году архимаг был мертв неполных два столетия, – искренне посочувствовал магистр.

– Так почил-то безвременно... Откуда вы знаете, сколько бы он еще прожил?

Алмит только вздохнул, тоскливо глядя в окно, перед которым выпускал мохнатые свечи побегов старый каштан. На улице щебетали птицы, ярко светило солнце, а историю развития магии Алмит и сам толком не помнил.

Магистр с явным отвращением вернулся к экзамену.

– Вольха, последний вопрос... соберись, от него зависит твоя оценка.

Я недоверчиво глянула на преподавателя, ожидая какого-нибудь подвоха.

– Итак, вопрос... Что тебе поставить?

– Пятерку! – радостно выпалила я.

Алмит вздохнул и подписал свою ведомость. Всего ведомостей было четыре, по числу членов комиссии, и что поставили мне прочие магистры, оставалось загадкой до начала выпускного вечера.

Но никто не сомневался, что экзамен я сдала.

Глава 3

К вечеру вся Школа знала, что я заколдовала Учителя. Версий было три: либо он поддался, либо притворился, чтобы натянуть оценку любимой ученице, либо мне и вправду крупно повезло. Впрочем, прецеденты уже были – в позапрошлом году кто-то вырастил экзаменатору рога, да так успешно, что их пришлось пилить вручную; на памяти Алмита, любителя мрачных баек из жизни, невесть куда сгнула целая комиссия и нашлась только через неделю, причем где ее носило, она так и не призналась; но никому еще не удавалось посадить в лужу нашего Учителя.

К ужину я не вышла – вернувшись в комнату, тут же повалилась на кровать и заснула мертвым сном. Велька попыталась меня растолкать, но, по ее словам, легче было воскресить покойника, а уж она-то знала в этом толк. По Школе немедленно поползли слухи один другого ужасней; никто не сомневался, что я пала жертвой мести Учителя. Дальше мнения разделились: кто-то отправил меня в долгосрочную ссылку, кто-то исключил без права восстановления; самые добросердечные заперли в карцере с кухонным ножом и мешком нечищенной картошки. Особенно отличилась одна из Пифий (как позже выяснилось, экзамен она провалила с треском) – дескать, внутреннее око помогло ей узреть мой хладный труп, тайно прикопанный под каштаном.

Наутро я проснулась с тяжелой и вместе с тем пустой головой, словно наспех уложенные в нее знания с чистой совестью покинули уютную обитель сразу после экзамена. Вельки в комнате не было, в щель под дверь веяло то вареной крапивой, то трупным ядом, отчего мне сразу захотелось есть. Конечно, ни того, ни другого я бы в рот не взяла, но так обычно пахло из нашего холодильного шкафа, где помимо продуктов хранились Велькины зелья и мои домашние задания по некромантии.

Увы, шкаф не оправдал моих ожиданий – то ли Велька села на очередную диету, специально приурочив ее к отсутствию моего здорового аппетита, то ли, напротив, так усиленно набиралась сил, что выбрала все до крошки. В довершение всех бед школьную столовую закрыли до вечера, готовясь к выпускному пиру. Никто, кроме меня, по этому поводу не переживал, в Школе стояла непривычная тишина: младшие классы разъехались на каникулы, Пифии и Практики со вчерашнего вечера отмечали сдачу экзамена. Травникам же было не до того – из экзаменационной аудитории никто пока не вышел.

Я пораскинула голодными мозгами и решила позавтракать в «Ретивом бычке». Взбодрившись пригоршней воды, я оделась, зачаровала дверь, нацарапала в нижнем углу косяка ключ-руну для Вельки и, посвистывая, сбежала по лестнице на второй этаж. Но там меня поджидала засада. Учитель вынырнул из-за угла так неожиданно и бесшумно, что я едва удержалась от бесогонного экзорцизма. Отделаться простым «здравствуйте» не удалось, Учитель с присущей ему прямолинейностью цапнул меня за руку, не дав проскочить мимо:

– Вольха! Тебя-то мне и надо! Идем ко мне в кабинет.

Не успев возразить, я покорно поплелась следом за ним – вернее, за своей натянутой рукой. Амулет Лёна, защищающий от недозволенного чтения мыслей, висел у меня на шее, поднаторевший в телепатии Учитель в таком не нуждался, и мы взаимно изнывали от любопытства – что ему понадобилось?! Как она сподобилась?!

Но, как ни странно, речь пошла вовсе не об экзамене. По крайней мере сначала. Захлопнув дверь кабинета, маг кивнул мне на один из стульев, сам же прошел за стол, но садиться не стал. Встал рядом, опершись руками о потертую дубовую столешницу, и проникновенным, отеческим голосом, от которого меня мороз подрал по коже, осведомился:

– Ты уже задумывалась о своем будущем?

Я вежливо изобразила усиленную работу мысли, но преуспела лишь в жутковатом перекосе лица.

– Не паясничай, – одернул меня Учитель, привычно сдвинув брови. – Твое обучение закончено. Осталась стажировка. Где ты собираешься ее проходить?

– В Догеве, конечно! – удивилась я, озаботившись по-настоящему.

– И не мечтай, – отрезал маг.

– Это еще почему? – Я возмущенно подорвалась со стула и припечатала стол ладонями с противоположной стороны. – Разве вы не получили догевский запрос на молодого специалиста?

Учитель заметно смутился, но глаз не отвел:

– Заявки, поданные иными государствами, рассматриваются Школой в последнюю очередь и только при отсутствии внутренних вакансий.

– Зато для меня они имеют первоочередное значение! – не сдавалась я, в запале стукнув по столу кулаком. – А что? Неужели нашлись еще желающие на мои специфические услуги?

– При дворе открылась вакансия, – коротко пояснил Учитель.

– При каком еще дворе?

– При королевском, разумеется. – Маг убрал руки со стола, опасаясь,

как бы следующий удар не пришелся по его ладони. – Дорост ушел на пенсию, королю требуется новый маг.

– Ну и что?

– Я рекомендовал тебя.

– Зачем? – тоскливо спросила я, подумав, что до сих пор рекомендации Учителя играли исключительно против меня.

– Не задавай глупых вопросов. Ты – лучшая выпускница, единственная женщина на факультете Практической Магии... и довольно привлекательная, – смущенно кашлянул и тут же посерьезнел Учитель. – По-моему, просто идеальная кандидатура.

– Не менее идеальная и для Догевы. К тому же, в отличие от короля, Лёна моя «привлекательность» интересует в последнюю очередь.

– Ты так уверена? – саркастически поинтересовался Учитель и тут же дал волю праведному гневу. – Дурацкие бредни! Нормальных баб хлебом не корми, дай пофасонить при дворе, а она нос воротит! Ну какие у тебя перспективы в Догеве? Главное в нашем ремесле – создать определенную репутацию. Если магичка, нанимаясь на работу, эдак небрежно бросит: «Когда я практиковала при дворе...», работодатель подскочит от восторга. Соответственно подскочит и гонорар. А теперь представь, что в твоём трудовом свитке первым номером стоит Догева. Скажи спасибо, если отделаешься пинком под зад, а то и на кол могут посадить!

– А почему, собственно говоря, я должна искать работу, если в Догеве меня ждет постоянное место?

Учитель уставился на меня с неподдельным изумлением и ужасом:

– И ты согласна провести остаток жизни в вампирьем логове?

– Лучше их логово, чем ваш королевский двор! – вскипела я. – Сплетни, интриги, дешевые фокусы и верные яды без рецептика по его высочайшему повелению! Где приключения, которые войдут в легенды, верные друзья, знакомством с которыми можно гордиться, подвиги, о которых не стыдно рассказать детям?! Да лучше я на тракте мечом махать буду!

– Да вляпывайся в подвиги сколько хочешь! – возопил Учитель, внезапным броском отвоевывая стол. Я едва успела отпрянуть назад. – Только стажировку пройди, создай себе тыл, какую-то опору в жизни, чтобы, возвращаясь с подбитым глазом, было куда возвращаться! Чтобы не оказаться у разбитого корыта, очертя голову кинувшись за миражом! Поработай придворной магичкой, приобрети имя, сбереги монету какую, домом обзаведись, а потом совершай подвиги на здоровье!

Надо признать, в его словах была доля горькой правды. Покидая

Школу, я имела за душой диплом, двадцать кладней подъемных и лошадь, которая давалась в рассрочку.

– Лошадь без стажировки не получишь, – мстительно отрезал Учитель, верно рассчитав ход моих мыслей. – За нее казенные деньги плачены. Левитируй на метле, как последняя ведьма!

– Но это моя лошадь! – запротестовала я. Новую лошадь мне выделили год назад взамен сгнувшей в болотах Ромашки. Мышасто-серая Белка особыми достоинствами не блистала, но все лучше, чем ничего.

– Лошадь принадлежит Школе и дана тебе во временное пользование, заметь, *временное!* Ну подумай, чем плоха придворная жизнь? Почет, непыльная работенка, высокая зарплата, трехкомнатные покои по соседству с королевской опочивальней. Пройдешь стажировку и через каких-нибудь два года выкупишь свою Белку, а пока можешь...

– Два года спать по соседству с королем?! А вдруг он повадится стучать в мою дверь по ночам?

– А ты не открывай, – серьезно посоветовал Учитель. – Постучит-постучит и уйдет.

– Уйдет он, как же! Разве что за стражниками с тараном!

Я негодовала по вполне понятной причине. Третьим бедствием Белории после традиционных дураков и дорог был ее король Наум, взошедший на трон каких-то семь лет назад и за это время успевший снискать редкостную нелюбовь всего белорусского народа. Народ Науму, на его счастье, попался удивительно терпеливый и снисходительный, относясь ко всем проискам монарха как к неизбежному злу. В любом другом королевстве его давно бы отравили или, на худой конец, с позором выкинули из дворца. Едва утвердившись на троне, Наум начал свою трудовую биографию нападением на соседнее королевство – Винессу. Там ему тем более не обрадовались и дали достойный отпор. Откупившись солидным куском пограничных земель, Наум пригорюнился и повысил налоги, чтобы компенсировать потерю доходов от медных рудников (отошедших к Винессе вместе с землями). Простой люд, которому, в общем-то, все равно на кого пахать, сравнил прожиточный минимум Белории и Винессы, склонился в пользу последней и, сложив на телеги нехитрый скарб, начал потихоньку эмигрировать в Винессу, благо места там теперь хватало.

Король торопливо понизил налоги, но стало еще хуже – не зная, чего ожидать от непредсказуемого монарха и по привычке ожидая худшего, селяне повалили в Винессу целыми толпами. Экономика зашаталась, но, на счастье Наума, Стармин наводнили беженцы из Атрии, небольшого

северного королевства, где на троне восседал не менее бестолковый самодержец. Не успели они обжиться на новом месте, как уверовавший в себя Наум снова повысил налоги, и беженцы незамедлительно последовали за коренным населением. Помимо того, Наум ввел денежную реформу (вдвое обесценившую белорусский кладень), принял закон о храмовых землях (с благословения Всерадетеля, главного священнослужителя Белории, Науму объявили всеобщую анафему, провозглашаемую трижды в день во всех храмах), ввел и сразу отменил право первой брачной ночи (из-за катастрофического роста венерических заболеваний), измыслил дополнительный налог на лошадей (несчастных животных охватила эпидемия), а также совершил множество прочих, не менее славных деяний, повергших светлые умы Стармина в глубокое уныние.

Я красочно изложила Учителю честное мнение о работодателе и тут же испытала на себе все прелести психосоматической блокады. Я пальцем не могла шевельнуть, а Учитель бегал по комнате, возмущенно развевая бородой, и воздевал руки к потолку, словно призывая Высший Разум полюбоваться моей глупостью, – дескать, не может быть для магички большего счастья, чем обретаться при дворе и исполнять королевские прихоти.

– Когда ты доживешь до моих лет, то поймешь, что я желал тебе только добра!

– А если не доживу? – Мне потребовалось всего несколько секунд на деактивацию заклинания, чего Учитель никак не ожидал: осекся на полуслове и недоуменно повернулся ко мне.

– Ты так быстро справились с нейтрализацией?!

Я пристыжено кивнула.

– Но это... великолепно!

Я мрачно смотрела на Учителя, не разделяя его восторга. Чтоб ему провалиться, диплому с отличием. Будь я заурядной троечницей, уже ехала бы в Догеву, а весь педагогический состав рыдал от радости – хвала богам, избавились наконец! Так нет же, нашему самодержцу подавай товар первого сорта!

– Целых два года! – не могла успокоиться я. – Лучшие годы жизни – королю под хвост!

– Потому и лучшие, что обеспеченные, – с фальшивым оптимизмом заверил меня архимаг. – Не будет стажировки – не будет записи в дипломе. Не будет записи в дипломе – не сможешь официально считаться магичкой. С догевской записью – тем более.

– А нельзя ли как-нибудь сократить срок? Хотя бы до одного года?

– Поздно. Школа в моем лице заключила с королем контракт. Он не может быть разорван тобою.

– А вами?

Он назвал сумму неустойки. Я уважительно присвистнула. Сомнительно, что мне удастся скопить эдакие деньжищи и за пять лет подобной службы. Тем более я слышала, что честный труд оплачивается во дворце из рук вон плохо, а брать взятки за вовремя закрытые глаза мне претило.

– И когда я должна приступить к этой, прошу прощения, работе?

– С завтрашнего дня.

– Что?! – возопила я еще горестней. – А выпускной вечер?!

– Вечер же сегодня, – недоуменно сдвинул брови Учитель.

– Вот именно! А завтра будет выпускное утро!

Старый маг осуждающе покачал головой:

– Тебе что важнее – гулянка или первая настоящая работа?

– Я этой гулянки десять лет ждала! Я, может, только ради нее в Школу и поступала!

– Вот что, глупая девчонка, иди-ка ты отсюда, пока я тебя снова в первоклашку не превратил, а то и в кого похуже, – устало сказал Учитель. – Раньше надо было думать. Лекции пропускать, учиться на двойки. А теперь будь добра соответствовать званию дипломированного специалиста.

Я злобно развернулась на каблуках и почти побежала к выходу. Еще неизвестно, кто кого превратит! Эх, поспешила я с блокадой; стоять бы Учителю в музее рядом с чучелами, пылью обрастать, первокурсниц бы к нему на экскурсию водили...

– Да, еще...

Я остановилась в дверях, слишком сердитая, чтобы оглядываться.

– Насчет экзамена – я поставил тебе «отлично». Молодец. Вот уж не ожидал – с твоим-то неприятием легких путей и напрашивающихся решений! – Учитель одобрительно хмыкнул. – Я был уверен, что ты не воспользуешься Миртоном. Даже зеркала не заготовил. А зря, как оказалось.

Прежде чем я успела осмыслить это заявление, дверь захлопнулась, наподдав мне по ягодицам.

Выпускной вечер был безнадежно испорчен. Не радовала ни еда, ни впервые разрешенный хмель, ни новое серебристо-синее шелковое платье, сшитое догевскими портнихами, – прощальный подарок Лёна, повергнувший в черную зависть добрую половину выпускниц (наверное,

эта половина была недостаточно доброй). Вдохновенная и возвышенная речь Учителя, расписывающего прелести ожидающего нас трудового пути, не вызвала у меня ожидаемого энтузиазма. Воздержавшись от аплодисментов – потолок актового зала и так грозил рухнуть – я тихонько выскользнула на улицу. Стянула намозолившие туфли, прошлась голыми пятками по теплой земле, постояла у ограды, любуясь звездами и уходящей вдаль дорогой, тускло светящейся под луной.

– Грустиш-ш-шь, малыш-ш-шка? – сочувственно прошипело за спиной.

Надо мной нависла черная гора с мерцающими змеиными глазами. Дракон шевельнул кончиком хвоста, подсекая мне колени. Рассмеявшись, я шлепнулась на скользкую чешую, ухватилась за пластины склоненного набок гребня.

– Грущу?! Да я пылаю праведным гневом! Смотри, как бы у тебя хвост не расплавился!

Огнеупорный дракон только фыркнул, пристраивая голову рядом со мной. Я протянула руку и почесала мякенькую, мелкую вязь серебристых чешуек на драконьем подбородке. Рычарг довольно прижмурился.

– Вс-с-е ус-сстроится, малыш-ш-ш-ка... Что такое два года? Пус-с-стак, ос-с-собенно для вампиров и магов. Вернеш-ш-шся ты в с-с-свою Догеву, никуда она от тебя не денется...

– Если бы все было так просто! – Я вздохнула, беззастенчиво используя драконий хвост уже в качестве кушетки. – После Догевы во мне что-то сломалось, Рычарг. Зимой сидишь в комнате и думаешь: как хорошо тут, у очага, как приятно понежиться под одеялом, поболтать с подружками, прогуляться по рынку, купить что-нибудь вкусненькое... А летом хочется бежать из дома куда глаза глядят – отмахать десяток верст по пустынной дороге, посидеть на берегу озера, послушать шелест волн, вздремнуть на опушке леса... И меня совершенно не волнуют ни моя репутация, ни будущее, ни сомнительные тылы в виде дворцов. Я хочу просто идти вперед. Все равно – куда. Все равно – зачем. Лишь бы вперед. Вернуться в Догеву? Да! Но еще больше я хочу туда *возвращаться*. Возвращаться и снова уходить. А впрочем, я сама толком не знаю, чего я хочу. Наверное, это меня и тревожит...

– Ты знаеш-ш-шь, – спокойно прошипел дракон, не размыкая век, – ты с-с-сама вс-с-се прекрас-с-сно объяс-с-снила. Прос-с-сто пока не с-с-смирилась.

– С чем? – настороженно спросила я.

Дракон усмехнулся. Во тьме засветились две лукавые щелочки.

– У тебя крас-с-сивые глаза, – проворчал он, – с-с-слишком крас-с-сивые... Не бес-с-спокойся, девочка, вс-с-се будет в порядке. Из тебя выйдет прекрас-с-сный маг-практик...

– Практик, как же... – раздосадовано протянула я. – Да за два года я все навыки растеряю, упыря от зомби не отличу, кому я такая нужна буду?! Самая распоследняя ведьма погнушалась бы такой «непыльной» работенкой... Ведьма... Ведьма!!! Живем, Рычарг!

Глава 4

Это был очень важный прием. От него зависела моя дальнейшая судьба. Ничего удивительного, что я начала готовиться к нему с вечера – смочила волосы пивом, но не стала ни расчесывать, ни заплетать в косички. К утру они вздыбились жутким колтуном, скошенным влево; самая трудолюбивая корова не сумела бы зализать их до такого состояния.

На макияж (желто-серая пудра, черная помада и фиолетовые тени) ушло около часа, но я добилась-таки нездорового, трупного оттенка кожи.

Поиски подходящего к случаю костюма затянулись надолго. К счастью, у Вельки так и не дошли руки выбросить старую серую кофту, рваную и выпачканную сажей – мы прочищали ею дымоход, намотав на швабру. Вместо юбки сгодилась половая тряпка, подпоясанная веревочкой. На шею я повесила ожерелье из сушеных майских жуков (выпросила у ребят с факультета Травников), за неимением браслета нанизала на нитку мышинные черепа, а на шею кокетливо повязала набивное чучело гадюки.

Потом я посмотрелась в зеркало. Чародейки обычно возмущаются, когда их называют ведьмами, но я в моем теперешнем облике сочла бы это за комплимент. Из меня получилась до того омерзительная ведьма, что кот, дремавший на кресле, взъерошился и удрал под кровать. Мне пришлось буквально на коленях упрашивать его быть моим ассистентом. Ибо какая же ведьма без кота? Кот соглашался, что ведьма я никакая и мое общество может пагубно отразиться на его репутации порядочного крысолова. Недолго думая, я ухватила Барсика за раздраженно виляющий хвост, дернула, и кот глубоко полоснул меня четырьмя лапами сразу.

Посасывая руку и шепотом костеря несговорчивую зверюгу, я выудила из холодильного шкафа вчерашнюю отбивную и помахала ею у кота перед носом. Барсик принялся, алчно облизнулся, но с места не тронулся. Задумчиво прожевав отвергнутый продукт, я вспомнила о телекинезе, и через несколько секунд кот оказался в моих руках. Сказать, что он сдался без боя, было бы неуважением по отношению к такому славному бойцу, как наш Барсик.

Мой триумфальный выход из Школы не остался незамеченным – у ворот стоял Алмит, битый час безуспешно объяснявший роскошно одетой даме с упитанным ребенком, что ее дитя, несомненно, обладает всеми мыслимыми и немыслимыми талантами, кроме магического, а посему не может быть принято в Школу даже на платной основе. При виде ведьмы

спор прекратился сам собой.

– Кто это? – потрясение спросила дама, на всякий случай прижимая к себе гениальное дитя.

– Наша лучшая выпускница, – не менее ошеломленно брякнул Алмит. Я натянуто улыбнулась, показав вычерненные углем зубы.

Дама, не попрощавшись, подхватила ребенка на руки и бросилась наутек от сомнительных прелестей магического образования.

К дворцу я шла пешком и босиком, не слишком старательно обходя лужи. Зажатый под мышкой кот безнадежно выл на одной ноте. Редкие утренние прохожие шарахались в переулки, не решаясь разминуться с ведьмой по другой стороне узкой мостовой.

Не обрадовались мне и стражники. Скрестив дрожащие копья, они заискивающе поинтересовались целью визита. Я протянула им выписанное Учителем направление и, входя в роль, зловеще проскрежетала что-то себе под нос, потирая ладони. Копья не просто разошлись – метнулись в стороны. Под опущенными забралами гулко клацали зубы.

Я подросла как раз к завтраку – по дороге к трапезному залу мне попала только парочка служанок, одна из которых картинно упала в обморок, а вторая поспешила спрятаться за гобеленом. Вытканное на нем море реалистично взволновалось, кораблик взлетел на гребень волны. У дверей в зал тоже стояла стража, но я, не останавливаясь, взглядом распахнула двери и прошествовала мимо остолбеневших караульных.

Его величество восседал во главе стола на помеси стула с тронном – высокая, роскошная спинка с россыпью сапфиров по краю и довольно простенькое сиденье, даже без подлокотников. Маленькие Наумовы глазки сально щурились, высокая корона успешно маскировала плешь с начесанными с боков волосами. Алая, в золотых лилиях, мантия свесилась на пол. Тяжелая, наверно, бархатная. Сзади, по обе стороны царского седалища, стояли фаворитки – блондинка и жгучая брюнетка, нежно улыбающиеся Наумовому затылку. Я сначала решила, что их ограбили на большой дороге, но потом поняла, что практическое отсутствие материи на соблазнительных телесах – нормальное явление. Материи не просто было мало. Она, по-видимому, сползла, прикрывая абсолютно неинтересные части тела, а то, что прикрывают на пляже, было выставлено на всеобщее обозрение за вычетом пары клочков и трех веревочек. Слева от короля, поджав губки, – невероятно прямо, словно посаженная на кол, – сидела королева Вероника, законная супруга Наума, девица кукольной красоты. Светлый кучерявый парик венчала сапфировая диадема. Невыразительные

голубые глаза равнодушно скользили по хитрым лицам придворных, выстроившихся вдоль стен в ожидании сигнала к началу пиршества. На руках у ее величества дремал серебристо-серый мопсик со сморщенной лупоглазой мордочкой. Вернее, мопсик дремал, пока я не вошла. Тут уж ему стало не до сновидений. Рванувшись из рук, песик жабой плюхнулся на пол и укрылся под стулом Наума, задрапированным свисающей мантией.

Брови короля поднимались, как разводной мост, пока не приняли практически вертикальное положение. Шушуканье придворных стихло.

Я сделала кривой реверанс. Кот инстинктивно впился когтями в плечо, и я трудом удержалась от нецензурного вопля, горько пожалев, что не подыскала менее тяжеловесного спутника – скажем, грача. Грачи тоже неплохо смотрятся на плечах у ведьм, их часто принимают за воронов (те гораздо крупнее), а хриплое унылое карканье добавляет имиджу зловещей таинственности. К сожалению, при моем приближении не только грачи, но и куда более морально устойчивые галки разлетались с воплями и не оглядываясь.

Кот решил реабилитироваться, раззявил зубастую пасть и гнусаво мяукнул. Придворные со стоном отшатнулись, королева Вероника заслонила веером. («Все-таки кот – тоже ничего», – злорадно подумала я.) Высказавшись, Барсик спрыгнул на пол и важно продефилировал к столу. Люди торопливо расступались, давая ему дорогу. Из-под стула боязливо зарычал мопсик. Постояв у трона и посветив на Наума глазами, кот легко взвился на стол и с урчанием вцепился зубами в крыло огромного печеного гуся.

– Ну здрасте, ваш-личество, – сказала я, почесав затылок и внимательно оглядев желтые накладные ногти. Обнаружив, что там что-то застряло, я сощелкнула пойманное на пол (шаровая молния, пущенная накатом, не произвела бы большего эффекта), вальяжно отодвинула стул (с которого спешно бежал первый министр), плюхнулась рядом с королем, закинула ногу за ногу и ущипнула фаворитку. Закаленная придворной жизнью, блондинка, не пискнув, страдальчески закусила губки.

– Я тут... это... с шабаша маленько... Мутит меня, – пояснила я, ударом кулака по днищу раскупоривая ближайшую бутылку. Вино оказалось сладким и крепким. Икнув, я наклонилась к королю и щедро наполнила его кубок из отпитой бутылки. – Ну что, ваше величество, выпьем за плодотворное сотрудничество? В наше время королю без мага ну никак, всюду враги!

Размашисто чокнувшись бутылкой о кубок – вино плеснуло на стол и тонкой струйкой потекло королю на колени – я отпила еще немного,

демонстративно побулькав воздухом в горлышке. Кот сосредоточенно давился гусем, издавая хрипящие и хрустящие звуки.

– Ну, кто тут нас не уважает? – Я обвела придворных пронзительным взглядом, потом с трех вершков уставилась в глаза Науму. Король честно попытался изобразить безграничное уважение и искреннюю радость от моего присутствия на трапезе. Я подумала – не потрепать ли мне по щечке королеву, но решила не перегибать палку. С женщинами, как известно, лучше не связываться, ее не волнует – сумеют ли десять стражников по королевскому приказу поднять на пики нахальную ведьму, прежде чем она превратит их в лягушек и тараканов. Я-то знала: еще как сумеют, но трусоватый король не хотел рисковать своей венценосной головушкой, равно как и портить отношения с Ковеном Магов.

Но тут я заметила, что под веером королевы подрагивает улыбка. Ее высочество прекрасно разобралась в ситуации и теперь злорадно упивалась замешательством благоверного (по слухам – не слишком благоверного; можно даже сказать, благоневверного). Вероника подмигнула мне и еще глубже уткнулась в веер.

С трудом подавив ответное моргание, я как дипломированная ведьма попыталась произвести на короля как можно более «благоприятное» впечатление:

– У меня есть дивные яды, – громоподобно прошептала я в оттопыренное монаршее ухо, – мгновенные и замедленного действия. Одна капля – и спустя месяц ваш ничего не подозревающий враг скончается в жутких конвульсиях...

Придворные оживились. Кое-кто начал выразительно перемигиваться с соседями, некоторые побледнели и закашлялись, отодвигая кубки.

Король заметно пригорюнился. На помощь ему пришел министр обороны, горевший желанием записать мага-практика в ряды храбрых защитников отечества:

– Скажите, Вольха, у вас есть опыт работы по специальности?

Я скромно потупилась:

– Да так, по мелочи: прикончила двух архимагов, разорвала на куски с полсотни зомби, уничтожила валдачий город и несколько месяцев стажировалась в Догеве.

– Д-д-догеве?! – Король залпом выхлебнул содержимое кубка. – А как же вампиры? Они вас не тронули?

– Что вы, – притворно возмутилась я, – они были сама доброта! Вам не следует придавать значение глупой сплетне, будто с тех пор я иногда брожу по ночам с окровавленным топором в руках. Лично я ничего такого не

помню.

Министр побледнел и прекратил расспросы, задумавшись, нельзя ли как-нибудь пополнить мною гарнизон вероятного противника.

– А вы умеете готовить гламарию? – застенчиво прошептала хорошенькая девица на противоположном конце стола. Вот уж кто не нуждался в искусственных стимуляторах красоты, разве что она успела намазаться ими перед ужином.

– Конечно, – с достоинством ответила я, кокетливо поправляя «локон», – я сама ею регулярно пользуюсь.

– А предсказывать будущее? – брюзгливым голосом осведомилась сухопарая дама с крючковатым носом.

– По тухлым крысам, теплomu драконьему помету и человеческим внутренностям, в присутствии заказчика, – с готовностью перечислила я. – Могу также сварить приворотное зелье или эликсир молодости с гарантией восемьдесят процентов.

Престарелые сластолюбцы оживились.

– Двадцать – на летальный исход, – мстительно добавила я.

Заказов на любистоки так и не поступило. Больше меня ни о чем не спрашивали и, торопливо закончив так толком и не начатый завтрак, со всеми почестями выпроводили из дворца. Кота и того вынесли на бархатной подушке с кистями. Мне пришлось тащить его обратно на руках – ссаженный на землю, мерзавец горестно орал мне вслед, не трогаясь с места. Судя по форме и размерам пуза, Барсик проглотил гуся целиком и теперь с трудом доставал лапами до земли.

Вторично распугав прохожих, мы в обнимку с котом вернулись в Школу. Дракон долго и боязливо разглядывал нас из-за забора, потом узнал и с дымным воем ополз по стене. Проходя мимо, я мрачно погрозила ему кулаком, но бессовестный гад продолжал рыдать от смеха, катаясь по земле.

Сброшенный на кресло кот там же и уснул, храпя и подергивая задранными вверх лапами. Сорвав тряпки и швырнув их в радостно полыхнувший камин, я с наслаждением окунула голову в ведро с водой. Макушку обожгло холодом, зато проклятый колтун прекратил чесаться, а пудра – щипать кожу.

Только я успела высохнуть и уложить волосы, как меня вызвали к воротам, и королевский курьер под роспись вручил мне опутанный веревочками пакет с еще теплой печатью. У крыльца сбились в кучку перепуганные, только что принятые в Школу малыши, с открытыми ртами глазевшие на меня снизу вверх. Я криво улыбнулась и прошла мимо, с

горечью ощутив себя гостьей в родном доме. Завтра в нашей комнате поселятся две незнакомые девочки, со стен исчезнут лубочные картинки (Велькина коллекция знаменитых магов-практиков, увековеченных в момент очередного подвига; по мне, все они были на одно лицо, причем какое-то перекошенное), со стульев – мои разбросанные вещи, а на столе воцарится возмутительный порядок. И, главное, не забыть бы выкинуть из холодильного шкафа голову кикиморы, иначе кто-нибудь из малышек останется заикой на всю жизнь.

Я сломала печать, распотрошила пакет и злорадно хмыкнула. В конверте, помимо трудового свитка на гербовой бумаге, лежал мой диплом и десяток изумрудов размером с горошину – королевская неустойка. Я бегло просмотрела каллиграфическую вязь дворцового писца.

*Первое место работы: Стармин, придворный маг.
Работала с 7 по 8 траворода 1001 года. Нареканий не имела.*

Конечно, не имела. Кто осмелится жаловаться на ведьму?

Самое смешное – я не солгала ни слова. Можно гадать на ромашках, а можно и на крысах. Да и любистоки разные бывают, я честно предложила самый действенный. Ну, не хотят – не надо. Пристроившись на краешке стола, я написала друзьям прощальную записку, положила сверху несколько изумрудов – по камешку на каждого. Велька, конечно, расстроится и обидится, но что поделать – расстроенный Учитель куда страшнее, а он узнает о «ведьме» с минуты на минуту.

Из вещей я отобрала только самое необходимое. Меч, выпускное платье, дорожную одежду и горсть памятных безделушек вроде наговоренной монетки, неизменно выпадавшей Наумом вверх, забавно перекрученного, связавшегося узелком дубового корешка (Велька уверяла, будто он отводит глаза нечисти) и прочих мелких амулетов. Защелкнула на запястье агатовый браслет-накопитель, набила сумку снадобьями в мешочках и склянках, без зазрения совести позаимствовав оные у подруги. Ничего, она еще засушит-наварит, а мне нескоро удастся пополнить запас. Маги-практики редко занимаются изготовлением эликсиров, обычно используют покупные.

Вышло две увесистые сумки, которые я отнесла на конюшню. Дракон вольготно разлегся у ее порога, встретив меня сочувственным хмыканьем:

– Не прис-с-сядешь на дорожку, выпуск-с-скница?

Я только вздохнула, перешагивая через хвост. Быстро взнуздала

кобылу, навьючила и вывела во двор. Белка подозрительно покосилась на дракона, тот с сожалением облизнулся.

– Извини, но мне даже некогда толком попроситься.

– Нас-с-стоящие друз-з-зья не нуждаются в проводах, – хмыкнул дракон, – они вс-с-егда с тобой, даже ес-с-сли не прос-с-ишь. Я не з-з-за тем приш-ш-шел. Глянь с-с-сюда, малыш-ш-шка.

Я обернулась. На кончике протянутого ко мне когтя висело тонкое серебряное колечко ажурного плетения. Пляшущих по нему бликов было многовато для простого украшения.

– Артефакт или амулет? – деловито поинтересовалась я. Артефакт – предмет, необычный сам по себе, эдакий сгусток магии, исчезающий вместе с ней, заговорить же можно любую побрякушку – от комаров, насморка или сглаза. Как правило, одноразово.

– Не з-з-знаю, – задумчиво прошипел дракон, – предыдущий владелец не ус-с-спел мне это рас-с-ска-зять... с-с-собс-с-ственно говоря, он приходил не рас-с-сговаривать... ужас-с-сно невкус-с-сный оказался, м-да... Возьми, это тебе. Там рас-с-сбереш-ш-шься, что к чему.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, примеряя кольцо на средний палец. Оно показалось мне великоватым, но не спадало. Дракон одобрительно кивнул, подскочил и расправил крылья. Лошадь испуганно заржала, пятясь, я рукой прикрыла глаза от пыли.

– Удачи на тракте, ведьма! – крикнул Рычарг, по спирали набирая высоту. – Эге, да на ш-ш-школьные з-з-земли з-з-забрела чужая корова! Тряхнуть, что ли, с-с-старинной?

Осталось самое неприятное, но неизбежное. Оставив кобылу за воротами, я вернулась в Школу, взбежала по лестнице на второй этаж, рывком распахнула дверь.

– В чем дело? – поднял глаза Учитель, держа перо вертикально над чернильницей. На раздвоенном кончике набухла капля.

– Я покупаю лошадь, – с ходу выпалила я, разжимая кулак. Изумруды зелеными льдинками просыпались на стол, раскатились в стороны.

Перо выскользнуло из пальцев, забрызгав пергамент.

– Откуда у тебя деньги?

– Я продала свою хорошую репутацию, – безалаберно заявила я. – И сию секунду уезжаю в Догеву.

– С ума девка сошла! Что произошло?

– Скоро узнаете, – пообещала я. – До свидания, Учитель. Я вас обожаю!

Прежде чем он успел опомниться, я бестолково чмокнула его в щеку,

перегнувшись через стол, оттолкнула и убежала, хлопнув дверью.

– А неустойка?! – крикнул старый маг мне вслед, но возвращаться и объяснять, что неустойку выплатил король, не стоило. Учитель в гневе страшен.

Белка, оседланная и привязанная за школьной стеной, била копытом. Вряд ли мне удалось бы вывести ее из конюшни после «прощания» с Учителем. Осознавая важность момента, лошадь гарцевала, как необъезженная трехлетка. Хоп! Я в седле. Прощай, Стармин! Стой, паршивка, я еще не подобрала поводья!

Глава 5

Выехав за город, я придержала лошадь, вытащила из сумки карту Белории и задумчиво склонилась над тонкой вязью дорог, рек и селений. Торопиться в Догеву не имело особого смысла. Переговоры с арлисскими послами могли затянуться на неделю, так что Лёну все равно пока будет не до меня.

Свернув карту, я неторопливо потрусилась вдоль городского вала, решив выехать из Стармина по тракту, ведущему к Чернотравной Куще. Я собиралась навестить добродушного Травника, грубоватого Кузьмая и нашу общую любимицу, рыжую мантихору Маньку, а заодно попробовать изловить Ромашку. Продав одну из лошадей, я разжилась бы деньгами на первое время.

Я в последний раз обернулась на Стармин и, подчиняясь внезапному порыву, помахала рукой крышам домиков, шпилью дворца и башенкам Школы.

У меня было предчувствие, что увижу я их еще очень и очень нескоро.

Дорога в Кущу, казалось, была заколдована. Как и в прошлый раз, погода резко испортилась, небо затянуло серой косматой мглой, из которой сначала редко и мелко, а потом обильно и уверенно посыпались крупные капли. Дождь лил весь день и большую часть ночи, лишь к рассвету немного истощив тучи, – в них образовались тусклые белые прорывы, чередующиеся с черными горбами. Наученная горьким опытом, я захватила с собой столько еды с праздничного выпускного стола, что хватило бы троим на неделю. А вот о фураже не позаботилась. Белка с явной неохотой жевала мокрую траву, отказываясь от обгрызенных мною хлебных корок. Седло натерло ей спину, непривычная к дальним переходам кобыла постоянно спотыкалась на неровной проселочной дороге, где-то успев потерять левую переднюю подкову. Промокшая насквозь, ссутулившаяся, лошадь казалась жалкой заморенной клячей. Я решила избавиться от нее при первой возможности. Ромашка, при всех недостатках ее характера, куда больше годилась на роль верной спутницы странствующей ведьмы.

Ночью Белка подстроила мне очередную и последнюю пакость в своей жизни.

Ее съели волки.

Разобравшись в следах, я была просто потрясена глупостью кобылы.

Стоило мне уснуть, как стреноженная Белка невесть зачем углубилась в лесную чащу и долго блуждала там без определенной цели, пока не свалилась в овраг, где то ли свернула шею, то ли терпеливо дождалась двух тощих, облезлых и потрепанных суровой зимой волков, при виде меня пристыжено шмыгнувших в кусты. Бедные звери изумились нежданной добыче не меньше меня. Вознеся хвалу невесть с чего расщедрившимся богам, они торопливо разделали кобылу, разволокли ноги и ливер по кустам и норам, лишь затем приступив непосредственно к трапезе.

Естественно, столь нелепая смерть не заслуживала ни единого доброго слова. Тоскливые желтые глаза неотрывно следили за мною из частого малинника, горя желанием продолжить пиршество. Обуреваемые голодом, волки погрызли даже седло, так что на память от кобылы мне осталась только узда.

К счастью, до Чернотравной Кущи осталось меньше часа езды; я преодолела это расстояние за полдня, сгибаясь под тяжестью двух сумок – с едой и вещами. К обеду мне удалось разыскать домик отшельника – добротнo сработанный скит в холме, выложенный изнутри толстыми бревнами, с выведенной вбок трубой и парой круглых окошек. На холме рос раскидистый ясень, чья серебристая листва резко контрастировала с темной зеленью окрестных дубов.

Пожилой Магистр развалился в кресле-качалке у входа в скит, покуривая длинную трубку с душистым травяным сбором, не имевшим ничего общего с вонючим табаком гномов. Качалка мерно поскрипывала. Кузьмай, в поте лица половший лебеду на маленьком огороженном участке с ровными рядами грядок, изредка разгибался, перебрасывал пучки сорной травы через забор и укоризненно поглядывал на Учителя, выразительно потирая ноющую поясницу. Магистр добродушно улыбался и кивал прилежному ученику, всем своим видом являя картину полного умиротворения и удовлетворения жизнью.

Первой мою мрачную, сгорбленную фигуру заметила Манька, дремавшая в лопухах у забора. Радостно взвизгнув, она сорвалась с места, перепрыгнула через качалку, заставив опешившего Магистра выронить трубку, в три скачка настигла меня и повалила на землю, виляя хвостом и тычась в лицо холодным носом. В порыве чувств она даже лизнула меня в ухо, размазывая дорожную пыль, замешенную на поте.

Кузьмай охотно воспользовался поводом прервать ковыряние в грядках. Аккуратно притворив за собой калиточку (к огромному разочарованию бродивших по полянке кур, бросавших алчные взгляды на свежевзрыхленную гряду), ученик Травника привычно отпихнул ногой

ластившуюся мантихору и принял у меня тяжелые сумки. Я вздохнула с облегчением, потягиваясь и разминая плечи.

Поздоровавшись и в двух словах объяснив цель своего визита, я смущенно приняла поздравления Магистра Травника в связи с окончанием Школы и автоматическим вступлением в Ковен Магов. Кузьмай завистливо шмыгал носом. Ему предстояло сдавать выпускные экзамены в следующем году, экстерном, и учитель немилосердно заставлял его штудировать и повторять обязательный школьный курс.

– Как там моя Ромашка? – спросила я, немного отдышавшись. – Не перестала стяжать славу белого призрака?

– Какое там! – хохотнул Кузьмай. – Осенью бабы за клюквой на болото ходили, так она чего удумала – стоит на тропе и никого мимо не пускает, пока кусок хлеба или сладости какой не поднесут. Правда, ежели которая баба заблудится и аукать начнет, лошадь к ней является и на тропу выводит. Некоторые даже голос ейный добрый и ласковый слышали, а то и вовсе чудеса бают – дескать, как холостого мужика завидит, так красной девкой оборачивается и жалостно так смотрит, что прям устоять нет никакой мочи.

Кузьмай подумал, почесал в затылке и добавил:

– По правде говоря, те героини и до девкиного голоса не шибко на ногах стояли – разило от них, как из кадушки с брагой...

– Кузьмай, прекращай свои дурацкие рассказы, – перебил Травник. – Разве ты не видишь: наша гостья устала и наверняка проголодалась. Иди, накрывай на стол.

Ученик неохотно повиновался. Манька вприпрыжку побежала за ним, подобострастно заглядывая ему в глаза.

– Ты ему только волю дай – дни напролет будет байки травить. – Магистр осуждающе, но беззлобно покачал седой головой. – Присаживайтесь, Вольха. Куда вас распределили?

– В Догеву, главным магом-консультантом, – солгала я.

Очевидно, с той же вероятностью меня могли распределить в преисподнюю главным некромантом-технологом. Глаза Травника полезли на лоб и не долезли самую малость.

– Н-да, – растерянно откашлялся он, – в мою бытность завучем даже назначение в близлежащие к Догеве и Арлиссу города расценивалось как величайшее несчастье, им пугали отъявленных прогульщиков и шалопаев.

– Выходит, поделом мне, – рассмеялась я. – Впрочем, после двух лет общения с вампирами у них вряд ли остался шанс испугать или удивить меня. Так что неизвестно, кому не повезло больше.

– Не скажите, – усмехнулся старый маг, старательно пряча

беспокойство в уголках глаз, – в таком случае, полагаю, вас поставили в известность насчет... э-э-э... обряда?

– Какого именно? – насторожилась я.

– Того самого. – Травник так старательно двигал бровями и подмигивал, что мне стало неловко. – Ну, который того... этого...

– Ритуального распития штатного мага в первую ночь второго осеннего новолуния?

Не обнаружив на моем лице и тени понимания, маг прекратил намеки и вздохнул:

– В таком случае вам предстоит серьезный разговор с Повелителем. Столь высокая должность обяжет вас сопровождать его... повсюду, а это не всякий выдержит. Человек, по крайней мере.

Я и впрямь не выдержала:

– Если я и так скоро все узнаю, почему бы вам ни высказаться чуть-чуть попонятнее?

– Не могу, – извиняюще развел руками маг. – Во-первых, я давал клятву вместе с твоим Учителем, а во-вторых, мы сами ничего толком не знаем.

Наша беседа была прервана Кузьмаем. Дюжий парень, по-медвежьки переваливаясь, тащил в охапке тяжеленный дубовый стол.

– В комнате уж больно душно, – пропыхтел он, с размаху брякнув перед нами столом. – И травами разит, аж голова кругом пошла, а эта морда рыжая моим минутным затмением воспользовалась и сыр надъела, во!

Кузьмай возмущенно продемонстрировал выгрызенный полумесяцем сыр. Мантихора, тихо мяукнув, подбежала к креслу и уткнулась мордой в колени Травника. Старик ласково почесал ее за ухом.

– Ты, прежде чем на Маню наушничать, губы-то оботри – все в крошках.

Ученик облизнулся, заливаясь густой краской.

– Ну, это я того... по дороге попробовал самую малость – вы ж все равно опосля этой твари есть побрезгуете. Не пропадать же добру!

– Надеюсь, больше ничего не пропадет? – с усмешкой поинтересовался старый маг.

– Ни-ни! – клятвенно заверил ученик, для пущей важности погрозив Маньке кулаком. Мантихора привычно зашипела на него сквозь пышные усы.

– Вот уж парочка – не разлей вода, – тихим посмеивающимся шепотом сообщил маг, когда Кузьмай снова скрылся в доме. – Куда Кузя – туда и

Маня. На охоту вместе ходят, Кузьмай уток из арбалета бьет, а она приносит... изредка. Ну да все лучше собаки – у той упадет птица в трясины, и поминай как звали, а Маня на лету ловит.

Мантихора тем временем уместилась на коленях Травника, свесив лапы по обе стороны кресла. Пригrelась и басисто замурлыкала, рефлекторно выпуская и втягивая черные когти. Маг шутливо подергал ее за кисточки на ушах, кашлянул и сменил тему:

– Вольха, я хочу попросить вас об услуге. С деньгами, к сожалению, у меня не густо...

– О чем речь, – я возмущенно поморщилась, – а что случилось?

Передо мной звучно плюхнулось блюдо с жареной курицей, воздевшей к небу окорочка. В Манькином мурлыканье появились алчные нотки, и Травник предусмотрительно спихнул ее на землю.

– На болоте снова начали пропадать люди. По одному, двое...

– Днем, ночью? – Я мысленно перебрала в памяти болотных чудищ. Ночных среди них было больше, а связываться с ними хотелось меньше.

– Хватались их обычно поздним вечером... или ранним утром, когда все добропорядочные селяне возвращаются из кустов при корчме.

Кузьмай вручил мне толстый, неровно отрезанный ломоть хлеба и сел рядышком, на прикаченном от поленницы чурбачке. Не успели мы приступить к еде, как тучи опомнились, и хлынул ливень. Ясеновую крону, укрепленную закливанием, он не пробивал, частыми каплями осыпаясь с краев лиственного шатра.

– Ежели живоглот днем и шастает, сегодня нипочем чем не вылезет, – проворчал Кузьмай с набитым ртом, – ишь зарядило. Хоть бы трясины из берегов не вышла, и без того ее паводком вздуло.

– Кто-кто? – со смешком переспросила я.

– Живоглот, – без тени улыбки повторил Травник, – по крайней мере, так его прозвали местные.

– Полагаю, за привычку глотать живьем?

– Именно.

– Да у вас не болото, а одна сплошная байка! – не удержалась я. – Если все свидетели проглочены, откуда они знают про чудище? Зима выдалась снежная, по весне трясины разъезла тропы, вот вам и живоглот... Вы-то сами в него верите?

Травник молча кивнул на дубовый комель возле скита. Кузьмай ссек и порубил на дрова ветки, а неподъемный ствол мантихора облюбовала для ежедневной заточки когтей. Но недавно им воспользовался кто-то еще, втрое глубже распахав крепкую дубовую древесину.

– Я не знаю, что за гость навестил нас прошлой ночью, но Манька учуяла его сквозь стены и забилась под лавку, подвывая от страха. Увы, мы оказались недостаточно храбры для более близкого знакомства...

Я тоже не ощутила прилива трудового энтузиазма. Но признаваться не стала.

– В дом оно не полезло?

– Поскреблось в дверь, но я зажег веточку зверобоя, и все стихло.

– Еще бы! – буркнул Кузьмай, расставлявший по столу миски. – Не веточку, а пук, уж завоняло так завоняло, изо всех щелей дым повалил, еле прокашлялись!

– Ты же сам подсовывал, причем что ни попадя! – вознегодовал Магистр. – Половину запасов из-за тебя, дурня, извели!

– Выходит, там был не один зверобой? Вы не могли бы припомнить, что именно? – перебила я.

Зверобой неплохо отпугивал кикимор, пижма – мелких болотных нетопырей-кровососов, заодно и комаров, чемерицу недолюбливали вурдалаки. Но кикимора, костлявое созданище в рост гнома, представляла угрозу только для собак и маленьких детей, к тому же не поедала жертв, а душила и бросала на месте. В ловчие стаи кикиморы сбивались редко, лишь в особо суровые зимы, когда бочаги промерзали до дна.

Запинаясь и поддакивая друг другу, травники начали перечислять. Чего там только не было! Ромашка, вороний глаз, жгучая болотный, вереск, двуцветник, птичий ячмень, камнеломка... Похоже, им удалось обратить в бегство всю окрестную нечисть, а также птиц, зверей и ползучих гадов.

– И много человек пропало?

– За два месяца – шестеро.

– Пятеро, – поправил Кузьмай, – Ламоня у свояка заночевал, вернулся к обеду. Ох, и отходила его жена кочергой, пуще живоглота! Брехал, поди, что у свояка, тот губ не помадит...

Маловато для плотоядной нежити, особенно если человек ей на один заглот. Стрекотун? Малый тинник? Эти способны схоронить тело в трясине и глотать его пару недель, но они в основном падальщики, предпочитают заболоченные кладбища. Я задумчиво обгрызла куриное крыло, кинула изнывающей Маньке. А если он не один? Какой-нибудь когтистый упыришка промышляет людей ради крови и скребется в двери по ночам, а тела достаются нечисти помельче.

– Ладно, – решила я, – устроим на него засаду возле избушки. Хорошо бы поросенка к дереву привязать, да повизгливее. Сможете

раздобыть?

Кузьмай задумчиво поскреб макушку, просиял и кивнул.

– Имеется в виду купить, – многозначительно уточнил старый маг.

Ученик приуныл.

– Ладно, – проворчал он, – доем и схожу в деревню.

– И хотелось бы все-таки поймать мою лошадь, – добавила я. – Как ты думаешь, нам удастся застать ее врасплох на ночлеге?

– Лучше на водопое, – поразмыслив, ответил Кузьмай. – Болотную жижу она не пьет, бегает к роднику. Тут криничка неподалеку, срубом обнесенная. Сруб-то за годы наполовину в землю врос, днем селяне воду выбирают, а под вечер она высокононько стоит, как раз кобыле дотянуться. Вот из деревни вернусь, и сходим.

Дождь утих так же внезапно, как и начался, но искать живоглота по колено в грязи мне что-то не хотелось. Я осталась в ските с Травником ждать обещанного поросенка, от нечего делать разглядывая книги на полках. На самом видном месте, разумеется, стояли замусоленные фолианты по травоведению, нижние полки были отведены для иных разделов магии, на верхних усердно копили пыль свитки. Я присела на корточки и пробежалась пальцем по корешкам. Некоторые из них коротко вспыхивали, давая понять, что книга дастся в руки не каждому – чужаку способна плюнуть в лицо огнем или вовсе не открыться. В самом углу стоял ветхий справочник по неестественности, по которому, наверное, обучался сам Травник и который с тех пор не открывал. Рисунки в нем были наивные, схематичные, боевые заклинания перемежались суеверными указаниями вроде «поплевать через левое плечо». Я фыркнула, представив себе озадаченную морду упыря, когда я, вместо того чтобы треснуть его мечом промеж глаз, начну старательно отплеиваться.

Поймав спиной испытующий взгляд, я захлопнула книгу и обернулась. Магистр задумчиво откинулся на спинку кресла, пыхая трубкой. Дымок, как живой, цельно струился к печи и выскальзывал через трубу, не оставляя запаха.

– Вольха, скажите, – помолчав, спросил он, – вы не теряли в Догеве сознания? Не было головокружения, тошноты, чувства, будто проспали сутки?

– Нет, и укусов на шее тоже не замечала, – ехидно добавила я.

– Я не имел в виду, что они вас кусали, – мягко сказал архимаг, – но существуют иные... способы воздействия.

– Повторяю: нет!

– Как скажете, – уверенности в его голосе не было. – А когда вы в последний раз болели?

– Магистр, либо вы рассказываете все без утайки, либо перестаете задавать глупые вопросы.

Травник огорченно развел руками: мол, умолкаю. Я прикусила губу, но допытываться не стала.

О возвращении Кузьмая мы узнали задолго до его появления на опушке, по громкой ругани и невнятным блеющим звукам. Ученик тащил на веревке пегого козла с обломанным левым рогом, лохматого и пучеглазого. Козел упирался, Кузьмай настаивал.

– Во, – угрюмо буркнул он, – насилу приволок. Пущай теперь живоглот с ним мучается!

Я приняхалась и поспешно зажала нос. Мягко говоря, от козла разило. Крепко – смердело до невольной исторгнутой слезы.

– А что, – осторожно прогнусавила я, – поросята кончились?

Кузьмай, и сам не уверенный в равноценности замены, начал оправдываться:

– Молочных ни у кого нет, а за подсвинков такую цену заломили, что козел дешевле обошелся!

– А может, тебе еще и приплатили, чтобы ты его забрал? – вкрадчиво поинтересовался Травник.

Кузьмай обиделся:

– Два кладня отдал, и то битый час торговался! Поросяток – тьфу, не будет живоглот на него размениваться, а козел – он большой, его издали видать...

– Насчет него и слепой не ошибется, – поддакнула я. Козел нагнул голову и мстительно боднул Кузьмая пониже пояса. – Что ж, привяжи у скита. Будем надеяться, у живоглота насморк...

Глава 6

Как показала практика, козла следовало привязать подальше. Лучше всего – на другом краю болота. За день он успел перебодать меня, Травника и двух робких мужичков, заглянувших к отшельнику за снадобьем от чирьев. Манька и та обходила его стороной, недовольно отфыркиваясь. Блеял он исправно, громко и гнусаво, так что все окрестные живоглоты с нетерпением ожидали ночи, дабы с наслаждением придушить мерзкую тварь. К вонимы притерпелись, но когда козел со всей дури принимался таранить ствол за неимением иного противника, от грохота закладывало уши. Я едва дождалась вечера, чтобы отправиться с Кузьмаем к роднику.

Парень не соврал, в сумерках Ромашка прискакала на водопой. Развевая гривой в легком галопе, она плыла над трясиной как привидение. За ней бесшумно летела черная тень, то бок о бок, то обгоняя, то отставая на корпус.

Я протерла глаза.

Две лошади, белая и черная, мчались по открытому пространству болота вдоль горизонта.

Я ничего не понимала. Ну ладно, Ромашка еще пользуется современными достижениями магии, а как скользит над трясиной вторая? И откуда она там взялась? Здоровенная какая, наверное, жеребец?

– Кобыла. – Кузьмай, не подозревая, ответил на занимавший меня вопрос. – Совсем молодая, однолетка, но рослая, не иначе как в отца пошла. Прошлой весной я ее первый раз заметил, совсем еще жеребенком была, но от матери не отставала. Я-то думал – кобыла недавно ожеребилась, жеребенок крохотный, догоню. Куда там! Задрали хвосты, ровно кошки дикие, да ка-ак припустят поперек трясины! Белая прямо по бочагам, жеребенок – с кочки на кочку. На козе еще догнал бы, а так...

Парень безнадежно махнул рукой. Лошади, словно подчиняясь его жесту, остановились и повернулись к нам.

– Ромашка! – позвала я. – Иди сюда, девочка!

Держи карман шире! При звуке печально знакомого голоса белая лошадь подскочила, как ошпаренная, и помчалась прочь, не оглядываясь.

Черная осталась на месте, с интересом разглядывая чужаков.

– Давай попробуем к ней подойти, – предложила я.

Кузьмай только рассмеялся:

– Думаешь, подпустит на расстояние вытянутой руки?

– Хоть рассмотрю ее поближе. – Я неторопливо, стараясь не делать резких движений, пошла навстречу кобыле. Кузьмай, напротив, присел на пенек, скрестив руки на груди, – видимо, хотел насладиться веселым зрелищем погони человека за лошастью.

Как ни странно, та не выказывала ни малейших признаков испуга. Изящное воплощение любопытства – от кончиков настороженных ушей до вздернутого хвоста – кобылка застыла как изваяние, готовая в любой момент сорваться с места. Чуть раскосые глаза с вертикальными зрачками переливались всеми оттенками желтого, как кусочки янтаря на залитом солнцем пляже. Я почтительно остановилась на расстоянии десяти локтей, опасаясь спугнуть лошадь и размышляя, что делать дальше. Для Ромашки я захватила горсть подсоленных сухариков и теперь машинально перебирала их в кармане, не осмеливаясь предложить дикой кобыле. Вряд ли она правильно истолкует мой жест и оценит непривычное лакомство.

Переживала я напрасно. Сухарики похрупывали, лошадь прислушалась-принюхалась, фыркнула: «А, где наша не пропадала!» – и подбежала ко мне. Я вытащила полную горсть сухарей, сложила ладони «лодочкой», и в них тут же уткнулись мягкие шелковистые губы. Мягкие-то мягкие, но настырные и на диво ловкие. Сухари как ветром сдуло, даже крошек не осталось. Пришлось снова лезть в карман, вытряхивать до последней крупинки. Откушав, лошадка окончательно обнаглела: ткнулась мордой мне в ухо, обнюхала и попыталась пощипать волосы, обошла вокруг, скептически разглядывая под разными углами. Словно домохозяйка на рынке, с брезгливой гримасой изучающая уцененный сыр, в тягостном раздумье – потряхнуть кошельком в другой лавке или рискнуть желудком в этой.

Поскольку особого выбора не было, дама смирилась с несимпатичным продуктом, насквозь провонявшим козлом. Шумно выдохнув, она повернулась ко мне боком, словно предлагая оседлать. Я осторожно почесала лошадь за ухом. Ей понравилось – кобылка нагнула голову, подставляя крутую шею с короткой, словно остриженной гривой. Поглаживание ввело лошадь в легкий транс, она пошире расставила ноги, полуприкрыв кошачьи глаза. Осмелев, я привычно оперлась о холку, подпрыгнула, побарахталась и бесславно соскользнула вниз. Кобылица была выше Ромашки на добрую пядь, и вся какая-то обтекаемая, скользкая, словно покрытая змеиной чешуей, а не шерстью. Не трогаясь с места, она со снисходительным интересом наблюдала за моей возней. Влезть на нее без стремян оказалось не проще, чем взбежать по ледяной горке. Пришлось воспользоваться перевернутой кадуской (лошадь терпеливо ждала, пока я

за ней бегала). Удивительно, но стоило мне выпрямиться, как скольжение и сползание в разные стороны тут же прекратились – гибкая лошадиная спина словно подстроилась к наезднице, даже без седла я сидела как влитая. Осмелев, я легонько ударила лошадь пятками. Она покосилась на меня, – я могла поклясться, что ее губы дрогнули в злорадной ухмылке, – и пошла плавным неспешным шагом.

Конечно, я и раньше каталась на лошадях без седла, но это было что-то новенькое. Не чувствовалось ни толчков, ни подскоков, отдающихся в ягодицах, лошадь словно плыла над землей, не отталкиваясь от нее копытами. Бока кобылы, сжатые моими коленями, почти не шевелились; казалось, она не дышит, да и не слышно было дыхания, если не считать редкого досадливого фырканья, когда лошадь встряхивала головой, отгоняя комарье.

Я чуть сжала колени. Лошадь беспрекословно перешла на трусцу, словно всю жизнь ходила под седлом и наловчилась угадывать желания всадника без шпор и поводьев.

Ощущение полета усилилось. Чем быстрее неслась лошадь – рысью, а затем галопом, тем больше она сливалась с всадницей. Казалось, я намертво вросла в ее спину, не нуждаясь в седле.

Случайно глянув вниз, я обомлела – пестревшая цветами луговина давно осталась позади, под копытами мелькали бочаги и кочки. Кричать «тпру!!!» было столь же бесполезно, сколь глупо. Мы не падали в болото только благодаря безостановочному движению, для которого хватает одной-двух точек мгновенной опоры.

Окно бочага. Прыжок! Пять секунд свободного полета. Кочка слева – левая передняя нога. Сухой островок слева – правая задняя. Коряга. Прыжок! Удар копытом в полете. Рывок! Дерево на пути. Поворот в воздухе, небо смешалось с землей, у самого носа мелькнули сухие ветки. Поваленный ствол. Прыжок! Прыжок!

Я зажмурилась, обхватив руками лошадиную шею и уткнувшись лицом в гриву. Нет, кобыла не пыталась меня скинуть, мы по-прежнему составляли единое целое, но видеть этот монолит то летящим подобно птице, то боком несущимся по топи со скоростью ветра было выше моих сил.

Наконец лошадь встала. Нет, она не замедляла шаг, не тормозила задними ногами, встала – и все, словно чье-то заклинание превратило живое существо в каменную глыбу, неподвластную инерции. Я так не умела и кубарем полетела через услужливо опущенную шею. Ехидно заржав, черная кобыла переступила через мое распростертое тело и,

помахав хвостом на прощание, растворилась в непроглядном тумане Козьих Попрыгушек.

Приподняв голову, я только и смогла плюнуть ей вслед набившейся в рот тиной. Тропа, поперек которой я лежала, была единственной безопасной дорогой через болото. Треклятая кобылица аки посуху промчалась через самое сердце трясины, чьего ненасытного чрева остерегаются даже лягушки.

– Вольха! Вольха!!! – заголосили вдалеке. – Иде ты-ы-ы? Ау!!!

– Ау! – отозвалась я, различив алую точку по направлению звука. – Кузьма-а-ай! Я на тропе! Иди сюда-а-а!

Ученику Травника, снабженному факелом, выросшему на болоте и знавшему наперечет каждую кочку, потребовалось не меньше получаса, чтобы пройти треть версты по едва заметной тропе. Вечерний туман заботливо укутал Попрыгушки желтым одеялом, ускорив наступление ночи.

– Ты в порядке? – Парень перебросил факел в левую руку и помог мне подняться.

– Вроде бы. – Я потерла ушибленный копчик и одернула куртку. Штаны на задку пропитались болотной жижей.

– А где чернуля? – Кузьмай настороженно вертел головой, словно опасался, что из тумана за спиной высунется усатая морда и цапнет его за мягкое место.

– Ускакала по тропе в другую сторону. – Я слегка покривила душой. Мне казалось, что лошадь затаилась в тумане и сквозь него наблюдает за нами всевидящими янтарными глазами. – Славная кобылка, верно? А какая выносливая! Галопом проскакала добрых пять верст – и даже не вспотела, да что там – не запыхалась!

Зато с меня пот лил ручьями – правда, по другой причине.

– Добрые лошади по трясинам не гойсают, – пробурчал Кузьмай. – То и не лошади вовсе, а беси болотные. Явится такой честному человеку, поманит, в руки дастся, да и нырнет в бочаг вместе с всадником.

– Брось, не нырнула же, – неуверенно отмахнулась я.

– Не нырнула – потому как ведьму в тебе почуяла, – подумав, заключил Кузьмай. – А супротив ведьмы ни один бесь не выстоит, потому – остереглась топить.

– Очередная байка, Кузя, – хохотнула я. – Беси, я бы сказала, весьма охотно идут на контакт с ведьмами – с целью пообедать. И рано или поздно какой-нибудь бесь мною, да и тобою подзакусит, так что не рассчитывай на ведьминскую неуязвимость и неосведомленность бесей в этом вопросе.

Кузьмай украдкой перекрестился. Мы потопали обратно, парень низко держал факел, высвечивая тропу. Пот остыл и сошел, в мокрых штанах стало зябко, словно кто-то прорезал в них дыру и в нее беспрепятственно задувает ледяной ветер. Трава не успела высохнуть после дождя и щедро поделилась водой с моими сапогами; в левый вошло больше, он хлюпал громче и противнее. Я плелась за Кузьмаем, бездумно отсчитывая шаги. Сто, двести, пятьсот... Вдали нарисовалась Куща, длинные узкие облака хищно скользили над деревьями, словно выглядывая поживу. Факел чадил и фыркал на последнем издыхании.

– Слышала? – шепнул Кузьмай, больше лязгая зубами, чем двигая языком. – Воет.

Мелодичный, тоскливый, пробирающий до костей вой накатывал волнами как далекий прибой, то разбавляя ночную тишину, то переплетаясь с ветром.

– Там, – стараясь не поддаваться панике, я махнула рукой на север, – приближается. Интересно, оно идет посуху или плывет над трясиной? Если ты знаешь нужную тропу, можно пойти ему навстречу. Не хотелось бы разминуться и потом всю ночь ожидать приветливо оскаленной морды в окошке.

– Мы же от-т-туда пришли. – Лицо Кузьмая белело во тьме, как не прожаренный блин. – Т-тропа вильнула....

– Прекрасно! – Я деловито размяла пальцы. – Выходит, оно идет за нами. Кузя, чуть-чуть помедленнее, но не останавливайся, чтобы оно не почуяло подвоха.

Кузьмай одобрил только вторую частью плана, но бросить меня посреди болота не посмел. Идти стало значительно веселее, ногам не терпелось резво пуститься наперегонки.

До леса оставалось шагов двести, когда факел чихнул и угас. Раскаленный уголь на конце медленно потускнел, словно вбирая отданный ранее свет.

Мы застыли на месте. Над трясиной перемигивались болотные огоньки, невдалеке истошно блял несносный козел. Потом замолчал, но воя мы тоже не услышали.

– Отстал? – с надеждой пробормотал Кузьмай.

– Подкрадывается, – неумолимо отрезала я. – Как у тебя с практической магией?

Травник судорожно сглотнул, что вряд ли можно было истолковать как положительный ответ. Видимо, прикладные дисциплины ему не давались.

– Тогда хотя бы под ногами не путайся, – вздохнула я. Закатала рукава

и начала поочередно щелкать пальцами обеих рук, развешивая в воздухе комки пульсаров. Мне не хотелось выдавать живоглоту наше точное местонахождение, и они вспыхивали с задержкой, отлетев локтей на двадцать. Я успела сотворить девять штук, когда редкий лязг Кузьмаевых зубов перешел в дробный стук и нечленораздельное мычание. Его указательный палец трясся в унисон с челюстями.

Святящийся шарик прикорнул на кончике носа заметно озадаченного живоглота, припавшего к тропе и весьма недовольного разоблачением. Клацнули зубы, но пульсар легким перышком выскользнул из смыкающейся пасти и завис чуть поодаль.

Он и впрямь походил на малого тинника – если подрастить последнего до размеров медведя, пропорционально увеличив зубастую пасть от уха до уха. Казалось, шеи у него нет вовсе, голова плавно перетекала в квадратное туловище, покрытое спутанной шерстью. Мощные задние лапы были короче передних раза в два, из-за чего казалось, будто живоглот идет вприсядку.

Я как-то сразу поверила в его глотательные способности и не стала дожидаться наглядной демонстрации. Мы ударили одновременно – я излюбленной волной огня, Кузьмай с надрывом заголосил какое-то заклинание. Понять его в столь драматическом исполнении было непросто, но, как ни странно, оно сработало: нас обоих швырнуло на землю, тварь же едва пошатнулась. Волна прошла верхом, гигантской дугой расчертила небо и бесславно угасла, оставив легкое дымное облачко.

– Я же просила! – завопила я. Оправдываться было некогда – мы подхватились и бросились врассыпную: я назад по тропе, мимо остолбеневшего от такой наглости живоглота, Кузьмай вперед – другого пути не было.

Удаляться от болота тварь не хотела, а может, просто любила девушек в собственном соку. Она без колебаний развернулась и бросилась за мной, давясь хриплым рыком. Двигался живоглот длинными прыжками, каждый в пять-шесть моих шагов, но грузно и неуклюже, так что догнать меня ему удалось не сразу. В темноте я почти ничего не видела и неслась наугад, стараясь не думать о трясине по обе стороны тропки. Ноги скользили по мокрой осоке. Живоглот старательно пыхтел за спиной, нагуливая аппетит перед ужином. Разумеется, я не собиралась подкармливать бедное животное. Дождавшись подходящего момента, я резко остановилась, развернулась, присела и кувыркнулась вперед, бормоча заклинание. Надо мною в высоком прыжке пролетел удивленный живоглот, приземлился и яростно взревел: из парных дыр в брюхе хлестали темные струи, шерсть по

краям дымилась. Не обольщаясь, я вскочила на ноги и без оглядки побежала обратно. Глаза худо-бедно приноровились к темноте, трясина слабо фосфоресцировала. Тропа казалась черным ручьем, змеившимся по серебристому лугу. Нежить на диво живуча: даже выпотрошенная, не сразу издохнет; получив же смертельную рану, будет преследовать обидчика до последнего. Может статься, до утра – тьма покровительствует нечистой силе, в ней прекрасно себя чувствует даже изначально мертвый зомби. Потому-то бывалые маги рекомендуют загодя приглядеть высокое дерево, дабы в случае чего пересидеть на нем праведный гнев агонизирующей твари. Раньше я посмеивалась над подобными советами, но сейчас была совсем не прочь схалтурить, махнув рукой на честь, доблесть и славное имя в летописи.

Раненый живоглот скакал медленнее, зато свирепо и недвусмысленно ревел в полный голос, отбивая охоту сдаваться и просить прощения. До Кущи оставалось меньше тысячи шагов, до живоглота – три прыжка, для мгновенного перемещения на несколько сот локтей требовалось замереть хотя бы на пять секунд и умиротворенно сосредоточиться. Я сомневалась, что сумею надлежащим образом умиротвориться с разъяренным живоглотом за спиной, и мчалась вперед что есть мочи, лихорадочно перебирая в памяти доступные заклинания. К сожалению, большинство из них были строго специфичными, рассчитанными на конкретный вид нежити, а живоглот классификации не поддавался.

Тварь настигала. В лицо бил ветер, в спину – столь же неприветливое дыхание. Эх, жаль, меч остался в ските. Закаленная сталь порой оказывается действеннее магии, упокаивая нежить на месте. Я представила веревку, натянутую поперек тропы, перепрыгнула и с удовольствием заслушала тяжелый удар о землю. Топот на секунду умолк, потом возобновился с удвоенным энтузиазмом. Только я собралась повторить удачный трюк, как сама поскользнулась на островке грязи, шлепнулась на колени и единственное, что успела сделать, – обернуться и швырнуть в живоглота пульсирующий комок огня, растекшийся по морде.

Как ни странно, это сработало – ослепленный гад закрутился на месте, рыча, плюясь и раздирая морду лапами. От пульсара летели клочья вперемешку с шерстью. Я потихоньку отползала назад и все никак не могла подняться, неудачно подвернув ногу. Малейшее движение причиняло острую боль, ступня словно онемела.

И тут из темноты выскочил козел, осмотрелся, потрянул бородой, выбрал ни разу не боданный зад и без колебаний пошел на таран. Звучно припечатанный рогами, живоглот пошатнулся, совершил величавый

полуоборот над тропой и ухнул в болото головой вниз, плеснув на меня затхлой жижей. Забился, задрогал задними лапами под шипение и бульканье пузырей болотного газа, скопившегося в толще трясины, погружаясь все глубже, пока не исчез целиком.

Воцарилась тишина, с непривычки зазвеневшая в ушах. Прошло немало времени, прежде чем сквозь нее проступил шелест ветра в мохнатых гривках осоки, жабья разноголосица, надрывные крики осмелевшей выпы и заплетающиеся шаги.

Пульсар Кузьмая напоминал худосочного светляка на последнем издыхании, призванного скорее для моральной поддержки, нежели борьбы с темнотой.

– Г-г-где? – только и спросил он, явно имея в виду не утеранный впопыхах сапог.

Я молча показала на угомонившийся бочаг.

– Н-не выберется? – трясущимися губами пролепетал парень.

Я пожалала плечами. Трясина сыто хлюпнула. Козел дробной рысцой подбежал ко мне и ехидно заблеял в ухо. Я подняла волочившуюся за ним веревку, показала парню:

– Твоя работа?

Он кивнул:

– Дай, думаю, спущу – авось отвлечет живоглота. Боднуть успел, зараза, так я ему ногой под зад – направление, значит, задал...

Кстати, о ноге. Сцепив зубы, я размяла ступню, покрутила из стороны в сторону. В лодыжке глухо щелкнуло, кольнуло и потихоньку отпустило. Кузьмай помог мне подняться, изловил козла, и мы втроем заковыляли к лесу.

Вновь заморосил дождь, но в Куще о нем напоминал только мерный шелест листьев над головой. Травник поджидал нас у двери скита с факелом в руках. Маня пристыжено сжалась в комочек у его ног. Козел радостно бросился вперед, но мы с Кузьмаем повисли на веревке.

– Хвала богам, вернулись! – Старец облегченно затушил факел о землю и посторонился, пропуская нас в скит. Кроме козла, разумеется. Маньку звали, но она не пошла – насторожила острые ушки и убежала в темноту, мышковать. – Я слышал вой...

– А мы даже видели его источник, – подхватила я. – Увы, трофейных клыков прихватить не удалось...

– Нет клыков – нет гонорара, – расхожей фразой пошутил Травник. Среди магов-практиков и впрямь слишком много жуликов, чтобы верить им на слово и по несколько раз платить за одного и того же, якобы

усекновенного, упыря.

Рассказывать о живоглоте я предоставила Кузьмаю, и он не подкачал, так расписав побоище, что мы с Травником слушали его с открытыми ртами. Рукопашных боев с подручными дубинами и могущественных заклятий хватило бы на десяток подвигов. Изредка парень сбивался и начинал рассказывать от первого лица, а живоглот двоился, одновременно атакуя слева и справа.

Заметив мое неподдельное изумление, Травник рассмеялся, оборвал сконфуженного Кузьмая и потребовал мою версию событий. Я, напротив, постаралась изложить их как можно суше и короче – собой я была недовольна, приписав победу везению, а не мастерству.

Но моим рассказом Травник был поражен еще больше. Видимо, Кузьмай совершал «подвиги» по десять раз на дню и маг решил, что мы в лучшем случае видели живоглота мельком, а то и вовсе не дали себе труда его рассмотреть, убегая без оглядки.

– Конечно, я считал и считаю, что это не женская работа, – помедлив, сказал он, – но вы справляетесь с ней лучше иного мужчины.

Я презрительно фыркнула над первой частью фразы, в глубине души довольная похвалой. Воодушевленный Кузьмай начал рассказ заново, заполонив жмырями все болото, – видимо, репетировал завтрашнее выступление перед доверчивыми сельскими девками.

Переодевшись, я устроилась на лежанке возле печи с кружкой травяного отвара, вместо одеяла укутав колени волчьей шкурой – охотничьим трофеем Кузьмая. Шкура была седая, довольно-таки лысоватая и без лишних дыр, то есть, скорее всего, отданная волком добровольно. Отвар готовил сам Магистр, от него вкусно пахло медом и земляничной поляной. Зелье слегка горчило, но вполне годилось для прихлебывания маленькими глоточками. То что надо для неспешного изучения толстой книги по неестествознанию. Я листала страницы подряд, разглядывая картинки на предмет сходства. Наш знакомец сыскался в разделе «Нежить болотная, чудная и вымирающая». Откашлявшись, я зачитала вслух:

– «Тинник большой, он же жмырь, заглот, хохотун болотный». Ничего себе хохотун, веселье так ключом и било. «Злобный зело». Заметили. Что дальше? «Жреть яко людей, тако ж и птицу, зверя, гадов всяческих и нежить прочую». Ага! А я-то думала, он сидит на диете. «На жмыря ходить надобно по двое, а лучше по трое, а лучше всем скопом, сколько есть». Ценное указание. К чему бы это? А, вот: «покуда жмырь одного заглотит, другой его цепом по темени жахнет, аль мечом, аль дубиною...» Ух ты, даже лопатой можно. «А то загадку ему сказать: „Что на гвоздь не

повесишь?“»

– А и правда, что? – заинтересовался Кузьмай.

– Не указано. Ладно, продолжаю. Антинаучно как-то мы его угробили, даже неловко. «Покуда жмырь думать будет, цепом его по...» В общем, разгадку знать не обязательно, разве что с первого удара не уложишь. Триста лет книжечке, в современных учебниках ничего похожего нет.

– Вымер, видать, – предположил Кузьмай.

Я пролистала главу до конца:

– На момент составления книги водился только на низинах Озерного края, возле Гребенчатых гор.

Травник задумчиво пригладил бороду:

– Тех болот давно и след простыл, осушили. Лихорадки оттуда ползли, чудища всякие тянулись, а Ясневый Град ближе всего, вот эльфы первыми и не выдержали. Что сами, чем Ковен Магов подсобил. Там луга теперь заливные, но летом сухо, нежить и повымерла.

– Может, не вымерла, а к нам перебралась? – подал голос Кузьмай, сосредоточенно тачавший новый сапог – тот мы так и не нашли, да и не до него было.

– Двести лет уже прошло, могла бы и раньше сказаться. – Травник хлопнул ладонью по колену. – Ах я, пень старый, кур запереть забыл, а Манька по ночам на промысел выходит! Днем, негодница, при нас не трогает, а чуть не углядишь – по двору пух комьями.

Заваленный обрезками кожи, Кузьмай сделал вид, будто не слышит, и маг, кряхтя, сам накинул плащ, зажег факел и вышел в ночь.

– А заклятия его не берут, токмо лопата? – поинтересовался парень.

– Тут указана парочка общих, но не взамен, а в дополнение.

Кузьмай поежился:

– Вольха, а ты уверена, что он... того? Как-никак, ему трясина – дом родной, отлежится и снова вылезет.

– Болотной нежить называется не из-за того, что живет в самой трясине, а просто способна либо ходить по ней, либо чуют крепкие кочки. Кикиморы и те живут в бочагах с водой, избегая зыбучей грязи. – Я захлопнула книгу, не обнаружив больше ничего интересного. О новых и вновь объявившихся видах нежити следовало доложить в Ковен Магов, но я не сомневалась, что Травник сделает это за меня. Когда немного успокоится.

– Все, моему терпению пришел конец! – заорал он с порога, потрясая рваной полрой. – Кузьмай!!!

Испуганно подскочивший ученик был схвачен за шиворот и оттащен к

распахнутой двери, в которую грозно заглядывал козел с тряпичным клоком на целом роге.

– К утру чтобы духу его здесь не было! Что хочешь сделай – продай, подари, подкинь кому-нибудь, заведи подальше в лес и выпусти, но чтобы больше я его не видел!

– Там же темень непрогля-а-адная! – горестно взвыл Кузьмай, цепляясь за косяк.

– С живоглотом вы покончили, на болоте безопасно, возьмешь Маньку, факел, арбалет, грабителей, буде таковые встретятся, на коленях упросишь ограбить тебя до последнего козла... – Маг, не обращая внимания на робкие протесты ученика, безжалостно вытолкнул его за дверь, охапкой сунув куртку и плащ.

Я не стала вступаться за нашего спасителя.

Глава 7

Бледное утреннее солнышко заглянуло в окно и холодными еще лучами мазнуло по закрытым глазам. Вставать не хотелось, но сон куда-то исчез, а тут еще Манька, невесть как догадавшись о моем пробуждении, вскочила на лежанку и полезла лизаться. Отпихнув пудовую киску, я села, зевая и потягиваясь. Неужели над Кущей установилась хорошая погода? Похоже на то – в ослепительно голубом небе не барахталось ни единой тучки.

Солнечный квадрат на полу исчез. Черная морда обнюхала подоконник, решительно раздвинула занавески и просунулась в оконный проем.

Я даже не удивилась:

– Ну, чего тебе еще надо?

«Как это – чего? – возмущенно фыркнула морда. – Я тебя вчера так хорошо покатила, где же моя награда?»

Кобыла с интересом оглядела скит, принялась и стала жевать связку жгучего перца, свисавшую с потолка над самым окном.

– Что, вкусно? – ехидно спросила я.

«Весьма недурно, – кобыла облизнулась, жарко подышала обожженной пастью. – Что тут у нас еще? О, какой прекрасный букет вон там, подальше, на стеночке!»

– Сгинь, нечисть! – опомнилась я, запуская подушкой в нахалку. Еще не хватало, чтобы эта всеядная бестия слопала все целебные гербарии моих гостеприимных хозяев!

От подушки кобыла ловко увернулась, успев-таки подцепить и сорвать с гвоздя пучок каких-то травок с мелкими игольчатыми листиками и гроздьями синих цветков.

Кузьмай, потягиваясь, вышел на крыльцо и подавился зевком. Из-за угла скита выступал лоснящийся конский зад, увлеченно помахивающий хвостом. Увидев вылетающую из окна подушку и услышав мой гневный окрик, ученик поспешил на помощь своим бесценным травкам, попытавшись оттянуть кобылу за наиболее, с его точки зрения, подходящую часть тела.

Взвизг испуганной лошади, удар, вопль, свистящий звук полета и гулкий – падения, а затем – нецензурная брань и стук копыт. Я подскочила к окну. Кузьмай сидел на земле, одной рукой потирая ушибленную грудь, а

кулаком второй угрожающе потрясая вслед кобыле. Отбежав на безопасное расстояние, лошадь обернулась, остановилась и обиженно заржала.

На шум из скита выскочил Травник – внушительное и вместе с тем комичное зрелище: длиннобородый старец с отполированным до блеска посохом наперевес, в ночном колпаке и белой долгополой рубахе. Кобыла зашипела на него, как рассерженная кошка, давая понять, что волшебные палки ей не по вкусу. Сам Травник колдовал из рук вон плохо, но, вооруженный посохом, представлял нешуточную угрозу для несведущих в магии противников.

– Уберите посох! – крикнула я, осторожно выбираясь из окна – под ним буйно колосилась крапива. – Вы ее пугаете!

Кобыла, храпя, затанцевала на месте, взрывая землю копытами.

«Пугает? Меня?! Ха! А ну, живо бросай свою жалкую хворостину, пока я не разозлилась по-настоящему!»

Травник поспешно спрятал посох за спину.

– Вольха, вы уверены, что сумеете с ней справиться? – тактично поинтересовался он.

Я пожала плечами:

– По-моему, она настроена дружелюбно.

Кузьмай так не считал. Потирая ушибленную груд и шипя от боли, он костерил кобылу последними словами. Я хотела спросить, не нужна ли ему помощь, но передумала. Вряд ли человек, стоящий одной ногой в могиле, способен к столь длительной и изощренной брани.

– Ребра целы?

– Вроде целы, но синячище-то какой! Ужась! – Кузьмай повернулся ко мне, демонстративно задирая рубашку. Н-да... Если судить по форме синяков, его лягнула не лошадь, а петух-переросток: на широкой Кузиной груди багровели, наливаясь чернотой, два четких трехпалых следа. – Вольха, гони ты ее в болото от греха подальше! Точно тебе говорю: бесь это, бесево семя! У нее, поди, и рога есть!

Кобыла презрительно фыркнула. Косясь на Травника с посохом, она боком-боком подошла ко мне, ткнулась в плечо и стала обнюхивать одежду, спускаясь все ниже, словно добросовестный таможенник. Ничего съестного в карманах не завалилось, и этот прискорбный факт заметно огорчил лошадку. Наклонив голову, она изучила мои босые ноги и разочарованно вздохнула, обдав колени теплом. Погладить себя, впрочем, разрешила, и я заново удивилась блестящей, идеально гладкой шкуре – шерстинка к шерстинке, скребницей так не уложишь. Отродясь не чесаный хвост распадался по волосинкам, не говоря о жесткой щетке гривы без

единого репья.

Окончательно завоевать расположение «беси» помогла полная миска ячменя, за которым я, не поленившись, сбегала в сарайчик. Чернуля звучно схрупала все до последнего зернышка, с надеждой надкусила край миски, едва не пустив на черепки глиняную посудину, и милостиво повернулась ко мне левым боком: мол, так уж и быть, влезай, покатаю.

Но вчерашняя гонка с препятствиями кое-чему меня научила. Прежде чем воспользоваться ее любезным предложением, я сходила в дом, принесла Белкину узду и, силой раздвинув бархатистые губы, сунула кобыле в рот железную планку, продев распорку в кольцо на уздечке.

Лошадь удивилась. Ощупав удила языком, она стиснула зубы и задумчиво подвигала нижней челюстью. Пронзительный звук напоминал скрежет точильного круга, из уголков губ сыпанули искры.

Я торопливо разжала лошадиные челюсти, но было поздно. От удил остались только покореженные кольца на узде. Кобыла фыркала и вырывала голову, брызгая слюной, но я успела разглядеть ее верхнюю челюсть и ужаснуться: за рядом безупречно белых зубов прижимались к нёбу парные гадючьи клыки. Лошадь выпрямляла их по необходимости – например, попытавшись цапнуть меня за палец во время осмотра. В конной сшибке ей бы цены не было. Интересно, она хоть не ядовитая? Что ж, скоро узнаю. Я вытерла облюнявленную ладонь о штаны, в то время как лошадь пыталась подцепить и зажевать болтавшийся повод.

– Нет, голубушка, этот ремешок нам еще пригодится. – Я легонько щелкнула кобылу по носу, и она замерла, обиженно посверкивая желтыми глазами. Н-да, с этой бесей надо держать ухо востро. Как бы она и меня в придачу не слопала. – Объясняю популярно. Вот это – узда. Тяну за левый ремешок – ты сворачиваешь влево, за правый – вправо. Когда я говорю: «Но!» – ты бежишь, «Тпру!» – останавливаешься. Все ясно?

Кобылка встряхнулась, зазвенев остатками узды.

– Вот и ладушки, – пробормотала я, вскакивая ей на спину с третьей попытки. – Но!

Лошадь скептически фыркнула, достаточно похоже воспроизведя «Тпру!»

– Что-то непонятно? – Я перегнулась через гривастую шею, заглядывая лошади в левый глаз.

Кобыла покосилась на меня, но с места так и не тронулась: «Тоже мне, всадница – толком не запрягла, а туда же – нукает».

Подгонять ее каблуками я не осмелилась, сытая по горло козлиным скоком по болоту. Лошадь стояла, я сидела, и мы обе усиленно делали вид,

что держим ситуацию под контролем.

– А дай-кось я ее крапивиной под хвост! – внес конструктивное предложение невоспитанный ученик Травника.

Кобыла вздрогнула и пошла мелкой рысцой – в сторону Кузьмая. Парень попытался укрыться за скитом, но лошадь тут же поменяла направление и целеустремленно гонялась за изрядно струхнувшим учеником неполных три круга, пока тот не догадался нырнуть в окно и захлопнуть ставни. Когда заслуживающий возмездия объект скрылся из поля зрения, кобыла наконец обратила внимание на всадницу. Не сразу, но мне удалось ей втолковать, что рывки поводьев что-то означают. Без режущих губы удил от узды было мало толку, оставалось полагаться на добрую волю кобылы.

– Кто тебя учил так останавливаться? – проворчала я, потирая ушибленный бок, но в то же время довольная, что лошадь правильно поняла и выполнила мою последнюю команду. – Прекращай эти фокусы «встань передо мной, как лист перед травой»! Давай так: сначала ты чуть-чуть замедляешь бег, потом еще немного, потом переходишь на шаг и только потом встаешь. Мне уже надоело с тебя падать!

Лошади, судя по ее хитрой морде, это не только не надоело, но и доставляло немалое удовольствие. Ну, раз я все равно очутилась на земле, можно сделать перерыв, тем более что из скита вкусно тянуло шкварками, а Кузьмай расставлял тарелки вокруг плетеной днушки для сковороды.

С аппетитом поглощая жареную колбасу, я расспросила Травника об окрестных селениях и проселочных дорогах. Стармин и Куца лежали в основании треугольника, острым углом вытянутого в сторону Догевы. Возвращаться через Стармин мне не хотелось, а на карте значились только наезженные тракты. Вернее, не значились: между Кущей и Догевой зеленел «Глухь лесь со всяк чудищъ». Помимо «чудищъ» в глухомани ютились разрозненные деревеньки, которые маг по памяти соединил пунктиром.

Лошадь крутилась неподалеку, пробуя на зуб все подряд: маковки крапивы, дубовую кору, яркие цветки с тыквенной плети на заборчике и Манькин хвост – к счастью, вовремя отдернутый. Даже очевидно невкусные вещи она не выплевывала, а старательно разжевывала и глотала. Наверное, чтобы не ошибиться в следующий раз.

Травник пошептал над ладонью и предложил кобыле янтарный кусок кленового сахара. На иллюзии кобыла обиделась: по-кошачьи сморщила морду, отвернулась и ушла. Маг задумчиво бросил сахар в свою кружку; он растворился там совсем как настоящий и наверняка придал чаю нужный вкус. – Люблю сладкое, – с улыбкой пояснил старик, – только где ж тут, в

глуши, сахар раздобудешь? Да и дóрог он, вот иллюзиями и балуюсь. Но лошадь вашу провести не удалось. Полагаю, от посоха она тоже неспроста шарахнулась.

– Думаете, разглядела его магическую ауру?

– Возможно. Некоторые животные, например мыши, чуют колдовство, не понимая его сути, собаки видят истинный облик сквозь чары, узнавая заколдованных хозяев и облаивая оборотней, а кошки способны разрушать волшебство одним своим присутствием.

– А лошади?

Травник признался, что насчет лошадей ничего подобного не слышал.

– Но, – добавил он, – лошадью ее назвать трудно. Если не ошибаюсь, это потомок черного жеребца Повелителя Догевы?

– Да, Вольга.

В позапрошлом году мы бросили лошадей в соседней деревне, нечаянно телепортировавшись на десятки верст. Селяне живо присвоили бесхозного сивку, но Вольт не пожелал тягать борону на благо сельского хозяйства и спустя две недели объявился в Догеве – тощий, одичавший, донельзя обиженный на предателя-хозяина, но никого другого к себе не подпускавший. Лён потом рассказывал, что ему пришлось целый месяц подлизываться к жеребцу, чтобы тот сменил гнев на милость и перестал разыгрывать из себя послушную, но тупую скотину.

От Ромашки кобыле досталась узкая белая стрелка вдоль морды да нагловатая хитринка во взгляде. Обольщаться насчет характера я бы тоже не стала.

– Как ваша нога?

– Какая? – не поняла я. – А, ерунда, с утра не болит – я и забыла.

– Вы ее не заговаривали?

– Зачем? На месте вправила. В первый раз подворачиваю, что ли?

Травник помрачнел – видимо, надеялся испытать на мне какое-нибудь особенно тошнотворное снадобье.

– Что ж, – с непонятной печалью сказал он, – будем надеяться, вы приобрели больше, чем можете потерять.

– Примеряете на меня древнее грозное пророчество или отчески предостерегаете?

– Нет, всего лишь по-старчески брюзжу, – улыбнулся маг, вставая из-за стола.

Поблагодарив за гостеприимство и пообещав повторно воспользоваться им в любое удобное для меня время, я с грехом пополам вскарабкалась на лошадь. Кузьмай подал мне сумки и долго махал на

прощание, а Манька проводила до опушки Кущи, плавно перетекающей в опушку безымянного бора. Там остановилась, мяукнула вслед и с чувством выполненного долга побежала обратно, гордо задрав хвост.

Глухим лес казался только составителям карты. В действительности его пересекала тьма-тьмущая тропинок, простых и двухколейных. Частенько попадалась на глаза вылившаяся на солнце скошенная трава, кое-где темнели коровьи лепешки. Пару раз, выезжая на полянки, я замечала дымок над еловыми макушками и слышала далекое блеяние овец и собачий лай. Как Травник и говорил, люди в лесу селились понемногу, но часто, заимкам и сторожкам не было числа. Пока, впрочем, я не видела ни одной, минуя их стороной.

Кобыла не то чтобы не слушалась узды – скорее не давала повода ею воспользоваться, не сворачивая с тропы и не сбиваясь с неторопливой рыси. Нас обеих это вполне устраивало. Солнце утвердилось в зените, когда лошадь впервые остановилась и попятилась, скорее удивленная, чем испуганная. Тропинку неторопливо переходил здоровенный заяц. Даже не переходил – шествовал с таким царственным видом, что встречным волкам следовало замереть в земном поклоне. Я свистнула в два пальца, заяц вздыбил уши, но ускориться и не подумал.

– Арбалет бы мне, – с сожалением сказала я, – да не сезон. Плешь на плечи.

Заяц обернулся, внимательно рассмотрел мою потрепанную куртку и с не меньшим презрением сморщил нос.

– Леший побери, – огорченно сказала я, когда косой скрылся в кустах, – да надо мной уже зайцы смеются! Надо срочно зарабатывать на приличную одежонку и седло. Давай, голубушка, тут недалеко должна быть деревенька.

Вскоре тропинка перешла в утоптанную, а затем и откровенно колдобистую дорогу, разбитую тележными колесами. Ямы заполняла дождевая вода, отстоявшаяся над слоем грязи. Возле околицы она разлилась необъятной лужей, по которой то ли ходили, то ли плавали упитанные гуси. Прозывалось селение соответственно – Гнилец. Десяток обшарпанных домиков под соломенными крышами, редкие корявые жерди, призванные изображать заборы, да общий колодец прямо посреди улицы. В ближайшем дворике медленно и печально рубил дрова щуплый мужичонка. Сизый нос рубщика свидетельствовал о трепетной любви к хмельным напиткам домашнего изготовления, а частые промахи – о ее утренних последствиях. Из окна кособокой хатки то и дело выглядывала дородная

баба, чья кислая физиономия ненадолго придавала мужичку творческих сил.

Чем меньше селение, тем любопытнее его жители. Проедь я деревню без остановки, мало кто вспомнил бы обо мне. Но у колодца я спешила, повертела скрипучий ворот и наполнила флягу водой, озадачив местных кумушек на добрый месяц. Мужичок отложил топор, баба высунулась из окна по пояс.

– Справная у девки лошадка! Эва, смолка какая, – перешепнулись у меня за спиной.

– Смолка так Смолка, – вполголоса согласилась я. – Ты не против? Свежепоименованная кобыла не возражала.

К колодцу вразвалочку подошел давешний мужик. Косматый, небритый, с изящным расписным коромыслом на плечах, он смотрелся дико, но лучшего предлога для знакомства не придумал.

– Вы, госпожа, небось и кобылку напоить желаете? Так я налью в колоду, пуцай хлебает.

– Буду очень вам признательна, – улыbnулась я.

Мужик с энтузиазмом раскрутил ворот. Стремительно вознесшееся ведро с размаху стукнулось о валик, сорвалось с цепи и грустно булькнуло в недра колодца.

– Щас крюк принесу, выловим, – упавшим голосом пообещал селянин, разглядывая круги на далекой темной воде.

– Не стоит беспокойства. – Перевесившись через сруб, я поманила ведро, и оно послушно ткнулось в ладонь мокрой ручкой. Мужик, подтянувшись к колодцу бабы и даже ближайšie кусты удивленно охнули. Я невозмутимо перевернула ведро над колодой и поставила на краешек сруба.

– И кто ж вы такая будете? – осторожно поинтересовался селянин.

– Маг-практик.

– Чаво?

– Колдую за деньги, – терпеливо пояснила я.

– А! – скумекал мужик. – Ведьма, что ль?

Я пожала плечами. Ведьма так ведьма. Понемногу начинаешь привыкать.

– Работы для меня не найдется?

Мужик серьезно обдумал мое предложение:

– Да у нас вроде как и без колдовства все в порядке. Дождей хватает, репа так и прет, куры несутся, помирать никто не собирается, а помершие не беспокоят.

– Подозрительно благодатный уголок, – с легким разочарованием пошутила я. – Зайцы и те сами в горшок лезут, всадникам дороги не уступают.

Толпа ахнула и отшатнулась, торопливо крестясь. Мужик с коромыслом троекратно поплевал через левое плечо и проникновенно заявил:

– Охти, госпожа ведьма, это ж вам знамение было – зайцы-то людям неспроста являются, про них даже в свитках пророческих писано: «Аще встречен зверь, дорогу переходящ – убоись и покаяйся, ибо се грех великий чует и скорбит душевно!» И вам теперь, значит, непременно его умилостивить надоть, а то пуще прежнего осерчает и беду найдет, убыток аль хворь какую.

Я вытаращила на него глаза. «Пророческие свитки», основа белоруской религии, были обнаружены триста лет назад, при раскопках некоего храма, судя по всему – изначально подземного. Расшифровать их до конца так и не сумели, но на всякий случай стали поклоняться, вычитывая между строк всевозможные пророчества и указания насчет правильного образа жизни. Ковен Магов считал пресловутые свитки первой попыткой систематизировать знания о магии – так, четыре почитаемых бога подозрительно напоминали четыре стихии, а некоторые молитвы оказались созвучны заклинаниям. Но народу так понравилось верить в куда более понятных богов, которые к тому же покровительствовали всем желающим, не глядя на магический дар, что храмы в скором времени сравнялись с Ковеном по влиянию. Обычно два этих достойных учреждения сотрудничали, дополняя друг друга; поговаривали, будто нынешний Всерадетель колдует не хуже Верховного Архимага, но выдает этот дар за божий. Прочих «одаренных» священнослужители всячески порицали и при случае пытались наставить на путь истинный, то есть переманить конкурентов на свою сторону.

– И как именно я должна утешать душевно скорбящего зайца? – осторожно уточнила я.

– А у нас тут пенек на опушке имеется: ежели возложить на него хлебца малость, с полковриги, аль яиц пяток, заяц утешится и обратно дорогу перебежит. Тем и спасаемся.

– И часто он так бегаёт? – поинтересовалась я.

– Грехи наши тяжкие... – неопределенно вздохнул мужик. Его односельчане наперебой стали живописать мне происки злокозненного русака, чья тяжелая лапа беспощадно карала грешников, отнимая молоко у коров и насылая золотуху с почесухой. Возмездия не избежал даже

проезжий купец – его лошади внезапно понесли, разметав полный возок добра по лужам вдоль дороги.

К почесухе я отнеслась крайне скептически, а возка у меня не было, как и причин задабривать совершенно незнакомого зайца, переводя на него диетический продукт. Поблагодарив за информацию и вежливо попрощавшись, я кое-как вскарабкалась на лошадь, но сразу уехать не удалось – у околицы ко мне привязалась дряхлая бабка в черном платке и слезно начала умолять о любовном договоре с зайцем, «дабы меня, такую молодую и красивую, не пришлось хоронить за счет деревни». Она даже попыталась всучить мне жертвенный пяток яиц, полагая, что это обойдется ей дешевле. Но тут моему терпению пришел конец, и я популярно объяснила старухе, что не верю ни в богов, ни в зайцев, и если насчет первых еще могу передумать после какого-нибудь особо впечатляющего знамения, то у вторых нет ни малейшего шанса. Даже с бесплатными яйцами. И со злостью пнула лошадь каблуками.

Заяц, естественно, тоже не подумал бегать даром. Но в полуверсте от деревни Смолка резко остановилась, с подозрением разглядывая пустую тропку. Долго размышляла, насторожив уши и помахивая хвостом, затем решительно свернула к обочине, сделала небольшой крюк и вышла на дорогу двадцатью локтями дальше.

Мне стало интересно. Я спешила, намотала повод на руку и пошла обратно. Смолка неохотно переставляла ноги, но в центре чем-то не угодившего ей пяточка разочарованно всхрапнула и успокоилась. Присев на корточки, я поворошила пыль и сразу наткнулась на сухонький травяной стебелек, вырванный с корнем и аккуратно уложенный макушкой к деревне.

– Пожалуй, Смолка, мы и впрямь недооценили зайчишку, – задумчиво сказала я поднимаясь. – Давай-ка вернемся в село и исправим это досадное упущение.

Смолка сообразительно подставила бок, я привычно не допрыгнула и, тихо ругаясь, повела кобылу к ближайшему пеньку.

Сразу за поворотом нам встретился деревенский пьянчуга, томимый жестоким похмельем. При виде меня он разочарованно скомкал пустой мешок и побрел обратно, не желая отвечать на провокационные вопросы: что из моего добра приглянулось ему больше всего и какую долю потребует себе заяц. Проехав мимо, я обнаружила, что вся деревня с жадным интересом ожидает исхода поединка «заяц – ведьма», не думая возвращаться к повседневным хлопотам. Увидев меня целой и невредимой, селяне огорченно завздохали, но тут же воспряли духом: я

поинтересовалась, не продаст ли кто с полдюжины яиц.

Раздобыв искомый деликатес, я торжественно возложила его на пенек у опушки, несколько издевательски повинилась перед зайцем за маловерие и вернулась в деревню. Выждала часок для верности, заодно купила потрошеную курицу себе на ужин и вторично выехала за околицу.

Как только деревня скрылась за деревьями, из кустов показался давешний заяц – второго такого наглого и здорового свет не видал. Я благоговейно придержала лошадь. Длинноухий шантажист неспешно, словно оказывая мне одолжение, пересек дорогу, оглянулся и, кажется, с трудом удержался от глумливого жеста в нашу сторону.

– Смолка... – Я мстительно выдержала паузу, потом резко тряхнула поводьями. – Ату его!!!

Заяц припал к земле, но быстро опомнился и рванул во всю прыть, высоко подбрасывая куцый зад. Вокруг расстилалось кочковатое редколесье, абсолютно непригодное для конной погони – если, конечно, ваша лошадь не выросла на болоте и не боится сломать ногу в барсучьей норе. Из-под копыт полетели клочья травы, в ушах засвистел ветер. Кобыла скакала размашисто и мягко, как кошка, без труда огибая деревья. Задачу она уяснила четко, мне оставалось только цепляться за ее шею и уворачиваться от веток.

Изрядно струхнувший заяц начал петлять, метаться из стороны в сторону, но Смолка вошла во вкус и с легкостью повторяла его выкрутасы. Зверек мелькал то слева, то справа, безуспешно пытаясь прорваться к заваленному буреломом оврагу. Наконец кобыле удалось наподдать ему копытом, заяц кубарем покатился по траве, да так и остался лежать, закрыв морду лапками. Смолка услужливо присела, я наклонилась и подняла зайца за теплые упругие уши. Он обреченно брыкнулся и затих, сопя подвижным треугольничком носа.

– О камень и на щи, – проникновенно сказала я. – Ведьмам дорогу перебегаем? Мороками балуемся? Травку-граюн посреди дороги раскладываем, а лошадям потом волки мерещатся? Или медведи?

Заяц содрогнулся, исхудал и сменил цвет на зеленоватый с проседью. Из-под заострившегося рыльца блеснули мелкие игольчатые зубки.

– Разберешь вас тут, что ни баба – то ведьма, – раскатистым басом прогудел леший. – Уши-то отпусти, не казенные!

Я разжала пальцы. «Заяц» покачнулся и сел, не удержавшись на ногах.

– Сиротинушке неимущему яиц пожалела, – буркнул он, ощупывая разом укоротившиеся уши. – И несвежие они у тебя, между прочим. Такие по два за одно считать надо бы!

– Сиротинушки не привередничают, – огрызнулась я.

Именем лешего ругались от Винессы до Волмении. Сей фольклорный элемент якобы знал все на свете и регулярно принимал отправленных к нему гостей; навещать лешего добровольно никто не желал, поэтому посланные обычно обижались и предлагали сходить вместо них. На деле лешие любили поизмываться над заплутавшим человеком, кругами водя по чащобе, но также не гнушались выпить с ним медовухи, подъехать на телеге, а то и соблазнить девку, прикинувшись добрым молодцем (о чем иные молодки нисколько не сожалели, бегая в лес по пять раз на дню). На эти мелкие хулиганства маги смотрели сквозь пальцы, тем более лешие худо-бедно сдерживали прочую нежить и приглядывали за лесом.

– Скажи спасибо, что лошадка у меня не из пугливых, если бы понесла или сбросила, я бы с тобой и разговаривать не стала – сразу на воротник, неимущего. С чего бы это, кстати, неимущего? Вон лес какой, за неделю не объехать.

– Не мой он, – неохотно признался леший, – у него свой хозяин имеется, меня дальше опушки не пускает. Хорошо хоть вообще терпит, мог бы и взащей вытолкать.

– Что ж тебе в родном лесу не сиделось? Тамошний народ разочаровался в зайцах? – ехидно предположила я.

Леший негодуяще фыркнул:

– Кабы не нужда, стал бы я из-за десятка яиц мараться! В том лесу все птицы мне дань платили, чтобы я деревья с гнездами не тряс да котлов шkodливых гонял. Выжили меня, напозла с гор нечисть всякая, самого – страшно сказать! – чуть не съела. Пришлось уйти, ведьму им в печенки...

– Ну спасибо, – хмыкнула я, хоть и не ожидала, что леший будет ругаться самим собой. – Впрочем, от хищной нежити в последнее время и впрямь плюнуть негде. С какой горы ползет-то?

– А то я знаю, как она по-вашему прозывается? Гора и гора. До середины лес, а выше камень. Солнце из-за нее подымается, маковки так и горят.

На юге Белории гор хватало, Элгарский хребет тянулся вдоль всего побережья. Но солнце всходит на востоке, так что речь скорее всего шла о Гребенчатых горах, на стыке Белории, Урсинии и Ясневого Града, страны эльфов. Опять они, последний оплот жмырей! Ох, что-то там нечисто...

Я порылась в сумке, оторвала кусок пергамента и накарябала несколько строк.

– Отнесешь это письмо в Чернотравную Куцу, отдашь старому магу или его ученику, скажешь – от Вольхи Редной. На их болоте как раз

вакансия живоглота освободилась. Поскольку свято место пусто не бывает, пусть лучше яйца пропадают. Заодно и за порядком приглядишь, чуть что неладное – доложишь Травнику.

– По болоту мы не спецы, – смущенно признался леший, скребя в затылке. – А ну как с кикиморами не сработаюсь? Засмеют – куда тебе, пенек лесной, на старости лет профессию менять... да и ревматизм у меня...

– Ничего, приспособишься. Кикиморы там скромные, мужским вниманием не избалованные, будешь у них первым парнем на болоте. Живо от ревматизма излечат.

– Эх, была не была! – решил леший, залихватски махнув лапой. – Давай свою бумажонку, отнесу. А за яйца-то не серчай, обживусь – орлиными отдам!

– Все вы так говорите, – вздохнула я, – а потом и жабьей икры не допросишься. Лучше клюквы лукошко какое собери.

– Целую бочку прикачу! – торжественно пообещал леший, и я живо представила полчища недовольных кикимор, получивших разнарядку на клюкву, к священному ужасу встречных баб.

Мы распрощались. Заяц ускакал лесом, напрямки, я поехала дальше и спустя два часа обнаружила еще одно селение, покрупнее и побогаче. Там даже имелась своя ведьма, годная «кровь заговорить, девку негодящую замуж выдать, мруна отвадить». Делиться опытом по части девок она не пожелала и в дом меня не пустила, скрипуче бранясь из-за двери. Судя по наивности угроз, о настоящей магии она имела весьма смутное представление и опасалась, что я выведу ее на чистую воду.

Кой-какая работа все-таки нашлась – исцелить корову от мастита. Не доверяя пришедшей ведьме, владелица маячила в дверях хлева, безуспешно укачивая двух спеленатых младенцев, которые орали по очереди, не давая ни минуты покоя. Нервное «баю-баюшки-баю» временами принимало зловещий оттенок, пугающий даже меня. Корова дичилась и брыкалась, не давая коснуться воспаленного вымени, а в благодарность так приложила меня хвостом по глазам, что взревели все четверо: я, младенцы и скотина, в сердцах огретая по крестцу.

Ночевать пришлось в лесу: следующую деревеньку я по карте не нашла, а возвращаться было далеко и поздно. Разложив костер, остаток вечера и до первой звезды я варила курицу. Похоже, эти скорбные жилы вышли из цыплячьего возраста задолго до моего рождения. Пришлось довольствоваться бульоном. Уваренная курица обернулась желтым костлявым монолитом, не поддающимся ни разрыванию, ни подпиливанию

ножом в суставах. Осчастливленная Смолка жевала ее добрый час, как ребенок – сливочную тянучку.

Ночь выдалась теплая и звездная. Пахло мхом и хвоей, над головой, на фоне серого неба, с гудением проносились толстые рыжие жуки.

Уже засыпая, я подумала, что у свободного распределения есть свои прелести.

Глава 8

За три последующих дня я посетила еще четыре деревеньки. На куртку скопить не удалось, но монетки в кармане позвякивали, так что голодная смерть нам со Смолкой не грозила.

Работа ведьмы нравилась мне все больше и больше. Льстило неподдельное уважение в глазах селян и восторг детей. Смешил боязливый шепоток за спиной, уверяющий собеседников в моем безграничном могуществе. Никому и в голову не пришло ограбить меня, безмятежно спящую у самой дороги, более того: полудюжинная банда лесных грабителей терпеливо дождалась моего пробуждения и очень вежливо попросила исцелить их главаря от весьма распространенной среди татей болезни – стрелы в зад, за извлечение которой я нахально требовала пять кладней, пообещав скидки при повторном и оптовом обращении.

На широкий тракт я выехала вблизи Камнедержца, миновав его северные ворота вскоре после полудня. В городе, на бульжной мостовой, я запоздало спохватилась, что моя лошадка не подкована. Смолку это несколько не беспокоило, она знай себе топала по камням, глухо и уверенно. Уговорив лошадь поднять ногу, я осмотрела копыто и сначала испугалась – роговую подошву натрое рассекали две глубокие трещины. Но тут Смолка нетерпеливо двинула бабкой и копыто разложилось на три длинных крючковатых когтя, коими лошадь весьма неласково щелкнула у меня перед носом. Вопрос о подковах отпал сам собой. Я вспомнила, как Вольт таинственным образом перебирался из стойла в стойло... ничего таинственного, он бы и на крышу без труда влез, жди его там очаровательная белокурая кобыла.

Отыскав самое роскошное здание, я уверенно прошла мимо стражи, на ходу отвернув ворот, под которым блеснул цеховой знак магов-практиков – стальная бляха в форме щита с чеканным мечом острием вверх. Середину лезвия перекрывал восьмиконечный пульсар, полыхая на солнце и фосфоресцируя в тени.

Я не ошиблась – здание принадлежало городской администрации. На мраморном полу лежали вытертые ковры, у запертых дверей с безнадежными лицами переминались с ноги на ногу просители, от нечего делать перечитывая свои жалобные и кляузные грамотки. Простой люд сюда не пускали, только начиная с десятников городской стражи, купцов и глав ремесленных гильдий. Второй этаж охранялся еще бдительнее,

пришлось представиться, назвать цель визита и несколько минут ждать, пока меня примут.

Городской маг мне не понравился. Камнедержцу вообще не везло с дипломированными специалистами, близость Догевы заметно охлаждала их трудовой энтузиазм. Они менялись каждые два года, по окончании стажировки. Прошлого так и вовсе загрызли – правда, не вампиры, а свой же коллега-маг, но популярности вакансии это не прибавило.

На недавнего выпускника нынешний маг не походил, разве что сидел на каждом курсе по три года. Скорее всего, успел сменить несколько мест работы, успеха нигде не добился и предпочел стать большой рыбкой в маленьком пруду, пусть и не слишком чистом.

С коллегой он общался подчеркнуто вежливо, но без малейшей приязни. «Что ты, девчонка, можешь знать такого, чего не знаю я сам?» – сквозило во взгляде мага. Я тоже не сочла его достойным симпатии – светлоглазый, безликий, неопределенного возраста, с тусклыми редующими волосами цвета пыльной мыши. Бесценная находка для тайной службы короля, да он, скорее всего, на нее и работал.

Я коротко сообщила о подозрительном разгуле нежити возле Гребенчатых гор и предложила коллеге связаться с Ковеном Магов, но он выслушал меня со скучающим видом.

– Вы опоздали, Ковен давно оповещен. Два месяца назад в одной из горных пещер был найден и интереса ради активирован Ведьмин Круг. К сожалению, молодой неопытный маг, – он едва удержался, чтобы не добавить: «Вроде вас», – поплатился за свое любопытство и погиб, а несколько тварей вырвались на свободу. Не спорю, они представляют некоторую опасность для местных жителей, и я должен выразить вам благодарность за ликвидацию жмыря, однако повода для беспокойства не вижу. Круг разобран, а десяток-другой нежити не окажет заметного влияния на местную экологию.

Маг встал и официально пожал мне руку, но садиться не спешил, намекая на скорое прощание.

– Приятно было познакомиться, – вынужденно буркнула я.

Интересно, назвал бы маг влияние жмыря «незаметным», окажись тот у него за стулом? Ладно, сообщила и выбросила из головы.

В коридоре меня поймал градоправитель, толстенький, благодушный и успевший закрепить хорошее настроение бутылочкой вина, а то и двумя. Ссылаясь на занятость городского мага, он подкинул мне небольшую халтуру – вурдалака средней упитанности, загнездившегося в развалинах

старой тюрьмы. Уговорившись с градоправителем об оплате, я оставила кобылу на постоялом дворе, расспросила местных жителей и отправилась в гости к жертве.

Тюрьма была разрушена гораздо сильнее, чем мне описывали. Вдобавок она просела – видимо, из-за многочисленных подкопов постояльцев. Еще три года назад в ней содержали разбойников и убийц, осужденных на вечное заточение, так что времени у них было предостаточно. Одно время вурдалак питался заключенными, потом нашел, что тюремщики куда нежнее на вкус, и тюрьму пришлось перебазировать. Вурдалак выразил свое возмущение акцией протеста, в ходе которой был изрядно погрызен целовальник, ночной порой возвращавшийся со свадьбы племянницы. Следующим оказался градоправитель, предшественник моего работодателя. Несмотря на безграничную благодарность, испытываемую последним по отношению к вурдалаку, обещанная мне сумма несколько превышала обычный гонорар мага-практика.

Пристроившись на ополовиненной статуе богини правосудия, серый бюст которой интригующе выглядывал из кущи лопухов и лебеды, я развернула свиток с планом. Итак, вурдалак приватизировал подвальный этаж тюрьмы, состоявший из коридора и ряда пыточных камер. Туда вело три входа – одним пользовались палачи и тюремщики, второй предназначался для заключенных, а по третьему выносили тела – он был прорублен в стене с видом на унылое кладбище, поросшее люпинами. Третий вход с некоторых пор стал для вурдалака парадным выходом – первые два были завалены фрагментами стен и перекрытий: года три назад некий алхимик-самоучка попытался ликвидировать вурдалака, ликвидировав тюрьму. Рвануло так, что стены распустились пионом. Вурдалак пересидел опыт в подвале, а окрестные селяне еще месяц собирали обломки кирпича с возделанных полей и латали соломенные крыши, кроя алхимика последними словами. Теперь к развалинам было не подступиться. В одном месте мне даже пришлось раскрыть небольшой телепорт, чтобы перебраться через нагромождение глыб с вмурованными железными крючьями, в которые превратились прутья оконных решеток.

Я решила не тянуть. Как говорится, раньше зайдешь – раньше выйдешь, а если вурдалак днем спит, то это его проблемы.

Дверь, ведущая в подземелье, была приоткрыта и заботливо подперта кирпичом.

«Какой гостеприимный вурдалак» – подумала я, с опаской спускаясь по влажным каменным ступеням. Двух нижних не хватало, их словно

выдолбили и куда-то унесли, не оставив ни кусочка. Приглушив шаги заклинанием, я соскочила на усыпанный щебнем пол. Прямо мне в глаза смотрел скелет, распятый на дыбе. В прекрасно сохранившемся камине лежали на обрешетке щипцы, большие и маленькие, крючки мерзопакостного вида и погнутый железный сапог. На стене висел припорошенный известкой гобелен – грешники в преисподней, с энтузиазмом лижущие раскаленные сковородки. Подивившись фантазии ткача, я осмотрела комнатушку, но не обнаружила ничего интересного, и на цыпочках вышла в коридор. Щебень хрустел, несмотря на заклинание. Тихо ругнувшись, я остановилась, за неимением метлы сняла со спины меч в ножнах, оседлала его, ухватившись руками за крестовину, подпрыгнула и зависла в воздухе (разумеется, левитировать можно и без подручных средств, но это психологически сложнее, а так возникает хотя бы иллюзия опоры).

Беззвучно расхохотавшись, как и положено отпетой ведьме, я полетела вдоль коридора. Черные проемы распахнутых камер мелькали справа и слева. Я прощупывала их на расстоянии, посылая импульсы с помощью амулета, зажатого в кулаке. Вурдалак не показывался, зато я заметила четкую цепочку следов в пыли, ведущих в одну сторону от входа. Насколько я знала, нежить не признавала обуви, будь то лапти или сапоги на рифленой подошве. Очень, кстати, знакомо рифленой...

Взмыв к потолку, я оглядела темный коридор и заметила встречное движение в его противоположном конце. Спустя минуту клиент сапожника прошел подо мной, настороженно озираясь и вращая длинным узким мечом. Несколько десятков локтей я беззвучно летела следом, снизившись до уровня его затылка, пока свет из приотворенной двери не помог опознать черную всклокоченную шевелюру с длинной проплешиной-шрамом в области темечка. Ну что ж, раз он возвращается, значит, вурдалак почил в мире. Иначе возвращался бы вурдалак. Облегченно вздохнув, я позволила зловещему ведьминскому смеху раскатиться во всей красе.

Шквал обрушившейся на меня ругани мог сбить ворону на лету, но на дипломированную ведьму не подействовал.

– Идиотка! – Вал наконец убрал меч в ножны – после неудачной попытки пырнуть меня под ложечку. – Меня чуть мамырц (*Прим. автора: очень неприличное троллье ругательство*) не хватил!

– Так ты и есть вурдалак? Имидж сменил или как?

– Или как, – хмуро буркнул тролль. – Ты его нашла?

– Нет. А ты?

– Тоже. Лежбище нашел – последняя дверь по коридору, куча тряпок,

костей и линялой шерсти. Что за лабарр (*Прим. автора: еще более неприличное троллье ругательство*), днем вурдалаки на улицу не выходят!

– Может, ходил в гости и заночевал?

– Гхыр (*Прим. автора: это ругательство считается неприличным даже среди самих троллей*) его знает. Тебя кто финансирует, цыпа?

– Градоправитель.

– А меня купец Бобрыкин, евойную дочку вурдалак давеча пошамал.

Слушай, ты не говори своему, лады?

– Вот еще. Тебе лапа и мне лапа, деньги по факту предъявления.

– Угу. Ну, вдвоем мы его живо уделаем!

– А он один?

– Да вроде бы. Только где? Может, ты, ведьма гхыровая (*Прим. автора: ну, я думаю, тут вы и сами догадаетесь*), его спугнула?

– В начале коридора его не было.

– В конце тоже. Давай анекдоты травить – глядишь, заржет поганец.

– Если он здесь.

– Здесь. Нюхом чую.

– Меня небось не вычуял.

– Так ты ж с воздуха подкралась!

Одна и та же мысль поразила нас одновременно, мы задрали головы, и тут вурдалак прыгнул. Вал профессионально кувыркнулся в сторону, я взвизгнула и свалилась с меча. Вурдалак по-кошачьи извернулся, приземлившись на все четыре лапы прямо передо мной, и падающий меч метко треснул его по макушке. Пока монстр озадаченно мотал головой, тролль выхватил свой клинок и вскочил зверю на спину, сжав коленями бока. Вурдалак злобно взревел и ткнул в Вала разъявленной пастью, да так и застыл, скованный моим заклинанием. Всего на пять секунд, но в нашем ремесле хватает и одной.

Переждав конвульсии, Вал выдернул засаженный по самую рукоять меч, поднялся и презрительно сплюнул на пол возле безжизненной туши.

– Вовремя заметили. Вон он, гад, где сидел. – Тролль ткнул мечом в потолок, под которым в одной из стен образовалась изрядная ниша. – Слетай, погляди – вдруг там у него выводок остался?

– Не остался. – Я медленно перевернулась на живот, нащупала меч и встала на четвереньки. – Чур, мне передняя правая. Сколько тебе обещали?

– Сорок.

– За такие деньги можешь выпотрошить гада и вернуть купцу остатки доченьки. Кстати, о деньгах...

Вал криво и виновато ухмыльнулся, развел руками.

– Извини, цыпа, разминувшись. Я бы отнес тебе эти паршивые сто монет в тот же день, но мне пришлось срочно уехать из города.

– Ничего себе, паршивые! – возмущенно хохотнула я. – Добрый жеребец или стельная корова! Если это такая мелочь, то, полагаю, тебя не затруднит вернуть мне старый должок?

– Конечно, паршивые, – нахально подтвердил наемник, – были бы приличные, у меня бы хоть что-нибудь от них осталось, а так – могу предложить тебе только своего старого мерина.

– Это который доживает последние дни в первом стойле слева от двери на конюшне постоялого двора? На кой он мне? Ему цена – десять монет, и то если живодер расщедрится.

– Ну, могу и не предлагать, – охотно согласился Вал.

– Вот сейчас превращу тебя самого в мерина и продам обоих на живодерню! – пригрозила я.

– Валяй, – философски пожал плечами тролль.

Естественно, колдовать я не стала, и Вал прекрасно это знал. Я распрощалась со своей половиной нашего совместного заработка еще полтора года назад, тем более что Лён с лихвой возместил мне ее потерю. Мстить троллю было глупо, попытаться выбить деньги силой – еще глупее.

– Не переживай, цыпа! – Наемник ободряюще похлопал меня по плечу. – Главное не деньги, а связи. Если я тебе понадоблюсь – только свистни, за мной не заржавеет!

– Вот уж точно: связалась, так не отвяжешься, – проворчала я.

К постоялому двору мы пошли вместе. По дороге я тщетно пыталась выспросить у тролля об Арлиссе вообще и неприязни Лёна к этой долине в частности, но Вал только загадочно и как-то на редкость гнусно ухмылялся, разжигая мое любопытство.

На конюшне царило подозрительное оживление – слуги вперемешку с постояльцами толпились у Смолкиного стойла, вразнобой комментируя нечто занятное.

Растолкав народ, я заглянула через верх двери и обомлела – Смолка с закрытыми глазами лежала на спине, задрав кверху четыре поджатые ноги и изредка подрагивая левой задней.

Я торопливо свистнула. Кобыла с сонным вздохом перевернулась на живот и встала, сладко потягиваясь, словно кошка. Прежде чем я успела откинуть крюк, она собралась в комок и прыгнула, с легкостью перемахнув невысокую дверцу. Любопытных из конюшни как ветром вымело.

Вал, не обращая внимания на Смолкины причуды, спокойно седлал своего доходягу – заметно пошатывающегося мерина с ввалившейся от

старости спиной. Я подвела было Смолку к порогу, чтобы вскочить с него на лошадиную спину, но глянула на тролля и передумала:

– А ну, снимай седло, жулик!

Наемник скривился. Седло, в отличие от мерина, не успело разменять первый десяток лет и, пусть не блистающее отделкой, казалось добротным и удобным. То, что надо.

– Давай-давай, – поторопила я, – отчитаешься за вурдалака – купишь себе другое.

– Может, обожди чуток – как только мне купец деньжат отсыплет, я с тобой расплачусь, а, цыпа? – взмолился Вал. – Мне это седло дорого как память, я же в нем всю Белорию изъездил! Под ним три коня издохло, а ему все износу нет!

– Нет уж, наемник, со мной этот фокус дважды не пройдет. Снимай седло – и живо, а не то я возьму его вместе с лошастью, как ты вначале и предлагал!

Любвеобильно и красочно поминая мою родню, тролль расстегнул подпругу и швырнул седло мне в грудь. Я пошатнулась, но устояла, и, довольная, повернулась к Смолке. Увы, лошадь не разделяла моего энтузиазма – испуганно всхрапнув, она прижала уши и попятилась, не желая седлаться.

– Вал, придержи ее, а?

Тролль осклабился и демонстративно скрестил руки на груди.

Мы описали по конюшне три полных круга. Лошадь вежливо, но непреклонно давала понять: она не желает донашивать память по трем дохлым коням. Наконец мне удалось загнать паршивку в угол и с размаху нахлобучить седло. Смолка присела от неожиданности, я же поскорее затянула подпругу и утерла пот со лба.

Кобыла недовольно встряхнулась и, без труда дотянувшись зубами до передней луки, задумчиво ее надкусила, оставив четкий отпечаток зубов. Я мстительно щелкнула ее по носу.

– Я вот чего кумекаю, – задумчиво сказал тролль, – лапы-то четыре, да и башка немалая. Может, походить по городишку, поспрашивать – авось еще найдутся безутешные родственники?

– Угу, ты им еще на рынке на развес поторгуй, – язвительно поддакнула я.

– А что? Хорошая идея! – оживился тролль.

Я выразительно покрутила пальцем у виска и вскочила в седло. Хвала стремянам, мне больше не придется искать подходящий пенек или заборчик. Впрочем, я не собиралась спешиваться до самой Догевы.

Глава 9

Смолка черной стрелой мчалась по утоптанной дороге, втайне надеясь выбежать из седла. Иногда она оглядывалась на него, негодуяюще всхрапывала и задавала жару. Дневной перегон мы одолели за три часа, причем мне до боли надуло уши ветром, а кобыла даже не запыхалась. Еще не начинало смеркаться, когда я пересекла границу Догевы, небрежно раскланявшись со Стражем.

Первым знакомым лицом, как и следовало ожидать, оказалась Келла, беседовавшая с одним из Старейшин. Оба уставились на меня с таким неподдельным ужасом и изумлением, словно родственники усопшего, который в самый трогательный момент поминок сел в гробу и потребовал рюмку «на посошок». Еще и малосольным огурчиком закусил.

– Ой! – вырвалось у Келлы. – Neur-rreniat, Verr– e'yaard-glasswa!

– Добрый день, – неуверенно сказала я. – А что случилось?

– Где ты взяла эту лошадь? – вместо приветствия требовательно спросил Старейшина.

– Купила, – на всякий случай солгала я, насторожившись.

Вампиры переглянулись еще растеряннее.

– Но это невозможно! – возопили они в один голос. – Ни купить, ни украсть, ни выменять! К'яарды сами выбирают себе хозяев, и люди ими быть никак не могут!

Смолка обиженно всхрапнула, давая понять, что какие-то там вампиры ей не указ.

– Если только не... – начала было Келла и сразу осеклась, пораженная собственной мыслью. – О нет... он не мог этого сделать!

Беспокойный интерес, с которым вампиры обшаривали меня глазами, показался мне слегка нездоровым. Старейшина даже привстал на цыпочки, пытаясь заглянуть мне за шиворот, но тут Смолке надоело пристальное внимание незнакомцев, и она звучно лязгнула клыками у самого носа вампира.

– А где Лён? – спросила я, одергивая лошадь – вернее сказать, перетягивая с ней повод, который вредная кобыла изловчилась подцепить зубами.

– Повелитель уехал в Арлисс, – неохотно ответил Старейшина, держась на расстоянии, – будет через три-четыре недели, может, месяц.

Я разочарованно присвистнула. Месяц в компании безнадежно

здорового Кайела и подозрительно облизывающейся Келлы? Ну уж нет!

– А давно уехал?

Травница пожала плечами:

– Часа два назад.

– Выходит, я еще успею его догнать? – обрадовалась я.

Смолка возмущенно фыркнула. Догонять приходилось ей, и она не понимала, почему я приписываю себе чужую славу. Келле моя идея тоже не пришлась по вкусу. Верховная Догевская Травница приняла подобающий ее званию вид, величественный до благоговейной икоты, и властно объявила:

– Вольха, Повелителю сейчас не до тебя. Оставь его в покое, пожалуйста.

Верховная Догевская Ведьма с трудом удержалась от соблазна подробно объяснить Травнице, где живет леший и как он по ней соскучился. На дух не переношу «доброжелателей», «из лучших побуждений» встречающих в чужие отношения. Друзья на то и друзья, чтобы обходиться без советчиков.

– Пусть он сам мне это скажет.

– Уже сказал.

– Что-то не припоминаю.

– А тебе обязательно нужны слова? – не выдержала Келла. – Повелитель не хотел видеть тебя на своей свадьбе, потому и подгадал ее к твоему отъезду! Кто ж знал, что ты так скоро вернешься?

Воцарилась напряженная тишина. У меня отвисла челюсть. Старейшина укоризненно покосился на Травницу. Келла смущенно кашлянула и отвернулась. Пожала плечами:

– Рано или поздно она бы все равно узнала.

– Это правда? – холодно уточнила я у Старейшины. Тот, помедлив, кивнул. С недостаточной, как мне показалось, прытью.

– Да, – тихо сказала я, – мне обязательно нужны слова. Потому что я знаю Лёна лучше вас всех, вместе взятых, а он знает меня и никогда бы не унизился до «подгадывания».

«Значит, что-то здесь нечисто», – подумала я, едва удостоив вампиров прощальным кивком.

Нечего было и думать нагнать Лёна до темноты. Смолка определенно не делала разницы между ночью и днем, но я устала и проголодалась. Не думаю, что послы с Повелителем будут мчаться как угорелые, наверняка тоже остановятся на ночлег, тем более что лошади у них самые обыкновенные. Ох, как я ругала себя за крюк через Кущу! Чужало же мое

сердце, неспроста мне так не хотелось ехать в Стармин. Если бы не этот проклятый экзамен, ни за что бы не уехала, даже если бы Лён собственноручно выпихивал меня за границу. Идиотка, после экзамена надо было прямиком мчаться в Догеву, не отвлекаясь на болото и случайные заработки. С другой стороны, тогда у меня не было бы лошади, бочки клюквы и усекновенного живоглота на счету. Может, и лучше, что задержалась: Лён все равно не взял бы меня с собой, еще и заставил бы пообещать, что не поеду следом. А так я его «случайно» догоню и попрошусь в свадебный поезд. Не будет же он ругаться со мной при послах!

Крина встретила меня как всегда радушно. Ее друг тактично удалился по внезапно возникшим делам, оставив нас лакомиться простоквашей со свежими ватрушками.

– Крина, расскажите мне о свадьбе, – без обиняков попросила я. Добрая вампирша понимающе вздохнула, наполняя мою кружку.

– О свадьбе, насколько я знаю, речи пока не идет, – осторожно начала она, – скорее, о смотринах. Но, поскольку смотрины не первые и, по мнению Лёна, смотреть там не на что, о чем-либо серьезном говорить не приходится.

– Зачем же он туда поехал?

Крина развела руками:

– Ума не приложу. Келла, конечно, надеется на внезапно вспыхнувшее чувство, но, насколько я знаю Лёна, тут не поможет и приворотное зелье. Он очень похож на отца, а тот полюбил с первого взгляда и на всю жизнь. К тому же недавний скандал вряд ли способствовал укреплению отношений.

Я наконец почувствовала вкус ватрушки, третьей по счету. Очень, кстати, недурной вкус. Надо будет выехать с первыми лучами солнца. Я оказалась права, творится что-то неладное, и, несомненно, серьезное, раз Лён даже не поставил меня в известность. Если бы ему и приспичило жениться, я узнала бы первой, все равно такого шила в мешке не утаишь. Он же явно надеялся решить эту проблему в мое отсутствие, не упоминая о ней ни до, ни после.

– А что за скандал?

Крина хихикнула:

– Довольно занятная история. Как раз из тех, что рассказывают шепотом за вечерними посиделками с ватрушками. Возможно, она и поубавила Лёну авторитета, зато кое-кому тоже подмочила репутацию. Три года назад Повелитель поехал в Арлисс якобы обхаживать невесту, но по дороге его похитили.

- Похитили? Лёна?! Да кому он нужен? – вырвалось у меня.
- Похитили и потребовали выкуп, – невозмутимо продолжала Крина, – причем с Арлисса. Мешок золота, по весу Повелителя.
- Ерунда какая-то, – пробормотала я, – и они заплатили?
- В том-то и дело. Затеяли долгие переговоры с похитителями, просили скинуть цену, ссылаясь на скудость казны и неурожай репы. Некий тролль-наемник служил посредником в переговорах, разнося грамотки и успешно отрываясь от слежки. Воры кочевряжились, грозились отпустить женишка по частям, в доказательство передавая лоскутья плаща, но мало-помалу шли на уступки, и спустя две недели у кривой сосны на холме состоялась торжественная передача четырех золотых монет.
- И они отпустили его?
- Если бы. Он сам пришел за выкупом. И во всеуслышание заявил, что столь дешевый жених считает себя недостойным бесценной Арлисской Повелительницы, посредник и тот обошелся ему в сорок кладней, не считая порезанного плаща и морального ущерба от уценки. Скандал был страшный, невеста рвала и метала, Келла не разговаривала с Лёном три месяца, сам он прятался от Старейшин по кустам, а обе долины покатывались со смеху.
- Почему же они не разорвали помолвку, если терпеть друг друга не могут? – Я с сожалением покосилась на полупустое блюдо. Цельные ватрушки в меня не лезли уже, а сколупывать с них поджаристую творожную начинку было некрасиво.
- Детка, светловолосых осталось так мало, что их даже не спрашивают, нравятся они друг другу или нет. Политика заменяет любовь. Когда-нибудь Лён с этим смирится.
- По мне, лучше умереть старой девой.
- Ну, тебе это не грозит, – рассмеялась Крина, – с каждым годом ты становишься все красивее, деточка. Страшно подумать, какое счастье постигнет твоего избранника через пару-тройку лет.
- Не собираюсь я никого выбирать, – проворчала я, – больно надо – ежедневно стряпать и ежегодно рожать! Я, между прочим, десять лет на учебу потратила, чтобы прожить остальные в свое удовольствие.
- Выбирать и не придется. Ни тебе, ни ему. Этим займется судьба, – серьезно и грустно сказала она, и мне почему-то расхотелось шутить. Вместо этого я задала давно интересующий, да все как-то не приходившийся к слову вопрос:
- Крина, а где ваш волк?
- Ушел, – с той же печальной интонацией ответила она, – убедился,

что сдал меня в хорошие лапы, и ушел. Рано или поздно это должно было случиться. Жизнь продолжается, и даже старухам вроде меня иногда хочется получить от нее удовольствие... Умом я это понимаю, но все равно чувствую себя предательницей. И преданной. Запомни, девочка: какими бы прекрасными ни были воспоминания, нельзя жить ими одними. Просто запомни. А объяснит сама жизнь.

И я окончательно убедилась, что в Догеве сошли с ума **все**. Даже волки.

Я долго не могла уснуть, ворочаясь и чествуя Лёна на все корки. Ишь, придумал очередную Великую Единоличную Тайну Повелителя... Как будто Верховная Догевская Ведьма не помогла бы ему раз и навсегда отделаться от племенной невесты! Причем с огромным удовольствием!

А с другой стороны... может, он и не присылал никакой заявки? Пошутил, обманул, заставив выучить историю магии. А сам, наоборот, сговорился с Учителем, и тот выхлопотал мне непыльную работенку, чтобы под ногами не путалась. И с Арлисской Повелительницей у него совет да любовь... а скоро еще и маленький Лёнчик появится.

Я рывком перевернулась на живот и с глухим стоном накрыла голову подушкой. Верховная Ведьма, как же! Дурочка наивная. Сдалась мне эта Догева... ясно же, что никому я здесь не нужна, никто меня не ждет, использовали и бросили ради какой-то... стоп. Я что, ревную? Семидесятипятилетнего вампира, близкого друга и недостижимого Повелителя Догевы, самоуверенного красавца-блондина, с равной легкостью читающего чужие мысли и скрывающего свои? Я?!

Да!

Уууу...

Кровать протестующе заскрипела. Теперь на подушке лежали мои ноги, но избавиться от душевных страданий это не помогло: они обежали кровать и обуяли меня с удвоенной силой.

Нет, так не пойдет! Ну, нравится мне Лён. Так он всем нравится! Вампирьи чары высшего пошиба, приворотное зелье им и в подметки не годится. Лишь холодный трезвый разум многоопытной ведьмы способен правильно оценить ситуацию... когда же это он успел нагреться и выпить?! Нельзя друзей ревновать, некрасиво. Даже если это мужчина. Даже если это идеальный, самый лучший в мире му... Тьфу! Чтоб ему провалиться! Ну почему все так сложно?! Пропади она пропадом, эта Догева, уйду на вольные хлеба, буду практиковать на трактах, нигде подолгу не задерживаясь, свободная, как ветер, не связанная ни чувствами, ни

условностями – только убегающей вдаль дорогой...

Но как он мог! Догоню и убью...

Не выдержав, я на цыпочках прокралась к стоящей в углу сумке, порылась в глухо звякающих флаконах и выудила один, резко пахнущий валерианой из-под плотно притертой пробки. Зажмурившись, душевно отхлебнула и вытаращила глаза: пятая вытяжка, не меньше. Эдак и спиться недолго! Впрочем, сейчас мне важнее было уснуть, а утро все расставит по местам.

Снадобье подействовало быстро, даже чересчур.

...по ту сторону тоже есть дороги – черные и зыбкие, ведущие в одну сторону и тающие за спиной. По их краям колышутся безлистные тени, комками тьмы скользят нетопыри, выныривая из вечного тумана, в котором безголосо плачут сбившиеся с пути души.

«Замкни Круг, девочка».

И ты идешь вперед, словно растягивая тугую пружину, когда каждый шаг дается тяжелее предыдущего; сначала бежишь, потом еле переставляешь ноги, яростно, упрямо, а когда боль в коленях становится нестерпимой, падаешь и кричишь от бессильного отчаяния, не в силах шелохнуться.

Потому что это не твоя дорога. И та единственная, кто без помех проходит по ней в обе стороны, уже спешит навстречу, разливая мрак за спиной...

На мой истошный крик сбежались домочадцы и, к моему огромному удовольствию, наконец-то меня разбудили. Как оказалось, я сидела на полу у кровати, сгорбившись и прижав руки к груди, хотя болела голова – просто раскалывалась, комната плыла перед глазами. Во рту стоял мерзкий вкус валерианы пополам с кровью, мутило. Ороен догадливо окунул кружку в ведро с колодезной водой, подал мне. Я жадно выпила, цокая зубами по краю. Перевела дыхание – полегчало.

– О боги, – тихо сказала Крина, опуская светильник. Желтое дрожащее пятно переползло на мою грудь, амулет Лёна, выбившийся из-под ночной рубахи, отозвался тусклым блеском. – Gvi'harr, Orroen– ve jett Ar'rakkur g'earr. Hellet genna...

– Я не бедная девочка, – машинально огрызнулась я, отдавая кружку. – Я взрослая грозная ведьма... что вы сказали?

– Что взрослая грозная ведьма перебудила своим воплем всех волков в Догеве, – невозмутимо отозвался Ороен, забирая у Крины светильник и

вешая его крюк в потолке.

– Дрянь какая-то приснилась. – Я с нажимом помассировала виски. Наверное, то же самое чувствуют оборотни после обратной трансформации: набегался в беспамятстве, кого-то загрыз, зажевал пахучим корешком, а теперь гадай, кто из односельчан оказался таким невкусным. Вспоминалось плохо: какая-то дорога, прямая и каменистая... что-то черное и определенно недружелюбное, сторожевым псом выскочившее навстречу... и он, чужой и далекий, без оглядки проходит мимо, обдавая могильным холодом...

«Замкни Круг, девочка» – эти слова я услышала от молоденькой Пифии два года назад.

Но в ушах стоял голос Лёна.

Подорвавшись с пола, я начала лихорадочно одеваться, не обращая внимания на Ороена. Впрочем, он сам отвернулся и вышел на улицу, лязгнув щеколдой. Крина молча засуетилась у ларя, ссыпая в мешочек оставшиеся с ужина ватрушки. «Опаздываешь, безнадежно, неисправимо опаздываешь, ты нужна там сейчас, немедленно, сию же секунду...» – торопил внутренний голос. Где, зачем, кому? Леший его знает, если встречу – спрошу.

На улице оказалось не так уж и темно, между волком и собакой: в сером небе таял обесцвеченный месяц, звезды, за вычетом двух-трех, успели погаснуть. Настороженный шелест крон только подчеркивал предрассветную тишину, зарождаясь и существуя будто сам по себе далеко вверху.

Ороен подвел оседланную Смолку, ласково потрепал ее по шее. Сонная кобыла брезгливо вздрогнула, но кусаться не стала. Вскочив в седло, я выхватила у Крины сумку, коротко кивнула вместо слов благодарности и безжалостно пнула Смолку каблуками.

Надо было видеть ее взгляд! Посрамленный василиск испарился бы на месте. Брыкнувшись, кобыла с места сорвалась в карьер, сама выбрав дорогу. По чистой случайности, туда-то мне и надо было, так что я и не подумала ее сдерживать. Сосновые обочины слились в коричневую ленту, изредка мелькавшую серыми просветами улиц, потом развернулись зелеными полотнищами лугов в дымке тумана.

Быстрее, быстрее... Если бы сама дорога летела вперед со скоростью к'ярда, я и то побежала бы по ней изо всех сил, в тщетной попытке опередить неумолимо приближающийся миг, после которого спешить уже некуда.

Но это всего лишь миг. Хрустнувшая под копытом ветка, осколки не

подхваченной вовремя чашки, влажный клекот стали, вгрызшейся по рукоять. Его не остановить и не предотвратить.

Слишком поздно.

Солнце взошло, лес ожил – шелестом листвы, птичьими трелями, голодными слепнями. Кошмар начал забываться, отходить в прошлое, теряя яркость и убедительность. Кобыле надоело злиться, она поумерила прыть и стала красноречиво оглядываться на сумку с провизией, намекая, что бедной маленькой лошадке не повредит скромный завтрак. Я вполне разделяла ее мнение, с поправкой на бедную маленькую себя, но лес все никак не кончался, полянками тоже не баловал, а затаившиеся на елках клещи провожали нас кровожадными взглядами.

Сон и сон. Было бы из-за чего волноваться. Королю вон в прошлом году приснилось, будто его дворец лежит в развалинах, а над ним с издевательским карканьем кружатся вороны. Два десятка штатных прорицателей тут же представили его величеству девятнадцать различных толкований и традиционный конец света (один упрямый пенсионер обещал его по любому поводу), а потом договорились между собой и главным архитектором и объявили сон вещим. Наум срочно переехал в загородную резиденцию, а они благополучно пропили выданные на ремонт деньги, причем во время одной особо разгульной пирушки ухитрились проломить наружную стену, доказывая друг другу, что замок простоит еще тысячу лет. Замазанная цементом дыра до сих пор напоминает Науму, какой ужасной участи он избежал благодаря достижениям современной сомниологии.

Впереди забрезжил свет, и мы окунулись в золотистое тепло луга. На противоположном его краю снова темнел лес. Я натянула поводья, и Смолка перешла на спокойную трусцу. Ерунду, лезшую в голову перед сном, и вспоминать-то было стыдно. Ватрушками объелась, не иначе. И голова от Велькиного снадобья как чугунная. Чего она туда намешала? Глянув на этикетку, я выругалась и окончательно успокоилась: «Декокт „Мечта“, три капли на чарку. Успокаивает, расслабляет, вызывает красочные сновидения». Домечталась! Надо Лёну рассказать – то-то посмеется.

Посреди луга я спешила и с блаженным вздохом растянулась на траве, сладко потягиваясь всем телом. Умиротворенно полюбовалась нежно-васильковым небом с редкими клочьями белых облаков, потом села, развязала сумку и приготовилась вкушать ватрушки, но вовремя остановилась и не вкусила. Ватрушка как-то подозрительно пахла. Я обнюхала ее со всех сторон и коварно предложила кобыле. Та взяла и с

удовольствием сжевала, но это еще ни о чем не говорило. Запах, впрочем, не имел ничего общего с прокисшим творогом и заплесневелой сдобой. Так могла пахнуть очень неживая кошка, отравившаяся очень несвежей рыбой. Смесь дивных ароматов накатывала волнами, вместе с порывами ветра, и была способна отбить аппетит у самого изголодавшегося вурдалака, не говоря уж обо мне.

Привстав, я осмотрелась и запоздало обнаружила лошадиный труп, полускрытый высокой травой. До этого момента он успешно притворялся рыжеватым камнем, я даже хотела на нем позагорать, бррр... Шерсть на крупе потемнела от росы и слиплась клочьями, седла не было, но осталась вытертая подпругой полоска. Я потянула носом. Разило не от лошади, несчастная скотинка едва успела окоченеть. Может, пала под торопыгой-всадником? Я обошла вокруг туши, и меня снова передернуло: морда животного была раскроена вдоль, ровнехонько по белой метинке-стрелке. Тут явно поработали мечом, и вряд ли удар предназначался бедной лошадке.

А потом я увидела ногу в высоком сапоге. Напугать меня ногой, пусть даже ногой трупа, довольно сложно. Беда в том, что нога и труп лежали отдельно, а под разрубленным наискось телом чернела лужа запекшейся крови. Безглазое лицо скалилось вампирьими клыками.

У меня потемнело в глазах.

Это был один из арлиских послгов.

Лён!!! Спотыкаясь от ужаса, я зигзагом обежала луг. Лихорадочный осмотр выявил пять трупов, буквально изрубленных на куски. Лёна среди них не было. Зато нашелся источник вони – несколько пятен желтоватой слизи, в которой уже копошились жуки и мушиные личинки. Ничего подобного я раньше не видела и видеть не желала, Смолка была того же мнения. Лошадка дрожала, как осиновый лист, то и дело толкая меня мордой в спину – мол, убираемся отсюда пока не поздно.

Я не обращала на нее внимания. Что здесь произошло? Вот пятно от костра, перевернутый котелок и раскиданный лапник лежанки – видимо, здесь вампиры сделали привал, на опушке леса. Чуть левее того места, где выехала я. Все вокруг истоптано, залито кровью и заплевано слизью. С кем они сцепились? Дальше бой развернулся по всему лугу, вплоть до дальнего леса – светлого, лиственного, плавно переходящего в кустарник из молодых побегов, откуда доносились невнятные обрывки разговора. Затаив дыхание, я всмотрелась сквозь редкие, но назойливо мельтешащие листво́й осинки, рассеивающие внимание. На опушке стояли двое мужчин, здорово смахивавших на вампиров темными волосами и безбородыми, несмотря на

возраст, лицами. Они о чем-то спорили, глядя под ноги и ожесточенно жестикулируя. Один, похоже, отчитывал второго, а тот неубедительно оправдывался. Высокая трава скрывала предмет раздора. Следствие я вела преимущественно на четвереньках, так что меня они пока тоже не заметили. Я не собиралась исправлять эту оплошность деликатным покашливанием и уж тем более бежать навстречу с радостным воплем: «Братки!!! А чевой-то тут было?» Сначала не помешает убедиться, что увлеченные товарищи – действительно братки. Я оглянулась и вздрогнула от неожиданности – Смолка исчезла. Только что жалобно всхрипывала рядом, обнюхивая траву, и вдруг как сквозь землю провалилась. «Может, догадалась и легла», – с надеждой подумала я и поползла вперед.

Поле изобиловало высоким осотом, колючим, но весьма удобным для маскировки. Мне удалось подкрасться к спорщикам практически вплотную и разглядеть облегающие сапоги с высокой шнуровкой, расстегнутые по случаю жары куртки, серые плотные штаны для верховой езды и мечи при поясах. Так одевается половина людей и вампиров. Но вампиры давно бы меня учуяли. Да и разговаривали они на Всеобщем:

– Идиот! Так испоганить простейшую операцию! Казалось бы, чего проще – незаметно для него подменить охрану?!

– Кто ж знал, что он поедет на к'ярде? – упавшим голосом мямлил второй. – Мы думали, они его предупредят...

– Они, они... мало ли что взбрело ему в голову в последний момент! Ты должен был проверить! Не подъезжать близко, рассмотреть из кустов! Стрельнуть отравленной иглой! Мне тебя учить?!

– Ага, рассмотреть... А караульные?

– Двое сонных вампиров и пятеро спящих! Двадцать вас! Подойти, поздороваться, отвести в сторонку и...

– Трое! Он сидел вместе с ними! И скотина эта проклятая рядом ошивалась, как взвоят – не только спящие, мертвые бы подорвались!

– Ну и что?! Мало ли какая вожжа ей под хвост попала? Клещ укусил, медведя почуяла? Договорились же: комитет по приему высокого гостя, не удержались, выехали навстречу, в целях повышения безопасности. Они же вас всех в лицо знали, что им какой-то взбесившийся к'ярд? Посудачили и уснули бы снова.

– Ты бы видел его глаза! Он и спрашивать не стал, сразу за гврд схватился!

– Хозяин морочит эту дуру второй месяц, а он понял с первого взгляда? Нет, он просто насторожился, а у тебя не хватило мозгов придумать что-нибудь поубедительнее сигнала к атаке! И что теперь

прикажешь с ним делать? Если я сейчас выдерну меч, мы не сможем им управлять, а без реара от трупа мало толку.

– Шнурок мог порваться во время битвы. Если поискать в траве...

– Легче найти умную мысль в твоей пустой башке! Нет, этот паразит успел обзавестись хранителем... надо же, а в Арлиссе его считают беспечным обормотом.

– Мы можем прикопать трупы. Им скажем, что благополучно добрались, а ей – что он, как всегда, отказался. Она даже не удивится.

– А жеребец?! Рано или поздно он вернется в Догеву без всадника, весь в крови и с клейменными наконечниками в боках!

– Думаешь, они его не догонят?

– Уверен! Эта тварь мчалась быстрее ветра, болты ее только подстегнули. Прошло больше трех часов, а их до сих пор нет.

– Может, он далеко забежал? – с надеждой предположил второй.

– Он убежал, кретин, – с досадой огрызнулся первый. – Как нам теперь отчитываться перед хозяином? Семеро из двадцати погибли, а живьем удалось взять только одного. Шестеро чистого убытку!

Нет, эти типы определенно не были моими «братками». Да и вампирами – тоже. Кого они взяли живьем? Неужели Лёна?! Похоже на то, раз его нет среди убитых. По их словам, они собирались подменить охрану, но зачем? Чтобы на самом деле похитить Повелителя? Крина говорила, что история с «выкупом жениха» гремела на обе долины, возможно, кому-то она показалась не такой уж дурацкой. Конечно, разбойникам придется попотеть, доказывая, что это не очередной розыгрыш, но после первого же уха Догева выложит за Лёна любую сумму, хоть по весу всей банды.

Остаться на месте было опасно, мнимые вампиры с минуты на минуту ждали отлучившихся коллег, и я лихорадочно размышляла, куда бы мне податься – то ли, стиснув зубы, обползти разбойников стороной, через крапиву, и укрыться в том же лесу, то ли отступить задним ходом – поворачиваться к ним спиной очень не хотелось.

И тут второй, провинившийся, уставился прямо на меня и заорал:

– Ты глянь, какая наглая тварь! Опять она! И когда только успела подкрасться?!

Первым моим побуждением было вскочить и броситься наутек, вторым – опять-таки вскочить и атаковать первым попавшимся заклятием. Пока я выбирала, растянувшись на животе и от страха, а заодно и для конспирации, уткнувшись лицом в землю, первый отрывисто скомандовал:

– По коням!

Земля загудела от нарастающего топота.

– Заходи слева! Стреляй! Уходит, зараза!

«Да?!» – удивленно подумала я, и тут они промчались мимо, с двух сторон, в каких-то десяти локтях от меня. Я недоверчиво приподняла голову, огляделась... Лжевампиры что есть мочи нахлестывали коней, а впереди сломя голову неслась Смолка, медленно, но верно уходя в отрыв. Болты пока долетали, но перезаряжать арбалет на галопирующем коне – дело хлопотное, а попасть еще сложнее, тем более Смолка припомнила заячью тактику и начала петлять и подпрыгивать. Огороженный лесами луг узкой лазейкой открывался в бескрайнюю холмистую равнину, как залив в океан. Любая другая лошадь инстинктивно предпочла бы именно этот путь для бегства, но болотная кобылица не доверяла раздольным степям, родине предков, и внезапно, как-то боком, скакнула в лес, мигом затерявшись среди деревьев.

Бандиты осадили коней, осознав бесплодность дальнейшей погони. Наверняка смачно выругались, хотя отсюда не было слышно, и медленно потрусили обратно.

Я поползла вперед, торопясь укрыться в лесу до их возвращения. Отсижусь в кустах, заодно подслушаю, куда и зачем они увезли пленника, а там, глядишь, вернется кобыла и мы бросимся вдогонку. Возвращаться в Догеву некогда, сначала выслежу разбойничье гнездо, а там по обстановке разберемся. Может, проще будет подстроить побег...

Но тут я уткнулась рукой во что-то твердое и холодное и с ошеломляющей ясностью поняла, что опоздала с дурацким ночным обещанием убить Лёна.

Он и так был мертв.

Глава 10

Это было настолько страшно и неожиданно, что напрочь отбило все полагающиеся случаю чувства. Я не смогла ни закричать, ни заплакать, ни потерять сознание. Просто стояла на коленях и глупо трогала разорванный ворот его плотной серой рубашки, пытаюсь свести края, словно боялась, что иначе он замерзнет и простудится.

Ошибиться я не могла. Восковая бледность застывшего, осунувшегося лица не оставляла никаких сомнений. Даже разметавшиеся волосы казались неестественно светлыми, словно выгорели или поседели. Окоченевшие пальцы сомкнулись на рукояти меча, пригвоздившего тело к земле. Хороший удар, прямо в сердце.

Хороший?!

Мало понимая, что и зачем делаю, я осторожно разжала мертвые руки и сама ухватилась за рукоять. Потянула, но силенок оказалось маловато, меч даже не шелохнулся. Я поняла, что нужно встать, а еще лучше – упереться ногой в грудь трупа.

Меня разобрал истерический смех. Мой лучший друг убит, а я стою над его телом и думаю, этично ли расшатывать застрявший меч!

Я встала, зажмурилась и наступила. Пришлось-таки пошатать, а затем меч поддался и рывками пошел вверх, все легче и быстрее. Кажется, вытащила. Открывать глаза совершенно не хотелось; во-первых, я точно знала, что увижу, во-вторых, так еще оставался шанс, что я сплю и это всего лишь очередной ночной кошмар.

И тут я ощутила под ногой какое-то шевеление.

Мне и в голову не пришло, что Лён может воскреснуть; ликовать я тоже не думала, а, напротив, поудобнее перехватила меч, чтобы в случае чего всадить обратно, а то и повернуть. От греха подальше, на практикумах по некромантии я успела убедиться: оживший друг еще хуже покойного, и лучше рыдать над трупом, чем убегать от него. Безутешные родственники, опрометчиво прибегнувшие к помощи некромантов, потом еще более слезно молили упокоить упыристый предмет скорби навсегда.

Впрочем, оживать и зомбираться Лён не собирался. Мышцы не сокращались, а жутковато ворочались под кожей, словно пытаюсь принять более удобное положение, из многочисленных ран поползла темная свернувшаяся кровь. Воздух над телом замутился, как будто его окутало бесцветное пламя. Я торопливо убрала ногу, и вовремя: одежда задымилась

и начала расползаться не вспыхивая, как тонкая береста на потемневших, но еще горячих углях.

Я слышала, будто вампир, пораженный осиновым колом в сердце, мгновенно сгорает. На стене одного из древних белорусских храмов есть даже закопченное пятно соответствующей формы, для наглядности обведенное желтой краской (которое, впрочем, с тем же успехом мог оставить рыцарь, чем-то не угодивший огнедышащему дракону). А может, пятно нарисовали ушлые священники в качестве рекламы для привлечения паствы. В любом случае, меч в сердце сработал иначе: сама плоть не горела, но очертания тела мало-помалу изменялись, его части плавно перетекали друг в друга, оставляя на земле «лишние» сгустки крови и ошметки одежды.

На обычную трансформацию при помощи крыльев это и близко не походило, но результат был тот же.

Белый волк с трудом поднялся на растопыренные лапы, покрутил башкой и исподлобья уставился на меня. Его заметно пошатывало, облезлая шкура туго обтягивала выпирающие ребра, из пасти капала слюна, как при последней стадии бешенства.

Вот тут-то я испугалась по-настоящему!

У него были желтые, звериные глаза без малейших признаков разума.

– Лён?

В мохнатом горле свирепо заклокотало, из-под сморщенных губ блеснули клыки, да что там – четыре кинжала и десяток ножицков поменьше, очень удобных для разделки ведьм на колбасный фарш.

– Лён!

Зверь прыгнул. Я вскинула руку, защищая горло, и волк, не раздумывая, впился чуть ниже локтя. Пронзительная, неожиданно сильная и какая-то обидная боль быстро сменилась онемением до самого плеча. Мне показалось, что он перекусил руку пополам и кисть сейчас вывалится из рукава. Не торопясь хватать и обглаживать трофей, волк с явным омерзением выплюнул забившую пасть конечность, намереваясь сначала довести дело до конца. Я едва успела отдернуть голову, зубы с лязганьем сомкнулись на воротнике, легко прокусив куртку вместе с рубашкой. Волк задумчиво пожевал кожаный ворот, капая теплой слюной мне на шею, не одобрил и попытался разжиться чем-нибудь более питательным, на всякий случай не выпуская хапнутого.

Тут моему терпению, вернее, оцепенению, пришел конец, я возмутилась и пнула волка ногой в живот. Зверь удивленно охнул и попятился, не разжимая зубов. Ворот треснул, шнуровка вылетела с мясом.

– Лён, ты рехнулся?!

«И в самом деле, что это я?» – озадаченно подумал волк. Прекратив рычать и потрошить куртку, как колбасную обертку, он бесцеремонно заглянул в разорванный ворот. Зрелище его определенно вдохновило. Возбужденно засопев и вильнув хвостом, волк попытался залезть еще глубже, щекоча грудь холодным носом, но я взвизгнула и пнула его здоровым локтем, заставив отскочить.

Он постоял передо мной, удивленный и огорченный одновременно, потом развернулся и неуверенно потрусил прочь, то и дело оглядываясь и отплевываясь. С таким обиженным видом, словно я подстроила ему какую-то пакость, например, смазала воротник жгучим перцем.

– Лён!

Может, он бы и вернулся, но тут я потеряла сознание.

Благородные девицы, склонные к частым обморокам, предусмотрительно носят с собой нюхательные соли – желательное во флакончике на груди, чтобы поднять как можно больше пикантной суматохи вокруг своего бесчувственного тела. Особенно хорошо этот метод срабатывает один на один с нерешительным воздыхателем, который, как благородный человек, после всего случившегося просто обязан жениться на симулянтке.

Мне же очень пригодился бы рыцарский шлем – лучшего средства от удара поленом по голове медицина еще не придумала.

Очнулась я связанная, в перевернутом и подвешенном состоянии, под тремя, мягко говоря, укоризненными взглядами двух давешних «вампилов» и одного незнакомого, лохматого, подкравшегося ко мне сзади. С вышеупомянутым поленом, которым он рассеянно похлопывал по ладони.

– М-мые ыэнии? – с невинным видом поинтересовалась я сквозь кляп.

Невоспитанные разбойники даже не поздоровались в ответ.

– Я поймал эту паршивку возле тела, – лохматый брезгливо ткнул меня пальцем в грудь. В знак протеста мне оставалось только качаться на переброшенной через ветку веревке и злобно сверкать глазами. – Она вытащила меч.

– Что?!

– Как?!

– Он трансформировался и удрал, – обреченно закончил разбойник.

Кажется, это известие их немного огорчило. Лучше бы они заткнули мне уши.

Колдовать со связанными руками я почти не могла. Некоторые

заклинания, конечно, не требуют пассов, но мало просто сбить противника с ног, он поднимется еще более обозленным. В висках начинала пульсировать кровь. Чем дольше я провишу вниз головой, тем больше вероятность заработать кровоизлияние в мозг, а для мага это хуже смерти – полная и необратимая потеря способностей.

После долгого и красочного перечисления извращений, коим предавались мои родственники друг с другом и всевозможными предметами, разбойники наконец-то вспомнили о самом мерзком отпрыске этого гнусного семейства. Вытащив кляп и для оживления разговора сунув мне под нос широкий кривой нож, лохматый угрюмо поинтересовался.

– Ты кто такая?

– Да так, мимо проползала, – огрызнулась я, скосив глаза на нож.

– Проползала, говоришь? – задумчиво повторил бандит и без предупреждения ударил меня кулаком в живот.

Я выгнулась дугой, хватая ртом воздух. В легкие он упорно не проталкивался, застревая на полдороге. Тем временем меня быстро и профессионально обыскали. Цеховой знак заставил лохматого огорченно присвистнуть.

– Ведьма, мать ее, – не удержавшись, ругнулся он. – Пустышка, не подменишь...

Вытряхнутые из кошелька деньги немного подняли ему настроение. Тщательно пересчитав монетки, разбойник ссыпал их в карман, игнорируя завистливые взгляды подельников. Я с трудом удержалась от злорадного смешка – перед въездом в Камнедержец, славившийся уличными кражами, я зачаровала кошель, чтобы покусившиеся на него ручонки чесались не на чужое добро, а сами по себе.

Затем пришел черед документов. Лохматый бегло просмотрел бумажки, скомкал и бросил в траву.

– Леший подери, эта пигалица – бывший королевский маг!

Да, знал бы Учитель, кому мне придется предъявлять трудовой свиток...

– Когда я практиковала при дворе, – надменно заявила я, – сам король по утрам подавал мне тапочки. И если с моей головы упадет хотя бы волос, тайные службы найдут и освежают вас заживо, а трупы отдадут Ковену Магов, для посмертных экзекуций!

– Может, тебе еще и Повелитель сапоги чистил? – оскалился разбойник, почесывая левое запястье, но нож убрал.

– Нет, штаны стирал, – поправила я, не уточняя, что стиркой Лён занимался первый и единственный раз в жизни, на спор, а штаны в итоге

утопил. – Я, между прочим, еще и Верховная Догевская Ведьма, мне все вампиры в пояс кланяются, а Старейшины перед собой в дверь пропускают!

– Короче, тихо прикопать тебя под кустом не получится, – разочарованно заключил лохматый.

Я по этому поводу совсем не переживала, даже наоборот.

Разбойники отошли в сторонку и совещательно зашептались, не обращая внимания на мои громогласные требования допустить меня к участию в дискуссии как наиболее заинтересованную сторону. Лохматый ожесточенно чесался, на него уже начинали подозрительно поглядывать, стараясь держаться подальше.

Поочередно указав на горло, землю, небо и куда-то в сторону леса, разбойники пришли к единому мнению. Судя по их довольным ромам, меня оно должно было огорчить.

– Пожалуй, мы тебя отпустим, – объявил лохматый.

– И даже проводим, – с недоброй ухмылкой поддакнул второй. – Столь важной персоне просто необходима охрана, иначе какие-нибудь злые люди могут помешать ей вернуться в Догеву и опечалить Старейшин.

– Я все им расскажу, – мрачно пообещала я. – Прямо с порога. С границы, то есть.

– Ох, как мы испугались! – картинно рассмеялся третий. – Да кто тебе поверит? Слово человеческой ведьмы против десяти вампиров. Вот пусть она и сочиняет в пыточных застенках, каким образом ей удалось прикончить Повелителя Догевы. А причину, по которой она это сделала, Совет придумает сам. За тобой ведь водились какие-нибудь грешки, верно?

Хуже мне быть уже не могло, но тем не менее стало.

«Из ревности» – наверняка предположит Келла. Три года я ходила за Лёном след в след, а узнав о свадьбе, умчалась из Догевы с таким перекошенным лицом, что вполне могла передуть посольство голыми руками.

Я помрачнела, разбойники просияли. Они уже отвязывали веревку от ствола, когда у меня из-за шиворота запоздало выскользнула гроздь амулетов и ступенчато обвисла ниже макушки, раскачиваясь на шнурках и цепочках. Был тут и Велькин корешок, и авантюрин Лёна, и каплеобразный кошачий глаз, вроде бы от расстройства желудка (или наоборот, проверить не представлялось случая), мелкие обсидиановые бусы, которые следовало перебирать по камушку для скорейшего восстановления магического резерва, застывший в янтаре листик (просто красивый) и прочая ведьминская дребедень.

Лохматый равнодушно скользнул взглядом по бренчащей связке, начал было подозрительно изучать расчесанные до крови руки, но вдруг вздрогнул, резко повернулся, сгреб всю гроздь, тут же выронил и с воплем заскакал по поляне, дуя на дымящуюся ладонь. Бдительный корешок чадил рыжим и вонючим. Велька и сама толком не знала, каким образом он должен отводить глаза нечисти; видимо, предполагалось набраться смелости и ткнуть амулетом непосредственно в оные, поочередно.

Разбойники изумленно тарацились на отплясывающего коллегу, не успев заметить, что произошло. Пользуясь моментом, я так и эдак напрягала и выкручивала кисти, пытаюсь ослабить стягивающую их веревку. Делу помогала пропитавшая ее кровь, волокна набрякли и осклизли; правая рука, которую я считала откушенной, ничего не чувствовала, но кое-как слушалась. «Не вытащу, так оторву, все равно потом отрезать», – злобно думала я, безжалостно выдергивая ее из веревок.

– Здоровеньки булы! – Звонкий девичий голосок застал всех врасплох, даже лохматый прекратил изображать объевшегося мухоморами тролля и недоверчиво уставился на очередную возмутительницу спокойствия, начиная подозревать, что прохожие специально делают крюк через лес, дабы посмотреть на разбойников, и где-то на развилке приколочен соответствующий указатель.

В десяти шагах от меня стояла незнакомая девушка лет двадцати. Одинокая хрупкая фигурка, над правым плечом которой возвышалась оплетенная кожей рукоять, а через левое спускалась вдоль высокой груди толстая русая коса. Руки девушка нахально уперла в бока, с интересом изучая нашу живописную группу. Ветки, сквозь которые продиралась незнакомка, еще не успели замереть.

– О, яки гарны хлопцы! – заявила она на сочном винесском диалекте. – Вы тильки подывытеся, як по жаночой ласцы знудьгувалыся – на одну дивчину втьрох накинулись! Ну то идить и до менэ, я вас тэж добра уважу, бо маю час и натхнення!

Времени и вдохновения разбойникам тоже было не занимать. Выпустив отвязанную веревку (я чуть не сломала шею и нецензурно об этом сообщила), они обнажили мечи и в зловещем безмолвии пошли на незваную заступницу. Девушка огорченно присвистнула и попятилась, вытягивая собственный клинок.

– Ты глянь, друже, кого мы зараз рубаты будэмо!

Не знаю, успел ли меч осмотреться, но я бы на его месте задрожала, нырнула обратно в ножны и потуже затянула ремешок: оружие противников было в полтора раза длиннее и массивнее, из дорогой темной

стали, известной как «гномый аспид». Раны, нанесенные этой дрянью, без магии не только не заживали, но и продолжали разрастаться вглубь и вширь. Также ходили слухи, будто аспидный меч слушается только той руки, в которой первый раз испил крови. Его не рекомендовалось даже перебрасывать из руки в руку, хотя научно-магического объяснения этому факту не существовало, как и доказательств.

Тем не менее устроить незнакомку не удалось. Закипел бой. Разбойники дрались молча, девушка задорно комментировала:

– Майте сором, пидходите па чэрзи! То куды ж ты побег, коханий мой? А ну вертайся, шось цикаве покажу! Не подобалось? А то ж – кулак в око! О, то добрый удар! Но жаль, не мой... Ты шо робиш? Шо робиш, я тебе пытаю?! Сам дурны, чи наставник поганый попался? Хто ж так дивчину б'е? Во як трэбо! Пон'яв? Ну, очнешься – дойдэ. Эй, а мэнэ-то за шо?!

Мечом винчанка в основном парировала, охаживая противников руками и ногами. Первый рубящий удар пришелся по вражьему виску – жаль, плашмя. То ли разбойник нынче пошел твердоголовый, то ли меч знавал лучшие времена, но лезвие не просто сломалось – осколками брызнуло в стороны. «Вампир» отшатнулся, осовело мотая головой. Девушка, не растерявшись, огрела его рукоятью по челюсти и безжалостно добавила ногой ниже пояса. Противник согнулся в земном поклоне, на подмогу уже спешили двое других. Девушка, словно играя в чехарду, ухватила «вампира» за плечи и перескочила через его спину. Троица сложилась в колоритную кучу малу, бодро дрыгающую руками и ногами.

Настоящие вампиры давно скрутили бы девушку в бараний рог, эти же гоняли ее по лужайке добрых десять минут, прежде чем наброситься всем скопом и повалить на землю.

– Ага, эта нам подойдет! – торжествующе пропыхтел лохматый, вцепившись девушке в косу, словно собирался оторвать за нее голову.

Для чего подойдет, я так и не узнала, потому что отчаянным рывком выдернула-таки правую руку (то ли из веревок, то ли из плоти). Выплетать что-нибудь замысловатое и прицельное не было времени, к тому же я боялась зацепить девушку, так что ограничилась простой силовой волной, разметавшей противников по кустам. Пока они там барахтались и ругались, я подобрала осколок меча и занялась стягивающей ноги веревкой. Проще, конечно, распутать ослабленный чарами узел, но для этого нужны обе руки, и желательно целые. Правая выглядела ужасно – окровавленная, отекающая, с негнуцимыми пальцами и глубоко врезавшимися следами от веревок. Левая тоже едва шевелилась, но железку худо-бедно удерживала.

Разбойники выломались из кустов и бросились ко мне, напрочь

игнорируя девушку. А зря – она справедливо рассудила, что этот враг не заслуживает честного боя. В воздухе свистнул увесистый голыш, ближайший «вампир» поймал его затылком, выполнил изящный пируэт и надолго выбыл из строя.

Спохватившись, разбойники разделились. Мне достался лохматый, почесывающийся даже на бегу. Отбросив меч, он соскучившейся бабушкой распахнул руки мне навстречу, решив брать живьем. Я только-только успела распутать ноги и встать, но не могла сделать и шага – они так затекли, что мне пришлось прислониться спиной к дереву.

Колдануть я не успела, объятия у «бабушки» оказались железными, досталось и костям, и стволу. Я вяло, скорее в знак протеста, чем надеясь отбиться, стукнула лохматого кулаком по лбу. Треснуло, блеснуло, и противник, не успев охнуть, рассыпался мелкой черной пылью, а ветер утянул ее за собой. Я удивленно посмотрела на кулак. Вокруг пальца скользнуло тоненькое, чешуйчатое змеиное тельце; скользнуло и вновь застыло серебром кольца. Все-таки артефакт, не исчезло и не утратило силы после активации.

Ноги подкосились, я сползла по стволу, чувствуя себя немногим лучше убитой. Равнодушно, как и полагается не обремененным мирской суетой покойникам, осмотрелась, машинально подобрала и запихнула в карман мятый диплом, вымазав свиток кровью. На поляне царила подозрительная тишина, из кустов торчали ноги третьего разбойника. Девушка отбросила ненужный уже камень, с сожалением посмотрела на разбросанное по полянке оружие, но благоразумно воздержалась от сбора трофеев.

– Тикаем! – скомандовала она, махнув рукой на лес.

– Что?

Девушка тут же перешла на белорусский язык с редким вкраплением винесских слов:

– Бежим, кажу! Вон, на горизонте точки какие-то движутся – напэвна, конники.

– Я не могу.

– Это еще почему? – Девушка непонимающе сдвинула брови, быстро наклонилась и, ухватив меня под мышки, одним рывком поставила на ноги. – На тот свет всегда успеешь, а этот лежачих не любит. Чи думаешь – руки на груди скрестишь, так воны шапки снимут, всплакнут и разойдутся?

Я представила эту душераздирающую сцену и содрогнулась. Точки разрастались и множились, я насчитала восемь и сбилась. Кони разбойников во время драки отбежали на середину луга, ловить их было некогда, а ноги в кустах зашевелились, привлекая внимание глухими

стонами их обладателей. Девушка не стала дожидаться моего согласия. Ловко подперев меня плечом и обхватив за талию, она с энергией дикого кабана устремилась в чащу.

Ноги я кое-как переставляла, потом они размялись от ходьбы, и я перестала висеть на девушке мертвым грузом. Она отодвинулась, на всякий случай не выпуская моей руки. Погони не было слышно. Пока еще они доскачут, разберутся, допросят оглушенного – и то, если он придет в себя, а не отдаст концы. Он вряд ли заметил, куда мы побежали, придется искать следы, и если среди них нет настоящего вампира, этим дело и закончится.

Укушенная рука горела, на ней словно висел голодный василиск, изредка двигая зазубренными челюстями. Стряхнуть его не удавалось, заклинания разбивались о стену боли, не дающую сосредоточиться. Она обострялась в ответ на любой толчок, звук, промелькнувший образ. Предложи спутница отрубить мне руку, я согласилась бы без колебаний. Но она безжалостно тащила меня вперед, выбирая самую неудобную дорогу через плотно сомкнутые елочки, цепкий малинник или бурелом. В конце концов мы скатились в заросший тростником овраг, чему девушка несказанно обрадовалась – дескать, теперь-то они нас точно не догонят, а если идти по руслу ручья, то и не выследят.

Ручей оказался не только глубоким, выше колена, но и топким. Мы чавкали по нему, как два упрямых охотника в погоне за подстреленной уткой, пуская вниз по течению черные облака грязи. Вода сначала показалась холодной, потом ледяной, а затем ноги окоченели и им стало все равно. Вдобавок ручей кишмя кишел змеями, вроде бы гадюками, хотя они не представлялись и, возмущенно шипя, уползали, не желая связываться с полоумными девками. Сухой прошлогодний тростник вперемешку с зеленым нынешним нещадно царапал руки, из-за него ничего не было видно, и я с трудом удерживалась от жалобного вопля: «Ау, разбойники! Мы сдаемся! Вытащите нас отсюда!»

Наконец мы уткнулись в поваленную сосну и по ней выбрались на берег. Как оказалось, овраг незаметно сошел на нет, осталась широкая канава, по обе стороны которой высился редкий лес. Где-то вдалеке надрывались петухи, и девушка без колебаний повернула к жилью.

Но не успели мы пройти и ста шагов, как в моих и без того мутных глазах окончательно потемнело, и если само падение я еще помнила, то удара о землю уже не почувствовала.

Очнулась я глубокой ночью, на мягком еловом лежаке у весело

потрескивающего костра, заботливо укутанная в две куртки – мою и чужую, с приторным запахом сирени. Справа темнел лес, слева мерцали звезды, на горизонте переходя в кучные огоньки жилья.

– Привет, доходяга! – Девушка беззвучно вынырнула из темноты и плюхнула на угли котелок с водой, переделанный из рыцарского шлема. Так вот что брякало у нее в заплечном мешке, который девушка сбросила перед боем и не забыла прихватить при отступлении. Как говаривал один из великих полководцев древности, «трус, бегущий с поля брани, бросает все, храбрец остается при своем, а герой успевает подобрать за трусом». Мне подбирать было особенно нечего, все имущество осталось на Смолкином седле, а деньги испарились вместе с лохматым. – Ну шо, иди мне в село по домовину, чи як?

– С домовиной повременим... – с удивлением призналась я, разобравшись в ощущениях. Голова была тяжелая, безумно хотелось спать, но больной я себя не чувствовала, как и укушенной, замерзшей и избитой.

– Ты не приходила в сознание с обеда. Я глянула – ты вроде бы не ранена, да и жара нема. Отравилась? – предположила девушка. – Чи на гадюку в той клятой кринице наступила?

– Как это – не ранена? – возмутилась я, садясь и выпутываясь из курток. – А откушенная рука? Думаешь, так и было?

Я закатала выпачканный кровью рукав и изумленно воззрилась на гладкую кожу. Ни шрама, ни царапинки. Только по четыре маленьких дырочки на куртке и на рубашке. На всякий случай я осмотрела и левую руку. Ничего. Даже синяков от веревок.

– Леший знает что, – пробормотала я, со вздохом откидываясь на ветки.

Незнакомка сочувственно покачала головой, обгорелым суком подгребая угли к шлему с закипающей водой.

– Мало ли шо после удара башкой о землю привидится. Выспись хорошенько, а завтра разберемся.

Я вовсе не считала себя сумасшедшей, хотя моей голове сегодня досталось дважды. Но что-либо доказывать не было сил, глаза слипались, а стоило их закрыть, как появлялось ощущение неторопливого сплава по реке на качающемся в такт волнам плоту.

Покрошив и бросив в котелок стебель дикой мяты, девушка устроилась по другую сторону костра, укрывшись серым шерстяным отрезом, грубо обметанным по краю. Такие покрывала выдают воинам в походе: тонкие и легкие, при необходимости они сворачиваются в тугой компактный рулон, удобный для переноски, на привале защищая спящего

от дождя и ветра, но почти не греют. А девушка к тому же отдала мне куртку с теплой меховой подкладкой.

– Ты не замерзнешь?

– Та не, – сонно отозвалась она, – я привычная. Ты, можа, пить хочешь? Травка зараз настоицца, могу в кубок нацедить...

Но я уже спала.

Глава 11

Разбудила меня Смолка. Мне как раз снился огромный, почему-то черный волк, от которого я долго убегала по дремучим, гористым лесам, еле волоча налитые свинцом ноги... в конце концов зверь догнал меня, вспрыгнул на спину, повалил и начал заглатывать целиком, начиная с головы. Естественно, вид черной усатой морды, обнюхивающей мое лицо, не привел в меня в восторг. Разбуженная визгом, девушка спросонья запуталась в одеяле, а, выкарабкавшись, снова повалилась на лежак, заливаясь веселым смехом.

Выругавшись, я отпихнула морду и села, протирая заспанные глаза. Неунывающая Смолка приветственно махнула незнакомке хвостом, обнюхала угли и, прежде чем я успела вмешаться, сунула морду в котелок. За ночь у меня пересохло во рту, и холодненький мятный настой пришелся бы весьма кстати, но Смолка выхлюпала его в несколько глотков, приняв за специальный лошадиный компотик. Гулко икнув в шлем, кобыла удивленно насторожила ушки и попятилась, не сводя глаз с подозрительной посуды. Я без труда изловила ее за узду. В одном стремени висел, зацепившись носком, потрепанный мужской сапог; сколько верст его обладатель позорно волочился за галопирующей кобылой, знала одна Смолка.

– От бисова коняка, – одобрительно заметила девушка. Только деревенские недотепы на ярмарках заглядывают лошадям в зубы, чтобы произвести впечатление опытных барышников и сбить цену, настоящему же профессионалу достаточно беглого взгляда. Именно таким взглядом девушка скользнула по жилистым ногам, подтянутому животу и рельефной мускулатуре под лоснящейся шкурой. – Твоя?

Я кивнула. Сапог оказался простецкий, явно не разбойничий; видимо, на беспризорной лошадке решил прокатиться какой-нибудь селянин. До чересседельных сумок он добраться не успел, все было на месте, даже меч. Повертев сапог в руках, я уже собиралась закинуть его подальше в кусты, но вовремя услышала приглушенное бряканье, и вытряхнула из носка три золотые монеты в тряпице, немного поднявшие мне настроение.

Пока я ласкала и нахваливала добычливую лошадь, девушка скатала одеяло, сполоснула и наполнила котелок водой из фляги.

– У тебя есть что-нибудь съестное? У меня только хлеб с салом, и того на один укус.

Я порылась в сумке и решила пустить в расход подозрительную

овсяную крупу, пока она не стала однозначно червивой. Бросив мешочек рядом с костром, я привычным жестом коснулась дровяной горки, никак не желающей заниматься от вяло тлеющих углей. Сыроватые поленья недовольно затрещали и расплевались искрами, но вспыхнули. Девушка вздрогнула от неожиданности и на всякий случай отодвинулась от костра, а заодно и от меня.

– А кто ты такая? – запоздало спохватилась я.

Она замешкалась, то ли подбирая слова, то ли выигрывая время для лжи:

– Как тебе сказать... Так, мимо проходила...

Где-то я это уже слышала. Девушка заметила мою скептическую гримаску и торопливо поправилась:

– Я воин-наемник, хотела напрямки дорогу к тракту срезать. Думала, охранницей в купеческий обоз устроюсь или телохранительницей чьей-нибудь. Кстати, меня Орсана зовут.

Я впервые толком разглядела свою спасительницу. Типичная винчанка: светловолосая, кареглазая и чернобровая, с крупными чертами лица; моего роста, стройная, но широкая в кости. Виннесские женщины славятся пышнотелой дородностью, и я живо представила Орсану лет эдак через двадцать, румяной бабищей в полтора обхвата, с блюдом вареников в руках, – если, конечно, к тому времени она выйдет замуж, нарожает кучу детишек и забросит ежедневные тренировки. Впрочем, спокойная жизнь ей вряд ли грозила, с таким-то упрямым подбородком и дерзким, насмешливым взглядом.

– Вольха. А где всё?

– Шо – всё? – растерялась девушка.

– Ну, меч, лук, связка метательных ножей, кольчуга, наколенники, парочка кастетов, боевой конь? Что еще входит в экипировку наемника?

– А... ты об этом, – погрустнела Орсана. – Увы... Я выросла в бедной селянской семье, мать едва наскребла мне на дорогу два десятка золотых, а отец отдал свой старый меч, сломавшийся о башку того ретивого разбойничка. И недели не прослужил, зараза...

– То есть ты такой же новичок на тракте, как и я, – заключила я.

– Как и ты? Я думала, разбойники уволокли тебя из какого-нибудь разграбленного селения и собирались... – девушка покраснела и шепотом добавила: —...надругаться...

Я замешкалась, как раньше Орсана. Естественно, всю правду о себе выкладывать не стоило. Но и откровенно лгать мне не хотелось – запутаюсь, вызову глупые подозрения, потом будет на меня коситься и

задавать каверзные вопросы.

– Я – магичка, неделю назад получила диплом со свободным распределением. Тоже ищу работу, но желательно без рукопашных боев и надругательств.

– Магичка? – Орсана уважительно присвистнула. – А не заливаешь? Видала я магов – сплошь мужики, старые сморчки в колпаках и балахонах со звездами. Да и ведьмам вроде как положено в избушках зелья мешать, то ли куриными лапами, то ли суками от удавленников, и заходим людям гадости подстраивать.

– Гадости – это всегда пожалуйста, – рассмеялась я. – К твоему сведению, в избушках сидят только самозванки, морочащие людям голову с помощью тех же лап. Толченые, кстати, куда эффективнее, у меня где-то пакетик есть... Можем подсыпать в кашу, для запаха.

– Нет, и так сойдет, – торопливо отказалась Орсана. – А ты можешь превратить палку в меч?

Я только развела руками:

– Увы... сотворением мечей не занимаюсь. Обратись к кузнецу.

– Жаль, – вздохнула девушка. – У меня осталось шестнадцать кладней, а мне срочно нужны меч, кольчуга и конь в полной сбруе. Конь стоит не меньше пятидесяти, так что денег хватит разве что на хвост и копыта.

– Купи пока меч, а с ним и на остальное заработаешь, – предложила я.

– За месяц? Вряд ли. – Орсана о колено сломала толстенный сук и подбросила обломки в костер. У меня бы сломалось колено.

– Сроки поджимают? – участливо поинтересовалась я.

– Я собиралась поступать в Белорский Легион. Через месяц ежегодный летний набор, любой воин, выдержавший испытание, будет зачислен в его ряды – если, конечно, он полностью экипирован. А так придется ждать до следующего года.

Над котелком поднялась густая пена с подозрительными вкраплениями, но я не стала портить аппетит дотошным ее изучением, а попросту сдула в костер, помогая ложкой. Ничего, наваристей будет.

– А что за испытание?

– Да так, ерунда. Поединок на мечах, копьях и арбалетах, – небрежно отмахнулась девушка, нарезаая хлеб и сало.

– Ничего себе, ерунда! – Я знала эти поединки. После них с ристалища тихо и незаметно уволакивали за ноги недостаточно расторопных претендентов. – Мне кажется, лишний год жизни тебе ничуть не повредит.

– Воин живет в сражении! – Девушка гордо задрала носик.

– И в нем же умирает, причем довольно быстро, – согласилась я. – В

любом случае я твоя должница. Денег у меня почти нет, но, если хочешь, можем путешествовать вместе, пока не насобираем тебе на коня.

– Отличная идея! – Орсана просияла, но тут же, спохватившись, поторопилась уточнить: – А ты правда этого хочешь? Мне действительно не помешает компания – все веселей, но ведь у тебя, наверное, были какие-то планы?

План у меня был один: обратиться отсюда, причем поскорей и подальше, а на досуге хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. В Догеvu мне ехать нельзя, это ясно. Тем более, там-то меня и будут ждать. Если же я как ни в чем не бывало вернусь в Стармин, вампиры окончательно уверятся, что Повелителя убила я, и потребуют выдачи преступницы. А нашему королю только дай повод расплеваться с вампирами, их долина у него как бельмо на глазу, не дает границу спрямить. К тому же скорбеть о Лёне пока рано, может, волк побегаёт, проветрится и придет в себя. Как бы я о нем ни беспокоилась, искать его самой бесполезно, благоразумнее всего выждать и потихоньку разведать о косящих под вампиров разбойниках. Такая большая банда просто не могла остаться незамеченной, на ее счету должны быть и другие злодеяния.

– Нет, никаких, – решительно сказала я, – тракт так тракт. Где он, кстати?

Девушка махнула рукой в сторону давешних ночных огоньков:

– Должен быть там, если верить карте.

Солнце слепило глаза, разглядеть что-либо на горизонте было сложно, как и оценить расстояние на бескрайней равнине.

– Поверим, – коротко сказала я, помешивая пытящую овсянку. Орсана благоговейно притихла: наступал самый ответственный момент, до которого крупа еще не упрела, а после – намертво пригорала к стенкам.

Каша удалась на славу. Обжигаясь и дуя на полные ложки, мы слопали ее прямо из котелка, а поскребышами занялась Смолка. Увлеченная едой, кобыла позволила Орсане фамильярно похлопать себя по холке, но так мрачно глянула на нее поверх шлема, что я поспешила втиснуться между дамами, для вида поднимая вылизанный до блеска котелок. Наемница, ничего не заметив, уже примерялась к стременам.

– Двоих свезет или по очереди поедем? Ты первая, если хочешь.

– Тут недалеко, может, пешком прогуляемся? – предложила я, ломая голову, как бы потактичнее объяснить Орсане, что моя лошадь вообще-то не лошадь и очень придирчива в выборе седока.

Но девушка только усмехнулась:

– Садись!

Я еще не успела выпрямиться в седле, а она уже легко вскочила сзади, едва коснувшись рукой крупы. Смолка ревниво оглянулась, но, увидев поводья в моих руках, посчитала Орсану за еще один тюк с поклажей и успокоилась.

– Устанет – спрыгну. А за меня не беспокойся, я и рядом бежать могу, меня на тренировках учили. Лишь бы за стремя ухватиться, а там хоть в галоп.

Я украдкой перевела дух. Не видала она Смолкиного галопа, осталась бы в стремени одна рука.

Двойная ноша никак не сказалась на кобыле, она с неизменной энергией рвалась вперед, то и дело приходилось осаживать. Мало ли, вдруг давешние разбойники заждались нас в селе, а подуставшая лошадь не сумеет достаточно быстро от них оторваться? Я не сомневалась, что в конце концов мы все равно их обгоним, но чем меньше по нам выпустят болтов, тем лучше.

Орсанины мысли двигались в том же направлении.

– Чего они к тебе прицепились?

– Обыкновенные грабители, – солгала я, радуясь, что наемница сидит сзади и не видит моих глаз, – деньги отобрали, потом надругались бы и убили...

– Над ведьмой? Подвесив на дереве вниз головой? Что-то не верится. Больше похоже на допрос или склонение к недобровольному сотрудничеству.

– Леший их знает, из-за тебя я не успела толком с ними побеседовать, – выкрутилась я. – А кто тебя тренировал? Здорово дерешься.

Орсана почему-то замялась:

– Да так... отец, дядя немного. Они всю жизнь в Легионе прослужили, потомственные вояки, дома только и разговоров было, как и кого они в капусту секли.

– И тебе захотелось?

– А кто меня спрашивал? Учили мечом махать, потому что сами ничего другого не умели, – в досаде отозвалась девушка. Похоже, прощание с родными не было таким уж сердечным.

– Почему же они не пристроили тебя в Винесский Легион? Конечно, последняя война между Белорией и Винессой больше напоминала дурацкий розыгрыш: армии вышли на поле, покосились одна на другую, после чего наша отступила без боя, а ваша, удивленная, даже не пошла мародерствовать по селам. Но кто может поручиться, что в следующий раз вы с отцом не столкнетесь нос к носу?

– Во-первых, после той войны у нас с вами мирный договор на пятьдесят лет, на мой век хватит, а во-вторых, в Винесский Легион девушек не берут. Кстати, папа рассказывал, что по селам они все-таки пошли, но очень вежливо и за свои деньги, потому как возвращаться из похода с пустыми руками стыдно, надо хоть сувенирчик, куклу соломенную в национальном костюме теще в подарок привезти. Ну и сало у вас дешевое. Долго их потом интересовало – это все-таки война была или белорусская народная потеха: бросить соседям вызов, собрать армию, эффектно промаршировать через полстраны, а потом извиниться и сказать, что пошутили? Для поддержания народных промыслов и сбыта лежалого сала?

– Да, наш король специалист по народным потехам, – вздохнула я, – одна осада Замкового холма чего стоит! Наверное, это он перед «войной» тренировался.

– Какого холма? – заинтересовалась наемница.

Пришлось рассказать Орсане эту печальную и поучительную историю. Заодно и дорогу скрасили.

...В позапрошлом году сравнялось сто лет со дня взятия королевскими войсками вышеупомянутой крепости на холме за городом. Никто толком и не помнил, против какого врага сражался наш отважный народ и откуда этот самый враг в крепости взялся, главное, что победили те, кто следует, то есть мы. Вот король и решил отметить эту славную дату потешным взятием развалин. В стране был объявлен праздник, падкий на зрелища народ радостно потек в столицу, а Наум ради такого случая велел отполировать свои парадные доспехи, проржавевшие за ненадобностью, и подновить крепость хотя бы спереди. Добросовестные строители в положенный срок возвели каменную стену на зубчатых остатках старой кладки – правда, как и просил король, только перед крепостными воротами. Судя по всему, сие укрепление было рассчитано на безгранично тупого и упрямого врага, сверх меры обремененного рыцарской честью.

Защитниками крепости назначили опальных придворных, обряженных загадочными врагами, то есть в черные кожаные доспехи без опознавательных знаков. Сам король пожелал возглавить элитный рыцарский отряд, на всякий случай нацепив поверх шлема самую большую и блестящую корону, чтобы какой-нибудь не в меру ретивый защитник не вздумал нанести урон его хрупкому величеству. Вокруг крепостного холма расставили лотки со сладостями и пивом, десятки менестрелей, перекрикивая друг друга, оглашали окрестности надрывными песнопениями – почему-то в честь Наума, а не настоящего победителя,

бродячие фокусники давились огнем, а воры беспрепятственно облегли карманы зевак, глазающих на шествующее к горе воинство. Враги тоскливо наблюдали за ним с гребня стены, держа наготове длинные палки, деревянные мечи и ведра с холодной водой, заменяющей кипящую смолу.

Заголосили боевые трубы, король торжественно спешил у подножия холма, отсалютовал противнику мечом и им же картинно указал армии на крепость.

Рыцари браво бросились на приступ.

Увы, король не принял в расчет одну досадную мелочь – его далекий предшественник брал замок в засушливое лето, а нынешнее выдалось на редкость дождливым, отчего глинистая земля на лысых склонах холма превратилась в скользкую грязь, взобраться по которой затруднилась бы и коза, не говоря уж о сотне закованных в броню рыцарей.

Первому десятку возглавляемых Наумом энтузиастов удалось каким-то образом обмануть законы природы и взбежать довольно высоко, локтей на сорок, но защитники даже не успели плеснуть в нахалов водой, как и без того сырая земля поехала у тех под ногами.

Зрительницы предусмотрительно зажали уши своим малолетним детишкам – перемазанная грязью куча наряду с грохотом издавала многочисленные ругательные звуки, складывающиеся в отдельные слова и даже заковыристые предложения.

Мало-помалу куча расползлась, явив в самом низу слегка помятого короля в погнутой короне. Немного отдышавшись, обозленный Наум скомандовал повторную атаку, на сей раз не вдохновляя рыцарей личным примером, а осуществляя чуткое руководство с помощью широкой трубы.

Рыцари упрямо подбирались к крепости на карачках, подтягивались на воткнутых в землю мечех и даже ползли, упираясь острыми носами железных сапог и шипастыми наколенниками. Стоило одному из них сорваться, как все ниженаступающие спелой виноградной гроздью срывались с места и с нарастающей скоростью скользили вниз. Некоторые, махнув рукой, попытались подобраться к замку с задней, практически разрушенной стены, но доблестные защитники, оскорбленные в лучших чувствах, наотрез отказались воевать с таким недобросовестным врагом и с позором отправили его обратно. Впрочем, некоторые нападающие категорически отказались как уходить, так и сражаться дальше – они смешались с врагом, расселись у стен и, развернув собранные заботливыми женами узелки, мрачно захрустели свежими огурчиками с хлебом.

Народ бурно ликовал, Наум скрежетал зубами. Нахотавшись властью, осажденные сжалились и стали бросать врагам веревки. С огромным трудом перевалив через гребень, рыцари большей частью благодарили своих спасителей, со стонами валились в тенечек, стягивали шлемы и жадно пили из ведер со «смолой». Увы, отдельные осаждавшие проявили редкостное коварство и попытались сорвать реюющий над крепостью флаг, что означало бы ее захват, но защитники тут же опомнились, возмутились и не без помощи благородных рыцарей стали спихивать предателей вниз. Те безостановочно катились с холма под улюлюканье зрителей.

Потеха продолжалась добрых два часа, пока вконец обессиленные от смеха враги сами не сняли злосчастный флаг. Историческая справедливость была восстановлена...

А мы тем временем подъехали к селу – неожиданно большому, от города его отличало только отсутствие каменных домов и мостовой. Именовалось оно Раздорьем, стояло на Витягском тракте, пересекающем Белорию с запада на восток, чуть наискось, от Винессы до Ясневого Града; тракт же был центральной сельской дорогой. По ней почти непрерывно тянулись путники – торговцы, бродяги, гонцы, наемники, гастролирующие артисты и жулики (зачастую одно и то же), менестрели и прочий неугомонный люд. Конечно же, в селе имелся постоялый двор, а при нем – корчма «Дубовый пенек», всегда полная народу и новостей.

Орсана осматривалась по сторонам с таким интересом, словно в первый раз увидела корчму изнутри. Ее взгляд поочередно задерживался на чесночных плетенках, охраняющих корчму от нечисти, огромных кружках пива, свисавших с потолка светильниках, пока не горевших, но еще с утра заправленных маслом, массивных, неподъемных столах и лавках, сколоченных из дубовых брусьев – чтобы, ежели кто затеет драку, не сумел разломать или оторвать от земли.

За несколько серебряных монет мы сняли комнату на ночь, маленькую запирающуюся клетушку на втором, чердачном этаже, отнесли туда вещи и договорились об ужине и завтраке для себя и лошадки. На нас корчмарь посмотрел сонно и равнодушно, а вот Смолка привела его в восторг, он долго цокал языком, любуясь ею из окна, потом умиленно уточнил:

– А ее чем потчевать прикажете – ячменем, овсом, сеном луговым? Может, послать мальчишку клевера накосить?

– Все равно, руки только не суйте, – вздохнула я.

Смолке как раз чем-то не угодил тарацившийся на нее бродяга, она

без предупреждения развернулась к нему задом и наподдала копытами, отбросив в навозную лужу – под громовой хохот окружающих. Корчмарь растаял окончательно; оказалось, пронцательная кобыла лягнула известного жулика и конокрада, давно промышляющего на торжищах, но все никак не схваченного за руку.

Я поторопилась увести Смолку в конюшню, пока корчмарь не вздумал познакомиться с чудо-лошадкой поближе. Вернувшись, я посоветовалась с Орсаной, и мы решили поискать работу сначала в селе, а если и впрямь подвернется какой-нибудь нуждающийся в охране обоз, примкнуть к нему. Надолго задерживаться в Раздорье мы в любом случае не собирались – меня тревожили бродившие неподалеку разбойники, а Орсана мечтала посетить Витяг, крупный город в двух днях пути, знаменитый развалинами эльфийского замка и вкуснейшими в Белории сладостями.

Чтобы побыстрее осмотреть село, привлекая поменьше внимания, мы разделились. Вряд ли кто-нибудь захочет нанять нас обеих, а если и так, вечером встретимся в корчме и обменяемся новостями. Я ушла первой – Орсана о чем-то разговорилась с рослым детиной у двери: тот показывал ей свой меч и она с умным видом щелкала по лезвию ногтем. Потом, ко всеобщему восхищению, при помощи одной левой руки со свистом раскрутила клинок над головой, ловко перебирая пальцами по рукояти, и внезапно метнула через всю корчму, до середины загнав в щель между бревнами. Гном, сидевший за ближайшим к стене столом, посмотрел вверх, посерел, отложил надкушенный хлеб и на всякий случай пощупал макушку.

На центральной улице было шумно и многолюдно, почти как в столице. В центре небольшой площади обосновался табор кочевников, производивший большую часть гама: визжали чумазые ребятишки, пронзительным речитативом зазывали погадать смуглые женщины в пестрых платьях с открытыми лифами, громко бранились мужчины, ржали кони и лаяли собаки. Вокруг носились торговки с пирогами и семечками; сидели на перевернутых корзинах народные умельцы, расставив на земле глиняные свистульки и пресловутых соломенных баб; степенно разгуливали проезжие купцы, беседуя друг с другом и с местными жителями.

Краем обойдя площадь, я свернула в улочку между домами. Здесь было потише, избы чередовались с садами и огородами, кое-где просушивались на распорках рыболовные сети – по соседству с Раздорьем было небольшое озеро.

По правде говоря, в поисках работы я особо не усердствовала. Но это был удобный повод начать разговор. Получив очередной отказ, я не

торопилась уходить, а бросала невинное замечание насчет удивительно ранней весны. В большинстве случаев получасовая беседа была обеспечена. Мне таинственно сообщали, что это не к добру: вскорости снова ударят морозы, да крепче зимних, всходы померзнут, завязи осыплются, а соседка Глабка по ночам оборачивается сивой кобылой и в таком непотребном виде скачет над крышами, кидая в трубы порчун-траву, отчего у хозяек пригорает каша и киснут щи, а что с мужиками творится, и сказать-то стыдно. Добросовестное, сочувственное поддакивание не давало потоку новостей и сплетен иссякнуть, так что к вечеру я узнала все, что мне было нужно.

Ни о какой разбойной банде здесь слыхом не слыхивали, если не считать корчмаря и хозяйки постоялого двора, которые поставляют друг другу клиентов и дерут с них втридорога. Вампировидные незнакомцы на гнедых конях в селе тоже не появлялись. Я устала, проголодалась, пала духом из-за бесплодных поисков и в конце концов просто села на обочине дороги, чтобы немножко передохнуть и привести мысли в порядок.

Меня не оставляло противное, гнетущее ощущение, что время работает против меня. Что, если Лён сейчас заново умирает где-то в лесу, так и не сменив ипостась? Он скверно выглядел, и эти глаза... Живя в Догеве, я только по ним и отличала вампиров от ручных волков, которых там полным-полно. Стоп, а что, если в долине вообще нет настоящих волков?! Что там говорила Крина – «убедился, что сдал меня в хорошие руки, и ушел»? Неужели раньше он тоже был вампиром, а потом умер и остался с ней после смерти – безмолвным преданным зверем, воспоминанием, «которым нельзя жить, каким бы хорошим оно ни было»?

Тогда мне не на что надеяться.

Вид у меня в этот момент был такой измученный и несчастный, что какой-то добросердечный прохожий бросил мне на колени медную монетку. Я подняла глаза и увидела корчмаря с потрошеным гусем под мышкой – видимо, все подручные оказались заняты, пришлось лично наведаться к мяснику. Спohватившись, он начал извиняться – не признал-де.

Я только махнула рукой, возвращая подаяние.

– Стряслось чего? – сочувственно поинтересовался он, пряча денежку.

– Просто устала.

– Жаль, а я вам как раз работенку хотел предложить... – огорчился он, перекладывая гуся в другую руку. – Ну да это не к спеху, так, оборотня приструнить...

Слегка опешив, я осторожно уточнила: что именно я должна сделать с

оборотнем?

– А что угодно, лишь бы угомонился, – досадливо брякнул корчмарь. – Совсем, собака, стыд потерял – ночами по селу бегают и в окна заглядывают, спасу нет. Хорошо, ежели со своей женой тешишься: поглядит и отстанет, а чуть соседку в гости зазовешь – совестить начинает, да проникновенно так, будто по-писаному, аж волосы дыбом встают. И реки огненные поминает, и мракобесов с ухватами калеными, и что оные теми ухватами вытворяют... Лучше бы загрыз кого, проклятый, да на месяц успокоился, как вся порядочная нежить. Мы уж и дайну жаловались, а он только глаза к небу возводит и пальцем туда же тычет: это, мол, божья кара, за грехи наши ниспосланная! Молитесь да жертвуйте почаще. Только мы лучше один раз вам скинемся, чем непотребства всякие каждую ночь выслушивать, а поутру в храм со свечкой бежать.

– Так уж и каждую? – усомнилась я.

Корчмарь смутился и забормотал, что это-де так, для красного словца, но оборотень и впрямь надоел хуже горькой редьки, и пуцай я с ним что хочу делаю, лишь бы порядочным людям отдых не отравлял.

Я пообещала подумать, а пока вернулась на главную улицу, купила пирог с капустой и рублеными яйцами, перекусила и немного успокоилась. Не стоит отчаиваться раньше времени, ведь разбойники зачем-то охраняли тело Лёна, не сожгли и не прикопали. Волк в клетке им без надобности, труп тоже. Да, они рассматривали и такие варианты, но не торопились. Выходит, все-таки надеялись воскресить и использовать, уповая на какой-то реар. Что бы это могло быть? Вампиры наверняка должны знать. Ох, как же мне не хватало Лёна – с его дурацкой привычкой умалчивать о вещах, которые мне, с его точки зрения, знать не следовало, но честно отвечать на прямой вопрос... Не раз и не два у меня дыбом вставали волосы, когда я совершенно случайно узнавала, например, что кратчайшая дорожка между столицей Догевы и одним из крупных селений, которой почему-то никто не пользуется, ведет через заброшенное кладбище, и ходят слухи, будто там нечисто... Это после того, как я ходила по ней добрый месяц и даже присаживалась отдохнуть на такие удобные холмики! Сам Лён, если и составлял мне компанию, неизменно стоял рядом, уверяя, что не устал, и настороженно озирался по сторонам. «Какая разница, – потом оправдывался он, – по кладбищам ходить не запрещено, и если тебе так удобнее, зачем мне портить человеку настроение?..»

Леший побери, я бы все отдала за очередную его шуточку или хотя бы за возможность оказаться рядом на той поляне, даже если бы мне уйти с нее не удалось...

Нет, мне просто необходимо было отвлечься. Я решительно вытерла мокрые глаза, запихнула в рот корку от пирожка и отправилась «струнить» оборотня.

Не мудрствуя лукаво, я устроила засаду возле корчмы, присев на колоде за поленницей. Отсюда великолепно просматривался задний двор, куда выходило большинство окон. Я особенно не пряталась, просто молчала и не шевелилась, а темная одежда помогала затеряться в ночном мраке.

Около полуночи разом взвыли все деревенские собаки, и из смородиновых кустов появился оборотень – смахивающая на волка тварь без малого трех локтей в холке, с коротким хвостом и рыжей окладистой бородой, выделяющейся на фоне серой шерсти. Он заметно трусил, озираясь по сторонам, а когда я вышла навстречу, вежливо поздоровалась и представилась, сообщив цель визита, зверь окончательно смутился, начал витиевато извиняться за свое нехорошее поведение, обещая исправиться и завязать с ночными проповедями, вот только «худую крышу перекрою, оклады позолочу и живописцу лики закажу обновить, а то сам уже святых от мракобесов не отличаю», для чего и «взял грех на душу, дав волю одержимости пагубной, кою прежде держал в узде молитв и благочестия», ибо «не пойдет отара по пути истинному без пса недреманного, и страх сей во благо».

С трудом удерживаясь от смеха, я вытащила меч и пообещала отдать половину гонорара на храм.

Благочестивый оборотень ойкнул и пустился наутек, вопя на бегу: «Свят-свят, изыди! Спасите, люди добрые! Да что же это делается! За веру истинную от ведьмы поганой муки смертные принимаю!»

Я громко потопала на месте и вложила меч в ножны, посчитав задание выполненным.

– Завтра в селе будет ярмарка, – радостно сообщила Орсана, когда я уже разделась, на цыпочках подошла к широкой общей кровати и осторожно залезла под одеяло, думая, что наемница спит. – Надо сходить посмотреть, здешние цены должны быть ниже городских. А я заработала один кладень, подменяла вышибалу у дверей – тот растянул ногу и решил денек отлежаться.

– И многих вышибла?

– Только одного, он принял меня за распутную девку. А у тебя как дела?

– Ерунда. Один оборотень, и тот истинный. Убить рука не поднялась, так что вряд ли что-нибудь заплатят.

– Это как?

– Ну, истинные оборотни меняют ипостаси по собственному желанию, в любое время, сохраняя разум и речь. А если эта способность не врожденная, а, скажем, появилась в результате наведенной порчи или укуса вурдалака, то они превращаются в жутких тварей только по ночам или в темноте, бросаются на всех без разбору, а потом ничего не помнят... Конечно, среди истинных тоже попадаются кровожадные монстры, как и среди людей.

– А они страшные? – с замиранием поинтересовалась Орсана, ежась под теплым одеялом.

– Обычные, – зевнула я. – На волков смахивают, мохнатые, круглоухие, нос покрыт шерстью, пасть короче волчьей, зато шире. Основное отличие – следы пятипалые, когтистые, по бревенчатым стенам запросто взбираются. Впрочем, этот в окна только заглядывал... Ну да леший с ним, спокойной ночи!

Уже сквозь дрему я услышала, как Орсана подкралась к окну и закрыла ставни на крюк.

Глава 12

Разбудило нас предрассветное, истошное кукареканье. Распахнув ставни, Орсана сонно взгляделась в серую туманную мглу и мрачно предположила, что мы приняли за первый петушиный крик последний волчий вой. Тем не менее пришлось вставать. Купцы обычно съезжаются на ярмарочную площадь глубокой ночью, начиная торговлю, как только становится возможным отличить золото от серебра, и это самое подходящее время для выгодных покупок. Потом рынок наводняется толпой, а самое лучшее и дешевое разметают в первую очередь.

Из окна открывался незатейливый вид на скотный двор, усыпанный навозом и изрытый копытами. Возле стены скособочился стог прошлогодней соломы для выстилки хлевов. Запертый в курятнике петух еще раз продрал глотку, и хозяйка, неприкрыто зевая, с ведром ячменя в руке вышла через заднюю дверь высыпала зерно в длинное корыто и отомкнула птичники. Двор наполнился кудахтаньем, кряканьем, гоготаньем, в хлевах нетерпеливо завизжали голодные свиньи. Разбуженные постояльцы начали помаленьку стягиваться вниз, к ароматным запахам, расползавшимся от очага; я слышала, как они обмениваются приветствиями и топчут по лестнице.

Мы с Орсаной решили не тратить время на завтрак. Быстро одевшись, по очереди спрыгнули из окна в стог, скатились по его шуршащему боку и, отряхнув друг дружке спины, пошли на базарную площадь.

Увы, торжище не оправдало наших ожиданий. Да, мечи, луки, кинжалы, кольчуги и прочие орудия нападения и защиты были представлены в большом количестве, но, к сожалению, относились к грубо сработанным дешевкам, вполне пригодным для тренировок, но почти бесполезным в бою. Наемнице удалось-таки раскопать в гряде хлама неплохой гномий меч, даже с клеймом, но купец затребовал за него пятнадцать кладней, почти все Орсанины сбережения. Огорченная девушка покрутилась вокруг прилавка, взвесила меч в руке, опробовала в деле, разрубив услужливо подставленное полешко. Меч был хорош, что и говорить. Пожалуй, он стоил этих денег. Даже я видела разницу между обычной полосой заточенного железа и этим тускловатым, но грозным клинком из двух различных сортов стали, когда металлические прутья сначала переплетаются винтом, а затем уж куются.

– Вы, девушка, не сомневайтесь, – уговаривал купец хмурую наемницу, – товарец первый сорт, другого не держим. С ним вы против цельной банды татей выстоите, да что там – старую Гереду на тот свет отправите.

– Кого-кого? – заинтересовалась я.

– Дракониху, – охотно пояснил купец.

– У вас водятся драконы?

– Водятся, куда ж им деваться? Вон там, далеко в горах, жил старый дракон, да что-то давно я его не видел, то ли улетел, то ли окошел от старости, кто его знает. А здесь, поближе, – эвон под той горкой! – пещера драконихи. Тоже немолодая, последний ее выводок уж лет тридцать как по свету разлетелся. В пещере у нее, говорят, сокровища несметные – золото, камни драгоценные. Ну, само собой, и скелетов порядочно. Дураков-то много, что драконью голову за почетный трофей почитают, было бы у драконихи желание – ими бы одними и питалась, глядишь, и скот перестала бы воровать. Впрочем, три-четыре овцы в месяц селяне ей прощают: говорят, из чьего стада старая Герета откушает, у того якобы вскорости дочь замуж выйдет. Ну что, девушка, берете меч? Или, хе-хе, овцу вам предложить – дракониху умасливать?

– Беру! – вспыхнула Орсана, хватаясь за кошель.

– Нет, не берет, – спокойно возразила я, отнимая у воительницы меч и аккуратно возвращая его на подставку-веер. – Пошли.

– Ты что? Куда?! – возмутилась девушка, пытаясь снова завладеть мечом, но я обхватила ее за плечи и развернула спиной к прилавку. – Спасибо, уважаемый, вы нам очень помогли.

Купец растерянно смотрел нам вслед.

– Вольха, что ты задумала?

– Умаслить старую дракониху.

– С ума сошла?!

– Напротив.

«Горами» купец уважительно называл лесистые холмы, а «пещерой» – заброшенный гранитный рудник, куда вел длинный узкий ход, когда-то укрепленный сваями. Драконихе обвалы были нипочем; протискиваясь в нору, она боками смела деревянные балки, и их обломки валялись на земле внутри туннеля, уходившего во мрак.

На площадке перед входом возвышалась гора костей. Герета не пожалела сил и времени, оформляя «прихожую» – чего стоила хотя бы веселая композиция из трех скелетов, рядом сидевших вокруг

догоревшего костра, над которым висел котелок.

– Вольха, а ты уверена, что она захочет с нами говорить? – Орсана неуверенно заглянула в черную дыру. – Крысами пахнет...

– Ну, не будет так не будет. Что мы теряем? – Я присоединилась к наемнице. – Да, запашок так себе. Эге-гей!

– ...гей!! Эй!!! – услужливо подхватило эхо.

– Есть кто дома?!

– ...ома... ома...

– Дай я попробую. – Орсана сделала шаг вперед. – Драко-о-он! Выходи на смертный бой!

– Ой! Ой!!! – испугалось эхо. В глубине тоннеля что-то зашипело, заклокотало, а затем вспыхнуло и понеслось нам навстречу. Дружно завопив, мы рухнули на землю, прикрывая руками головы, и над нами с ревом затрепетал язык драконьего пламени. Его хватило секунд на десять, спины уже начинало ощутимо припекать. Потом язык исчез, словно втянулся обратно, и в воздухе разлился острый запах гари. Я осторожно приоткрыла глаза. Камень, за который мы так удачно упали, почернел и оплавился.

– Ну, кто тут опять вопит?! – раскатисто загрохотал многожды усиленный эхом голос. Из темноты вынырнула голова на длинной шее, потом грудь, передние лапы, крылья...

– Какая красивая! – вырвалось у Орсаны.

Польщенная дракониха изогнула шею, приглашая полюбоваться узкой точеной головой, широким золотым гребнем и блестящей антрацитовый чешуей, среди которой нет-нет, да и проскакивала зеленоватая искорка.

– Доброе утро! – вежливо сказала я, приподнимая голову из-за камня. – Извините, не могли бы вы уделить нам минуточку внимания?

– А попозже нельзя, а? – неожиданно тонким, сварливым и дребезжащим старушечьим голосом взмолилась дракониха. – Может, я сначала слетаю позавтракаю, а вы здесь подождете? Это так неудобно – биться на пустой желудок...

– Да мы вообще-то просто поговорить хотели...

– А что ж тогда орали: «Выходи! Смертный бой!»? – возмутилась дракониха. – Я думала, тут и впрямь рыцари заявили, этой, как ее... ста... сци... сцацисфакции!.. требуют. Так я им и поверила!.. Сцацисфакция им нужна, как же! За моими сокровищами охотятся, драконьеры проклятые!

– Это я пошутила... – созналась покрасневшая Орсана. – Мы думали, вы спите и не слышите.

– Да, я спала, – с достоинством ответствовала дракониха. – А

поскольку смертный бой отменяется, то тем более можете подождать, пока я позавтракаю!

С этими словами она небрежно переступила через наши тела, расправила черно-золотые крылья, тяжело подпрыгнула и взмыла в воздух, подняв тучу пыли.

Раскашлявшись, мы долго не могли вымолвить ни слова.

– Старая карга! – возмущенно сплюнула Орсана, поднимаясь и протягивая мне руку. – Думаешь, действительно улетела?

– Скорее всего, но вряд ли далеко и надолго. Надеется, мы тут обрадуемся и рванем в пещеру за золотом и бриллиантами, – саркастически предположила я.

– А мы не рванем? – удивилась девушка, боязливо и в то же время алчно заглядывая в тоннель. Снаружи ничего видно не было, а шагнуть внутрь Орсана не осмелилась. Да я бы ей и не дала.

– Ты что, с ума сошла? Она запомнила наш запах, а летает быстрее почтового голубя, мы не успеем отойти и на версту! Да если и успеем...

Рычарг (дракон, некогда живший в Элгарских горах, а затем переселившийся на Школьный двор, подальше от ретивых драконьеров), рассказывал, что в дни его бурной молодости одному магу удалось-таки незаметно выкрасть из его пещеры золотой жезл с рубиновым навершием, артефакт удачи и счастья. С неподдельным восторгом перечислив заклинания, к которым прибег смекалистый воришка, дракон показал мне этот жезл, заметно оплавленный. Удачи магу хватило ровно на две недели.

Орсана разочарованно отвернулась от пещеры:

– Тогда объясни наконец, зачем ты притащила меня в это зловонное логово?

– Наниматься на работу. Мы же наемницы, верно? – подмигнула я.

– Працувать – на дракона?! – от волнения Орсана снова перешла на родной язык.

– А что тут такого? По крайней мере, драконы всегда держат свое слово.

– Вольха, но це ж ДРАКОН! Величэзна, вогнедышна, невразлима гора! Шо мы можемо ий запропонуваты? Предложить, в смысле? – наконец спохватилась наемница, а то я глядела на нее совсем уж непонимающе.

– Ни за что не поверю, что у такого большого дракона нет хотя бы одной маленькой проблемы.

Герета, как я и думала, вернулась довольно быстро и застала нас возле горящего костра. К счастью, мы вовремя успели доесть купленные на

ярмарке смажни и запить их вскипяченной с травками водой (котелок мы одолжили у скелетов, а ручей заметили еще по пути к пещере) – лес снова заволокло пылью, скрипящей на зубах. Бросив косой взгляд в нашу сторону, дракониха скептически фыркнула, сложила крылья и полезла в тоннель. Шыпастый кончик хвоста остался снаружи, раздраженно постукивая по земле. Слышно было, как старая карга возится в пещере, бормоча себе под нос что-то вроде: «...нахалки... ишь, расселись... никакого покою... и ловушки нетронутые... жаль, жаль...»

Вздвогнув, Орсана наклонилась к моему уху:

– Хорошо, что мы туда не пошли! Чешуйчатая гримза расставила на нас капканы!

– Я все слышу, – мрачно проворчала дракониха, задом выбираясь из норы. – У меня очень острый слух. Еще один сомнительный комплимент в мой адрес – и вы, юные грубиянки, рискуете не дожить до пенсионного возраста. Давайте выкладывайте, зачем пришли, – и можете проваливать, пока я не рассвирепела окончательно.

– Мы только хотели узнать, – выступила я вперед, – не найдется ли у вас какой-нибудь работы для мага и воительницы?

Герета так и села на хвост, пораженная не меньше Орсаны.

– Что?! Да вы, козявки, хоть понимаете, с кем разговариваете?! Тоже мне, работнички! Завтрак да ужин!

– Вы же не едите людей, – напомнила я, кивая на цельные скелеты, оголенные временем.

– С чего ты взяла?! Очень даже ем. Особенно нежных молодых девиц.

– А мы жесткие и костлявые, – нахально возразила Орсана.

Герета вплотную приблизила морду к ее лицу, сосредоточенно обнюхивая наемницу. Девушка зажмурила глаза, ее волосы трепетали туда-сюда в такт драконьему дыханию.

– Да, не ем, – после долгого раздумья согласилась Герета. – Не из этических соображений, а просто так – не вкусно. Но неужели вы надеетесь, что за какую-нибудь пустяковую услугу я осыплю вас бриллиантами с ног до головы? Думаете, раз у меня много сокровищ, то я швыряюсь ими направо и налево?

– Бриллианты нам ни к чему. – Я отряхнула пыль со штанов, Орсана пригладила вставшие дыбом волосы. – Лучше осыпьте нас приличными мечом и кольчугой.

– Чтобы вы мне тут же голову снесли?!

– Чтобы моя подруга смогла поступить в Белорский Легион, – терпеливо, не давая себя разозлить, объяснила я.

Драконы – существа хитрые и расчетливые; несмотря на внешнюю вспыльчивость, вывести их из себя практически невозможно, зато сами они обожают доводить людей до белого каления. Говорят, после вступительных «бесед» с драконами некоторые рыцари бросали оружие, слезали с коней и в умопомрачении кидались на мерзкую гадину в жажде задушить ее голыми руками. А ей только того и надо было.

– Меч, небось, серебряный, а кольчугу золотую? – презрительно дохнула дымом Герета. – В Легион? Маркитанткой, что ли? Так там денег платить не надо, даже наоборот – еще и прикопишь.

– Меч – острый, кольчугу – прочную, – отчеканила побледневшая Орсана. – А свое золото можешь засунуть себе в...

Последнее слово прозвучало тихо, но разборчиво.

Повисла нехорошая тишина.

– Ладно, – неожиданно решила дракониха, – у меня найдется для вас работа. Возможно, тяжелый физический труд послужит хорошим воспитательным средством для этой языкатой... легионерши.

Мне ее тон очень не понравился.

– Ненавижу... – сквозь зубы процедила Орсана, брезгливо поднимая двумя пальцами чью-то высохшую кость размером с человеческую ключицу, но формой напоминавшую берцовую. – Больше всего на свете я ненавижу генеральную уборку!

– Я тоже, – со вздохом призналась я, ритмично шваркая по полу самодельным веником из ореховых веток. – Работенка пыльная, но, согласись, высокооплачиваемая и не слишком обременительная.

– Да я и не возражаю. Уборка, конечно, дело нужное, особенно подкрепленная стимулом в виде Легиона. Но если откуда-нибудь выскочит крыса, я завизжу, – честно предупредила Орсана, отшвыривая к груде хлама в центре пещеры. Уборка длилась уже не первый час и близилась к завершению – мы добросовестно вымели сор изо всех углов, воздвигнув настоящий курган славы, где земля и камни перемежались кусками покореженного железа и костей.

– Крысы не любят драконов и редко селятся в их норах. – Я разогнулась и потеряла поясницу, любуясь делом наших рук. Герета снова улетела, предоставив пещеру в наше полное распоряжение. Наверное, она тоже не любила уборку. Света, сочившегося из тоннеля, для столь титанической работы было недостаточно, и я прибегла к искусственному освещению пещеры дюжиной шаровидных пульсаров, трепещущих лучами на разном расстоянии от пола.

– Откуда тогда эта приторная вонь? – Орсана скомкала какую-то тряпку и метко запустила ее в роскошную паутину под потолком.

– Может, от самой драконихи? – Я подняла и расправила грязный тряпичный комок, оказавшийся женскими кружевными трусиками. – Как ты думаешь, какая судьба постигла их хозяйку?

– Скорее всего, благородный рыцарь взял их у прекрасной дамы сердца в обмен на пояс верности. Надеюсь, у нее был запасной ключ... Кстати, а где сокровища? Я считала, драконы спят на них!

– Возможно, за этой глыбой. – Я кивнула в сторону массивного валуна в полтора моих роста, неплотно приваленного к стене. На полу возле него было чисто, словно камень недавно отодвигали.

– Вот бы посмотреть, а?! – живо заинтересовалась Орсана, подходя и примеряясь к валуну. Больше ради шутки, его не удалось бы сдвинуть и впятером.

– Хочешь, чтобы этот курган стал надгробным?

– Брось, мы же не собираемся воровать ее кровные капиталы. А за погляд, как говорится, денег не берут. Она же просила нас выскрести пещеру? Вот мы и скребем в поте лица, не пропуская ни уголка, ни трещинки, заодно и под камешком подмели...

Мы переглянулись и прыснули со смеху.

– Ну хорошо, уговорила. – Мне и самой было интересно взглянуть на груды золота и драгоценностей – сравнить, кто больше прикопил за свой драконий век: наш Рычарг или эта старая перечница. Естественно, брать я ничего не собиралась, а о возвращении Гереды меня оповестит невидимая магическая черта, на всякий случай проведенная поперек входа в тоннель. Не от дракона, кстати, проведенная. Несмотря на безрезультатный опрос местных жителей, я была уверена, что разбойники тайно шныряют где-то в округе, разыскивая меня.

Снисходительной улыбкой отвергнув предложенный наемницей ломик, я сделала несколько пассивов, и глыба бесшумно, как на шарнирах, отъехала в сторону. Крысиная вонь усилилась. Снедаемые любопытством, мы одновременно переступили запретный порог и почти сразу наткнулись на роскошный щит с золотой каймой, инкрустированной самоцветам. Поперек щита шли четыре глубокие царапины от драконьих когтей.

– Не трогай! – Я удержала за шиворот нагнувшуюся было Орсану. – Она сразу почует, когда вернется. Давай просто посмотрим.

Мы замерли на конце полоски света, падающего из пещеры. Как ни странно, мои глаза почти мгновенно привыкли к темноте и я испуганно схватила Орсану за рукав, кивнув на самый дальний угол:

– Ой, смотри! Там что-то шевелится!

– И-и-и! Крыса!!! – Девушка испустила обещанный вопль, чуть было не порвавший мне левую барабанную перепонку.

– А-а-а! – охотно подхватила я. Паника в женских рядах – вещь заразительная.

– О-о-о! – басом заголосил из темноты кто-то третий.

Это было уже слишком. Мы стремглав вылетели из сокровищницы, как будто сама смерть щекотала нам пятки ледяными пальцами.

– Думаю, мы ее напугали, – едва отдышавшись, заключила Орсана.

– Ты успела ее разглядеть?

– Я ее вообще не видела!

– А чего ж тогда орала?!

– Тебе поверила!

– А я – тебе!

Мы уставились друг на друга. Недоумение быстро сменилось досадой.

– Может, тебе померещилось? – рискнула предположить Орсана.

– Судя по ответному воплю, померещилось не только мне.

– Как ты думаешь, кто это мог быть? Драконы берут пленных?

– Если и берут, то вряд ли держат в святой святых – сокровищнице.

Предлагаю вернуться и разглядеть это существо повнимательнее. – Я логично заключила, что паника во вражьем стане свидетельствует о нашем превосходстве.

Орсана согласно кивнула, поднимая с пола железяку поувесистей. Я поманила пальцем один из пульсаров, и он послушно скользнул в щель.

Верхушка золотой горы терялась во мраке, но и подножие могло свести с ума любого грабителя. Наемница протяжно присвистнула, выискивая глазами неведомое существо, я же с удовлетворением отметила, что если наш Рычарг и не располагал столь внушительным золотым запасом, то по количеству драгоценных камней, ювелирных изделий и артефактов одержал безоговорочную победу.

– Крыса – не крыса, а ими тут смердит здорово. – Орсана наклонилась и подобрала с пола грязный кожаный лоскут, на поверку оказавшийся мешком с затягивающейся горловиной. – Похоже, кто-то нашел обходной путь к копилке старой гримзы.

Я сделала несколько пассивных отрицательных покачал головой:

– Здесь никого нет. Уже нет.

– Но как-то же он отсюда выбрался, – резонно заключила Орсана. – Не сквозь стену же прошел!

– Тоже вариант. – Я проверила сокровищницу еще и на следы

заклинаний.

Ничего. А осмелевшая наемница уже обходила золотую гору, присматриваясь к полу и стенам, изредка нагибаясь и костяшками пальцев простукивая подозрительные участки. Сокровища лежали не точно в центре пещеры, а впритык к дальней от входа стене, наваленные чуть ли не до потолка, с плавным скосом вниз. Два раза пройдя из конца в конец, Орсана озадаченно хмыкнула, присела на корточки и щелкнула ногтем по золотому краю исцарапанного щита.

По-моему, раньше он лежал ближе ко входу.

Я подошла поближе, всмотрелась.

Верно. А теперь стоит у стены, как...

Мы переглянулись.

– Дверь!

Позабыв о драконихе, я первой ухватилась за край щита и потянула на себя. К моему удивлению, он поддался не сразу, пришлось упереться ногами и дернуть что есть мочи. С той стороны что-то тренькнуло, сопротивление резко ослабло, и я от неожиданности села на пол со щитом в руках. Орсана глянула на меня и протяжно присвистнула. Я перевернула щит тыльной стороной к себе и увидела лохматую волосяную веревку, привязанную к дужке для руки.

За щитом в стене у пола чернела полукруглая дыра. Если ее прогрызла крыса с навыками плетения веревок, то она была величиной с упитанного бобра.

– Не застрянем? – Орсана с сомнением покосилась на потайной лаз. Возможно, на животе она бы туда и протиснулась, но мешал вбитый в стену крюк, на котором болтался обрывок веревки.

– Сейчас что-нибудь придумаем. – Я подула на указательный палец, чуть заметно шевеля губами, и обвела дыру по краю. За пальцем тянулся едва различимый серебристый след. Как только я вернулась к исходной точке, контур лаза размылся, а стена вокруг него помутнела, будто сотканная из дыма. – Прошу! Хотя нет, я первая, вдруг там дальше опять колдовать придется.

Опасалась я напрасно. Ход был прямой и короткий, буквально через три аршина я уткнулась в какую-то мокрую и шершавую преграду, проломила ее прежде, чем почувствовала, и оказалась на свободе, в кустах позади пещеры. «Дверцей» с этой стороны служил обомшелый кусок коры, прислоненный к лазу и для верности подпертый обломком камня. Шепотом позвав Орсану, я огляделась, щурясь от дневного света. Ничего не скажешь, удачное место для подкопа – от главного входа воришку заслоняли ветки

малинника, высокие и частые, но позволяющие вести наблюдение за хозяйкой логова, подгадывая визиты с мешком к ее отсутствию. Судя по воплю и поспешному бегству, грабитель и представить не мог, что Герета зазовет кого-то в гости.

– Похоже, ему не впервой шнырять по драконьей сокровищнице, – заметила я, осторожно царапая ногтем отполированные до блеска края лаза, принявшие прежний вид, как только Орсана выбралась наружу. – За один раз камень так бы не вытерся, а копать тут недолго, особенно если валдачьей или гномьей киркой, последняя вообще в гранит как в масло входит.

– Пс-с-ст! – оборвала меня девушка, прижимая палец к губам. В отличие от меня, наемница первым делом обратила внимание на лес, не углубляясь в осмотр лаза.

– Что? – я перешла на шепот.

– Смотри! Да не туда, под куст!

Я пригляделась и заметила серую сторбленную фигурку, прошмыгнувшую между поваленной березой и высоким щербатым пнем.

Орсана посмотрела на меня и выразительно похлопала ладонью по воздуху у самой земли, затем указала на себя и пальцем изобразила дугу. Я понятливо кивнула, и наемница бесшумно пошла в обход. Даже ветки за ней не качались.

Зайдя существу в тыл, Орсана нарочито громко затопала и захрустела сушняком, безыскусно насвистывая.

Сработало. Непрестанно озираясь и прислушиваясь к поднятому девушкой шуму, воришка попятился в мою сторону, видимо, надеясь укрыться в потайном ходе.

Подпустив его поближе, я выпрямилась в полный рост. Гном! В плаще из крысиных шкурок, вонь которых перебивала все лесные запахи. Опешив, он не сразу сообразил метнуться в сторону, и наемница в несколько прыжков преодолела разделявшее нас расстояние, отрезая воришке путь к отступлению.

Наглости тому было не занимать – мгновенно оценив ситуацию, гном повернулся, чтобы видеть нас обеих, растопырил руки с зажатыми в них краями плаща, став похожим на потрепанную летучую мышь, и громко, возмущенно заверещал:

– Как вы посмели перейти мне дорогу, жалкие людишки? Да вы хоть знаете, кто я?!

Низкорослый даже для гнома, воришка едва достигал мне до пояса. Вытаращив глаза и выпятив грудь, он с подвыванием продолжал:

– Трепещите же: я – великий гномий воин и шаман, драконосек и заклинатель, могучий и грозный Тор-э-Ти! Навлекшие на себя мой праведный гнев познают жутчайшую и мучительнейшую из смертей и даже после нее не обретут покоя, ибо моя власть простирается и на мир духов! Спасайтесь, пока не поздно! У-у-у-у!

После чего заскакал на месте, как подстреленный заяц, выставив вперед руки со скрюченными пальцами и щелкая редкими желтыми зубами, что, видимо, обозначало подготовку к нашему жуткому и мучительному умерщвлению. Длинная борода полоскалась в такт прыжкам как мочалка.

– Пожалуй, нам не стоит связываться с этим ужасным шаманом. – Я незаметно подмигнула Орсане, напуская на себя испуганный вид.

– Да, я тоже так думаю, – подыграла мне наемница. – Нам его все равно не одолеть!

Гномик приосанился, расправил плечи.

– Лучше всего отступить, – продолжала я, затравленно озираясь по сторонам.

– И немедленно!

– Бежим, надо предупредить Гереду об опасности!

– Да, быть может, она еще успеет скрыться!

– Поспешим! – Мы с воплями «ужаса» бросились ко входу в пещеру.

Гномы – народ бесшабашный и самоуверенный, но даже наглый воришка не осмелился приписать себе улепетывающего во весь дух дракона.

– Эй, эй, постойте! – истошно завопил он, забега вперед и преграждая нам дорогу. – Я пошутил! Я могучий и грозный, но очень, очень добрый!

– О, великий шаман, не трогай нас! Мы сообщим драконихе благую весть о твоём прибытии, и она сама вынесет тебе сокровища в обмен на свою жизнь!

– Нет, нет, не надо! Я здесь инкогнито!

– А мы ей на ушко!

– Да пошутил я, пошутил! Никакой я не шаман!

– О, великий воин-драконосек, нам все равно с тобой не тягаться! – Мы обежали гномика с разных сторон, и он отчаянно завопил нам вслед:

– И не воин!

Мы разом остановились и обернулись, недобро ухмыляясь; я скрестила руки на груди, Орсана уперла их в бока, многозначительно притопывая носком левой ноги. Разговор обещал быть душевным.

– А кто?

– Так... мимо пробежал, – смутился гномик.

Я не удержалась от смешка. Орсана красноречиво помахала перед его носом найденным в пещере мешком.

– Не мое, – торопливо отперся он, даже не потрудившись толком разглядеть вещицу.

– А метка сбоку чья?

– Не было у меня никакой метки!

– Верно, не было. – Орсана неторопливо распустила горловину мешка. – Ножик-то у тебя есть, воинствующий шаман?

– 3-зачем? – занервничал гномик.

– Голову тебе будем пилюваты та видрезаты, – вздохнула наемница, неторопливо подступая к гному с открытым мешком, – а нэмае ножа – так оторвем. Уговор у нас с драконом такой – чи пропажу возвернуть, чи вора пришибить. Весь труп к ней тащить хлопотно, а голова аккурат в торбину влезет...

Гном внезапно сорвал плащ, бросил Орсане в лицо и кинулся наутек. Вернее, попытался, на втором же шаге врезавшись в невидимую стену, отбросившую его обратно.

– Не один ты здесь шаман. – Я небрежно помахала кистью правой руки, охлаждая зудящие кончики пальцев.

Воришка понял, что дела плохи.

– Может, договоримся? – отчаянно пискнул он, пятась от Орсаны.

– Договаривайся, – равнодушно согласилась наемница, не останавливаясь и не меняя сосредоточенного выражения лица.

– Десять кладней!

– Ха-ха.

– На каждую!

– Ну-ну.

– Половину!

– На каждую? – уточнила я.

– Но это же получится все! – возмущенно завопил он.

– Так ведь и голову пополам не разделишь, – резонно заметила Орсана.

– Вымогатели! Разбойницы! Хапуги!

– Орсана, отрывай!

– Не надо! – мгновенно сник гномик. – Я согласен.

Наемница постояла над ним, делая вид, будто размышляет, потом кивнула:

– Неси. Но если попытаешься нас обмануть... – и с хрустом размяла переплетенные пальцы.

– Тут рядышком! – заторопился испуганный воришка.

Недолго покружив по лесу под нашим бдительным присмотром, у рябинки гном опустил на колени, собрал в горсть неприметный пучок осоки, потянул за него и открыл травяную западенку – глубокую узкую яму, вырытую под аккуратно отделенным дерном. Благодаря уцелевшим корням осока не засыхала, и отыскать тайник, не зная о его местонахождении с точностью до пяди, было невозможно.

– Вот, – заискивающе объявил он, – все до крупинки! Бедный я, несчастный, обездо-о-оленный!

Воришка старательно пустил слезу и напоказ вытер ее рукавом, но разжалобить нас не сумел – где вы видели гнома с одним-единственным тайником? Да его свои же сородичи засмеют!

– Если сдал меньше половины – из-под земли достанем! – веско пообещала я, а Орсана многозначительно вперилась в гнома взглядом, словно навсегда запечатлевая в памяти черты незадачливого воришки.

«Могучий и грозный» затрепетал, как осиновый лист, но продолжал упорствовать в сокрытии доходов, призывая в свидетели весь пантеон гномьих богов, здоровье живых родителей и прах покойной бабушки.

Мы сделали вид, что поверили. Насколько я знала гномов, за последнюю горсть монет он ляжет костью или затаит злобу не хуже дракона. Леший с ним, копал же, старался...

– Ладно, свободен, – разрешила я.

Гном так быстро и охотно исчез, что я поняла – продешевили. Воришка запасливо прихватил с собой мешок и крысиный плащ, отбивающий нюх даже у дракона; видимо, надеялся поправить материальное положение сразу после нашего ухода. Но тут его ожидало глубокое разочарование – я немедленно сомкнула лаз с помощью магии, на всякий случай еще и заговорила, чтобы неповадно было.

Надо сказать, могучий шаман потрудился на славу, не раз и не два сбегав с мешком в сокровищницу. Орсана сняла с себя куртку, завязала рукава и веревкой стянула воротник. Доверху наполненная золотом, одежда весила не меньше пуда и опасно затрещала по швам. Вдвоем мы ее еле приподняли и натужно поволокли к пещере, делая частые остановки.

Передохнув и посоветовавшись, мы решили отдать драконихе все трофеи, хотя соблазн прихватить по камешку «на память» был велик. Кто их знает, этих драконов: вдруг гном – это очередной капкан на жадных людишек.

Но, похоже, Герета и слухом не слыхивала о «могучем и грозном Тор-

э-Ти». Вернувшись, она в первый момент задохнулась от возмущения, застав нас возле отодвинутого камня, но, когда мы эффектно вытряхнули из куртки свою добычу, пояснив, что заодно обыскали и заделали крысиные норы, ее радости не было предела. Драконы прекрасно помнят каждую монетку из своих сокровищ, каждый драгоценный камешек, в том числе пропавший, и Герета ничуть не усомнилась в нашей честности. По ее словам, драгоценности исчезали давно, но она, как и рассчитывал воришка, взвалила вину на крыс. Гном благоразумно обходил стороной крупные вещи вроде золотых канделябров, инкрустированных блюд и раритетных украшений, так что периодические кражи хоть и раздражали дракониху, но не до такой степени, чтобы переворачивать пещеру вверх дном в поисках крысиного лаза.

Получив назад безвозвратно, казалось бы, утеряные сокровища, дракониха пришла в прекрасное расположение духа.

– Что ж, вы заслужили свой гонорар, – прошипела она, – пожалуй, даже с премиальными. Ну-ка, посмотрим...

Столпившись возле сокровищницы, как три кумушки у прилавка с нарядями, мы восторженными аханьями встречали каждую извлеченную драконихой вещь. Какие там были кольчуги! Ажурные, тоненькие, невесомые, как паутинка, они легко уместились бы в дорожной сумке, но успешно противостояли драконьим когтям и зубам, что Герета не замедлила продемонстрировать. А мечи! Длинные и узкие эльфийские, с ажурной гравировкой от рукояти до кончика лезвия, полыхавшие синим пламенем под лучами солнца; широкие и короткие гномьи, отлично сбалансированные, идеально отточенные, но довольно-таки тяжелые; тролли, грубо сработанные, зато осыпанные драгоценными камнями, как трава росой. Всевозможные кинжалы, ножи, ятаганы – прямые, кривые, зубчатые, раздвоенные, отравленные и заговоренные; умещающиеся в кулаке, с выстреливающим лезвием, торчащие за поясами, спрятанные за голенищами или висящие в ножнах. Было даже копье – серебряный наконечник с куском древка, не выдержавшим столкновения с драконьей чешуей.

Герета сразу отодвинула в сторону большую часть доспехов, заявив, что, к своему стыду, не в силах расстаться с «этими шедеврами кузнечного дела», но и среди предложенных на выбор предметов глаза разбегались.

После долгих колебаний, советов и примерок Орса остановилась на серебрястой кольчуге чуть ниже пояса, без украшений и лишних заклепок, зато легкой и на диво прочной. Меч она выбрала сама, с первого взгляда, – эльфийский, среднего размера, тоже неброский, но внушающий уважение.

Пояс из кожи василиска с притороченными к нему ножнами – естественно, не пустыми, – туго затянулся на тонком стане наемницы.

– Хороша-а-а! – в один голос протянули мы с драконихой.

– С такой и на смертный бой не стыдно выйти! – польстила Герета.

Раскрасневшаяся, счастливая, Орсана вертелась вокруг себя, пытаясь оценить великолепие экипировки без помощи зеркала.

– А ты, – дракониха опустила морду ко мне, и я увидела, как медленно расширились вертикальные зрачки в медовых глазах, – ничего не хочешь у меня попросить?

– Попросить? Нет. – Рычарг достаточно порассказал мне о драконьих заморочках, в частности, о вопросах, требующих строго определенного ответа. Герета вкрадчиво уточнила:

– В таком случае, что бы ты хотела получить в подарок?

– Услугу, – не задумываясь, ответила я.

Дракониха недовольно и в то же время одобрительно хмыкнула:

– Знаешь, что просить. Подучил кто?

– Один старый знакомый.

– Я вижу, тебе везет на старых знакомых. – Дракониха многозначительно подмигнула, искривляя в усмешке уголки чешуйчатых губ. – Или не везет, это как посмотреть...

– Вы о чем?

Но Герета уже отвернулась, довольная, что сумела сбить меня с толку. Я ругнулась про себя, зная, что если дракон не ответил на вопрос с первого раза, то повторять его бесполезно.

Складывая оружие обратно в кладовую, дракониха с сарказмом комментировала, при каких обстоятельствах заполучила ту или иную вещичку. Обширная коллекция постоянно пополнялась за счет «рыцарей без страха и упрека», которых и в самом деле если и стоило за что упрекнуть, так это за отсутствие страха перед однозначным преимуществом противника.

Прощание было очень теплым. Мы обещали заходить в гости, дракониха – залетать, и махали друг другу, пока не скрылись из виду.

– А что за услугу пообещала тебе Герета? – вспомнила Орсана уже на подходе к селу.

– Она поможет мне, если в этом возникнет жизненная необходимость.

– А как она узнает, возникла или нет?

– Узнает, – улыбнулась я. – По крайней мере, хотелось бы на это рассчитывать...

Глава 13

Смолке быстро наскучил сонный полумрак конюшни; недолго думая, она вышибла дверь стойла и пошла пастись по селу. Немного пощипав пыльную траву у обочин, ветки деревьев и пуховую перину, вывешенную на плетень для просушки (то, что мы сначала приняли за круживший в воздухе тополиный пух, оказалось пухом гусиным), в кустах за околицей кобыла наткнулась на дохлую собаку и с аппетитом ею подзакусила, а потом извалялась в останках, с ног до головы провоняв мертвечиной.

Заметив меня, Смолка радостно побежала навстречу и очень удивилась, когда я шарахнулась от нее, зажимая нос и ругаясь. Возвращаться с ней в село я не рискнула – мало ли что еще она успела натворить, а с суеверных селян станется закидать нас камнями. Обойдя кобылу с подветренной стороны, я схватила ее под уздцы и на вытянутой руке поволокла к видневшемуся невдалеке озеру, а Орсана отправилась на постоянный двор за вещами.

К озеру Смолка отнеслась очень подозрительно и, несмотря на твердое ровное дно, заходить глубже брюха отказалась наотрез, памятуя о коварных болотных бочагах. Я поплескала на нее водичкой, за что лошадь смертельно обиделась – расфыркалась, встряхнулась и, улучив момент, ткнула меня мордой в спину, сбив с ног. Я окунулась с головой, но не слишком расстроилась – водичка была чистая, хоть и по-весеннему холодноватая, бодрящая.

Пока мы дурачились, брызгаясь и гоняясь друг за другом по мелководью, вернулась хихикающая Орсана и рассказала, что корчмарь попытался было изловить удравшую лошадь и с тех пор сидит на крыше в обнимку с трубой, а нанятый плотник срочно сколачивает новую лестницу, потому что старая достает только до водосточного желоба, а спускаться по скользкой черепице бедолага отказывается. И отзывается о моей кобыле далеко не столь восторженно, как прежде.

Воспользовавшись случаем, мы заодно простирнули одежду, развесили на кустах для просушки и в ожидании оной загорали на бережке. До вечера было еще далеко, но солнышко уже начинало посматривать вниз, так что вторично обгореть мне не грозило.

Неподалеку тянул сети оборванный дедок; тянулось плохо, потому что его больше интересовали две полуобнаженные девицы, чем результат рыбалки. Я лежала на спине, закрыв ладонью глаза, а Орсана, не утерпев,

сидя любовалась мечом. Гравировка-вьюнок переливалась на солнце, как змеиная чешуя.

– Как ты думаешь, он заговоренный?

– Вполне возможно, хотя точно определить, от чего именно, не могу. Эльфы не накладывают заклинаний на готовый клинок, а вплетают их на стадииковки сердечника. Обычно это прочность, самозаточка и действенность против нежити.

– Хорошо бы. – Наемница убрала меч в ножны и пошла щупать белье. – Вроде высохло.

Мы оделись, к явному разочарованию дедка. Похоже, сеть он утопил и, запоздало спохватившись, суетливо шарил в воде «кошкой».

– Осталось раздобыть коня. – Орсана вскарабкалась на Смолку позади меня. Черная лошадка только вздохнула, делая вид, что вот-вот рухнет под двойной тяжестью. – В крайнем случае, можно продать пояс с ножами. Они не входят в обязательное снаряжение.

– Да ну, жалко. – Я покосилась на украшенные рубинами рукоятки. – С конем можно и обождать, – если за две недели не подвернется никаких заработков, продашь и купишь перед самым состязанием.

Мнение Смолки, которого никто не спрашивал, оказалось решающим. Если бы сама не увидела – нипочем бы не поверила, что эта паршивка может сесть сразу на два шпагата – передними и задними ногами. Вреднющая кобыла злорадно оглянулась на оторопевших всадниц: «Что, съели?! Теперь обе пойдете пешочком!».

Высказав Смолке наше честное мнение о ленивых безмозглых тварях, мы вылезли из седла. Кобыла как ни в чем не бывало по-паучьи подобрала вытянутые ноги и встала.

– Когда я куплю коня, – проворчала Орсана, – это будет конь, а не клоун-акробат из бродячего цирка.

– Зато она очень маневренная, – вступилась я за Смолку. – Ну какая еще лошадь согласится везти тебя по горной круче или болотным кочкам?

– Нет уж, я предпочитаю управлять лошадью, а не спрашивать ее согласия. По-моему, она вообще не имеет понятия о такой вещи, как суставы. Где ты ее раздобыла?!

– Это она меня раздобыла, – отшутилась я. – Никто ведь и не ожидает от ведьмы, что она станет ездить на обычной лошади.

– Тем не менее, маги сплошь и рядом ездят на обычных лошадях, – не согласилась Орсана.

– Не спорю, но если всех животных, принадлежащих ведьмам и колдунам, считают исчадиями тьмы, то почему бы не выбрать в спутники

настоящего демона? Так намного проще и ведьмам, и суеверным селянам.

– Я не суеверна, – фыркнула наемница, – и исчадия тьмы не производят навоз в таком количестве. Впрочем, если вспомнить, что она жрет, это неудивительно. Ладно, леший с ней, пойду рядом.

– Нет уж, пойдем вместе, – решительно возразила я, – и пусть этой скотине будет стыдно!

Шли мы по тракту, в направлении Витяга, ничем не выделяясь из редкой цепочки конных и пеших путников. Смолка, похоже, раскаялась и время от времени с фырканием тыкалась мордой в мою спину, предлагая подвезти – леший с нами! – обеих. Но мы никуда особенно не торопились, а беседовать удобнее, шагая бок о бок. Болтали мы совершенно ни о чем: как готовят знаменитый белорусский самогон-крупник на двадцати семи травах; как, упившись одного крупника, король Наум возжелал посетить усыпальницу предков, где собственноручно отодвинул одну из тяжелых мраморных плит, потребовал фамильный портрет прапрапрадеда и долго сравнивал с лежащим в саркофаге скелетом – похож, не похож; что винесские селяне считают, будто наипервейшее средство от упырей – освященная в храме кровяная колбаса, которую коварно раскидывают по двору, а упырь потом мается животом; правда ли, что злые чары можно отвести, показав наводящей их ведьме кукиш или другой глумливый знак; зачем в храмах перед входом кладут дубовую ветку и почему один двуручный меч хуже двух одноручных, хоть он и длиннее.

Как известно, после таких разговоров женщины обыкновенно становятся закадычными подружками – или заклятыми врагами. И дело тут вовсе не в сходстве-различии интересов и взглядов, а отношении к жизни вообще.

Мы обе предпочитали искать в ней светлые стороны и выщучивать темные, так что особых разногласий не возникло.

Ближе к вечеру нас обогнала грохочущая телега, запряженная лохматым тяжеловозом. За ней, привязанный к обрешетке, трусил изящный игрневый жеребец – каштаново-рыжий, со светлым хвостом и гривой. По всем статьям – верховой скакун, но какой-то понурый: голова опущена, поступь неуверенная, спотыкающаяся.

Возница щелкнул кнутом, тяжеловоз послушно перешел на тряскую рысь, а игрневый – на плавную иноходь. Казалось, конь не бежит, а плывет над дорогой.

– Эх, гарный жеребчик! – засмотрелась Орсана. – И аллюр такой редкий... Кладней сто пятьдесят затынет, не меньше.

Жеребец споткнулся на ровном месте и упал. Судорожно дрыгающие ноги взбили дорожную пыль. Возница смачно выругался, натянул вожжи. Тяжеловоз послушно остановился; игрневый перекатился по земле и встал, тяжело дыша и поводя боками.

За это время мы нагнали телегу.

– Эй, уважаемый, что с вашей лошадкой? Она хромая, что ли?

Мужик протяжно сплюнул на землю:

– Да нет, слепая! Месяц назад ослеп, холера его разбери. Из Воропаховской конюшни, может, слышали? Чистейших кровей иноходец, после прошлогодних скачек за него двести кладней предлагали – хозяин не продал. А теперь к живодеру веду – и двадцати не даст, харя сквалыжная...

Я осторожно погладила жеребца по длинной рыжей морде, прорезанной белой стрелкой. Оба глаза сплошь затянуло гноящимися бельмами, по ним ползали мухи.

– Пожалуй, он сгодился бы на папиной мельнице – ходить в колесе, – сказала я, прикидываясь поглощенной в раздумья. – Как ты считаешь, сестричка?

– Ну... э-э-э... – Орсана непонимающе вытаращилась на меня, однако женская солидарность и природная сметливость быстро взяли свое. – Я думаю, папа не будет возражать.

– Конечно, не будет! – подхватила я. – На смертном одре он сказал, что мы можем распоряжаться мельницей и всеми деньгами по своему усмотрению.

– Бедный батька... – всхлинула Орсана, роняя скупую слезу. Я обняла «сестренку», и мы горестно возрыдали друг другу в плечи.

Милая семейная сцена растрогала возницу; у него появился шанс всучить слепого коня двум глупым девицам, ничего не смыслящим в сельском хозяйстве – где ж это видано, чтобы скакового жеребца запрягали в жернов!

– Что ж, я мог бы, пожалуй, уступить его за... э-э-э... двадцать кладней.

Рыдания усилились.

– Впрочем, снисходя к вашему дочернему горю... так уж и быть, семнадцать.

Я незаметно толкнула Орсану в бок. Но той, очевидно, стало жалко всех денег, и она издала до того скорбный, протяжный и вибрирующий всхлип, что цена тут же упала до пятнадцати.

Телега поехала дальше, а мы отвели коня в ближайшую рощицу.

– Вот жулик, на живодерне за него бы и десяти не дали, – ворчала

наемница, запихивая в карман изрядно отощавший кошель. – Вольха, после дракона я уже ничему не удивляюсь; но скажи, зачем ты подбила меня истратить последние деньги на слепого жеребца?

– Разве это такой уж существенный недостаток? – пошутила я, кивая на Смолку, с энтузиазмом бобра точившую клыки о молодую березку. Я погладила коня по шее, он глубоко вздохнул, успокаиваясь и привыкая к моему запаху. Мои руки скользнули по плавным изгибам лоснящихся щек, прикрыли слепые глаза чашечками ладоней. – Кося, косенька... какой ты у нас красивый... какой послушный...

Жеребец стоял, как вкопанный. Прижавшись лбом к конскому лбу, я закрыла глаза, направленно погружаясь в нашу общую темноту.

Расколовший ее свет болью отозвался в глубине черепа.

Как я и ожидала, конь отреагировал бурно. Не заржав – истошно взвизгнув, словно его пырнули копьем, он шарахнулся, приседая на круп, потом встал на дыбы, едва не своротив мне челюсть подкованным копытом.

– Эй, эй, полегче! – Я еле успела вывернуться из-под обезумевшего жеребца. – Орсана, держи его!

Конь заметался по поляне, как заяц, поставленный в меню двумя волками сразу. Вновь обретенное зрение больше мешало ему, чем помогало ориентироваться, – он натыкался на деревья, спотыкался о корни, отвыкнув доверять глазам.

Деревья окружали полянку со всех сторон, оба конца тропки преградили наши растопыренные руки, так что взволнованному жеребчику не удалось дать деру – Орсана поймала его за конец повода, перехватила под уздцы. Конь косился на нее дикими черными глазами, храпел, пятился, взрывая землю копытами. Наемница засюсюкала с ним, как с маленьким ребенком, – ах ты хороший, славный, умница-разумница, а попробуй вкусного хлебушка...

Хлебушек конь попробовал, и неслабо: от избытка чувств Орсана сунула ему под морду всю оставшуюся у нас краюху, с полковриги, и жеребец, не будь дурак, быстренько ее оприходовал, пока новая хозяйка не опомнилась.

– Не понимаю, – сказала Орсана, когда хлеб кончился и ее восторг чуть поутих. – Его бывший владелец сам мог заплатить магу пару кладней за исцеление и куда выгоднее продать конягу. Почему же он этого не сделал?

– Да потому, уважаемая легионерша, – снисходительно улыбнулась я, глядя коня по длинной гриве, – что специалисты моего класса по трактам не шлятся и коней не лечат. Я, к твоему сведению, профессиональный

маг-практик, диплом с отличием. Мы на подобные мелочи не размениваемся.

Смолка, до сих пор с опаской наблюдавшая за нами издали, подошла и ревниво вклинилась между мной и жеребцом. Пришлось приласкать и ее.

– Ой-ой-ой... – передразнила Орсана с плохо скрываемым восхищением. – Тоже мне, специалистка в драных сапогах.

– Ну, я могу, конечно, заделать дыры и придать сапогам иллюзию новых, но ведь они в любой момент могут... Странно, – внезапно сказала я, обрывая предыдущую фразу и сосредоточенно вслушиваясь в себя, – мой резерв уже в норме.

– Что-что?

– Каждый маг располагает определенным резервом – количеством энергии, силы, которую он может потратить за один раз. Потом ему приходится либо искать внешний ее источник, либо ждать от нескольких часов до двух-трех суток. И чем больше энергии потрачено, тем медленнее она прибывает, – вкратце объяснила я.

– Ну и добрэ, – пожала плечами Орсана. – Чем скорее, тем лучше, так?

– Но не за пять же минут!

– Почему?

«Потому что этого просто не может быть!» – подумала я, но лишь махнула рукой – мол, проехали.

Наемница не стала допытываться, ее мысли были заняты другим. Жеребец все еще фыркал и приплясывал, но Орсане не терпелось испытать его в деле. Не дожидаясь, пока мы выйдем на ровную дорогу, уже на опушке она вскочила коню на спину и повелительно чмокнула губами.

Конь, на счастье, оказался умнее наездницы – не поскакал, а осторожно пошел по высокой траве, старательно поднимая ноги, как на параде. Выездили его прекрасно, видно, что для скачек: самый бестолковый жокей не сумел бы испортить ему забег, тщетно понукая и осаживая в неподходящие моменты. Впрочем, Орсане достаточно было мысли, что она сидит на собственном коне, и подгонять его девушка не собиралась.

– Ишь, выплетает! – восхитилась она, и тут же решила: – Венком назову.

Пообвыкнув, на тракте конь зачастил пружинистой иноходью в темпе галопа. Мы догнали и обогнали телегу с давешним мужиком, даже вставшим от удивления; тяжеловозу показалось, будто его собираются подхлестнуть, и он добровольно ускорил шаг, а возница, не удержавшись, рухнул на спину, задрал над обрешеткой растопыренные ноги.

Орсана просто сияла от счастья, я же все мрачнела и мрачнела, как

вечернее небо над головами. Но только на привале, у горящего костра, решилась вслух высказать причину внезапной смены настроения.

– Ну вот, – вздохнула я, – теперь ты экипирована полностью. Меч мы тебе добыли, коня купили. Можешь ехать поступать в свой Легион.

Жеребца Орсана на всякий случай привязала к дереву, расседланная Смолка по-собачьи улеглась возле костра, положив голову на вытянутые передние ноги и подобрав задние.

– Так ты не поедешь со мной в Витяг? – насторожилась девушка.

Я медленно покачала головой:

– Наверное, я нужнее здесь.

– Наверное? Появились какие-то проблемы?

– Они и не исчезали, – вздохнула я, – просто я, хоть убей, не знаю, что с ними делать, и схватила за твое предложение, чтобы хоть чем-то себя занять и не сойти с ума окончательно. А теперь они снова вылезли на первый план, и я не могу с чистым сердцем ехать в Витяг любоваться замком. Работу можно найти и в здешней округе, а там, глядишь, что и прояснится.

Наемница, посерьезнев, придвинулась и положила руку мне на плечо, внимательно глядя в глаза.

– Вольха, выкладывай.

– Боюсь, мой рассказ тебе не понравится.

– Кто бы сомневался! На то они и проблемы, чтобы портить людям настроение.

– Ты просто не представляешь, насколько оно у тебя испортится, – грустно усмехнулась я.

Когда по Школе разнесся слух о моей дружбе с вампирами, из двух дюжин моих друзей осталось всего четверо. И это образованные люди, маги, слушавшие курс лекций по Разумным расам, якобы свободные от предрассудков! Чего уж тут говорить о наемнице из простой крестьянской семьи?

– Ты мне не доверяешь? – обиделась Орсана.

– Доверяю и хочу, чтобы мы расстались друзьями.

– То яки ж цэ друзи, – вконец разозлилась наемница, мешая белорусские слова с волменскими, – якщо вони с тобою тильки в радости застанутся? На кой тогда вони потрібни? Ну?!

Ну, я и рассказала. Просто чтобы выговориться, а там будь что будет.

Я была уверена, что этой ночью Орсана не уснет, а на рассвете поспежит раскланяться. Немногим лучше – сочтет сумасшедшей, в самом

же худшем случае даже не попрощается, а бедный Венок не выдержит дикой ночной скачки и падет через полсотни верст.

Наемница выслушала меня с непроницаемым лицом, не перебивая и не отводя глаз, потом задумчиво потерела подбородок и как ни в чем не бывало сказала:

– Н-да, ну ты и влипла. Что будем делать?

Я уставилась на нее, не веря своим ушам.

– Ты говоришь, что твой друг после смерти превратился в волка, но не знаешь, почему он напал на тебя и удрал, – невозмутимо продолжала девушка. – Тогда почему бы не спросить у того, кто знает? У тебя есть еще знакомые среди вампиров?

– Полно, – машинально ответила я. – А ты не боишься?

– Чего? – неподдельно удивилась Орсана. – Тебя? Ну, насмешила! Если уж ты меня за три ночи не загрызла, то бояться, начиная с четвертой, я не намерена, и не надеюсь таким образом увильнуть от ночных караулов. Время у меня еще есть, и если мы сейчас придумаем, что делать, – будем делать не откладывая.

– Орсана, ты просто чудо, – растроганно улыбнулась я. – Но что можно предпринять – ума не приложу. Лён, то есть волк, сбежал. В Догеву я возвращаться не хочу. Там такой вселенский плач поднимется! Пусть лучше подольше не знают о смерти своего Повелителя. К тому же я уверена: Травница и Старейшины не скажут мне ни слова, даже если я буду заживо резать их на кусочки. А если разбойники успели высказать им «соболезнования» и свою версию убийства, то разрежут меня саму.

– А как насчет Арлисса? – чуть подумав, предложила Орсана. – В конце концов, это их послы заманили Лёна в ловушку.

– Нет, они его как раз-таки защищали и погибли вместе с ним. Часть из них, по крайней мере.

– Вот именно, часть. Возможно, среди них были предатели, раз шла речь о замене стражи и близком знакомстве с послами. Что-то нечисто с этим Арлиссом, не мешало бы туда наведаться.

– Но я даже не знаю, в какой стороне света его искать!

– Сейчас по карте посмотрим! – утешила меня неунывающая наемница.

Тряпичная карта была извлечена из заплечного мешка, расстелена по траве и придавлена камешками от порывов ветра.

– Вот он! – первой сориентировалась Орсана. – Ого, далековато. Не меньше семи дней пути – через всю Белорию, аж до Ясневого Града. Зато как раз по Витягскому тракту, и мы можем на часок заглянуть в

пресловутый эльфийский замок – вернее, то, что от него осталось.

Я присмотрелась. Правильный кружок Арлисской долины медным пяточком лежал на границе между Белорией и Ясневым Градом – дремучим лесом, находившимся под охраной эльфов, дриад и друидов. Идея вообще-то была неплоха – при условии, что разбойники не доберутся в Арлисс раньше нас. А они вполне могли разделиться – отправить по паре гонцов в обе долины, остальные же будут продолжать поиски нас с Орсаной. Прежде всего меня, но подвернувшуюся наемницу тоже не пощадят.

– Нет, не пойдет, – с сожалением признала я, – у меня нет знакомых в Арлиссе, сочувствующих тем более не найдется, и я слыхала, что это самая закрытая от людей долина, туда и купцов-то пускают со скрипом, причем не дальше пограничья.

– Неужели кто-то рискует торговать с вампирами?

– Деньги не пахнут... и не кусаются. Сам Арлисс вроде как говядину экспортирует, сыры всякие – под маркой эльфийских, иначе никто не купит. Слушай, а это идея! – я прищелкнула пальцами, и с них сорвалось облачко звенящих искорок. «Показуха», как презрительно отзывался Учитель, но среди адептов это простенькое волшебство было в моде и со временем стало машинальным. – Лён как-то говорил, что вампиров можно встретить в любом мало-мальски крупном человеческом городе – они часто ездят туда по торговым делам, а то и живут, ежедневно раскланиваясь с ничего не подозревающими соседями. Разбойники при всем желании не успеют разыскать и оповестить каждого из них, а вампиры, живущие среди людей, должны быть более сговорчивы.

– Витяг уступает размерами только столице, и до него ближе всего, – подхватила Орсана. – Ты знаешь, а ведь я никогда не задумывалась, откуда в Ясневом Граде берутся коровы! Не пасутся же в священных рощах. И что, знаменитый «Эльфий каприз» с белой плесенью делают вампиры?! Кошмар какой! Но вкуснящий, надо признать, я пробовала.

Я кивнула и спохватилась:

– Пробовала сыр стоимостью в шесть кладней за кружок размером с ладонь?

– Давно, еще в детстве, – пожала плечами Орсана. – Приятель угостил, сынок богатого соседа. А что?

– Ничего, – смутилась я, ругая себя за бестактный вопрос. Я сама впервые попробовала «Эльфий каприз» в Догеве, на 75-летию Лёна; для вампира это не такой уж солидный возраст, соответствует примерно двадцати человеческим годам. Разумеется, прежде я видела эльфийские сыры только в дорогих лавках, большинству селян подобные лакомства не

по карману, все равно что барана за один укус съесть. – Извини. Решено, утром едем в Витяг. Если, конечно, ты не передумаешь.

Подруга только фыркнула.

– Ты считаешь, будто я, выходя на тракт, не знала, что услугами наемников пользуются в тех случаях, когда не хотят или не могут справиться сами, и вряд ли предложенная мне работа будет легкой и безопасной? Кстати, раз такое дело, на ночь не помешает выставить охрану. Кто первый?

– Оно, – я кивнула на тускло полыхнувшее и снова исчезнувшее кольцо, окружавшее нашу стоянку. – Я и раньше без защитного контура спать не ложилась, мало ли что.

– А если вампиры с воздуха подлетят?

– Изловим и заспиртуем, для музея. До сих пор они летать не умели. А вон те шныряющие над деревьями мышки никакой опасности не представляют, не обращай на них внимания.

Орсана долго вглядывалась в безлунный мрак, потом досадливо потрянула головой:

– Вольха, а ты точно уверена, что вампиры тебя не кусали? В темноте лучше кошки видишь, от волчьего укуса за час и следа не осталось, резерв, чи як там его, через край бьет. Может, ты сама вже упырь какой? По ночам воешь та кровь смочешь?

– Мы с Лёном знакомы больше двух лет. Чтобы за такое время никто в Школе не услышал воя и не заметил искусанных трупов? Чушь. И потом, у меня на шее должны были остаться следы от клыков!

– Необязательно. Ты же говорила, что раны на вампирах заживают мгновенно, как ножом в кисель ткнуть. Давай я тебя ткну и узнаем наверняка!

Я на всякий случай отодвинулась.

– Я не уверена, что волк так уж сильно меня укусил, я больше испугалась. Для мага-практика не составит труда залечить неглубокую ранку, я делаю это машинально и не хуже вампира. А до кости «пилувать» руку не дам, она мне еще пригодится. К тому же Лён говорил, что при укусах вампиризм не передается.

– Тю! – присвистнула Орсана. – Нашла кого слушать – вампира! Он тебе с три короба наплетет, еще и в лукошко с верхом насыплет!

– Он единственный, кого стоит послушать, – отрезала я. Пожалуй, излишне грубо и категорично.

– Кем он был для тебя? – Орсанин вопрос застал меня врасплох. А и в самом деле – кем?

– Другом, – неохотно выдавила я, сама не зная, лгу или говорю правду. – Самым лучшим. Самым близким. Самым дорогим. Я знала, что в трудную минуту всегда могу прийти к нему, и он не отговорится срочными делами, не начнет распекать и поучать, а поможет, и эта помощь не стеснит и ни к чему не обяжет. Тебе не понять...

Наемница, не комментируя, сочувственно смотрела на меня.

Он был для меня куда больше, чем другом. И Орсана прекрасно это поняла.

Но ничего не сказала, и мы молча поужинали и легли спать.

Без седла на коне долго не высидишь – и животному спину сотрешь, и сам потом не разогнешься. Из-за этого путь до Витяга занял у нас три дня вместо намеченных двух. Чем ближе к городу, тем чаще попадались селения, так что проблем с ночлегом и едой не возникало, а окупать расходы удавалось мелкими подработками – нарубить дров, изгнать крыс, свести бородавки или посторожить купеческую лавку от ночных татей и упырей (сказать по правде, мы подперли дверь стулом и сладко выспались на скатанных в трубки коврах).

Пресловутый эльфийский замок располагался в версте от города, представляя собой живописную груду бело-сиреневых камней с одной-единственной уцелевшей, но заметно покосившейся башней. Осмотр замка занял у нас ровным счетом десять минут: с одной стороны его реставрировали, то есть до самого верха громоздились прогнившие, частью осыпавшиеся леса, нуждающиеся в ремонте не меньше замка; другая лежала в непролазных развалинах, третью заслонял лес, а на полянке перед более-менее уцелевшим садом дежурил пестро одетый мужичок в обнимку с лютней, но с мечом при поясе и громоздким арбалетом за плечами.

– Замок, небось, посмотреть желаете? – радостно завопил он, спеша нам навстречу. – Так это я мигом – и покажу, и расскажу, и черепок какой занятный на продажу имеется!

– А вы, простите, кто такой? – поинтересовалась я, не сумев прийти к нужному выводу самостоятельно.

– Сторож тутошний, заодно людишек приезжих насчет развалин просвещаю, – гордо пояснил мужик, передергивая плечами, чтобы поправить скособолевший арбалет. – Про замок и эльфов баю, могу так, могу жалостливым стихом с лютнею, – и в доказательство провел рукой по заметно провисшим струнам. Кони попятнулись, я вздрогнула и машинально поискала глазами прищемленную дверью кошку.

– Что здесь сторожить-то?

– Отбою нет от порчунов, – пожаловался сторож-баюн, – картинки срамные на стенах малюют и плитки махонькие, расписные, из полов выламывают. И охота им руки обдирать, ломиком-то куда сподручнее, а за пять медяков я сам оным пошурую, только пальцем ткните которую!

– И уголек с лестницей дадите? – язвительно поинтересовалась я.

– Ишь чего захотели! – возмутился сторож. – Конечно, не дам, пока еще серебрушку не доплатите! Ну так как? Баять про эльфов?

– Давайте сначала кратенько, для общего ознакомления, – предложила наемница, – а мы подумаем.

– Кратенько? Можно, чего ж нет. Ну дык, ето... эльфы... того они! Были тут, делали чевой-то – кто ж их, нелюдей, разберет! А потом, ночью, ка-ак бухнет! Тудыть-растудыдь, и готово! Хлобысь, в общем, замок, токо во все стороны – фрррр! И нетути, – развел руками мужик и с надеждой уставился на нас, ожидая материального вознаграждения за красочный рассказ.

Мы изобразили неподдельный восторг, пообещали вернуться за подробным изложением событий, после чего объехали вокруг замка и, стараясь не попадаться «баюну» на глаза, под прикрытием рощицы возвратились на тракт.

– Развалины они и есть развалины, – философски заключила Орсана, – все одинаковые – что эльфийские, что человеческие, и смотреть там особенно нечего.

– Кроме срамных картинок, – поддакнула я.

За въезд в сам город с нас требовали по мелкой серебряной монете – якобы на ремонт дорог. Орсана предложила стражникам собственноручно выложить кусок булыжной мостовой, но те гнусно расхохотались и, получив требуемую мзду, немедленно отрядили гонца в ближайшую таверну. Вряд ли за камнями.

Витяг мало чем отличался от Стармина. За последние годы он сильно разросся – благодаря близости к морю и удобному расположению. Со стороны окаймлявших море гор к городу не мог подступиться ни один враг, со стороны озер – тем более: единственным врагом в тех краях были непомерно плодившиеся комары. Воинственные племена степняков, изредка пересекавшие границу, грабежом приграничных сел и ограничивались, а крупные войны с соседями захлебывались под каменными стенами столицы.

Здесь и стены были пониже, и скреплявший их цемент пожиже, да и сами камни никто не потрудился отшлифовать до блеска, чтобы штурмующий враг не нашел опоры ни руке, ни крюку (чуть позже мы

обнаружили, что дальше стены вообще сходят на нет, снова вырастая на выезде из Витяга, и в город вполне можно пробраться огородами с боков).

Прямо за воротами мы наткнулись на россыпь лавчонок, и Орсана отдала два оставшихся кладня за простенькое, но добротное седло. Со сладостями, второй достопримечательностью Витяга, нам повезло больше, чем с замком, и варенные на меду орехи оказались выше всяческих похвал. Орсане вдобавок приглянулся огромный пряник в форме плотоядно оскаленного, глазастого солнышка, так что непонятно, кто кого собирался есть.

– Мне все-таки кажется, что разгадку нужно искать в Арлиссе, – убежденно заявила наемница. Бегло окинула взглядом липкие медяки сдачи и ссыпала их в кошель. Я вспомнила, как мои родители кропотливо раздвигали на ладони мелкие монетки, шевеля губами от непривычного умственного напряжения. Возможно, Орсана тоже посещала благотворительную храмовую школу для крестьянских детей, хотя лично меня там еле-еле научили считать по пальцам рук. – Что, если как-нибудь выманить их Повелительницу и расспросить ее с глазу на глаз?

– Так она к тебе и вышла, – угрюмо проворчала я, в этот момент тоже озабоченная нашими дальнейшими планами.

– Брось, ты же ведьма, – беспечно откликнулась Орсана, увязая зубами в прянике. – Заколдуешь ее, и вся недолга.

– Ага, заколдуешь! Повелителей не берут заклинания.

– Это еще почему?

– Они телепаты.

– Ну и что? Я тоже знаю, как швыряться огнем: крикнуть «Рыло!» и махнуть рукой, но мне это вряд ли поможет, верно? – Орсана покраснела и добавила: – Я пробовала... Так, шутки ради.

– Roill, – машинально поправила я. – Все не так просто. Заклинания трехкомпонентны по своей природе: необходимо слово, движение и отданная магом сила. И куча условий срабатывания, по ним вампиры и бьют. Те же боевые пульсары: они, в принципе, самонаводящиеся, но на подлете почему-то шарахаются от взмаха веткой.

– Я была на ежегодном турнире винесских колдунов, но не заметила, чтобы они махали ветками, – скептически возразила подруга. – Ух ты, он еще и с начинкой! Хочешь попробовать?

Надъеденное солнышко, истекающее смородиновым вареньем, производило удручающее впечатление.

– Нет, спасибо. Во-первых, поди угадай, какое заклинание применит противник, во-вторых, лично я швыряюсь огнем без предупреждения. И

если длинное заклятие иногда можно перебить на середине плетения, то с пульсаром этот номер не пройдет. Но Повелитель точно знает, чем и когда я воспользуюсь, так что ничего не выйдет.

Дорогу стремглав перебежала здоровенная серая крыса. Венок испуганно фыркнул, сбиваясь с размеренной иноходи, Смолка по-кошачьи припала на передние ноги и щелкнула зубами, но промахнулась. Я в сердцах пнула ее сапогом в бок. Изрядно выкушавший мужичок так и сел в дверях корчмы, зарекшись пить по меньшей мере неделю.

– А как же подаренный вампиром амулет? Ты говорила, он скрывает мысли.

– Только не от Лёна. Возможно, другим Повелителям он тоже не помеха. В любом случае, сначала мы должны найти обычного вампира и поговорить с ним.

– И где ты собираешься его искать? – Орсана завистливо проводила взглядом конный разъезд. Стражники официально причислялись к столь желанному ей Легиону. Конечно, объезжать город с плетью вместо меча (обнажать его разрешается только в исключительных случаях) – не ахти какой героизм, однако редкий день обходится без стычек с законнепослушными гражданами и кровопролитных драк, в то время как легионеры в казармах жестоко маются от безделья в мирное время. Войны, тьфу-тьфу, вроде не предвиделось, и, пожалуй, Орсана не отказалась бы вот так, свысока посматривая и поигрывая плеткой, проехаться по городу в мелодично позвякивающей кольчуге.

Один из стражников, симпатичный темноволосый парень, помахал рукой Орсане, жадно и откровенно рассматривавшей легионеров. Девушка смутилась и, покраснев до корней волос, повернулась в мою сторону.

– Ты придумала, как нам его найти? – повторила она.

– Придумываю, – вздохнула я. Стражник, засмотревшийся на Орсану, придержал было коня, но, увидев, что девушка больше не обращает на него внимания, нагнал товарищей и вместе с ними свернул в соседнюю улочку. – Мне говорили, что выследить вампира невозможно... с утра, на свежую голову, проверим, так ли это. А сейчас – давай перекусим, а?

– Не помешает, – легко согласилась Орсана.

В конце улицы сыскалась корчма почище, с многообещающей вывеской «Три веселых вампира». Насколько я знала, названия подобным заведениям давались либо по местоположению, либо по хозяину, либо по наиболее значительному событию, так что, вполне вероятно, некогда здесь действительно веселились вампиры в количестве трех штук. Как именно они развлекались, оставалось только гадать. Впрочем, хозяин мог иметь в

виду, что даже вампиры в его корчме не заскучают. Мы спешили. Подскочивший мальчишка принял у нас лошадей и увел к коновязи. Я бросила ему мелкую монетку и, первой зайдя в корчму, с досадой отметила, что все столы заняты. Самое людное время – когда рабочий день закончен, только-только начинает темнеть, а разыгравшийся аппетит не дает ногам пройти мимо нарочно распахнутого окна кухни.

Нам повезло – не успел корчмарь наполнить кружки заказанным нами квасом, как подвыпившая компания гномов и людей щедро расплатилась и, пошатываясь, нестройной гурьбой двинулась к выходу. Прихватив квас, мы заняли освободившийся столик.

– А почему вампира невозможно выследить? Как он выглядит? – Орсана окинула задымленное помещение настороженным взглядом, словно ожидая, что кто-то из посетителей перекинется летучей мышью и со зловещим хохотом вылетит в каминную трубу.

– Да никак, – я пожала плечами и поправилась: – Как обыкновенный человек. Прячет клыки в усах и бороде, а крылья – под плащами и куртками.

Как на грех, все посетители корчмы отличались изрядной небритостью – даже у разносчицы над губой топорщилась редкая черная щеточка.

– То есть любой из этих типов, – Орсана оглянулась через плечо, буравя взглядом толстопузого бородача в черном плаще, хлещущего пиво из жбана размером с добрый бочонок, – может оказаться вампиром?

Бородач грохнул пустым жбаном о столик, утер рукой усы и громко рыгнул.

– Не исключено.

– Сейчас проверим. – Прежде чем я успела открыть рот, девушка вскочила на стол и подняла руки над головой, привлекая внимание переполненного зала. – Шановны друзи! Хвилинку уваги! Я хочу сделать маленькую объяву. Видите ли, мы шукаем вомпэра. Нам дуже трэба з йим поговорить! Честное слово, только поговорить, я чеснок сама на дух не переносу. Я знаю, что вы здесь, так что...

Я так и не узнала, что Орсана хотела предложить вампиру. «Шановны друзи» предусмотрительно решили не затягивать пребывание в кишасей вампирами корчме и как один кинулись к выходу, испуская визжащие и завывающие звуки.

Орсана удивленно огляделась по сторонам. На полу еще крутилась деревянная кружка, поскрипывала открытая дверь да тонкой струйкой текло на пол пиво из краника дубовой бочки.

Кроме нас, в корчме не осталось ни единой живой души.

– Гениально! – Я откинулась на спинку стула и несколько раз хлопнула в ладоши. – Ты не могла обратиться к «вомпэру» десятью минутами раньше, когда мы ожидали столик?

– Н-да, неувязочка вышла, – смущенно призналась Орсана, слезая со стола. – Кто ж знал, что они так бурноотреагируют... Может, они все – вампиры?

– Чтобы стая вампиров испугалась двух девушек? Нет, к сожалению, это люди. И я предлагаю как можно быстрее удрать вслед за ними, пока сюда не явилась городская стража. За такие шуточки нас запросто могут кинуть в яму месяца эдак на два.

Орсана скептически хмыкнула, но возражать не посмела. Похватав со стульев свои пожитки, мы быстрым шагом, переходящим в медленный бег, покинули гостеприимное заведение. Отвязали коней (Смолка как раз заканчивала перегрызать коновязь пополам, причем делала это исключительно ради удовольствия – перегрызть повод было куда проще) и, слаженно вскочив в седла, с места рванули в галоп.

Увы, наше бегство не прошло незамеченным.

– За нами кто-то едет, – по истечении двадцати минут прошептала Орсана, когда мы уже перешли на рысь и свернули в одну из улочек. – Тс-с-с, не оглядывайся! Это стражник.

– Ты уверена?

– Да, он в кольчуге. И лошадь рыжая.

– Ну и что?

– Герб Витяга – рыжий лис на золотом фоне. Поэтому вся стража носит позолоченные кольчуги, а кони у них – рыжие.

– Вот леший! Неужто аукнулось твое выступление в корчме?

– Не знаю. Но он едет за нами уже пять минут.

– Может, подавлен нашим численным превосходством и надеется на встречу с патрулем?

– Зря надеется. Патрули не ходят по таким закоулкам – им тоже жить хочется.

– Тогда чего он привязался?

– Ждет подачки, – предположила Орсана. – Давай демонстративно вывернем карманы – авось отвяжется?

– Спросим его самого, – я осадил лошадь. Ширина улочки не позволяла мне развернуться прежде, чем Орсана выедет вперед, но для Смолки не было ничего невозможного. Не приравнивая натяжение узды к команде «Тпру!», она пошла задом наперед – невозмутимо, с той же скоростью, плавной скользящей рысью. Прежде чем Орсана успела

развернуть Венка, я поравнялась с нашим преследователем.

Как и подозревала Орсана, это был стражник. Кольчуга не позолоченная, а из какого-то бледно-золотистого металла, знак отличия на правом рукаве, гербовый щит и казенное седло с клеймом конюшни, вытисненным на передней луке. Сам мужчина выглядел лет на тридцать и производил приятное впечатление – правильные черты лица, высокий лоб, умные карие глаза с затаившимися в уголках смешинками, черные короткие волосы, ровно подстриженная бородка, щеточка усов.

– Добрый вечер. – Стражник галантно поклонился, положив руку на оголовье притороченного к седлу меча. – Меня зовут Ролар. О чем вы хотели со мной поговорить?

– С вами?! Я вас первый раз ви... – наемница осеклась, сраженная клякастой улыбкой незнакомца.

Глава 14

Первой, как ни странно, опомнилась от изумления Орсана.

– То шо – вомпэр?! – обратилась она почему-то ко мне, тыча пальцем в сторону Ролара.

– Определенное сходство имеется, – осторожно ответила я.

Ролар откровенно упивался нашим замешательством, посмеиваясь в накладные усы, – свои у вампиров не росли.

– Ну, ну! – подбодрил он нас. – Кто первая? Смелее, девушки! Сам укус – пустьак, а потом совсем не больно!

– Посмей только тронуть меня или мою подругу! – Орсана угрожающе крутанула-свистнула в воздухе выхваченным из ножен мечом. – Стой, где стоишь, упырь!

– Так, я что-то не понял, – одной рукой вампир пригладил волосы, второй же словно невзначай коснулся рукояти торчащего из-за пояса кинжала. – Вы упыря искали или вампира?

– Вампир, упырь, вурдалак – один леший! – Орсана опустила меч, но в ножны вкладывать не торопилась.

– Не скажите, милая девушка. Упырь – это восставший мертвец, вурдалак – вид хищной нечисти, а я – представитель Разумной расы.

– Ага, эта самая разумность у тебя прямо из клыков прет!

– Лебяжий изгиб вашей шейки сводит меня с ума, сударыня... Спрячьте меч, это не намек, а комплимент.

– Вот еще, я и кинжалы на всякий случай достану!

– Эй, стоп, стоп, стоп! – Я замахала руками. – Прекратите, эдак вы сейчас подеретесь, и мне придется либо мстить, либо помогать прятать труп, а у меня нет времени на такие глупости! Ролар, мою подругу зовут Орсана. Я – Вольха. Мы действительно хотели с вами поговорить, но предпочли бы местечко поуютней. И побезопасней – возможно, за нами гонятся бандиты.

– Под бандитами, надеюсь, подразумеваются не мои коллеги из Стармина? – с ехидцей уточнил вампир.

– Нет, настоящие разбойники, очень недовольные нашим вмешательством в их лесную антиобщественную деятельность.

– И чем же вы их так прогневили?

– Вот об этом у нас и пойдет разговор.

Вампир посмотрел на меня с таким обреченным видом, словно ему

было доподлинно известно, что за ближайшим углом его поджидают полчища ведьмаков с осиновыми кольями, а я у них за главную. Но только вздохнул и спросил, кивнув на Орсану:

– Ей можно доверять?

Я удивленно кивнула. С тем же успехом Ролар мог задать этот вопрос Орсане, второй из совершенно незнакомых ему девушек. Но почему-то выбрал меня.

– Хорошо. Здесь неподалеку есть славная забегаловка, – предложил Ролар, трогая узду своего жеребца. – Правда, она только для стражников, причем холостых, и просто с улицы туда не зайдешь, но если ваша охранница будет вести себя прилично и уберет меч в ножны, я выдам вас за случайных подружек, за небольшую мзду скрасивших мое одиночество.

– Шо?! – взревела наемница, преисполненная праведного гнева. – Меня – за продажную девку?!

– Зато там нас наверняка никто не подслушает, – пожал плечами Ролар. – Разбойники ни за что не сунутся в битком набитую стражниками харчевню, а знакомые не станут портить мне такой многообещающий вечер.

Судя по Орсаниному лицу, «многообещающий вечер» начался бы немедленно, но в этот момент в аршине над нашими головами распахнулось окно и оттуда маленьким зловонным водопадом изверглось содержимое помойного ведра, поровну разделившись между сточным желобом и левым боком Венка.

– Шоб тебе так на башку дурную шваркнули! – от души пожелала наемница, дрыгая заляпанной ногой.

– А неча под окнами стоять, глазами хлопать! – не осталась в долгу выглянувшая из-за ставня баба и уже прицельно плеснула в Орсану из бадейки с обмылками. Мутная вода описала круг и прыгнула обратно в бадейку, да с такой силой, что бабу отнесло от окна и о дальнейшем развитии событий оставалось догадываться по грохоту, плеску и ядреной ругани в адрес «треклятой ведьмы».

Отведя душу, но не желая привлекать к себе излишнего внимания, мы вслед за Роларом ретировались из негостеприимного переуллка. Вопреки моим ожиданиям, вампир не поспешил углубиться в мрачные трущобы, где легко запутать следы и укрыться от посторонних глаз, а, напротив, вернулся в центр города. Популярность вампира в народе нас потрясла. Его приветствовал каждый второй – от встречных стражников до нищих, сидевших вдоль стен. Хихикали продажные девки, шаловливо посылая вампиру воздушные поцелуи; радостно пищали дети; подобострастно

ухмылялись воришки, торопливо выдергивая руки из чужих карманов; важно раскланивались купцы. Уличные торговки наперебой зазывали Ролара к своим лоткам, а когда он и впрямь снизошел до горячего пирожка с капустой, не взяли с него ни медяка.

«Забегаловка» оказалась просторной харчевней «Страждущий страж», где шумно проводили время сменившиеся с дежурства патрули. Нас встретил восторженный рев голосов – Ролар, идя к свободному столику в дальнем углу, то и дело отвечал на приветствия и пожимал руки коллегам. Не успели мы присесть, как стол прогнулся от пивных кружек и подавальщица торопливо, чтобы не забыть, перечислила, кому из друзей вампир обязан такому изобилию. Ролар перебил ее, осведомившись о здоровье, игриво ущипнул за охотно подставленную попку и царственным жестом велел угостить всех присутствующих за его счет. Харчевня снова утонула в реве, вампиру пришлось встать и поприветствовать народ, поклонившись на все четыре стороны.

Орсана бесцеремонно дернула подавальщицу за подол, отвлекая ее внимание от Ролара, и попросила телячью отбивную с квашеной капустой и кусок вишневого пирога. Не утруждая себя выбором, я заказала то же самое.

– Все эти люди знают, что вы... ну, этот? – недоверчиво поинтересовалась Орсана.

– Нет, конечно, еще чего не хватало. – Ролар, полуприкрыв глаза, потянул носом с блаженным видом изголодавшегося гурмана. – Милетта, солнышко, а мне – баранью ляжку, запеченную в горчице, к ней – тарелку картошки и, пожалуй, парочку расстегайчиков с сыром. Да поживей, крошка, иначе мне придется съесть тебя!

– И он не шутит, – проворчала Орсана вслед девушке.

– Эй, Ролар! – окрикнул вампира пожилой мужчина у стойки. – Этой ночью, в переулке бондарей – твоя работа?

– Угу. – Вампир, в ожидании ужина, отдавал должное пиву. Я не рискнула пить на голодный желудок, Орсана же смело ухватила за ручку ближайшей кружки и сделала большой глоток, но тут же сморщила нос и раскашлялась.

– Говорят, семерых на месте положил? – продолжал допытываться знакомый. Ролар лениво взмахнул рукой с растопыренными пальцами.

– Пятерых. Двое успели довольно далеко отбежать.

– Гищ клялся, что они задела тебя по меньшей мере дважды.

– Я удивляюсь, как он вообще что-то разглядел. Из бочки, в которую нырнул при виде десятка недоумков с ржавыми мечами, – презрительно

бросил вампир, принимаясь за вторую кружку. Выждал, пока коллеги отсмеются, и с досадой добавил: – Напарничек, чтоб его. Три месяца Зоарову банду выслеживали, а как лицом к лицу столкнулись, мне одному пришлось разбираться. Еще и за бочку грозятся из жалованья вычесть – Гиц-то в ней застрял намертво, пришлось обручи рубить...

– Надо было прям в ней на пост и катить, – посоветовал какой-то шутник, и внимание окружающих переключилось на смачный перебор способов извлечения незадачливого труса.

Мы выжидательно уставились друг на друга.

– Разговор, – напомнил Ролар. – Непринужденная беседа двух людей с целью получения информации. Какие проблемы, Хранительница?

– Как вы меня назвали? – опешила я.

Вампир кивнул на подаренный Лёном амулет, выбившийся из-за расстегнутого по случаю жары ворота.

– Вы носите реар Повелителя Догевы, но не знаете, что он означает?

– Это подарок, в знак благодарности.

– Неужели? – хмыкнул Ролар. – Ну-ну. Подарок! Да, по-своему это чудесный подарок...

– О чем вы? – Я поймала в горсть болтающийся на шнурке камушек. Орсана, не вмешиваясь в беседу, с интересом поглядывала на ничем не примечательный кусочек авантюрина, оправленный в серебро. – Поймите, так это и есть реар?! А что в нем особенного?

Вампир, нахмурившись, побарабанил кончиками пальцев по столешнице, не понимая, испытываю я его или шучу.

– Согласно реару, вы являетесь официальным заместителем Арр'актура на случай... хм... его долговременного отсутствия. Вы это хотели услышать?

Я хотела услышать правду и, если это была она, никакой вымысел ей в подметки не годился.

– Так что, ты теперь Повелительница Догевы? – не выдержав, охнула Орсана. – Ну дела!

– Не совсем так... – Вампир мучительно подбирал слова, пытаясь объяснить мне нечто совершенно запредельное, с его точки зрения, для человеческого разума. – Вы... э-э-э... не Повелительница в прямом смысле слова, а избранница... хранительница...

– Хранительница – чего? Казны? Семейных драгоценностей? Домашнего очага?

– Тела, – серьезно ответил вампир.

– Трупа, что ли? – недоверчиво переспросила Орсана. – М-да, не

слишком пригодная для хранения вещь, разве что в закрытом гробу... или его предварительно бальзамируют?

– Орсана! – возмущенно перебила я. – Это не смешно!

– Извини. Я забыла, что он и в самом деле помер. – Орсана сочувственно, но излишне развязно потрепала меня по плечу, и я заподозрила, что тот единственный глоток не прошел для нее бесследно.

Деревянная кружка в руке Ролара закрипела и смялась, словно берестяная, пиво вспенилось на золотистой кольчуге.

– Что ты сказала?! – резко охрипшим голосом переспросил бледный как полотно вампир.

– Ну да, на днях он геройски пал от разбойничьего меча, вечная ему память, – невозмутимо пояснила захмелевшая наемница. – Кстати, а где моя отбивная? Ау, ра-а-а-а-а-а-а!

– Эй, Ролар... – Я помахала ладонью перед остекленевшими глазами собеседника. – Орсана, ну разве можно так огорошивать? Надо было как-нибудь помягче, потактичнее...

– По-твоему, лучше предложить ему сесть, попросить успокоиться, расслабиться, после чего деликатно, в радужных тонах обрисовать загробную жизнь, пообещать, что «все там будем», и конце концов довести до инфаркта дурацкими намеками на постигшее его несчастье? – цинично пожалала плечами наемница. – Ненавижу эти притворные рыдания над могилами. Когда я закончу свой жизненный путь, заройте поглубже, скажите: «Какое счастье, что ее нет с нами!» – и можете расходиться.

– Так и сделаем, причем в самое ближайшее время, – с угрозой пообещала я. – Ролар, вы не дослушали. Лён действительно умер, я собственными глазами видела его окоченевший труп с мечом в груди, но затем он превратился в очень даже живого волка, почему-то напал на меня, укусил и смылся. Похоже, он не в себе, и я не знаю, как ему помочь!

– Но это же совсем другое дело! – мгновенно воспрянул духом Ролар, привставая и отряхиваясь от пива и обломков кружки. – Тогда еще не все потеряно! Когда это произошло?

– Шесть дней назад, – с запинкой подсчитала я. А такое ощущение, что шесть часов...

– Прекрасно! Вы как раз успеете добраться до Арлисса, и у вас останется еще один-два дня в запасе.

Я не разделяла его оптимизма:

– В запасе до чего? И что мы там будем делать?

– Замыкать Круг, разумеется. – Вампир протянул руку за третьей кружкой, но промахнулся, сраженный моим недоумевающим взглядом: –

Что? Вы не знаете, как это делается?!

– Ни как, ни для чего, ни что это вообще такое!

– О боги! – Ролар уткнулся лбом в ладони, пытаясь успокоиться и разобраться с мыслями. – Так вы не шутите? Лён ничего вам не рассказал? Как же вы тогда согласились стать Хранительницей?

– Говорю же вам, он просто подарил мне эту штучку!

– Подарил! Штучку! – Вампир так громко и нервно захихикал, что на нас стали коситься. – Может, наша Повелительница права, и у него на самом деле не все в порядке с головой?

– Так вы из Арлисса? – опешила я. – Я думала, раз вы узнали реар Лёна...

– Реары всех двенадцати долин различаются по форме. А Повелитель в Догеве один. – Ролар изловил-таки кружку, задумчиво отхлебнул, посмаковал и решительно объявил: – Нет, девушки, так не пойдет. Рассказывайте мне все, и с самого начала, иначе я поседею, прежде чем пойму, как обстоят дела. И давайте на «ты», ладно?

Я здраво рассудила, что вампира вряд ли заинтересует мое тяжелое детство и унылые школьные будни.

– Мы познакомились с Лёном, то есть Повелителем Догевы, два с половиной года назад, когда я по поручению Школы приехала в долину расследовать серию загадочных убийств. Мне удалось отыскать и уничтожить монстра, и в благодарность я получила от Лёна этот амулет. Через полгода мы снова встретились и в компании одного знакомого тролля провернули совершенно идиотскую операцию, раздобыв тринадцатый камень догевского Ведьминого Круга. Ну, а за последние два года я так обжилась в Догеве, что Лён предложил мне место Верховной Ведь... догевского мага – видно, понял, что ему от меня все равно не отделаться, а так хоть польза какая будет. И вот, когда я уже ехала приступать к работе...

Дальше пришлось углубиться в подробности. Особое внимание я уделила разговору между разбойниками, стараясь как можно точнее повторить подслушанные реплики, чтобы не исказить и без того непонятный мне смысл. Кое-что оказалось загадкой и для Ролара, он пару раз удивленно поднимал брови и переспрашивал, а затем похлопал себя по карманам, нашел завалявшийся, ненужный свиток и предложил мне записать все это на чистом обороте. Письменные принадлежности можно было попросить у корчмаря, но я поленилась вставать и идти через весь зал. Украдкой щелкнула пальцами, и чернильница с пером возникла посреди нашего стола, исчезнув со стойки. Корчмарь, не веря своим глазам, наклонился к самым доскам и даже похлопал по ним ладонью. Пока я

строчила и перечеркивала, Орсана рассказала о своем посильном вкладе в стычку с разбойниками. К счастью, пивной хмель быстро выветривается, и она коротко и деловито описала, сколько их было, как они выглядели и во что были одеты.

– Действительно, похожи на вампиров, – признал Ролар. Пиво не оказало на него заметного действия, взгляд остался таким же сосредоточенным и пронизательным; впрочем, Лён тоже пил, не пьянея, и куда более крепкие напитки. – Вы не заметили, у них были клыки?

Я покачала головой:

– Не присматривалась.

Орсане тем более было не до того; ловкость и быстрота нападавших ее неприятно удивили, отбив охоту глядеть в зубы.

– Но в Догеве я видала бойцов и попроторнее, – добавила я и запнулась. Стоит ли говорить вампиру, что разбойники свалили на меня вину за убийство? Их версия может показаться ему более правдоподобной. Но иначе пришлось бы объяснять, почему я не вернулась в Догеву.

Ролар выслушал мое сбивчивое признание и досадливо покачал головой:

– Ты виновата лишь в том, что поверила их угрозам. Как говорят в долинах, «у кого реар, тот и прав». Ты могла преспокойно вернуться в Догеву, показать Старейшинам амулет и заручиться их безоговорочной поддержкой, но теперь уже поздно. Арлисс ближе, и разумнее ехать туда. К тому же его Повелительница не раз замыкала Круг и посвятит вас в мельчайшие тонкости обряда, о которых я могу даже не подозревать.

– Расскажи хотя бы в общих чертах, – жалобно попросила я, дуя на исписанный пергамент. Корчмарь подскочил от изумления и снова согнулся над стойкой, прожигая взглядом блудную чернильницу. Боязливо подтолкнул ее пальцем, выждал пару секунд, а затем схватил обеими руками и унес в подсобку.

– Попробую. Сколько младенцев может произвести на свет человеческая женщина? – издали начал вампир.

Я пожала плечами:

– В селянских семьях бывает от четырех до десяти детей, не считая умерших во младенчестве. А что?

– То есть каждые двадцать лет число людей удваивается-упятерается, – подсчитал вампир.

– Теоретически. На деле большая половина детей до совершеннолетия не доживает, плюс моровые поветрия и войны. Официальная перепись населения говорит об удвоении через семьдесят – сто лет.

– Даже если так, нам за вами не угнаться. Несмотря на долгую жизнь, большинство вампиров становятся бесплодными уже после третьего, а бывает, и после второго ребенка. Правда, младенческой смертности у нас почти нет, дети редко болеют и до десяти лет регенерируют не хуже Повелителей, при этом обладая немалой силой. Но ни о каком удвоении тут и речи не идет – разве что за одну-две тысячи лет, и то если исключить случайную смертность. Вот этим Повелители и занимаются.

– Страховкой от несчастных случаев?

– Вроде того. Если вампир погиб во цвете лет, смерть наступила мгновенно и тело относительно цело, оно начинает защитную, произвольную трансформацию, не регенерируя, а словно переплавляясь.

– В волка?

– Да, это проще. К тому же какая-то часть плоти неизбежно теряется из-за пролитой крови или разорванного в клочья органа, а звери легче переносят истощение и быстрее приходят в форму. Ты видела наше национальное оружие – гворд? У него три лезвия, часто зазубренных, чтобы нанести как можно более обширную, рваную рану.

– Видела. А разве вы воюете между собой?

– Сейчас – нет, но еще тыщонку-другую лет назад – доводилось.

– А почему волк не может превратиться обратно в вампира, когда опасность миновала?

– Все не так просто, – криво и невесело усмехнулся Ролар. – Вы, люди, верите, что после смерти душа отлетает в небесные кущи или проваливается в преисподнюю. Насчет кущ и преисподней у нас несколько иное мнение, но в одном мы сходимся: тело без души мало чего стоит, все равно, вылезает ли оно из могилы разлагающимся зомби или бежит в волчьем обличье. Посему ее, душу, необходимо как можно скорее вернуть на место, не позднее двенадцати дней с момента смерти. В этом и заключен смысл обряда. Активируя Ведьмин Круг – как у нас говорят, «замыкая», – Повелитель воссоединяет душу с телом. Вот почему в каждой долине должно быть хотя бы по одному Кругу и одному Повелителю.

– А что будет, если убить волка? – заинтересовалась Орсана.

– Похороны, – мрачно буркнул Ролар. – То же самое, если сжечь или расчленишь тело после смерти. Если нет желания возиться с топором и дровами, достаточно вбить в тело несколько кольев и подождать пару часов, пока оно полностью не омертвеет. Как только Вольха вытащила меч, Арр'актур перевоплотился, но, став волком, не узнал ее, верх одержали звериные инстинкты.

– Потом все-таки узнал, – неуверенно возразила я, припоминая боль и

удивление, скользнувшее в желтых глазах стоявшего передо мною зверя.

– Да, но не тебя, а реар, – поправил Ролар. – Когда Повелитель отдает свой амулет – любимой женщине, лучшему другу или советнику, – это означает безграничное доверие, в жизни и посмертии. Мало кто из вампиров, не говоря уж о людях, удостоивается столь высокой чести, потому-то я с вами и разговариваю, хотя по правилам должен был прирезать вас обеих и зарыть в ближайшем овраге, чтобы никто в городе не узнал о моем существовании.

– Цю, вы только подывицесь на цюго злыдня-подлюку! – профессиональная гордость Орсаны была задета. – Еще неизвестно, над кем бы по осени осот зацвел!

– А откуда ты мог знать, что я не сняла реар с трупа убитого мною врага? – тоже не без обиды поинтересовалась я.

– Это исключено. – Ролар откинулся на спинку стула, меча короткие тоскливые взгляды в сторону кухни, где бесследно растворилась Милетта с нашим заказом. – Если реар не был отдан добровольно, спустя какое-то время он полыхнет огнем не хуже дракона, разделив вора на обгорелые верх и низ, а сам развеется в пыль. По тебе же видно, что ты носишь его не меньше года.

Я спрятала амулет за воротник, с замиранием ожидая взрыва, но пронесло.

– Что значит – видно? А почему никто до тебя не замечал?

– Так уж и никто? – прищурился вампир.

– Дракониха! – сообразила я. – Вот на что она намекала! И Магистр Травник какие-то дурацкие вопросы задавал, и Келла со Старейшиной так уставились, словно впервые увидели. Но ведь видели, всего неделю назад!

– Изменения происходят постепенно, – подтвердил Ролар, – окружающие могли их не заметить или не придать значения.

– А что изменилось-то? – подозрительно спросила я.

– Так сразу и не скажешь, – развел руками вампир, – выражение глаз, что ли?

«У тебя крас-с-сизые глаза. С-с-слишком крас-с-сизые...»

Все-то эти драконы знают!

Ну, выражение еще куда ни шло. А то я уж испугалась – не ровен час, клыки растут. Так дело в реаре, а не во мне! Вероятно, в нем заключен источник силы, необходимой для проведения обряда, а я неосознанно ею пользуюсь. Странно, я ощущала реар как совершенно инертный камешек, более того – скорее отталкивающий магию, чем излучающий. Как он защищает от телепатии, я еще могла понять, но откуда берется все

остальное – ночное зрение, мгновенно заживающие раны, быстрое восстановление резерва? И почему я не могла пользоваться его силой раньше, на том же экзамене, когда пришлось-таки бежать к источнику в актовый зал? Или когда я здорово обгорела на солнце? Впрочем, эти вопросы могли подождать.

– Хорошо, а зачем нужны Хранители?

– Видишь ли, погибший может и не захотеть воскресать. Мало ли при каких обстоятельствах он скончался, или по ту сторону Круга ему понравилось больше. Вампиры слушаются Повелителей беспрекословно, но самим Повелителям никто не указ. У него должно быть веское основание вернуться – дружба, любовь, долг. Поэтому один Повелитель не может замкнуть Круг для другого, а у обычного вампира это не получится, вот и приходится готовить Хранителя заранее. Желательно – за пять – десять лет, хотя тут, конечно, не угадаешь.

– А у одного Повелителя может быть несколько Хранителей? – с надеждой спросила я. Не мог же Лён просто так, с бухты-баряхты, после трех недель знакомства отдать мне настолько важную для него вещь, даже не намекнув о ее ценности! Дешевый, можно сказать, бросовый камешек на тонком кожаном шнурке не соблазнил бы самого опустившегося грабителя, для украшения тоже не годился, а защищаться от телепатии я научилась уже и сама. Мне он был дорог как память, и только. Кто мог поручиться, что я, весьма неаккуратная особа, не потеряю его – например, купаясь в речке или случайно стянув вместе с ночной рубашкой, – или кому-нибудь не подарю?

– Единовременно – только один, – разочаровал меня Ролар. – Извини, Вольха, но открутиться тебе не удастся.

Откручиваться я и не думала. Напротив, убедившись, что обратного пути нет, пришла в лихорадочное, но предельно собранное и деятельное состояние:

– Значит, у меня осталось не больше шести дней. Дорога до Арлисса займет четыре-пять, но мне необходимо разыскать волка, а значит, вернуться назад. Тогда уж лучше провести обряд в Догеве.

Ролар покачал головой:

– В этом нет нужды. Если волк жив, то где-то поблизости.

– Здесь, в городе?! – не поверила я.

– Или в перелесках возле городских стен, что вероятнее всего. Реар притягивает его, как магнит, и если бы вашей первой встрече не помешали разбойники, он признал бы свою Хранительницу и беспрекословно ей подчинился. Сейчас волк сбит с толку, но рано или поздно объявится. А

искать его бесполезно, разве что облаву устроить, и то вряд ли что путное выйдет – он умнее и хитрее обычного зверя, заляжет под кустом и не шелохнется, даже если загонщик с трещоткой наступит ему на хвост.

Милетта наконец-то прекратила кокетничать со стражниками, вспомнила о нашем заказе и устала стол дымящимися тарелками. Ролар и Орсана накинулись на еду, как изголодавшиеся бродяги, мне же от волнения кусок в горло не лез.

– В таком случае, мой план предельно ясен. Я еду в Арлисс; надеюсь, волк последует за мной. Ролар, я буду тебе очень благодарна, если ты дашь мне рекомендательное письмо к Повелительнице или кому-нибудь из Старейшин.

– Не дам. – Вампир, жмурясь от удовольствия, вгрызся зубами в долгожданную баранью ляжку.

– Почему?! – опешила я.

– Ы-ы-о а иу в аиссс с а-ой.

– Что?!

Ролар неодобрительно глянул на меня поверх ляжки, вынужденный проглотить непрожеванный кусок, чтобы ответить на мой вопрос более членораздельно.

– Потому что я еду в Арлисс с тобой.

– А твоя служба?

– Возьму о-ук. – Ролар снова занялся ляжкой, но на этот раз я догадалась, что он хотел сказать.

– Отпуск? Хорошо, но зачем тебе в это ввязываться? Я слыхала, что между Арлиссом и Догевой довольно натянутые отношения.

Ролар сообразил, что нормально поесть ему не удастся, и со вздохом отодвинул тарелку, дабы не подвергаться соблазну.

– Не между Арлиссом и Догевой, а их Повелителями. Арр'актур и Лереена примерно одного возраста, помолвлены чуть ли не с самого рождения, и их монарший долг – оставить в обеих долинах по наследнику. К сожалению, ни он, ни она не испытывают друг к другу ни малейшей приязни, но, если Лереена принимает текущее положение дел как должное и относится к продолжению рода серьезно и обстоятельно, то Арр'актур упирается руками, ногами и крыльями. Лереена несколько раз приезжала в Догеву, но на своей территории Арр'актуру успешно удавалось ее избегать, а его первый и единственный визит в Арлисс закончился «похищением».

– Но Лён говорил, что никогда не покидал пределов Догевы, – вспомнилось мне, – по крайней мере, до знакомства со мной.

– Он и не солгал. Переезд между долинами в закрытой карете вряд ли можно расценивать как увлекательное путешествие. Тогда его сопровождали вампиры из догевского гарнизона, и они не посмели ослушаться приказа своего Повелителя: высадить его на границе Арлисса, а самим несколько дней пожить в ближайшем городе, не давая о себе знать. Вот Лереена и поступила хитрее – прислала свое посольство, чтобы на сей раз горе-женишок прибыл по назначению. Меня личные дела Повелителей не касаются, но, когда жизнь одного из них в опасности, я не могу оставаться в стороне.

– Но это же не твой Повелитель, – заметила я.

– Что значит «не мой»? – удивился и даже как-то обиделся Ролар. – Повелитель – это не преходящий титул короля, которого могут свергнуть в любой момент, а кастовое звание. Любой Повелитель может рассчитывать на помощь любого вампира.

– Даже если эта помощь потребуется вопреки желанию другого Повелителя? – подумав, спросила я. – Лереене может не понравиться твоё рвение. Лён как-то пошутил, что может убить любого из своих подданных одним словом: «Умри».

– Я надеюсь, до этого не дойдет. И потом... Мне уже все равно, – Ролар нахмурился своим мыслям, и мне подумалось, что он рассказал нам далеко не все.

– Ролар, а какая она?

– Лереена? Красивая. Умная. Расчетливая. Самоуверенная и надменная. В общем, неплохая. Для Повелительницы.

– Но в первую очередь – красивая? – иронически уточнила Орсана.

– Красота эльфийской розы. – Ролар, не выдержав, отщипнул кусок хлеба и обмакнул в натекшую с мяса подливу. – Необычная. Завораживающая. Но, увы, чужая и холодная. Дадите вы мне наконец поесть, люди?

– Ладно, ешь, – смилостивилась я. – Орсана, а ты? Когда состоится твой экзаменационный турнир?

– Успею, – отмахнулась наемница.

– Что успеешь?

– Съездить в Арлисс и вернуться.

– Зачем?

– Ты еще спрашиваешь?! – возмутилась Орсана. – Что я, по-твоему, наемница какая-то: выполнила свою часть работы – и катись на все четыре стороны? Нет уж, дорогая подруга, сначала я удостоверюсь, что тебя не слопали волки и не растерзали вампиры, а потом, с чистой совестью,

приступлю к легионерской службе.

– Ты так уверена, что тебя возьмут в Легион? – Ролар коварно ткнул ножом в Орсанину тарелку, поддев кусочек телятины.

– Ну, если туда даже вампиров берут, то мне уж точно волноваться нечего. – Девушка успела сорвать мясо с ножа перед самым носом Ролара и, обворожительно улыбаясь, положила отвоеванный кусок себе в рот.

Глава 15

Ролар настоял, чтобы мы двинулись в путь немедленно. Только подождали, пока он переоденется (вампир снимал жилье неподалеку), соберет вещи и черканет пару строк – мы думали, прошение об отпуске своему десятнику, но оказалось, что Ролар этим самым десятником и является, а письмо для домохозяйки, чтобы не смела сдавать его комнату и распродавать пожитки. Кольчугу и меч Ролар оставил при себе, но форменную куртку сменил, а коня переседлал. «Иначе я буду слишком бросаться в глаза и возникнут ненужные вопросы, что витягскому стражнику понадобилось в Озерном Крае и Арлиссе» – пояснил вампир.

До темноты мы успели отмахать около двадцати верст. Проехали бы и больше, ночь выдалась ясная, лунная, а кони не устали, но дорогу перегородил один из притоков реки Ласки, неширокий, но с довольно быстрым течением, так некстати подмывшим мост. «Третий раз за месяц, – уныло пояснил нам бригадир королевских строителей, заново вбивающих опоры, – а ведь добротнo ставим, на совесть. Прямо чудеса какие-то!» Форсировать незнакомую реку в темноте мы не рискнули. Купеческие подводы сворачивали с тракта на объездную дорогу, указатель при которой гласил: «Троллий мост. Медяк с пешего, пять – с конника, серебрушка – с подводы». И я живо представила десяток дюжих троллей, в поте лица расшатывающих бесплатный мост по ночам.

За рекой начинался Озерный Край, занимавший всю восточную область страны. В его центре лежало Дриво, огромное озеро с десятками островов и сотнями заводей, кишачье русалками и оттого закрытое для рыбного промысла – опрометчиво заброшенная сеть возвращалась с водорослями, корягами, лягушками или с весьма несвежим, специально припасенным для такого случая утопленником. Самыми заядлыми браконьерами занимался кракен, гигантский водяной змей со щупальцами вместо плавников, способный наставить на путь истинный кого угодно – правда, посмертно... В Дриво впадали шесть крупных рек и бесчисленное число мелких, ветвящихся и переплетающихся. По весне оно разливалось, превращая Край в одно огромное озеро с частыми островками, так что особого зверья там не водилось, селения встречались редко, зато птицам и всякой водяной живности было раздолье.

Пропавший волк тревожил меня больше всего, за время пути я не заметила его даже краем глаза, хотя это еще ни о чем не говорило –

впритык к тракту лес не подступал, но непрерывной полосой темнел поодаль, к вечеру окутавшись голубоватой дымкой тумана. Возможно, днем волка отпугивали тянувшиеся по тракту люди, а теперь – шабашившие неподалеку строители, чье вдохновенное, но не слишком трезвое и складное пение могло уморить излишне впечатлительных живых и поднять из могил мертвых.

– За Лаской от Витягского тракта ответвляется Арлисский, – сообщил Ролар. – Он забирает чуть севернее, и если мы спустимся на две версты вниз по течению, то утром после переправы я выведу вас на него короткой тропой.

Голосистые мужички отбили охоту возражать даже у Орсаны, которая всю дорогу ехала между мной и вампиром, ясно давая понять, что он не вызывает у нее доверия. Впрочем, виноват в этом был сам Ролар, которому, казалось, доставляло удовольствие запугивать бедную девушку, красочно пересказывая или на ходу выдумывая жуткие легенды о вампирах и заканчивая их клятвенными заверениями – мол, все это поклеп и вымысел, происки гнусных ведьмаков, к которым, надеюсь, мы с Орсаной не относимся? И выразительно облизывался. Я держалась чуть в стороне и пропускала этот бред мимо ушей, а вот наемница то и дело огрызалась на болтливую вампира, мало-помалу начиная подумывать о карьере ведьмака.

Ехать оказалось удобнее узкой глинистой отмелью, тянувшейся вдоль заросшего кустами берега, который потихоньку подымался и на исходе второй версты достиг уровня конской груди, а дальше переходил в откровенный обрыв, серебрившийся под луной. Орсана уже начинала бормотать себе под нос: «Ось, так я и знала, завел в якусь овражину, зараз засмокча та утопит», а Ролар смущенно озираться по сторонам, когда я совершенно случайно обнаружила удобный спуск к воде, полускрытый низко свесившимися плетями ивы.

На берегу нас встретила прекрасная полянка, даже с кострищем и обугленными остовами толстых поленьев. Лошадям было где пощипать травку, а окружавшие поляну деревья позволяли развести костер, не опасаясь, что его заметят с воды или тракта.

На растопку сучьев хватало, но хотелось бы иметь их запас на всю ночь, и вампира, как самого зоркого, погнали в лес за дровами. Орсана, сняв кольчугу и пояс, но не расставаясь с клинком, перекинула через плечо длинное полотенце и спустилась под берег. Я же занялась обустройством ночлега, то есть неуверенно подступила к ближайшей ели, похлопывая по ладони своим мечом – как всегда, тупым (владела я им из рук вон плохо и не точила специально, опасаясь порезаться). Ломать ветки было хлопотно,

рубить – громко, разбойники услышат, а магия могла привлечь внимание нежити. Впрочем, эту пакость привлекало все подряд, в том числе неурочные лесорубы, так что я решила вопрос в пользу магии и быстренько ощипала несколько елочек, щелкая пальцами по основанию сучьев.

Лежаки вышли роскошные, оставалось только разжечь костер, когда далеко в лесу, а может, на пойменном лугу за лесом, завыли волки. Смолка спокойно пощипывала траву, насторожив, причем, уши, – видимо, считала каких-то там волков не стоящими ее, Смолкиного, внимания. Венок и рыжий Роларов жеребец по кличке Карасик следовали ее примеру, философски рассудив, что голодные волки не станут тратить время на серенады.

А вот я затосковала, впервые позавидовав оборотням. Плохо тебе, грустно – перекинулся зверем, выплеснул горе в шальном беге сквозь лесную чащобу, жалобном вое... ну, задрал там кого-нибудь, не без этого. Шляются тут всякие, лезут под руку... Зато утром весел и свеж, как огурчик, никаких проблем, никаких терзаний! Может, и мне попробовать? Превращаться я, конечно, не умею, но если опуститься на четвереньки и...

– Уа-ууу!!!

Волки озадаченно притихли, Смолка поперхнулась и раскашлялась, мотая головой. Я сама не ожидала такого эффекта – вой больше напоминал вопль, причем предсмертный, гулкое эхо всполошило воронью стаю, ночевавшую в еловой кроне, птицы с истошными криками закружились над поляной, а вся окрестная нежить наперегонки с разбойниками кинулась либо к нам, либо наутек.

– Чтоб вас всех! – Я вскочила и раздраженно швырнула в костер сгусток синего пламени. Часть веток разметало по поляне, остальные полыхнули чуть ли не до макушек деревьев.

– Шо то було?! – Орсана, одной рукой удерживая спадающее полотенце, а второй сжимая рукоять обнаженного меча, выскочила из-под берега, дико озираясь по сторонам. – Кто верещав?

– Может, какая-то птица? – неуверенно предположила я.

– Ее заживо потрошили, что ли? – Девушка неохотно, недоверчиво опустила меч и потуже обернулась полотенцем, подоткнув верхний угол. – Нет, ты как хочешь, а мне это место не нравится! Нехорошее оно, проклятое! Волков прорва, а теперь еще какая-то одичавшая гарпия соизволила продрать луженую глотку!

– Что это было?! – Ролар с треском выломался из кустов, мечом расчищая вокруг себя широкую просеку. – Кто кричал?

– Гарпия, – угрюмо повторила я. – Пролетом...

Вампир со вздохом облегчения убрал меч в ножны, окинул наемницу взглядом и восхищенно присвистнул: – Орсана, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя прелестные вены?

Наемница с отвращением покосилась на вампира, сплюнула и молча спрыгнула под берег, не забыв прихватить меч.

– Я хотел сказать прелестные ноги, – смущенно признался Ролар в ответ на мой немой упрек, – но она так бурно реагирует на мои шуточки, что меня словно кто-то тянет за язык! – и шепотом добавил: – Вольха, ты не могла бы держать себя в руках? Я понимаю, от тебя это не зависит, но все-таки постарайся, иначе...

– Иначе – что?

Внезапно где-то совсем рядом, в кустах, откликнулся волк. Не завыл, а коротко и низко рывкнул, словно кнутом хлестнул.

– Лён! – Я без колебаний бросилась вперед, но вампир успел цапнуть меня за воротник.

– Ты уверена?

Я опомнилась. Различать волчьи голоса я не умела, с тем же успехом мне мог ответить здешний вожак, удивленный не меньше моих спутников. Сколько мы с Роларом ни прислушивались, продолжения не последовало, даже ветки не зашуршали.

– Нет, а ты? – По Догеве я знала, что застать вампиров врасплох практически невозможно, они издали чуют приближение любого живого существа, будь то зверь, человек или другой вампир, причем безошибочно их различают.

Ролар покачал головой:

– Повелителя не может засечь даже Страж Границы, пока не увидит. В кустах был какой-то зверь, но теперь ушел, так что предлагаю перекусить и лечь спать, а я покараулю.

– Я могу поставить магическую защиту.

– Поставь обязательно. Но перестраховка не помешает, а для сна мне хватит двух-трех часов. Как, кстати, эта твоя защита действует? Она не обернется против меня, если посреди ночи мне приспичит в кустики?

– Нет, даже если тебя проберет жесточайшее расстройство, и ты будешь бегать туда-сюда ежеминутно. Все, кто находился на поляне в момент установки, считаются «своими». Если же черту переступит чужак, его ударит по ногам, отбросит назад и раздастся громкий звук.

– Какой именно?

Я неопределенно пожала плечами:

– Чаще всего – нецензурный. Но может быть просто удар о землю.

– Веселенькое же нас ожидает пробуждение, – усмехнулся Ролар, – особенно если разбойники бросятся в атаку одновременно. Я все-таки покараулю, а перед рассветом схожу на разведку. И, если все будет спокойно, немного посплю.

Я понимала его опасения. Вампиры спят очень крепко – как мертвые, в прямом смысле слова – легко перепутать. Ролару понадобится не меньше трех минут, чтобы прийти в себя, а до тех пор оборону придется держать нам с Орсаной. Возможно, этим и воспользовались разбойники, напавшие на посольство глухой ночью, иначе шесть вампиров во главе с Лёном без труда положили бы всю банду, даже будь в ней не двадцать, а тридцать человек... скорее всего, человек, с горечью подумала я. Правда, разбойничьих трупов я не видела, что очень странно, – ведь они утверждали, будто потеряли семерых. Может, успели закопать? Времени у них было не так уж много, два часа от силы. Скорее всего, просто оттащили в кусты и закидали ветками, но зачем? Боялись, что их кто-то опознает?

Додумать мне помешала Орсана, которой вампир предложил два кладня за «один малюсенький глоток, в лечебных целях», а получил пощечину. Наемница как раз переплетала косу и теперь, разгневанная, встрепанная, сама здорово смахивающая на упырицу, громко требовала прекратить «знуцання над честной дивчиной», а не менее возмущенный Ролар саркастически интересовался, с каких это пор укус за деньги считается неприличным предложением. Не смутили их даже внезапно пропавшие голоса, несколько минут они успешно переругивались знаками, но потом опомнились и недоуменно уставились на меня.

– Не расколдую, пока не помиритесь, – устало сказала я. – Или жребий бросайте, кто едет со мной дальше, а кого мы придушим, чтобы спать не мешал.

Оба пристыжено потупились и развели руками – мол, никаких проблем, даже смотреть в его (ее) сторону не буду, и я сделала вид, что поверила.

Проснулась я сама, без всяких звуков и ударов. Только-только начинало светать, Орсана спала, а Ролар задумчиво разглядывал маленькую летучую мышку, висящую на его указательном пальце. Стоило мне шевельнуться, как она разжала сухонькие лапки и клочком серого дыма исчезла в лесу, затерявшись среди листвы.

– Старая приятельница? – сонно спросила я.

– Приятельница, да не моя, – вздохнул вампир. – К сожалению, побеседовать с ней как положено я не могу, а не помешало бы. Летучие

мышь – глаза и уши Повелителей, с их помощью они могут контролировать всю долину, не выходя за порог своего дома. Если хотят, конечно.

– Если?

– Арлисская Повелительница недолюбливает летучих мышей. Подозреваю, что она их просто-напросто боится, как любая женщина.

– Всю долину, говоришь? – Я уважительно присвистнула. Маги тоже умеют вести наблюдение чужими глазами, но получить четкую картинку на расстоянии больше чем треть версты мало кому удастся. Со звуком немногим лучше – верста максимум. – Но мыши летают только по ночам, а зимой и вовсе впадают в спячку.

– Поэтому большинство краж в Догеве происходит именно зимой, – усмехнулся Ролар, – чтобы Повелитель не стал их случайным свидетелем. Насколько я знаю, Арр'актур частенько прибегает к услугам мышек, и не только ради любопытства. – Ролар понизил голос: – Семь лет назад пришлый тролль убил и ограбил двух одиноких вампирш, кистенем снес голову Стражу, пытавшемуся его задержать, и пересек границу, так что догонять его было поздно и бесполезно. Другой Повелитель затеял бы долгую и, скорее всего, безрезультатную тяжбу с тролльим кланом, требуя выдать преступника, но только не Арр'актур. Мыши настигли убийцу уже в Камнедержце, посреди центральной площади, в самый солнцепек, и живо разодрали на мелкие кусочки – на глазах у сотен людей. Был жуткий дипломатический скандал, чуть ли не до объявления войны, потому что тролли соглашались взять виру за убийство соплеменника, а Повелитель и слышать о ней не хотел. Как ни странно, в конце концов тролли признали его правоту и даже зауважали – у них, в сущности, очень простые нравы, и старинный обычай «кровь за кровь» процветает на вполне законных основаниях. Но после этого случая Лёна стали побаиваться даже собственные Старейшины, не говоря уж о людях.

Если бы враг, убивший трех моих друзей, должен был вот-вот ускользнуть, мне было бы глубоко наплевать, что обо мне подумают. Но вслух я сказала:

– С человеком или вампиром он никогда бы так не поступил, я уверена. Есть ведь и другие способы, не такие... зрелищные. Наемники, например. – Я поглядела на мирно спящую Орсану, но представить ее в темном переулке, хладнокровно втыкающей отравленный кинжал под ложечку проходящему мимо троллю, не смогла.

– Верно. Тролли признают только грубую силу, и он им ее показал. Беда в том, что ее увидели не только они, и мало кто знает Арр'актура настолько хорошо, чтобы называть его Лёном.

– А он не появлялся?

– Нет, хотя волки всю ночь бродили неподалеку и облизывались на наших лошадей. Ладно, буди свою подругу, будем завтракать и собираться.

Разбудить Орсану оказалось не так-то просто. Обычно наемница вскакивала от легкого прикосновения к плечу, а тут пришлось чуть ли не пинать ее ногами.

– Ты не заболела? – озабоченно поинтересовалась я.

– Не-а, – широко зевнула девушка, массируя предплечье, на котором отпечатались рукоять меча, почему-то лежавшего под одеялом. – Не выпалась...

– Караулила, – с удовольствием наябедничал Ролар, – я – вас, а она – меня. Всю ночь глаз не спускала! Я, смеху ради, подыграл – прошелся вокруг костра, пооблизывался, крылья размял...

– Ради смеха, как же... – проворчала смущенная, но ничуть не убежденная девушка, – только и ждал, пока я усну!

– Но под утро все равно уснула, – веселился вампир, сооружая себе толстенный бутерброд с сыром и ветчиной. И тут же поплатился за свою жадность, намертво увязнув в нем клыками – ни туда, ни сюда. Орсана ничего не говорила, но наблюдала за ним с таким злорадством, что вампир одним отчаянным рывком выдрал бутерброд, едва не оставив в нем всю челюсть.

– Ну и толку с тех клыков? – пошутила я. – И есть мешают, и девушку толком не поцелуешь.

– Вот еще, целовать... зато кусать удобно. – Ролар оцупал клыки, успокоился и снова взялся за бутерброд.

Когда мы залили костер и вышли на отмель, солнце уже показалось над горизонтом, пустив по реке золотистую дорожку. Из-за безветрия вода казалась неподвижной, о течении напоминали лишь пронесившиеся мимо щепки да частая рябь у камышей.

– Денек сегодня будет – загляденье! – бодро заявил вампир, трогая воду босой ногой. – У, тепленькая, как парная кровь! Сейчас быстренько переправимся на тот берег – благо, он пологий, – и поедем дальше.

– Ага, сплетем утлый челн из камыша и коры и отдадим себя на волю стихии, – мрачно поддакнула Орсана.

– Какая, к лешему, стихия? – фыркнул Ролар. – Навьючим лошадей одеждой и переберемся вплавь, тут от силы двадцать сажень. Ты что, плавать не умеешь?

– Умею, – обиделась наемница. – А вдруг там пиявки? Меня вчера кто-

то за ногу начал кусать, едва стряхнуть успела!

– Может, это был кракен? – вкрадчиво поинтересовался вампир.

– Нет, пиявка, – сквозь зубы процедила наемница. – И она там наверняка не одна!

Мы с Роларом удивленно переглянулись.

– Орсана, а как же ты в бытность свою младой селянской девой белье в реке стирала? – не выдержала я.

– Так и стирала, с мостков, – проворчала девушка, но отговариваться пиявками прекратила. Быстро раздевшись и свернув одежду в аккуратный тючок, она приторочила его к передней луке седла, подхватила поводья и, в блестящем облаке брызг пробежавшись по мелководью, с визгом окунулась. Плавать она и в самом деле умела, не цеплялась за конскую шею и не отставала от Венка, так что вскоре они стояли на противоположном берегу, десятью саженьями ниже по течению.

Прежде чем войти в воду, Ролар поманил меня пальцем и заговорщически прошептал:

– На твоём месте я не стал бы ей доверять. По-моему, она что-то от нас скрывает.

– Возможно, – я пожала плечами. – Но то же самое можно сказать о любом из нас, верно?

– Я и не говорю, что она предатель или враг, – поправился Ролар. – Просто я постоянно чувствую какую-то фальшь, когда она рассказывает о себе.

– Почему бы тебе не изложить свои подозрения лично ей?

– Эй, ну скоро вы там? – донеслось с того берега.

– Мое дело предупредить. – Вампир взял Карасика под уздцы и зашлепал по воде.

Уговорить Смолку оказалось не так-то просто. Почуввав глубину, она уперлась на её краю всеми четырьмя копытами, не поддаваясь на уговоры и угрозы, пока какая-то благословенная пиявка не цапнула её за круп. Опрометчиво скакнув вперед, кобыла немного побарахталась, но быстро приноровилась и поплыла за мной. Увы, я рано радовалась – на середине реки Смолка с восторгом обнаружила, что умеет не только плавать, но и нырять, и скрылась под водой со всей поклажей, включая мою одежду, а вынырнула у самого берега. Энергично встряхнулась, с ног до головы окатив хохочущих Ролара и Орсану (хохот сразу прекратился), и, насторожив уши, с удивлением уставилась на чем-то недовольную хозяйку.

К счастью, кожаные сумки не успели протечь, а одежду я наскоро высушила закливанием, и мы снова тронулись в путь.

Арлиссский тракт мало чем отличался от Витягского – такой же широкий, утоптаный, с верстовыми столбами, но почему-то совершенно безлюдный, а также безэльфный, безгномый и безвампирный. За день мы никого не встретили и не нагнали, что сильно беспокоило Ролара, – по его словам, раньше торговые подводы разделялись между трактами примерно поровну. Он уже жалел, что повел нас короткой дорогой, минуя развилку, – вдруг там висело какое-нибудь предупреждение, скажем, о моровом поветрии или расплодившихся в лесу упырях.

– Ну хочешь, вернемся? – предложила я, заразившись его тревогой. – Потеряем пять-шесть часов, но оно того стоит.

Вампир отрицательно покачал головой.

– Других дорог в Арлисс нет, а отложить визит мы не можем, так какая разница? Расспросим в первом же встречном селении.

Но селения все никак не встречались. Орсана дремала в седле, то и дело роняя голову на грудь и начиная опасно раскачиваться из стороны в сторону. От падения ее спасали только ноги в стремях да плавная иноходь жеребца. Ролар злорадно посмеивался в бороду. Я пригрозила вампиру, что однажды утром он сам проснется с двумя парами аккуратных дырочек в горле, если не прекратит запугивать мою подругу по ночам. Вампир позволил себе усомниться в моей кровожадности, попутно заметив, что не пугает Орсану, а тренирует. Так сказать, искореняет суеверные пережитки.

– Я все слышу... – сонно пробормотала наемница, не поднимая головы. – Единственный пережиток, который нуждается в искоренении – это ты...

– Орсана, если ты так боишься вампиров, зачем ты едешь с Вольхой в Арлисс?

– Я не боюсь вампиров, – огрызнулась девушка. – Меня раздражает один-единственный занудный упырь, который всю ночь скрежетал зубами и хлопал крыльями у меня над ухом, не давая уснуть.

– Это мне от голода не спалось, – с наигранной печалью вздохнул вампир. – Неужто и сегодня придется лечь натошак?

– Могу предложить осиновый кол в желудок, – пробормотала наемница, по-прежнему не открывая глаз.

– Ну хоть пару капель, из пальца, кашу приправить, – униженно канючил Ролар. – А я тебе за обедом свой ломтик сала отдам!

Но Орсана благоразумно воздержалась от дальнейшей перепалки, а возможно, просто уснула. Сегодня я ехала посередине и, понизив голос, обратилась к вампиру:

– Ролар, а если я добровольно отдам реар – скажем, тебе, – ты будешь считаться Хранителем?

– Формально – да, но замкнуть Круг не смогу, – обеспокоенный Ролар даже повернулся в седле, чтобы видеть мои глаза. – Но ты ведь этого не сделаешь?

– Нет, ни в коем случае, – успокоила его я. – Но я все думаю – зачем он мог понадобиться разбойникам?

Ролар потерял ус и нечаянно оторвал вместе с бородой – видимо, державший их клей размок в речной воде.

– Провести обряд они не смогут, да и пытаться не станут, – вампир с наслаждением поскреб подбородок. Без усов и бороды он выглядел моложе и, как ни странно, серьезнее. Я бы даже сказала, мудрее, чем-то напоминая догевских Старейшин. – Если они собирались похитить Лёна, то с тем же успехом могли потребовать выкуп, даже в двойном размере – за волка и реар.

– Что-то не сходится, Ролар. – Я наклонилась влево, поймала повод Венка, выскользнувший из Орсаниных рук, и намотала на луку своего седла. – Какой смысл платить вымогателям, если замкнуть круг может только Хранитель? А разбойники о нем даже не упоминали и очень удивились, не обнаружив реар у Лёна на шее. Мне кажется, амулет интересовал их только как средство управления волком.

– Или как гарантия, что Повелитель не воскреснет, еще более злой, чем когда его убивали, – предположил Ролар, с неохотой приклеивая бороду на место. – Надоела, зараза, чешется...

– Ну такними, здесь же все свои. Тебе она, кстати, совершенно не идет.

– А вдруг мы кого-нибудь встретим? Я слишком похож на вампира, чтобы открыто ехать по Арлисскому тракту. Здесь частенько устраивают засады ведьмачьи банды.

– Закидывают чесноком из кустов? – попыталась пошутить я.

– Расстреливают в упор серебряными болтами из арбалетов, – без тени улыбки ответил вампир. – Как показала практика, это намного эффективнее. Впрочем, сейчас я бы обрадовался даже ведьмаку, а то уж больно тихо.

– Думаю, ведьмак обрадуется тебе не меньше. Ему, небось, тоже страшно сидеть одному у пустынной дороги и ломать голову над вопросом, куда все делись, – хихикнула я, представив заросшего щетиной, одичавшего ведьмака, с распростертыми объятиями выбегающего нам навстречу. – Ролар, а из чего сделан реар? Как он действует?

– В нем камешек с той стороны Круга. Повелитель сам подбирает его на дороге и несколько лет носит на груди, оставляя отпечаток своей сущности. Репар не принадлежит этому миру и слегка его искажает – например, глушит мысли. Но основное его назначение – облегчить переход Хранителю, стремление камня вернуться на дорогу становится для того путеводной нитью.

– Но до встречи со мной Лён ни разу не замыкал Круг, то есть не активировал! Откуда же он взял камень?

Вампир приподнялся на стременах, разглядывая узенькую тропку с правой стороны тракта, возле которой лежал плоский камень с грубо высеченным крестом.

– А кто сказал, что Повелителю нужен Круг? Другое дело, без него он далеко не пройдет и вытащить тоже никого не сможет.

...боль в ногах становится нестерпимой, но это не усталость – мышцы сводит судорогой от необходимости и в то же время невозможности идти дальше...

– Ролар, а «та сторона» – это где? Куда открывается Круг? Другое время, измерение, реальность?

– Повелительница все тебе объяснит, – Ролар резко сменил тему: – Может, устроим привал? Кони устали, время обеденное, а вон та тропинка ведет к роднику, он же святой источник. Орсана, взбодрись! Разгони застоявшуюся кровь, будем обедать!

– Святой? – заинтересовалась я, осаживая Смолку, а вместе с ней и Венка. Орсана сладко потянулась, оглядываясь по сторонам.

– Да, есть легенда, что некогда этой дорогой проходил странствующий дайн. – Ролар спешил и без особого почтения вступил на легендарный путь. – Накануне святой отец перебрал пенной браги, и с утра его мучила все возрастающая жажда. Когда терпеть ее не стало никакой мочи, дайн пал на колени и взмолился всем четырем богам сразу. Боги – по всей видимости также не чуждые регулярным возлияниям, – снизошли к просьбе страждущего, и из-под корней огромного дуба забил родник. Разумеется, источник объявили святым и к нему зачастили паломники.

– Я не вижу никакого дуба, – возразила я, разглядывая лес – сплошь сосновый.

– Несколько лет назад его спилили – он высох, прогнил и грозил упасть на жаждущих, замуравав криницу. Одно время над родником возвышался толстенный пенёк, но отдельные неблагочестивые паломники стали писать на нем нехорошие слова, и пенёк выкорчевали. К моему, кхм, огромному сожалению. В жару так приятно было посидеть на пенёчке,

попить воды, почитать, что-нибудь добавить...

– А в Витягском замке ты часто бываешь? – невинно поинтересовалась Орсана.

– Пару раз заглядывал с друзьями, ничего особенного. Почему вы смеетесь? – смутился вампир.

– Так, кое-что вспомнили...

Мы по очереди напились и наполнили фляги в неглубокой, вымощенной камнями ямке, от которой змеился тоненький ручеек. Вода оказалась такой холодной, что сводило челюсти. Она слегка пахла тухлыми яйцами, но Ролар уверял, что стоит подержать фляги откупоренными несколько минут, и запах уйдет бесследно. Привал решили устроить тут же, на полянке возле родника, поросшей луговой травой с цветущим земляничником. Ради интереса развернув карту, я обнаружила, что источник значится на ней как «Здыбырова благодать» и, что куда интереснее, рядом есть селение Здыбырова Падь. Видимо, там дайн и упился.

– Вы разводите костер и готовьте обед, а я съезжу, – решился вампир. – Разведаю, что да как.

Ролар отцепил от седла сумку с провизией и бросил Орсане.

– Там хлеб, картошка и несколько селедочек, нужно только почистить. Вольха, сходишь за дровами?

– Без проблем.

– А тебе не тяжело будет сучья таскать? – с внезапной заботой поинтересовалась наемница. – Хочешь, я схожу в лес, а ты займись готовкой.

– Глупости, мы же не кабана запекать собрались. Хватит и одной охотки, а ее я уж как-нибудь донесу.

Кроме того, мне хотелось размять ноги. Собрать хворост по веточке я поленилась и забрела довольно далеко, прежде чем мне подвернулась поваленная сосенка, тонкая, но длинная и сухая. Тащить пришлось волоком, задом наперед, схватившись за комель обеими руками и поминутно оглядываясь через плечо. Легкое, но разлапистое деревце упрямо цеплялось за каждый подвернувшийся ствол, пенек или корень, не желая содействовать в приготовлении обеда. Врезавшись спиной в третье по счету дерево, я с удивлением отметила, что оно помягче предыдущих. Или я уже притерпелась? Раздраженно обернувшись, я выронила сосенку и чуть не завизжала – передо мной недвижно стоял рослый бородатый мужик в темной одежде, с огромным топором наперевес. Незнакомец молча бурлил меня взглядом, топор красноречиво поблескивал.

– Добрый день, – запинаясь, пробормотала я. – Какие-то проблемы? Я попала в точку. Проблемы тут же возникли, причем у меня.

– Отдай мне реар! – куда менее любезно прорычал мужик, даже не поздоровавшись. Мне не понравились ни голос, ни тон, ни смысл; с таким загробным подвыванием обычно вещали пифии, когда входили в транс (или делали вид, что вошли, на радость клиенту). Да и лицо у него было какое-то застывшее, неживое. Я попятилась, косясь на главный аргумент незнакомца – тяжелый, широкий лесорубный топор на длинной искривленной ручке. Что-то подсказывало мне: заготовка леса интересует мужика меньше всего и с куда большим удовольствием он «заготовит» несговорчивую ведьму.

– Отдай, отдай по-хорошему, – завывал «лесоруб», наступая и как-то очень неприятно, многообещающе покручивая топорик в мозолистых ручищах. Для разбойника он выглядел слишком простецки, не говоря уж о вампирах, хотя его желтые, редкие и кривые зубы вселяли не меньший ужас, чем клыки.

– А вы попросите по-хорошему, – окрысилась я, лихорадочно размышляя, что лучше – постыдное бегство или славная смерть, если он тут не один. К моему удивлению, «лесоруб» остановился, что-то прикинул, морща лоб, и угрюмо буркнул:

– Тысяча кладней.

– Мало, – ляпнула я, и только потом сообразила – а ведь на эти деньги можно безбедно прожить десяток лет, а в деревне так и вовсе купаться в роскоши до глубокой старости, осчастливив долгожданной кончиной с полдюжины потомков-наследников.

– Пять.

Интересно, откуда у него столько золота? Даже если разбойники в течение месяца трудолюбиво грабили все проезжающие Витягским трактом обозы (при этом ухитрившись остаться незамеченными) и жили в режиме жесточайшей экономии, перебиваясь с хлеба на воду, им пришлось бы проститься со всей кубышкой.

– А десять дадите?

– Дам, – он даже не задумался, и я заподозрила какой-то подвох.

– Деньги вперед.

– Хорошо. В бриллиантах. Идет?

– Нет, мало. И не в деньгах счастье.

«Не в таких сомнительных по крайней мере» – добавила я про себя.

– И как же мне тебя осчастливить? – прорычал «лесоруб», начиная терять терпение.

– Спляшите.
– Что?!
– Спляшите, – невозмутимо повторила я. – А я посмотрю и подумаю.
– Издеваешься, дрянь?! – сообразил мужик и, поудобнее перехватив топор, двинулся ко мне. Медленно, словно давая последний шанс передумать.

Леший знает, что на меня нашло, но о магии я даже не вспомнила, а, пригнувшись, выщерила зубы и с глухим рычанием пошла ему навстречу. Ну, не совсем навстречу, чуть забирая влево, примериваясь к шее под ухом.

Непонятно, испугался мужик или растерялся, но глаза у него стали покладню, а костяшки судорожно сжатых пальцев побелели. Мы закружились друг против друга, выжидая, кто первым откроется для удара. Я шипела и щелкала зубами, делая ложные выпады, мужик прятался за топором, по лезвию которого плясали непонятные красные блики, словно у меня за спиной горел костер. Полный идиотизм ситуации усугублялся нашей общей уверенностью, что так оно и надо и мы оба выбрали наилучшую тактику. Мужик с топором смотрелся еще нормально, но рубить безоружную полоумную ведьму вышеозначенным инструментом почему-то не спешил, предпочитая уворачиваться и отмахиваться. Его движения казались мне все медленнее и неуклюжее, ему уже с трудом удавалось держаться ко мне лицом, по виску соскользнула капля пота. Я не видела ее, но почуяла, облизнулась, и внезапно поняла, что блики на лезвии – отсветы моих глаз.

В ту же секунду они угасли, и меня отрезвляюще, словно холодной водой, окатило страхом. Что со мной? Что я делаю?!

Топор свистнул у самого кончика носа, я еле успела отшатнуться. Следующий удар я парировала магическим щитом, мужика отбросило в сторону, но с ног не сшибло. Сотворить боевой пульсар я не успевала, да и не понадобилось – приглушенный рык справа отвлек нас обоих. Под колышущимися еловыми лапами, низко опустив голову и вздыбив шерсть на загривке, стоял белый волк. Верхняя губа нервно подрагивала над оскаленными клыками.

«Лесоруб» быстро и, главное, правильно оценил соотношение сил.

– Я спляшу на твоей могиле! – пообещал он уже из кустов.

Я медленно поползла рукой за пазуху, нащупывая шнурок реара. Рычание усилилось, уши прижались к голове. Увы, показать волку амулет я не успела – уже изготовившийся к прыжку, зверь покосился в сторону, развернулся и беззвучно исчез в буреломе.

– Вольха, ну где ты шляешься? – Шагов Ролара я тоже не услышала, он

словно материализовался за моей спиной, заставив подпрыгнуть. – Извини, не хотел тебя испугать. А где гора хвороста? Ты что, заблудилась?

– Нет, мило поболтала с массовиком-затейником, поет и пляшет на похоронах. – Я заправила под рубашку бесполезный уже реар.

– Что?

– Ерунда, забудь. Я видела Лёна. То есть волка. Хотела вытащить амулет, но не успела – он опять удрал.

– Думаю, это уже не имеет значения. Он знает, что ты Хранительница, иначе зачем бы ему следовать за нами через всю Белорию?

– Почему же он снова сбежал?

– Возможно, ты ему не нравишься.

– Что?!

– Ты человек, – уточнил Ролар. – Волки воспринимают вампиров как членов стаи, люди же для них – исконные враги. Лён, несомненно, доверял тебе больше, чем кому-либо, но волк этого не знает, и природные страх и ненависть берут верх.

– Ну, знаешь... – обиженно проворчала я, подозревая, что Ролар не так уж далек от истины. С волками у людей были не менее напряженные отношения, чем с вампирами, на которых, по крайней мере, не проводились ежегодные облавы с собаками. – Что же мне тогда делать?

– Ждать, – пожал плечами Ролар. – Возможно, он передумает... или привыкнет.

– А ты выяснил, что с трактом? – Я наклонилась и подобрала сосенку.

– Поспрашивал, но никто толком не знает. Там всего-то с полдюжины домиков, живут замкнуто, в соседнее селение раз в год на ярмарку выберутся – событие. Официально тракт не перекрывали, это точно, пользоваться им можно, но купцы почему-то перестали ездить в Арлисс. Может, поднялась ввозная пошлина?

– Вывозная тоже? И эльфийские сыры гниют на складах?

Вампиру это объяснение тоже не нравилось, но другого не было.

– Мор с упырями отпадает, и то хорошо. Идем, Орсана уже заждалась. Давай, я понесу бревнышко.

Глава 16

Картошку, съжившуюся вдвое с потерей кожуры, еще можно было опознать в потемневших, уродливых многогранниках, лежащих на траве, но что Орсана делала с селедкой, оставалось только гадать. Скорее всего, выкручивала.

– Что это? – мрачно спросил Ролар, поднимая за хвост зверски замученную рыбку.

По нашим вытаращенным глазам Орсана сообразила – что-то не так.

– Селедка, – осторожно ответила она и, помедлив, добавила. – Чищенная.

– Надо же... ни за что бы не догадался, – притворно изумился вампир, медленно вращая селедку перед глазами. Местами свисали рваные лохмотья шкурки с чешуей, местами просвечивал хребет. Выпотрошить ее Орсана почему-то не удосужилась. – А что с картошкой? Если ты собиралась ее варить, то почему сразу не положила в воду?

– И зачем вообще было ее чистить? – поддержала я Ролара. – Испекли бы в углях или сварили прямо в кожуре.

– Ну и готовьте сами, – окрысилась Орсана. – Я вам не стряпуха. Подумаешь, картошка немного потемнела... в воде побелеет.

– В углях тем более, – ехидно поддакнул Ролар. – Да ты знаешь, с каким трудом я раздобыл эти продукты?

– Еще скажи, что ты за них человека загрыз, – Орсана ушла в глухую оборону, каблуком ковыряя землю и возмущенно сопя под нос. Было видно, что наемница смущена и огорчена плачевным результатом готовки не меньше нашего.

– Не загрыз, но если бы домохозяйка поймала меня в своей кладовой... Ты что, первый раз нож с фартуком увидела? – вампир, не удовлетворенный искренним раскаянием Орсаны, наступал на нее, обличительно потрясая несчастной селедкой. – Как тебе удалось вырасти в деревне и ни разу не заглянуть на кухню, папенькина дочка? Ты вообще что-нибудь умеешь, кроме как мечом размахивать?

– Ты и того не умеешь, – окрысилась Орсана. – Ремесло воина – сражаться, а не торчать на кухне...

– Э, нет, дорогуша, тут ты ошибаешься! – Все больше распалялся Ролар. – Настоящий воин должен уметь и готовить, и стирать, и сутками обходиться без еды и сна. Одно дело – в охотку помахать мечом на

тренировке, вымыть руки и пойти в сад нюхать цветочки, мечтая о военной карьере, и совсем другое – возвращаться в лагерь после многочасовой резни, когда в одном плече у тебя торчит стрела, на другом висит смертельно раненный товарищ, и никто не ждет тебя у костра с миской похлебки и чистым бельем, а на рассвете надо снова идти в бой. «Надо», Орсана, а не «хочется»!

Красная как пион девушка жалко искривила губы, моргая увлажнившимися глазами. Дело вполне могло окончиться слезами, но тут вампира угораздило патетически встряхнуть селедкой, и тупая рыба морда звучно шлепнула Орсану по лицу.

– Ах ты... – взвилась наемница, сжатым кулаком целя Ролару в челюсть. Вампир сблочноковал и увернулся, но Орсана исхитрилась наподдать ему ногой в бок. Озлившись, Ролар принял боевую стойку и угрожающе поманил девушку пальцем.

Дрались они хорошо, красиво, так и порхали по поляне, сбивая попадающиеся на пути предметы. Котелок с водой опрокинулся, лошади разбежались, я спряталась за деревом, поневоле залюбовавшись поединком. Орсана успешнее нападала, чем оборонялась, Ролар – наоборот, а двигался он быстрее, так что бойцы подобрались примерно равные. Возможно, вампиру и удалось бы взять Орсану измором или силой, но пока наемница не выказывала признаков усталости и не подпускала Ролара близко. Победителя я так и не дождалась – выпустив пар, противники, демонстративно не глядя друг на друга, подошли к костру с разных сторон и молча стали наводить порядок, подбирая разлетевшуюся картошку и сучья.

– Ладно вам, – попыталась я примирить своих спутников, – картошка еще осталась, а селедку я сейчас дочищу и мы ее съедим. Мы в Школе и не такое ели. Помню, как-то даже уху из селедочных голов варили... правда, как нам потом плохо было...

Оба скептически фыркнули-хмыкнули, но возражать не стали. Ролар развел костер, предварительно прикопав уцелевшую картошку, Орсана подседа ко мне, внимательно наблюдая за разделкой сельди.

– Да не расстраивайся ты так, – мягко сказала я. – Готовить не колдовать, тут особого таланта не надо, раз увидел – считай, научился. Если это единственное, чего ты не умеешь, то я тебе завидую!

– По-моему, я ему не нравлюсь, – прошептала Орсана, косясь на Ролара. – Чего он все время ко мне цепляется?

– А может, наоборот – нравишься, вот и цепляется?

– Нравлюсь, как же... Разве что в качестве гарнира, – проворчала

наемница. – На твоём месте я бы не стала ему доверять. Ты же сама говорила, что вампиры неохотно общаются с людьми, а этот прилип как банный лист... к тому месту, что только в бане и намыливают. С какой бы это радости? Думаешь, так он нам всю правду и выложил, если Лён её от тебя два с половиной года скрывал? Небось наврал с три короба про обряд и твою хранительскую неприкосновенность, а как только мы арлисскую границу пересечем, тут-то нас и повяжут, тепленьких... Ночей вон не спит, боится, что мы сбежим...

– Орсана, не ерунди. – Я ловко очистила селедку от костей. – Ты ещё скажи, что он ходит в кусты оставлять метки для крадущихся за нами разбойников.

– За сегодня уже три раза ходил! Мне, между прочим, одного хватило! И какого лешего он делал в Легионе? Я ещё понимаю, торговать с людьми, но служить в их армии?! Этот тип как минимум шпион, головой ручаюсь, – он что-то от нас скрывает... Чего ты смеешься? – смутилась девушка. – Я что-то не то сказала?

То, Орсана, то. Дважды то.

Картошка пеклась около часа, но мы не теряли времени даром – я перебирала сумку со снадобьями, Ролар точил меч, а Орсана практиковалась в метании кинжалов. Особенно эффектно получалось двумя руками одновременно – беглый взгляд, разворот спиной к мишени и спаренный бросок над плечами. Она не промахнулась ни разу, кинжалы под углом сходились в одной точке, только щепки летели. Жеребцы с удовольствием щипали душистую земляничную траву, Смолка вальяжно разлеглась в ромашках, по одному скусывая цветки.

– Она тут без тебя змеюку якусь схарчила, – сообщила Орсана, в очередной раз выдергивая кинжалы и возвращаясь на исходную позицию. – Я только хвост разглядеть успела – полосатый, черно-рыжий, так по морде и хлестал.

Кобыла задумчиво рыгнула; ближайшие цветки спеклись черными комочками. Орсане крупно повезло, что её знакомство с малой огненной саламандрой ограничилось трепещущим хвостом.

Дрова прогорели до тускло мерцающих углей, и Ролар палкой выгреб из них картошку. Нахально схватил самую крупную и начал торопливо перекидывать из ладони в ладонь, остужая.

– Девушки, налетайте! Кто последняя – будет десертом!

Дважды повторять не пришлось, мы и так нетерпеливо крутились рядом. Но не успела я разломить дымящуюся, обжигающую пальцы

картофелину, как обнаружила, что за нашей скромной трапезой наблюдают разбойники в количестве семи штук, которые бесшумно выступили из-за деревьев и терпеливо ждут, когда же мы их заметим. Вряд ли они пришли пожелать нам приятного аппетита, да и мы не собирались приглашать их к столу, даже со своей закуской.

Я издала невнятный горловой звук, приветственный и предупреждающий одновременно.

– Похлопать тебя по спинке? – участливо предложила Орсана, облизывая жирные от селедки пальцы. – Ой!

Разбойники решили, что формальности соблюдены, и уже не таясь пошли к костру с самыми недружелюбными намерениями, то есть обнаженными мечами и клыкастыми ухмылками. Ролар, в мгновение ока оказавшийся на ногах в полной боевой готовности, но при этом невозмутимо дожевывающий селедку, присмотрелся и чуть не выронил меч:

– Но это же... вампиры! Kvi serrill, t'erri?! Lekk irr, dert kessiell – Lerrevanna!

Разбойники сделали вид, что не понимают, а с перебежчиками у них разговор короткий.

– Да уж точно не русалки из общества охраны селедок, – подтвердила я. – Ой, а вот этого я знаю! Мы его уже били!

Разбойник меня тоже не забыл:

– Ведьму братъ живьем, – процедил он сквозь зубы и, помедлив, добавил: – по крайней мере, чтобы она умерла не слишком быстро.

Я была польщена и благодарно сложила комбинацию из трех пальцев.

– Вольха, ты только не нервничай, – умоляюще и совершенно неуместно прошептал Ролар. – Отойди в сторонку, мы сами...

– Предлагаешь сесть на пенечек и расслабиться? – хмыкнула я, эффектно перекидывая из руки в руку боевой пульсар. По-правде говоря, условия совершенно не благоприятствовали магической атаке – враги стояли слишком близко, вперемешку с друзьями, а заклинания могли срикошетить от деревьев, поэтому применять их следовало с крайней осторожностью. Именно для таких случаев маги-практики носят с собой мечи, хотя лично я таскала эту железяку исключительно для проформы – наши отношения не заладились с первой же тренировки. Но разбойникам об этом знать было совсем не обязательно.

Похоже, единожды битый был у них за главного и он же первым бросился выполнять свой приказ. Орсана с тоской покосилась на торчащие в дереве кинжалы, но бежать за ними было некогда, а посему сражение

началось с двух картофелин, залепивших разбойнику глаза. Вслепую махнув мечом, он проскочил мимо меня, споткнулся о корень и шумно рухнул в кусты, временно выбыв из строя. Но остальные не дали нам заскучать – трое вампиров надели на Ролара, двое на Орсану, а один опрометчиво понадеялся, что сумеет захватить меня в плен. Я хотела вознаградить его за храбрость, но пульсар почему-то отвилнулся и с треском врезался в древесный ствол, расколов его от середины до макушки. На поляну посыпались тлеющие иголки.

– Даже не пытайся, ведьма, – со злорадным торжеством прошипел разбойник, встряхивая рукой и демонстрируя мне широкий чеканный браслет на запястье. – Твое мерзкое колдовство бессильно против моего амулета!

– Великолепная штука! – восхитилась я. – Давай меняться?

И, сорвав с пальца драконье кольцо, непринужденно бросила его противнику. Тот машинально поймал и тут же исчез – увы, вместе со своим амулетом, так что обмен не состоялся. Кольцо упало в запорошенную пеплом траву.

– Эй, ребята, кому помочь? – Я подобрала кольцо и огляделась.

Разбойники, на свою беду, прижали Ролара с Орсаной друг к другу, и парочка великолепно сработалась, успешно держа круговую оборону. Одного они уже завалили, еще один вскрикнул и попятился, свободной рукой зажимая располосованный бок.

Помощь понадобилась главарю, как раз счистившему картофельный компресс – он подло набросился на меня сзади, захлестнул шею веревкой и поволок к кустам. Я упиралась и отбрыкивалась, так что разбойнику пришлось попотеть, прежде чем я придушилась до нужного обмякшего состояния. Окончательному торжеству зла помешал Ролар, бросившийся мне на выручку. Тащить мое стройное, но все-таки не бесплотное тело, когда за тобой по пятам гонится разъяренный вампир, обремененный только мечом, разбойнику оказалось не по силам. Меня самым возмутительным образом отшвырнули в сторону, и пока я, кашляя, корчилась по земле, мало интересуясь происходящим, все было кончено.

– Ты в порядке? – Ролар обхватил меня за плечи и помог сесть.

Я попыталась кивнуть и зашипела от боли.

– Относительно. Как там Орсана?

Вампир торопливо оглянулся, но было поздно. Наемница удачно парировала, разбойник открылся для прямого удара и тут же его получил. Выпустив рукоять меча, Орсана обеими руками схватилась за крестовину и провернула, как ключ в замке. В груди нападающего булькнуло, кровь

фонтаном хлынула изо рта, забрызгав Орсанину рубашку. Выдернув меч, девушка наугад пырнула им через плечо, не теряя времени на разворот к сопящему за спиной противнику. Хриплый стон вознаградила ее проворство. Лягнув ногой оседающее тело, наемница высвободила клинок и торопливо огляделась, но желающих отведать эльфийской стали заметно поубавилось. Вернее, поубилось. Последний разбойник справедливо рассудил, что один в поле не воин, и нырнул в кусты, откуда тут же донесся пронзительный, закладывающий уши свист и удаляющийся конский топот. Орсана в запале кинулась за ним, но обнаружила только стоящую столбом пыль и изрытую копытами землю. Мерзавец успел отвязать и вспугнуть лошадей павших сотоварищей и ускакал сам.

Ролар носком сапога перевернул ближайший труп, заглянул в остекленевшие глаза и, резко взмахнув мечом, с одного удара отсек мертвецу голову.

– Как-то слишком легко мы с ними справились, – заметил он, переходя к следующему.

– По-твоему, легко? – прохрипела я, ощупывая горло. От веревки остался длинный узкий ожог – видимо, пропитали какой-то антиведьминской дрянью. Сначала браслет, теперь это... надо отдать бандитам должное – к моему пленению они готовились серьезно, даже место подходящее выбрали, учли все... кроме моих друзей.

Вампир двумя пальцами смахнул с лезвия маслянистую пленку крови, затем наклонился и невозмутимо вытер меч о куртку последнего обезглавленного трупа.

– Вольха, иногда я не прочь себе польстить, но по вампирьим меркам я не такой уж хороший боец. Можно даже сказать, посредственный. В драках с людьми я одерживаю верх только благодаря вампирьей силе и скорости реакции. Так вот, эти типы реагировали как люди. Ну, может, чуть-чуть быстрее. Но выглядели и ощущались мною, как вампиры. Ничего не понимаю...

– Может, они полукровки? – предположила я, кое-как поднимаясь и отряхиваясь.

Ролар почему-то поморщился:

– Нет, их я бы тоже сразу распознал. – Вампир поочередно обсосал окровавленные пальцы, облизнулся и заключил: – Неплохо. Чистая плоть, здоровая кровь, наконец-то я нормально пообедаю. Орсана, дай свой кинжал, я вырежу печень и полакомлюсь, пока она тепленькая.

Наемница неожиданно побледнела, согнулась пополам, и ее вырвало.

– Убери от меня этого придурка, – простонала она. – А то я за себя не

ручаюсь!

Ролар, не ожидавший столь бурной реакции на свою очередную шуточку, неподдельно смутился и расстроился.

– Леший подери, Орсана, я просто хотел поднять твой боевой дух... Вольха, скажи ей, что вампиры не едят мертвецов... только живых... иногда...

Если между боевым духом и желудочными спазмами и впрямь существовала взаимосвязь, то Орсана испытала небывалый прилив и того и другого.

– Ролар, перестань над ней издеваться, – возмутилась я. – Орсана, ты же не в первый раз сталкиваешься с черным вампирским юмором, пора бы и привыкнуть. Кстати, сырую печень есть вредно, нужно часок вымочить ее в воде, а лучше в молоке.

– Я уже не розумию, хто з вас вомпэр, – натужно выдохнула Орсана, поворачиваясь спиной к нам и трупам. – Шоб у его крылля повидсыхали, а в цебе выросли! О, холера...

Пришлось срочно уводить ее с поляны. Ролар задержался, собирая уцелевшую картошку и выдергивая из дерева Орсанины кинжалы.

– А где наши лошади? – спохватилась я, смутно припоминая, что Смолка первой бросилась наутек, как только на поляне появились разбойники.

Наемница не ответила: ей было так плохо, что вопрос просто не дошел до ее сознания.

– Вроде бы на тракт выбежали, сейчас приведу, – пообещал вампир, подавая мне забытую у костра сумку.

– Очень кстати. – Откупорив одну из бутылочек, я отмерила несколько капель во флягу с водой и вручила Орсане. – Пей. Маленькими глоточками, и после каждого – глубокий вдох и медленный выдох.

Первый глоток дался труднее всего, потом дело пошло на лад. К возвращению Ролара наемница если не окончательно выздоровела, то хотя бы заметила, что сидит на земле, а у снадобья мерзкий гнилостный привкус. Поморщившись, она вернула мне флягу и встала.

– Ты нашел лошадей?

Вампир удрученно покачал головой:

– Судя по следам, они поскакали в Арлисс без нас.

– Ну все, с Легионом можно распрощаться. – Орсана прикусила губу, сдерживая подступившие к горлу слезы, а может, дурноту. С таким бледным лицом она запросто могла сойти за свою в компании упырей или зомби. Ролар хотел было съязвить по поводу кое-чьей профнепригодности,

с которой даже табун коней и воз мечей не помогут, но глянул на Орсану и сжалился.

– Найдем мы твоего Венка, не переживай. Верст через двадцать лес кончится, за ним будет большое поле, с трех сторон окаймленное рекой Круганью – там она как раз делает широкую дугу. Вряд ли наши верные, но трусливые скакуны свернут с тракта или пустятся вплавь, тут-то мы их и поймаем. Ты как, живая? Сможешь идти?

Орсана прислушалась к себе и неуверенно кивнула.

– Все нормально. Извините, что я сорвалась, просто это мои первые трупы. То есть не мои, а их, в смысле, моей работы. А тут еще головы эти отрубленные, кровь, печень... Вольха, дай скорее фляжку!

– Что же, поздравляю с почином. – Вампир торжественно хлопнул Орсану по плечу, наемница аж поперхнулась. – Продолжай в том же духе, только возьми у Вольхи рецептик зелья, оно тебе еще не раз пригодится.

Я тактично умолчала, что одно перечисление входящих в него компонентов расстроило бы желудок даже троллю. Ролар повернулся ко мне и посерьезнел.

– Жаль, что мы не удосужились провести с ними вступительную беседу или изловить одного разбойника для допроса. Это даже как-то невежливо с их стороны – не посвятить нас в свои злодейские планы. Могли хотя бы представиться, чтобы мы не терялись в догадках, кому встали поперек горла!

– Пошли их обыщем, – предложила я.

– Хорошая идея. Запоздалая, но здравая. Орсана, ты с нами? Вытерпишь?

– Попробую, – вздохнула наемница, закупоривая, но не отдавая флягу. – Но ничего не обещаю!

Крадучись, мы пробрались на поляну с другой стороны – мало ли что, вдруг упущенный нами разбойник кликнул на помощь дружков, поджидавших добытчиков в засаде.

Нас и впрямь ожидал сюрприз, но совсем иного рода. Над трупами, извиваясь и колыхаясь, висело темное марево – не сплошное, вроде дыма, а словно состоящее из отдельных мельтешащих точек. Не трогаясь с места, оно разрасталось и уплотнялось, сопровождаясь усиливающимся же гудением.

Первым догадался остроглазый Ролар:

– Мухи... Тучи мух!

Все немедленно встало на свои места, мы словно прозрели. Вампир

был прав, мухи слетались на трупы со всех сторон. Что их так привлекло в наших жертвах, стало ясно с первым же порывом ветра. Как по команде зажав носы, мы недоуменно переглянулись, разом охваченные Орсаниным недоумением.

– Что-то мне уже не хочется их обыскивать, – прогнусавила я.

– А кто распинался: «Чистая плоть! Здоровая кровь»?! – сердито прошипела наемница, отвечивая Ролару затрецину. – Тоже мне, вампир. Еще хочешь теплой печеночки?!

На Ролара жалко было смотреть. Его позеленевшее лицо прекрасно служило маскировочным целям, сливаясь с листвой.

– О, леший... – простонал он. – Я его попробовал! Попробовал эту дрянь!

Орсана молча протянула ему флягу.

– Да, Ролар, тут ты действительно дал маху, – укоризненно шепнула я, все еще не рискуя выходить на открытое место. – Ты вообще когда-нибудь пил кровь?

– Пил, – сознался вампир. – Но никогда не убивал, честное слово! Так... одалживал...

– Все, я его больше в ночной караул не пущу! – возмутилась Орсана.

– Ой, как хорошо, – вяло обрадовался вампир. – Ночью выплусь, а ты днем будешь сонная, тут-то я и...

– Заткнитесь, вы, оба! – осадила я спорщиков. – Ролар, неужели ты не почувствовал ничего подозрительного, ни когда дрался, ни... дегустировал?

Вампир отрицательно, сокрушенно покачал головой.

– Бесовщина какая-то, – заключила Орсана. – Ладно, пора вспомнить, зачем мы вернулись.

Наемница раздвинула кусты и вышла на поляну, стараясь держаться с подветренной стороны. Склонилась над ближайшим трупом, пошевелила его подобранной с земли палкой. Мушиная стая рассыпалась рваными клочьями, закружилась вокруг Орсаны, как разгневанный пчелиный рой. Раздраженно отмахиваясь от насекомых, девушка сделала нам знак подойти.

Вблизи трупы выглядели еще неприглядней. Никаких костей, ничего похожего на внутренности – слизистая, буроватая каша, пропитавшая одежду и землю, густо утыканная белой крупкой мушиных яиц. Пришла моя очередь вспомнить о целебном отваре. К сожалению, наши страдания оказались напрасны – ничего, позволившего опознать противника, мы не обнаружили. На одежде не было отличительных знаков, черные мечи представляли точные копии друг друга. Денег и украшений ни у кого не

оказалось.

– Вольха, что это? – шепнула Орсана.

– Первый раз вижу. – Я провела ладонью над краешком пятна, и тошнота накатила с новой силой. – Такое ощущение, что они давно умерли, а теперь внезапно разложились.

– А они не могут внезапно сложиться? – боязливо поинтересовалась наемница.

– Исключено. На редкость благонадежные мертвецы, из них даже зомби не слепишь.

– Может, это и были зомби?

– Непохоже. Ролар же пробовал, полчаса назад они были вполне живыми, даже съедобными.

Вампир сблелнул окончательно и опрометью кинулся за ближайший куст.

– Впрочем, – продолжала я, – не исключено, что это какая-то разновидность метаморфов, прикинувшихся вампирами. И, боюсь, второго класса, иначе после смерти они приняли бы свой настоящий облик, а не расплзлись в кашу.

– Это еще что за холера? – озадаченно сдвинула брови Орсана. – Объясни толком!

– В народе их называют ложняками, – уточнила я, – за способность принимать чужой, «ложный» облик. Различают два класса метаморфов – одним достаточно разок увидеть оригинал, чтобы скопировать его с точностью до мелочей, другим необходимо поглотить тело без остатка. Первые относительно безобидны; по негласной магической статистике, на тысячу человек населения приходится один метаморф, мирно сосуществующий с людьми. Их даже к Разумным расам причисляют. Но вот вторые... мы для них подходящие оболочки, и только.

– Про ложняков я что-то слышала, но поминают их в основном в ругательствах, всерьез мало кто в них верит. – Девушка вздрогнула и отодвинулась. Гномий аспид то ли не удержался на краю кочки и съехал вниз, то ли сам пополз к Орсаниной ноге. – А не это ли имели в виду разбойники, когда говорили о подмене стражи?

Я как раз подумала о том же:

– Вполне возможно. Правда, ложняки второго класса упоминаются только в легендах, считается, что их давным-давно истребили, и о них мало что известно. Но совсем недавно мне пришлось удирать от еще одного реликта, так что я уже ничему не удивляюсь.

– А они точно сдохли? – на всякий случай уточнила Орсана. – Или

отправились на поиски других тел?

– Дохлее не бывает. Видимо, менять тела они не способны, как и ипостаси. Чем завладели, тем всю жизнь и пользуются.

– Ну и владели бы, на кой им сдалось Арлисское посольство?

– Владеть-то они владеют, но, полагаю, размножаются. Вот и приходится подыскивать отпрыскам удобные колыбельки на двух ногах, – предположила я, обходя пятно. Словно издеваясь, ветер тут же поменял направление, и в носу снова защекотало от неприятного запаха – даже не падали, а какой-то едкой, тошнотворной гнили. – И если это так, у нас огромные проблемы. И не только у нас – у всех вампиров, людей и прочих Разумных рас. Необходимо срочно сообщить в Ковен Магов, но как это сделать, ума не приложу. Разве что в Витяг вернуться, но это отпадает. Интересно, в Арлиссе есть телепатофон?

К нам присоединился изможденный, осунувшийся Ролар. Вместе с Орсаной они составляли прекрасную пару, да и я, полагаю, выглядела не лучше.

– Есть, – заверил вампир, смущенно, украдкой от наемницы возвращая мне пустую флягу. – Попросим Лерку... Лереену, и она свяжется со Стармином. Но больше всего меня беспокоит, что эти твари прикинулись именно вампирами. Значит, у них логово в какой-то из долин, а с помощью посольства они надеялись проникнуть и в Арлисс.

– А с Догевой пока решили не связываться, – подхватила я, – потому-то и собирались проверить это дельце незаметно от Лёна, а его смерть спутала им все планы.

Орсану интересовало другое.

– Как вы думаете, они ездят друг на друге? Ну, один оборачивается конем, а другой – вампиром?

– Сомневаюсь. То есть, наверное, могут, но ты бы захотела до скончания века быть чьей-то лошадкой?

– Значит, кони у них настоящие, – заключил вампир. – Насколько я разглядел, все жеребцы, местной породы, примерно одного возраста – трех-пятiletки. Возле Арлисса есть крупный конезавод, можно поинтересоваться, кому их недавно продавали.

– Предлагаю поговорить по дороге. – Я, подавая пример, вскинула на плечо сумочную лямку. – Мы и так вряд ли успеем пройти двадцать верст до темноты, а ведь надо еще разыскать коней.

Желающих еще немного полюбоваться местными красотами не нашлось.

Глава 17

От заката осталась узкая розовая полоска над горизонтом, а деревья все не редели. Над землей за клубился призрачный вечерний туман, в глубине леса резкими голосами перекрикивались ночные птицы, сводя на нет и без того невеликое удовольствие от вынужденной прогулки.

Как оказалось, мы все тайком считали верстовые столбы и у всех вышло по-разному. Больше всего «прошла» Орсана. Ролар ехидно предположил, что она путает столбы с соснами, и у очередного столбика остановился, подозвал наемницу и начал подробно, с серьезным видом, объяснять ей разницу между тем и другим. Орсана, в свою очередь, витиевато намекнула ему, чем умный человек отличается от глупого вампира. Взаимно обогатившись знаниями, мои спутники вознамерились заодно отточить друг на друге боевые навыки, но спохватились, потому что во время их перебранки у столба я продолжала идти вперед и почти скрылась из виду, и бросились догонять.

– Вольха, цей мерзэнный вомпэр...

– Вместо того чтобы с благодарностью принять к сведению дельную критику...

Лично я насчитала четырнадцать столбов, что означало не меньше двух часов ходьбы. «Двадцать верст» Ролар сказал навскидку, а могло быть и восемнадцать, и двадцать три. Усталая, поглощенная своими мыслями, я, не слушая, предложила:

– Может, переночуем в избушке?

Друзья осеклись на полуслове, растерянно закрутили головами.

– Где ты видишь избушку?

– Вон там, – я рассеянно махнула рукой вперед. – Завернем за ольховый куст и увидим.

– Откуда ты знаешь? Ты бывала здесь раньше?

Я опомнилась и удивилась не меньше друзей.

– Нет... не знаю... У меня просто появилось ощущение, что она там есть – маленькая такая, бревенчатая, с соломенной крышей...

– Приступ ясновидения? – предположила Орсана.

– По ясновидению у меня двойка, – честно призналась я, – но в диплом она не пошла, потому как предмет непрофилирующий. Не могу же я быть специалисткой во всех областях магии!

– А придется, – задумчиво сказал вампир, разглядывая затаившуюся

между деревьями избушку. Она точь-в-точь подходила под мое описание; правда, я не упомянула о кой-каких особенностях постройки, характерных для Озерного Края. Огородика и сарайчиков возле избушки не наблюдалось – вероятно, ее использовали как сторожку или охотничью хатку только для ночевки. Когда мы подошли поближе, из печной трубы выпорхнула летучая мышь, давая понять, что в настоящий момент жильё пустует.

– Ой! – восхитилась Орсана. – Избушка на курьих ножках!

– На сваях, – поправил Ролар. – Защита от происков весеннего паводка. Плавающие избушки – не редкость в этих краях. Дриво ежегодно разливается, затопляя луга, а раз в пять-семь лет паводок захватывает и этот лес. Зрелище, скажу я вам, грандиозное: куда ни глянь – вода до трети стволов, избушки по самый порожек заливает, а селяне как ни в чем не бывало на лодках раскатывают, гусей пасут.

– Врешь, – неуверенно возразила наемница. – За гусями по воде даже на галере не угонишься.

– Ну к колодцу за водой плавают, какая разница? Самому правдивому рассказу не повредит немного художественного вымысла. Зануда ты, Орсана.

– А ты врунишка. Сваи от силы по пояс, а вовсе не до трети ствола.

– Смотря какой ствол! – выкрутился Ролар, показывая на чахлую елочку в мой рост.

– Приедете весной и проверите, – оборвала я намечающийся спор. – Леший его знает, сколько еще нам идти и какая дрянь прошлой ночью оставила на дороге четырехпалые следы с парными когтями. Давайте в кои-то веки переночуем под крышей – хватит с меня дикой природы и прелестей кочевой жизни: один бок на костре поджаривается, второй к утру отмерзает напрочь.

– Если верить легендам, одинокие избушки в чаще леса зачастую принадлежат злым ведьмам, – серьезно заметила Орсана. – И посещать их категорически не рекомендуется.

– Нам ли бояться ведьм? – со смешком напомнил вампир, поднимаясь по скрипучим ступенькам.

– Ведьма ведьме рознь, – не согласилась я, на собственном горьком опыте убедившись, что иные коллеги хуже упырей, а избавиться от них куда сложнее. – Постучи на всякий случай, вдруг там кто-то есть?

Стучать не пришлось – дверь проворачивалась на петлях в такт порывам ветра, побрякивая перекошенной, полуоторванной щеколдой. Я вошла следом за вампиром, подсвечивая пульсаром больше по привычке, да еще для Орсаны – нам с Роларом вполне хватало тусклого квадрата окошка.

У избышки не оказалось никаких хозяев – ни злых, ни добрых. Она пустовала по меньшей мере с осени, стол и лавки покрывал толстый слой пыли, густо исчерканный цепочками мышинных следов.

– Я бы все-таки предпочла сон на свежем воздухе, – заявила наемница после беглого осмотра. – Здоровее будем. И целее.

Даже Ролар не стал с ней спорить. В избышке отчетливо попахивало склепом, Орсана даже нагнулась и заглянула под просевшую кровать, дабы убедиться в отсутствии гроба. У стены лежал разбитый кувшин, кирпичную кладку над устьем печи пересекала глубокая царапина, обрамленная темными пятнами и потеками, как будто возле нее кого-то с разворота рубанули мечом.

– Кажется, тут была драка, – добавила подруга. – И у меня такое ощущение, что победитель с минуты на минуту вернется и задаст нам перцу.

– Предлагаю его не дожидаться. – Мне совершенно расхотелось спать; пожалуй, я бы даже пробежалась, хотя только что едва волочила ноги. Я погасила пульсар, запоздало сообразив, что мелькающий в окошке свет может привлечь чье-нибудь нежелательное внимание. В темноте чувство надвигающейся опасности только усилилось. Определить, откуда именно она исходит, я не могла; она именно *надвигалась*, сжимая кольцо вокруг нас. На мгновение мне почудились серые тени, беззвучно скользящие под деревьями, далеко внизу, – и тут же, совсем рядом, стремительный вираж в пяди от оскаленной пасти, потом мелькнул краешек луны и наваждение исчезло.

– Ой! – пискнула Орсана, случайно глянув в окно. – Там кто-то есть!

Не дожидаясь, пока нам навяжут бой в тесной избышке, мы выскочили на крыльцо, но врагов, ошеломленных нашей прытью, не обнаружили.

– Где? – коротко спросил Ролар. Орсана обнаженным мечом ткнула в сторону леса. Мы всмотрелись и прислушались, но тщетно. Что бы там ни было, сейчас оно ушло или затаилось. – Как оно хоть выглядело?

– Такое... движение.

– Уверена?

– Хочешь, перекрещусь? – огрызнулась наемница.

Вместо ответа вампир начал раздеваться. Орсана не сразу сообразила, насколько далеко он намерен зайти, и вид голого мужчины застал ее врасплох. Смущенно охнув и густо покраснев, она несколько запоздало отвела глаза, я же привычно подхватила сброшенную одежду. Орсану ожидало очередное потрясение: Ролар расправил черные нетопыринные крылья, казавшиеся огромными по сравнению с телом, опустил на одно

колени и сомкнул крылья над головой. На трансформацию ушло не больше минуты, серый волк энергично встряхнулся и рысцой углубился в лес, обнюхивая землю.

– С ума сойти! – Орсана переложив меч в левую руку. Кончик лезвия предательски дрожал. – Вот уж точно – лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Вольха, почему ты не предупредила, что вампиры сначала... раздеваются?

– А что в этом такого? Голый мужчина – он голый мужчина и есть, вампир там, тролль, эльф, гном, человек или... Слушай, Орсана, ты краснеешь точь-в-точь как благородная девица, воспитанная в женском монастыре! Можно подумать, в вашей деревне не было ни одной мужской бани со щелью между ставнями.

– За кого ты меня принимаешь? – не слишком убедительно возмутилась Орсана.

– Да уж точно не за селянскую дочку. Деревенские ребяташки с пятилетнего возраста совершенно точно знают, откуда берутся цыплята, щенки и прочая живность, помогают матери стирать и готовить, не обращают внимания на пиявок, слыхом не слыхивали об эльфийских сырах и под любыми предлогами увиваются от храмовой школы. Дальше продолжать? Выдумай легенду подостовернее. Например, о королевской дочке от первого брака, которую надумала сжить со свету злая мачеха. Конечно, ты не потерпела такого произвола и, удалившись в глухой горный храм, под чутким руководством боевых отшельниц прилежно изучала искусство ближнего и дальнего боя, постясь по пятницам и медитируя по субботам. Три долгих года ты совершенствовала свое тело и разум, все это время вынашивая планы о мести, и наконец час пробил. Темной весенней ночью ты вернулась в замок и изощренно прикончила коварную мачеху – после долгой разъяснительной беседы, в ходе которой ты прилежно перечислила гнусной тетке все ее злодеяния, прошлые, настоящие и будущие. Понимая, что эта милая шалость не сойдет тебе с рук, ты сбежала из замка, прихватив с собой уши этой нехорошей женщины...

– Зачем мне ее уши?! – ошеломленно возопила девушка.

– А я откуда знаю? В качестве трофея. На память. Чтобы на досуге выколупать золотые серьги.

– Вольха, что за бред ты несешь?

– Да уж не бóльший, чем душещипательная история о бедной селянской девушке, покинувшей отчий дом в поисках лучшей доли. Мне-то что, меня мало волнует, кто ты и откуда, но будь осторожнее в разговорах с другими людьми... и вампирами. Тебя запросто могут поймать на слове.

Именно такой реакции я ожидала, когда впервые рассказывала Орсане о вампирах. Весь ее облик – опущенная голова, бегающие глаза, нервно теребящие косу пальцы – выдавал страстное желание оказаться подальше от меня, причем как можно быстрее.

Я и сама не хотела поднимать, а тем более продолжать эту тему. В конце концов, друзья – они на то и друзья, чтобы не лезть в душу. Я всего лишь указала Орсане на слабые места ее легенды, дабы в будущем ей удалось избежать подобных ошибок.

Наконец подруга глубоко вздохнула, отбросила за спину разлохмаченную косу, подняла глаза и расправила плечи.

– Ты права, – выпалила она, стараясь как можно быстрее сбросить с души намозоливший камень. – Я действительно сбежала из дома. Но мачехины уши тут совершенно ни при чем. Мои мать и отец до сих пор живы и нежно любят друг друга, но они решительно против моей службы в Легионе. Отец, потомственный вояка, обучал меня ратному делу с раннего детства – как я теперь понимаю, просто для забавы. Братьев у меня не было, а маленькие девочки ничем не отличаются от маленьких мальчиков, они с таким же восторгом играют с родителями во взрослые игры. В наших краях принято иметь много детей; мать, едва пережившая первые роды, чувствовала себя виноватой и не мешала нашим тренировкам. Когда папа наконец сообразил, что девушкам больше пристало шить, готовить, создавать домашний уют и рожать детей, было поздно. Меня уже не интересовали прелести семейной жизни. Я хотела странствовать, драться, совершать подвиги и спасать прекрасных принцев от кровожадных драконов, а тут – нате вам, кто бы мог подумать! – я случайно узнаю, что вскорости по мою душу начнут съезжаться женихи, дабы я как можно скорее подарила отцу долгожданного отпрыска мужского пола, которому суждено и дальше прославлять наш род на поле брани. Я почувствовала себя... породистой кобылой, которая обречена всю жизнь простоять в стойле только потому, что ее жеребята ценятся на вес золота.

– И ты сбежала, – dokonчила я.

– А что бы ты сделала на моем месте?

– На твоём месте я бы не делала тайны для друзей из такой пустяковой истории. Ну, сбежала и сбежала, с кем не бывает. По статистике, из-под венца сбегает каждая десятая невеста... А однажды сбежали даже родители и гости – когда впервые увидели жениха. Помолвка по портретикам – это, скажу я тебе, рискованное дело. Чем богаче клиент, тем больше льстит ему живописец. А тот жених и на портрете неважно выглядел...

– Вольха, – помолчав, торжественно объявила Орсана, – ты лучший

друг, которого только можно пожелать. Твои дурацкие побасенки во сто крат лучше, чем чье-либо фальшивое сочувствие.

Я рассеянно кивнула, прочесывая глазами лес, бесследно поглотивший Ролара. Ветер уныло завывал в кронах деревьев. К нему примешивались отголоски другого, пока еще далекого, но куда более проникновенного воя. Судя по нему, здешние леса кишмя кишели волками.

– Вольха... – Орсана робко коснулась моего локтя, привлекая внимание. – А ты раньше видела? Ну... голого?

– Навалом, – небрежно отмахнулась я. – На шестом курсе мы их вскрывали по пять штук в неделю!

– Вот говорят – у мужчин мысли только об одном, а стоит на минутку отлучиться – и что я слышу?! – Ролар возник рядом с нами так внезапно, что Орсана шарахнулась в сторону, а я не удержалась от приглушенного возгласа. – Где моя одежда? Или вы и дальше намерены любоваться моим сильным, гибким, прекрасно сложенным телом?

Вампир, насмешничая, выпятил грудь колесом и напряг согнутые руки, демонстрируя не слишком могучую, но вполне рельефную мускулатуру. Орсана сделала вид, что ее больше занимает сломанный ноготь, чем результат здорового образа жизни.

– Еще раз так подкрадешься – и от твоего прекрасного тела останутся два отпечатка в пыли и облако пепла в воздухе, – проворчала я, охапкой сунув ему в руки одежду. – Ты нашел какие-нибудь следы? Орсана не ошиблась?

– Какие-нибудь – нашел. – Вампир запрыгал на одной ноге, пытаясь попасть в штанину. – Там ступить негде от волчьих следов. Мимо пробегала крупная стая. Возможно, гнала дичь... или за ней самой кто-то гнался. На четырехпалых лапках с двумя коготками. Предлагаю идти дальше по дороге, когда-нибудь лес да кончится, а в чистом поле лесная нежить отступит. Или можем переночевать в избушке, забаррикадировав дверь и окна, но лично я – против.

– Я тоже, – поежилась Орсана.

Я не стала подтверждать очевидное.

Стемнело окончательно. Тусклый звездный свет застревал в макушках деревьев, не достигая земли. Около версты мы прошагали в полном молчании, плечом к плечу, не чувствуя усталости, поглощенные нарастающим посасыванием под ложечкой.

Лес следил за нами тысячью глаз – сначала воображаемых, а потом вполне реальных. Первой не вытерпела Орсана:

– Не нравится мне их компания! – И демонстративно обнажила меч.
– Ну зачем же так категорично? – мягко упрекнул ее Ролар. – Волки – знахари леса.

– Я никогда не доверяла лекарям-самоучкам, – проворчала девушка, напряженно вглядываясь во тьму. – За твои же деньги так и норовят залечить тебя до смерти. Ишь, устроили консилиум...

Зеленые огоньки бесшумно кружили вокруг нас, то припадая к земле, то поднимаясь до уровня груди. Мы непроизвольно ускорили шаг. Волки не отставали. Серые тени мелькали среди стволов, один, матерый и здоровенный, прогулочной рысцой трусил по дороге вслед за нами, даже не пытаясь скрыть свое присутствие.

– Не волнуйтесь, летом волки нападают только на одиноких и беззащитных путников, – неуверенно сказал Ролар.

– Ты еще скажи, что они дали обет вегетарианства. – Наемница была настроена куда пессимистичней.

Вампир не нашелся что ответить.

Почетный эскорт множился. Две серые ленты с шелестом-топотком струились вдоль обочин, в лесу похрустывали ветки под тяжелыми лапами.

– Тебе не кажется, что для такого количества волков мы и есть одинокие и беззащитные? – дрожащим голосом предположила я. – Поговори с ними, что ли. Намекни как бы между прочим, что мы старые, жесткие и больные чумой...

– Я? – удивился Ролар. – Кто тебе сказал, что я умею говорить с волками?

– Ты же умеешь в них превращаться!

– Ну и что? Это совершенно разные вещи. Загребайте ближе к обочине.

– Зачем?

– Делайте, что вам говорят! – рыкнул вампир.

– Там же волки! – попыталась возразить Орсана.

– Они везде, так какая тебе разница?

Мы потихоньку сместились к краю дороги. Волки, выдерживая дистанцию, отступили в глубь леса. Их непонятное поведение действовало на нервы сильнее, чем само присутствие. Если они не собираются на нас нападать, то почему бы им не разойтись по своим делам?

– И чего они за нами увязались? – повторила я вслух.

– За компанию, чтобы не так страшно было, – иронично предположил вампир. – Лес ведь кругом, ночь, нежить всякая бродит. С ведьмой оно поспокойнее будет.

– Угу, как конвою с арестантами, – поддакнула Орсана.

Ее реплика понравилась мне куда меньше, зато не грешила против истины. Оставалось только выяснить, куда нас ведут.

– Когда, а не куда, – поправил Ролар, – их становится все больше, со всего леса сбегаются. Не представляю, как они собираются нас делить, на всех не хватит даже по маленькому кусочку... – Вампир с удивлением покосился на истерично хихикнувшую наемницу. – Ты чего?

– Представила, как они будут тянуть жребий и кому-то достанутся твои портянки...

– А почему сразу мои? – обиделся вампир. – Твои, ручаюсь, нисколько не аппетитнее. Хочешь, снимем сапоги и сравним?

– Заодно пронумеруйте, – мрачно посоветовала я, – потому что, похоже, жеребьевка вот-вот начнется.

Поперек дороги ровным рядочком, как по линейке, сидели волки.

Мы остановились. Звери, сопровождавшие нас уже вторую милю, тоже. Подтянулись поближе, толкаясь, огрызаясь и недвусмысленно облизываясь.

– Приплыли, – выдохнула Орсана.

За спиной протяжно взвыл матерый.

Серая лавина, потревоженная звуком, хлынула на нас со всех сторон.

– На деревья!!! – не своим голосом завопил Ролар, подавая пример, благо ветви нависали прямо над нашими головами.

Мы бросились врассыпную. Я с разбегу ухватилась за нижний сук первого попавшегося дерева, взбежала ногами по стволу, на какой-то момент зависнув вниз головой, и, рванувшись из последних сил, чудом сумела подтянуться и оседлать ветку. Волк прыгнул следом, но Орсанин кинжал оказался быстрее. Серая тварь переломилась в воздухе и с хрипом осела на землю, я же взлетела на дерево, как белка, слишком перепуганная, чтобы оборачиваться и проверять, не висит ли волк у меня на лодыжке.

Я остановилась, только почувствовав, как подозрительно гнется и поскрипывает под моим весом истончившийся к макушке ствол, оказавшийся березовым. Внизу зловеще сновали серые тени, а количество светящихся точек наводило на мысль о пчелином рое. Угрожающее рычание не стихало ни на минуту, изредка прорываясь визгом и щелканьем зубов, – волки снова и снова пытались взобраться по стволу, но, к счастью, не преуспевали. Я перевела дух, покрепче ухватилась за ветку и огляделась по сторонам, выискивая друзей. Орсана помахала мне рукой; до облюбованной ею елки было не больше трех саженей. Вампир сидел там же, чуть пониже – ему открывался прелестный вид Орсаниной попки,

плотно обтянутой штанами.

– Это какие-то неправильные волки! Кыш! Кыш отсюда, алчные твари! – громогласно возмущался Ролар, поочередно поглядывая вниз и вверх. – Вольха, ну сделай что-нибудь! Преврати их, скажем, в зайчиков... нет, лучше в мышек!

– Нет, в зайчиков! – запротестовала Орсана. – Я мышек боюсь!

– Что, больше чем волков?!

Не обращая внимания на привычную перебранку, я потрошила котомку в поисках необходимых ингредиентов. Мышки... зайчики... что получится! Семена омелы лежали сверху, а вот из-за мешочка с толченой гадючьей скорлупой пришлось достать и разложить на коленях чуть ли не половину ведьминского арсенала. Тертый корень жгучеяда тонкой белой струйкой заporошил вниз из прохуdivшегося уголка пакета. Сидящий под деревом волк расчихался и ткнулся носом в траву, фыркая и царапая лапами морду. Заинтересовавшись, я уже целенаправленно распустила порошок по ветру. Ночной воздух наполнился какофонией кашля, зубовного скрежета и воя, преисполненного бессильной злобы.

– Вольха, мы же просили превратить их, а не простудить! – Орсана на всякий случай закрыла лицо отворотом куртки.

– Не волнуйся, это не заразно, – отмахнулась я, с любопытством наблюдая за беснующимися волками. – Вот что интересно, действие жгучеяда не распространяется на млекопитающих, по крайней мере, науке не известны случаи столь явно выраженной аллергии у представителей рода...

– Вольха, чтоб тебя, ты там диссертацию пишешь?! – На сей раз Ролар и Орсана проявили удивительное единодушие.

– Ладно, ладно, уже колдую, – пообещала я, смешивая омелу и скорлупу. Указательным пальцем, по ходу солнца, нашептывая предваряющее заклинание.

Мои спутники тоже отыскали занятие по душе – принялись обстреливать волков шишками, соревнуясь друг с другом. Звери, и без того не слишком дружелюбные, пришли в бешенство. Они безостановочно рычали, прыгали на деревья с разбегу и остервенело грызли стволы, выплевывая щепки. Причинить нам какой-нибудь урон, кроме морального, им не удавалось, но не стоило забывать, что где-то поблизости бродит давешний мужик с топориком, который пришелся бы как нельзя более кстати. О «лесорубе» я рассказала друзьям по дороге, и Ролар долго сокрушался, что я не сделала этого раньше – мол, топорик стал бы трофейным.

Для обуздания волков я выбрала заклятие Исвара Козопаса, упрощенный вариант. Усложненный стоил Исвару жизни, и среди его последователей не нашлось ни одного желающего войти в историю путем выяснения, как именно Исвар его усложнил, ибо записей столь успешного опыта не осталось. Заклятие вызывало галлюцинации и панику у животных, вдохнувших несколько крупниц смеси, а предваряющим заклинанием я придавала ему избирательность – действие только на волков.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – проникновенно завела я, шепоткой рассыпая заговоренный порошок.

Но волки, нанюхавшись и начихавшись до этого, даже не обратили на него внимания. Вероятно, скорлупа отсырела или жгучеяд послужил противоядием. Признаться, что я перепутала заклинание, очень не хотелось. Да вроде и не путала...

– Что ж, придется действовать по старинке – медленно, но верно, если раньше лес не сгорит, – с досадой проворчала я, концентрируя между ладонями боевой пульсар. И чего живописцы так любят изображать нас с этой дрянью в руках? Да еще и рисуют неправильно, как будто мы с ними играючи управляемся, даже не глядя. Попробуй не погляди, когда у тебя в руках сорок УМЕ, а шаровая молния оценивается в десять – двадцать!

Но пустить его в ход мне не довелось. Волки отхлынули от стволов, как пенная волна с неприступной гряды скал. Как по команде, повернули головы на запад, принялись и с дружным воем кинулись в погоню за новой добычей.

Спустя считанные секунды поляна опустела.

– Как вы думаете, эти твари знакомы с тактикой степняков – поддаться и разыграть поспешное бегство, выманивая врага из-за крепостных стен? – Ролар покрутил в руках последнюю шишку и бросил ее вдогонку капитулировавшему противнику.

– Нет, кажется, убежали по-настоящему. – Вслед за волками шмыгнул поисковый импульс. – Точно, ушли.

– Слезает? – недоверчиво уточнила Орсана, поглядывая вниз, как кошка, загнанная на крышу дворовым псом.

– Снова влезть всегда успеем. – Ветки кончились, и я повисла на руках, болтая ногами в пустоте. – Ребята, я сама не слезу! Снимите меня-а-а! Ай!

Падать оказалось невысоко, к тому же – в мох. Потирая ушибленный зад, я нащупала ляжку сумки, выпачканную в липкой грязи, подтянула к себе. Знакомый тошнотворный запахшибанул в нос.

– Ролар! Орсана!

Рубиновое оголовье охотно отозвалось блеском на свет пульсара. Орсанин кинжал лежал посреди мокрого слизистого пятна, в точности повторяющего очертания сраженного наемницей волка.

Мы застыли над пятном, как деревянные идола староверов.

– Это не настоящие волки, – наконец выдал из себя Ролар.

– Гениально! Как ты догадался?! – Орсана всплеснула руками в притворном восторге. – Может, раз ты такой умный, заодно объяснишь, чего они от нас хотели?

– Не от нас, – покачал головой вампир. – От него. Они преследовали нас в надежде, что ускользнувший от них Повелитель рано или поздно даст о себе знать.

– Зря надеялись.

– Не зря. Он действительно пришел и увел их за собой. Если бы стае нужны были мы все, она бы разделилась. Похоже, они отчаялись требовать реар по-хорошему и пытаются захватить Арр'актура силой.

Я не поверила своим ушам:

– Лён был здесь?! Ты его видел?

Вампир кивнул:

– Мельком. К счастью, он оказался слишком умен, чтобы принять бой, догнать же улепетывающего Повелителя не сможет ни один волк – а бежали метаморфы ничуть не быстрее обычных волков. Да и вели себя не намного умнее. Видимо, их интеллект зависит от выбранного тела.

– Как ты думаешь, Лён вернется? – жалобно спросила я.

– Больше чем уверен. И внутренний голос подсказывает мне, что эти твари тоже так просто от нас не отвяжутся.

Орсана, надергав мха, ожесточенно оттирала загаженный кинжал.

– Знахари леса! – передразнила она. – Добрые, славные волки! Вольха, ты, наверное, пошутила, когда сказала, что у вампиров есть некое шестое чувство, с помощью которого они распознают всех живых тварей?

– Ну хорошо, я ошибся! Каюсь и пресмыкаюсь у твоих ног! Ты довольна? – огрызнулся Ролар. – Надо убираться отсюда подброду. Скоро ложняки сообразят, что, погнавшись за четвертым зайцем, упустили трех первых.

– Без коней нам далеко не уйти, – озабоченно заметила Орсана.

– Лучше уйти недалеко, чем оставаться на месте, – замечание Ролара было не лишено смысла. Наемница вложила кинжал в ножны и вскочила на ноги. Я подхватила заляпанную сумку и последовала за друзьями.

К нашему огромному облегчению, лес вскоре закончился. Над полем тускло мерцали редкие звезды, луны не было видно. Оказалось, волки

перехватили нас в какой-то сотне шагов от опушки, днем мы давно бы уже заметили обозначившийся впереди просвет. Ролар свистнул в два пальца, прокатив эхо над спящей равниной, и не успело оно затеряться среди пологих холмов, как сменилось нарастающим топотом. Впереди бежал Карасик, бок о бок с ним – Венок и несколько поодаль – Смолка. Я была готова расцеловать ее в черную вредную морду, но отложила нежности на потом и поскорее вскочила в седло. Очень вовремя. Только я нашарила второе стремя и выровнялась, как кобыла взвизгнула, встала на дыбы и без понуканий бросилась вперед. Чудом удержавшись в седле, я оглянулась и чуть не упала по собственной вине – от подножия леса быстро расползлась черно-серая тень. Проникновенно завывая, волки выстроились широким полукругом, как загонщики на облаве, и припустили вслед за нами. Они не слишком-то надрывались, и вскоре я поняла, почему – впереди заблестела река.

Меня нагнали Ролар с Орсаной; нагнали – не совсем верно, их кони понесли и чисто инстинктивно прибились к Смолке.

– То-то они сняли осаду, не оставив даже парочки часовых! – Наемница опасно свесилась влево, пытаясь до меня докричаться. – Видать, рассуждали, как Ролар насчет лошадей, – в поле между рекой и лесом мы все равно никуда не денемся.

– Что это за тракт без моста?! – набросилась я на ни в чем не повинного вампира. – Вы что, товары с берега на берег перекидываете из катапульты? А купцы с разбегу по воде бегут?

– Почему? С мостом, только он на ночь разводится. При нем обычно дежурит сторож, за символическую плату он...

– Где?! – перебила я, согласная отдать сторожу все до последней нитки, лишь бы поскорее убраться с этого берега.

– Должен быть впереди, в продолжение тракта, – растерянно отозвался вампир. Договаривал он машинально, по инерции – дорога, до сих пор идущая в горку, нырнула вниз, и Кругань открылась перед нами во всем великолепии крутых берегов и мощного русла, вдвое шире Ласки.

Мост и в самом деле был. Его обугленный остов очень живописно дымился под луной, здорово смахивая на скелет гигантского дракона. Но осаживать коней мы и не подумали – волчья дуга уперлась концами в берег и теперь сжималась, отрезав путь к отступлению.

– Если попробуешь нырнуть, уже не всплывешь, – мрачно пообещала я Смолке, надеясь, что строителям хватило ума не ставить мост в самом широком и глубоком месте.

Прыжок с высокого берега в незнакомую реку и без того оставляет

массу незабываемых впечатлений, а когда ты бухаешься туда верхом на лошади, обуревающие тебя чувства можно выразить только словом: «Имрюк (Прим. автора: *Очень неприличное троллье ругательство. Часто используется со словом „полный“*)!!!» Рассказывая о подобных моментах, пережившие их счастливики непременно ввернут, что «вся жизнь прошла перед моими глазами», но я едва успела добраться годов эдак до семи, когда поняла, что еще ненадолго задержусь на этом свете – оглохшая, ослепшая и с жутким свербежом в носу. Помотав головой и протерев глаза, я более-менее пришла в себя. Торопливо огляделась. Смолка быстро, целеустремленно плыла вперед, рассекая воду не хуже утки. Кони заметно отстали; разглядеть, есть ли на них всадники, мне не удалось.

Кобыла уже нашарила копытами дно, когда волки наконец решились присоединиться к заплыву. Правда, прыгать с разбега не стали, а осторожненько спустились по откосу.

Спустя несколько минут кони выбрались на отмель, и я вздохнула с облегчением – наши потери ограничились Роларовой бородой, бесследно сгнувшей в пучине. Самому вампиру хватило одного взгляда, чтобы заключить:

– С жеребцами здесь не подняться, берег слишком крутой. Вольха, вы со Смолкой выбирайтесь и скачите верхом, а мы с Орсаной пустимся вдоль отмели, поищем...

– Вот когда найдете, тогда все вместе и поднимемся, – перебила я. – Ты что, рехнулся? Вас здесь без соли харчить будут, а я сверху любоваться?

– Снизу тебе будет не до любования, – огрызнулся Ролар. – Лезь, кому говорят... дура!

– Что?

Голос я не повышала, но по моему тону вампир понял, что харчить его будут не только волки, и благоразумно заткнулся.

Волки медленно, но неумолимо приближались. Впереди плыл вожак – матерый, алчно посверкивающий глазами, как идущий на abordаж пират. Для пушного эффекта ему не хватало только ятагана в зубах.

Смолка всхрапнула и попятилась, готовая снова удариться в бега, но на середине реки перед плывущим ложняком прошел высокий водяной бугор, вернулся, описал круг, и тварь с визгом исчезла в провале водоворота. Остальные торопливо повернули обратно к берегу. Кое-кто успел, но на всех везения не хватило...

– Крупная здесь рыба, – дрогнувшим голосом заметила Орсана.

– Смотря чем прикармливать, – не менее ошеломленно отозвался вампир.

Уцелевшие волки вскарабкались на откос и сбились в кучу, рвякая и завывая. Смотреть на них было жутковато, но очень приятно сознавать, что и они на нас могут только посмотреть.

– Почему они не бегут искать брод? – встревожилась я, поглядывая вверх – не поджидает ли нас на этом берегу вторая половина стаи, разделившейся перед сожжением моста.

– Вероятно, точно знают, где он. В десяти верстах вверх по течению. – Ролар, стряхнув оцепенение, развернул коня. – Поехали, не будем терять времени. Если быстро найдем подъем, то до рассвета успеем отгородиться от них еще одной рекой. Кстати, у кого-нибудь есть опыт поджигания мостов? Нет? Что ж, придется импровизировать...

Глава 18

Разбудил меня звон мечей. Я торопливо вскочила на ноги – напрасно: Ролар и Орсана просто разминались.

– Доброе утро, Вольха! Точнее сказать, добрый день!

– Привет, соня! Не составишь нам компанию?

– С тройкой по боевым искусствам, поставленной из жалости? Увольте! – Я снова улеглась и натянула на голову одеяло, но разве можно уснуть под эти непрекращающиеся лязг, свист, топот и вскрики? Потом кто-то на меня наступил (кто – они так и не признались, сваливая вину друг на друга, на Смолку и мое бурное воображение), драка закипела прямо над моим ухом, туда же посыпались искры с мечей, и я, покорившись судьбе, на четвереньках выползла из-под одеяла, окончательно распрощавшись со сном.

– Так нечестно! – возмущенно завопила Орсана. Обернувшись, я увидела ее лежащей на спине, с задранной ногой, перехваченной Роларом в щиколотке.

– А лягаться – честно? – Вампир отпустил Орсанину ногу, и наемница тут же попыталась пнуть его ниже пояса.

– Боги тебя за это накажут, – пригрозила Орсана, имея в виду то ли недозволенный прием, то ли ловкость, с которой Ролар избежал пинка.

– Они меня уже наказали – тобой! – Вампир подошел и протянул ей руку, которую девушка, как ни странно, приняла. Похоже, общие злоключения наконец-то их примирили.

Выспалась я плохо, мы не слезали с коней до самого утра, мчась в ночи аки лесные тати. И лишь когда небо на востоке посерело, а земля затихла перед рассветом, отсчитав время ночных тварей и не торопясь будить дневных, мы позволили загнанным лошадям перейти на шаг и остановиться. Спешившись, мы так и повалились на землю. Не было даже сил развести костер, одежду и одеяла пришлось сушить мне. Теперь от них пахло паленым. Я совершенно не помнила, как и когда поставила защитный контур, но он был на месте, причем такой мощный, что за несколько часов вокруг нашей стоянки скопился тонкий сероватый ободок из обугленных мошек и мотыльков. Чуть поодаль лапками вверх валялась оглушенная ворона.

Меня ожидал приятный сюрприз: мои спутники, поднявшись часом раньше, вскипятили воды с малиновыми веточками и даже насобирали

каких-то грибов поганистого вида, зажарив оные на прутиках. Оба уверяли, что грибы съедобные, только об этом мало кто знает, и с надеждой ждали, когда я сниму пробу с их стряпни. Увы, не дождались – я благоразумно ограничилась кипятком с хлебом, рассудив, что, будь грибы съедобными, об этом знали бы все (а не только те, кто их никогда не пробовал).

Ролар и Орсана еще долго убеждали друг друга в пищевой ценности грибов, но в конце концов последовали моему примеру, а поганки отдали Смолке. Точнее, выкинули в кусты, кобыла разыскала их там сама и жадно стрескала вместе с прутиками. Ей ничуть не поплохело, но, поскольку она и раньше щипала мухоморы, как траву, вряд ли это могло служить доказательством их съедобности.

Отобедав, мы принялись приводить себя в порядок – досушивать вещи, расчесываться, а Ролар вытащил из сумки запасную бороду. Ох... как нам с Орсаной стало хорошо... во-первых, она явно перележала на складе, и по истечении срока годности моль рьяно принялась за ее списание. Во-вторых, продавец либо жестоко пошутил, либо ошибся при комплектации – усы были черные, тонкие и обвислые, а короткая широкая борода отличалась столь пронзительной рыжиной, что издавала смахивала на горящую, слепя глаза. Хуже того – небрежно скомканная на дне сумки, теперь она торчала во все стороны, одновременно загибаясь вверх, словно Ролар ехал против встречного сильного ветра. Вдоволь насмеявшись, я велела ему выкинуть эти, по определению Орсаны, «поганы волосся», взамен наколдовав вполне приличный морок. Правда, сквозь него беспрепятственно проходила рука, и врага, пожелавшего схватить вампира за бороду, ожидал неприятный сюрприз. Зато по виду ее нельзя было отличить от настоящей.

Всю ночь в небе над лугом полыхали зарницы, и к утру оно насупилось, посерело, горизонт обложило тучами и оттуда начало как-то подозрительно погромыхивать.

– Хоть бы дождя не было, – беспокоился Ролар, то и дело поглядывая на небо. – Беда в Озерном крае с погодой – уж если зарядит ливень, то как минимум на день, а бывает, и на неделю. Тучи образуются прямо над озерами и в них же проливаются, и так до бесконечности.

Вопреки его мрачным прогнозам, нам повезло – тучи ходили низко, но мимо. То справа, то слева из них опускались мгlistые полотнища дождя, ветер приносил запах мокрой земли, изредка – пару капель, и этим дело ограничивалось. День прошел без приключений, более того – невыносимо скучно. Вокруг, куда ни глянь, горбились безлесные холмы, обесцвеченные пасмурной погодой. Они не приближались и не удалялись, а словно

перетекали один в другой, не давая ощущения движения. Ролар сообщил, что возьми мы десяток верст к северу – и уткнулись бы в Прид্রивье, где, по слухам, больше двухсот озер и озерца, оставленных некогда проползшим ледником. По слухам – потому что никто его толком не исследовал и не описывал, пара-тройка сотен ко всему привычных селян, рассеянных по берегам озер, не в счет. Орсана слушала вампира с неподдельным интересом, и он, польщенный, разливался соловьем не хуже «баюна» из Витягского замка. Я односложно поддакивала и никак не могла решить, стоит ли мне сердиться на него за «дуру» или списать вырвавшееся словцо на напряженность момента. Нам и прежде случалось награждать друг друга не слишком пристойными эпитетами, но это не выходило за рамки дружеской беседы, и мы их даже не замечали, не говоря уж о том, чтобы обижаться. Ролар же произнес это слово с такой горечью, словно оно шло от самого сердца и оттого прозвучало особенно оскорбительно.

Вампир сам поднял щекотливую тему:

– Вольха, я, конечно, извиняюсь, мне не стоило на тебя кричать, но на будущее запомни: Хранительница отвечает не только за себя, и в опасных ситуациях, подобных вчерашней, ее дурацкий героизм совершенно неуместен.

– Ты думаешь, если бы Лён был с нами, он бы вас бросил?

– Конечно, – без колебаний ответил вампир. – Если бы он этого не сделал, то мы погибли бы зря, а это еще обиднее. Но я же не предлагал тебе нас бросать. Могла бы поколдовать сверху, а увидев, что дело дрянь, спаслась хотя бы сама. А «за компанию» в безнадежный бой ввязываются только дурак, о чем я тебе и сообщил... еще раз извини.

Как это не прискорбно, Ролар был прав. Орсана поддержала его укоризненным молчанием. Я прикусила губу, чтобы скрыть смущение.

– Тогда пообещайте, что потом не будете мне являться в виде призраков, упрекая за откол от компании.

– Вот еще, – захихикали оба. – Мы и без того найдем, за что тебя упрекнуть. Например, за те прекрасные грибочки, которыми ты так возмутительно пренебрегла, оскорбив нас в лучших чувствах.

– Но вы же их тоже не ели! – возмутилась я.

– Это нам от огорчения кусок в горло не полез, – веселились неудавшиеся отравители. Орсана добавила: – Но лошадку – беру свои слова обратно – ты выбрала отменную. Она благоразумно не ввязывается в бой, а удирать на ней можно даже через реки и горы!

Я потрепала кобылу по холке:

– У меня такое ощущение, что это она меня выбрала.

Ролар кивнул:

– Так и должно быть. Когда вампир хочет обзавестись к'ярдом, он идет к табуну и, если понравится какому-нибудь жеребенку, тот сам подбежит к нему.

– А если нет?

– Нет так нет, придешь в следующем году. Можно попробовать поискать в других долинах, хотя это не особенно приветствуется. К'ярдов и для своих-то жителей не всегда хватает.

– А владелец кобылы ничего не имеет против безлошадных вампиров, которые регулярно сманивают его жеребячью собственность?

– У к'ярдов нет владельцев. Только друзья, которым они позволяют на себе ездить. Проще оседлать дикого кабана, чем чужого к'ярда, так что о «собственности» даже речи не идет.

– Что ж ты сам на обычной лошади ездешь? – с издевкой поинтересовалась Орсана. – Ни одному к'ярду не приглянулся?

Ролар выразительно щелкнул по правому клыку:

– Одно дело – человеческая ведьма на «заколдованной» ею кобыле, и совсем другое – вампир на к'ярде. Вас в худшем случае обрызгают святой водой, а нас с Повиликой подкараулят в темном переулке фанатичные ведьмаки, посвятившие жизнь охоте на вампиров. Прибьют и заодно ограбят – зря, что ли, старались? Они-то прекрасно знают: к'ярды подчиняются только нам.

– А как же я?

– Ну, Смолка все-таки полукровка, а ты... это ты.

– То есть? – насторожилась я.

– Э-э-э... Хранительница, – как-то подозрительно замялся вампир.

– А какое кобыле дело до моего статуса при Повелителе? Сегодня Хранительница, завтра нет. Если я, успешно замкнув Круг, верну Лёну реар, то мне придется распрощаться и с лошадьёю?

– Нет, конечно. – Ролар вымученно усмехнулся, словно на важном приеме ему по недосмотру наполнили кубок уксусом вместо вина, а он залпом выпил «за здоровье Повелителя» и не имеет права даже поморщиться. – Вероятно, она разглядела в тебе некие... э-э-э... скрытые достоинства.

– Магические способности?

– Не исключено, – охотно, но неискренне подтвердил вампир, лишь бы отвязаться.

Гроза накрыла нас ближе к вечеру, но, к счастью, не в чистом поле, а возле небольшого поселения, лепившегося к стенам замка – невысокого и без особых изысков, но хорошо укрепленного. В Белории таких было полным-полно, особенно в глуши или ближе к границе. Замки обычно принадлежали рыцарям из знатных древних родов, чьи предки в награду за доблесть получили от короля кусок ненужной тому земли (как известно, хорошими землями короли не разбрасываются, одаривая подданных по преимуществу гнилыми болотами, глухими лесами или старыми, еще эльфийскими, жальниками). Как правило, окрестные жители немедленно переселялись поближе к строящемуся замку, справедливо рассуждая, что скопом «и батьку бить легче», не говоря уж о лезущих с жальников упырях. В случае нападения врагов селяне прятались в замке и помогали его защищать, а в мирное время платили рыцарю небольшую дань за охрану от разбойников, дикого зверья вроде волков и медведей, а также драконов, имеющих обыкновение без спросу лакомиться овцами и коровами.

Издали казалось, что замок горит. Выстланное клубами грозовых туч, пронзенное башенным шпилем небо извивалось над замком огромной черной тварью, разбрасывая щупальца белых молний и гулко перекачивая в чреве валуны грома. В разрывах плясали алые сполохи. Ссутулившись и нахихлившись под капюшонами, мы бы так и проехали мимо ведущей к замку тропки, собираясь попроситься на ночлег в одну из хаток, но Ролар вовремя углядел клочок пергамента, трепещущий на ветру вокруг вбитого в верстовой столб гвоздя.

– Вольха, это по твоей части. – Вампир круто развернул Карасика, давая мне подъехать вплотную к столбу.

– Тре-бу-ит-ся кал-дун и прот-чий ма-ги-чес-кий служ-ка для из-гна-ния при-ве-де-ния из по-мес-че-ния ти-па за-мак. Ап-ла-та... – по складам прочитала я, с трудом разбирая корявые руны малограмотного писаря. – Тпру, Смолка! Фу! Плюнь! Ну вот, теперь я никогда не узнаю, сколько стоит изгнание привидения из помещения типа замок.

Орсана подняла глаза на замок.

– Из этого, что ли? – поинтересовалась она, и в тот же миг, словно отвечая на ее вопрос, куда-то за замок с треском ударила молния, подняв сноп искр выше шпиля. – Сходи, поинтересуйся!

Ролар рассмеялся и, причмокнув, дернул за левый повод, понуждая Карасика вернуться на объездную тропу.

– А почему бы и нет? – подумала я вслух. – Ночевать в замке уж точно безопасней, чем в поле или на постоялом дворе.

– Вольха, ты сбрендила, – убежденно заявила Орсана. – Там же

привидение!

– Ну и что? Оно тебя укусит?

– Все привидения, которых я видел, – вступил в разговор Ролар, – были либо переодетыми детьми, либо порождением белой горячки. Если мы подопрем дверь кроватью и не будем злоупотреблять хмельными напитками, то худшее, что они нам сделают, – поухают и позвенят цепями под дверью.

– Бывают и настоящие привидения, – не согласилась я. – И даже с вполне материальными цепями, как засветят по голове – мало не покажется!

– Ну спасибо, утешила! – фыркнула Орсана.

– Не бойся, деточка. – Ролар, подъехав к Орсане, ласково погладил девушку по мокрой голове. – От привидения еще никто не умирал, чаще – от инфаркта. Ты молодая, здоровая, в худшем случае – поседеешь.

Орсана, упрямо мотнув головой, сбросила его руку:

– Привидение так привидение, я что, отказываюсь? В кои-то веки посплю на чистых простынях.

– Уважаю, – серьезно сказал Ролар. – Нет большей доблести, чем одолеть собственную трусость.

– Вольха, можно, я его убью? – с надеждой спросила Орсана. – Его все равно потом воскресят, а я хоть душу отведу!

Ролар помрачнел. Не отвечая на эти колкости, пристально оглядел каменные стены с узкими окошками-бойницами и негромко пробормотал:

– Вряд ли ложняки осмелятся в открытую штурмовать замок, и, если под предлогом охоты на привидение нам удастся напроситься на ночлег, до утра им придется оставить нас в покое.

– О каком покое ты говоришь? – с нервным смешком уточнила наемница. – В этом замке его не смог обрести даже дух!

Вампир скептически хмыкнул:

– Спорим, в замке есть дети, или полупомешанная бабка, или внучатая тетка с манией преследования, или служанка-лунатичка, или вечно пьяный родственник?

– Спорим, там настоящее привидение? – Я не глядя протянула руку, Ролар сжал ее, а Орсана прилепнула ладонью сверху, утвердив спор.

Дверь открылась по третьему стуку, вернее, остервенелому грохоту ногой – стучать по толстым доскам кулаком было бесполезно, я отбила его после первой же попытки.

– Здравсьте! – в унисон протянули двойняшки, глядя на нас снизу вверх.

Две пары небесно-голубых глаз, два курносых носика, две весенние россыпи конопушек. У мальчика – всклокоченный чубчик, у девочки – две толстые встопорщенные косички над ушами. Малышам не было и десяти лет, разве что на двоих.

– Ага! – многозначительно оказал Ролар. – Дети!

– Дера, Слар! – завизжали-заголосили сверху. Кто-то, подпрыгивая и оскальзываясь, второпях спускался по узким ступеням винтовой лестницы. – Сколько раз я вам говорила – не открывайте сами дверь, придет злая тетя ведьма, сунет вас в мешок и унесет себе на обед!

Дети воззрились – почему-то на меня – с немим восторгом. Девочка даже рот открыла, показав два ряда ровных молочных зубов. «Злая тетя» смущенно отступила за спину Ролара, не являя желанья уносить сорванцов куда бы то ни было.

Из-за очередного поворота лестницы вынырнула женщина необъятных форм. Пышное великолепие ее телес туго обтягивало ярко-розовое платье с белым кружевным передничком, из-под пышных нижних юбок нет-нет да и выглядывали очаровательные тапочки с помпонами и белые вязаные чулки. Увидев гостей, дама (по всей видимости, няня) спохватилась, неловко одернула юбки, приосанилась и сменила галоп на тяжелую величественную поступь. Увы, на последней ступени равновесие ей изменило, и няня, душераздирающе взвизгнув, взмахнула руками и с громким шлепком села на пол – под залиvistый смех двойняшек.

Ролар поспешно шагнул вперед, протянув руку жертве натертых воском ступеней. Ему тут же пришлось схватиться за перила второй рукой – поднять столь упитанную даму без упора оказалось не так-то просто. Поставленная на ноги, няня первым делом велела детям идти наверх и умыться перед ужином. Двойняшки неохотно подчинились; впрочем, пробежав до второго этажа, они перевесились через перила, подслушивая и подсматривая за гостями.

Как выяснилось, клочок пергамента висел на столбе не первый день.

– Колдуны? За привидением? – с изрядной долей пренебрежения поинтересовалась бабища.

– Угадали, – после легкого замешательства подтвердила я.

– А чего там гадать? – хохотнула толстуха. – Ходите и ходите, покоя от вас нет никакого! На той неделе ведьмака с лестницы спустили, вчера дайн сам ушел. Закапал, стервец, все углы воском, благовоньев накурил – у хозяйки мигрень разыгралась. А вы с чем пожаловали? Хозяйка сказала – без диплома никого не пускать, хватит. А то наняли в прошлый раз друида-самоучку, так у хозяйки болонка любимая пропала, и до сих пор откуда-то

из подпола дохлятиной разит!

– У меня есть диплом. – Я сунула руку за пазуху и развернула перед носом у тетки мятый свиток с печатью.

– Мы грамоте не обучены, – проворчала та с наклонувшимся уважением. – Пойду хозяйке доложу.

Выхватив у меня диплом, няня с удивительным для ее фигуры проворством засемила по ступенькам. Белобрысые головки вверху лестницы разом исчезли.

В огромном холле было неуютно, несмотря на лежащие повсюду ковры. Со стен посверкивали стеклянными глазами рогатые олени головы, потрескивали фитильки свеч в массивных канделябрах, неприязненно посматривали фамильные портреты. Чем дальше от входа, тем разбойнее становились изображенные на них физиономии. На портрете основателя рода вообще следовало бы намалевать по три-четыре вертикальные и горизонтальные полоски, а внизу указать номер.

Хозяйка спустилась минут через десять, мы как раз успели осмотреться и пообвыкнуться. Ею оказалась высокая, привлекательная женщина лет сорока с благородной осанкой и безупречными манерами.

– Добрый вечер, господа, – величаво, но без надменности приветствовала она нашу разношерстную компанию. – Добро пожаловать в Палевую Розу.

– Это ваш замок? – уточнила Орсана.

– Фамильный, моего покойного мужа. – Женщина вернула мне диплом. – Позвольте представиться – Дивена Белозерская, нынешняя владелица замка и окрестностей. Приятно узнать, что наконец-то в наши края завернул настоящий профессионал. Госпожа Редная, вы ведь практиковали при дворе, верно?

Я не разделяла ее восхищения моей блестящей карьерой и честно призналась:

– Очень недолго. Мне пришлось оставить сей почетный пост ради дальнейшего совершенствования в магическом искусстве.

– Похвальное стремление. – Дивена позволила себе одобрительную улыбку. – Прошу вас, пройдемте со мной в верхние покои. Вы и ваши спутники, несомненно, устали с дороги, но не будет ли чрезмерной назойливостью с моей стороны пригласить вас откусать за нашим скромным столом?

– Ничуть. Позвольте представить вам... э-э-э... мою сестру Орсану и троюродного кузена Ролара.

Ролар, ничем не выдав удивления, наклонился и галантно поцеловал изящную ручку хозяйки. Орсана изобразила неуклюжий реверанс.

– Очень приятно. – Хозяйка улыбнулась еще раз, потом протянула руку к медному колокольчику, стоявшему в нише возле одного из канделябров. На мелодичный звон не замедлил явиться седой как лунь дворецкий с непроницаемым лицом. – Брим, покажите гостям их комнаты. Господа, жду вас через полчаса!

С этими словами хозяйка упорхнула вверх по лестнице, нам же пришлось тащиться за дворецким добрых пять минут – столь неспешно и аккуратно выбирал он место на ступенях, прежде чем поставить ногу.

– Что это на тебя нашло? – набросилась на меня Орсана, как только мы остались одни в роскошных покоях с широченной кроватью, зеркальным трюмо на полстены, красного дерева мебелью и огромной медвежьей шкурой на полу. – Сестра – еще ладно, но зачем было приплетать сюда двоюродного кузена?

– Трюродного, – поправил Ролар. – Иначе нам с тобой пришлось бы спать на конюшне, как слугам.

– Выдала бы за друзей! – Орсана поостыла, но признавать Ролара за родственника упорно не хотела.

– Чтобы нас заподозрили в предосудительных связях? Терпи, Орсана, с аристократами нужно вести себя как с сумасшедшими – во всем потакать и не давать повода для компрометации.

– Но она поселила нас в одной комнате! Я против такого разврата!

– В двух смежных, и дверь между ними закрывается на засов, – поправила я. – Не волнуйся, по этикету разврат ограничится братским поцелуем в щечку.

– Лучше братским укусом в шейку, – расплылся в клыкастой улыбке вампир.

– Кусай, – неожиданно согласилась Орсана, подставляя Ролару шею.

Вампир, не будь дурак, укусил. Что тут началось!

– Идиот! – вопила девушка, отскочив в сторону. – Я же пошутила!

– Я тоше! – Ролар держался за челюсть, подшибленную Орсаниным локтем. – Иштеришка! Шуть клык не фыбила!

– А нечего было кусаться! – бушевала Орсана, готовая избавить вампира от всех оставшихся зубов.

– Я же легонько... – Ролар убрал руку. Клыки, судя по всему, остались на месте, а кровоподтек над губой таял на глазах.

– Откуда я знала? – Наемница, успокаиваясь, подошла к зеркалу, осмотрела шею и на всякий случай потрогала. – С тобой никогда не

поймешь, шутишь ты или говоришь серьезно!

– Хорошо, теперь я всегда буду предупреждать: «Внимание, Орсана, шутка...» – пообещал вампир.

– Неплохая идея, – серьезно согласилась девушка. – Ролар, зачем ты надо мной постоянно издеваешься? Что я тебе сделала?

Вампир неопределенно хмыкнул и отвел глаза, смущенно проворчав:

– Ты что, шуток не понимаешь?

– Глупых шуток – нет, – решительно отрезала Орсана и, повернувшись к Ролару спиной, сняла куртку и начала расстегивать ворот насквозь промокшей рубашки. Вампир с любопытством наблюдал за этим процессом, пока наемница не спохватилась: – Ты еще здесь?! А ну, брысь в свою комнату, дай нам переодеться!

Ролар нехотя повиновался, и Орсана собственноручно задвинула за ним засов. Переодеваться-то было особенно и не во что; мы попросту отжали одежду над стоящим под кроватью горшком (за неимением другой посуды), а я высушила ее и прогладила. Запах паленого усилился, смешавшись с «ароматами» речной тины и конского пота.

– А как же я? – ныл за дверью вампир, нарочито шмыгая носом. – Почему никто не спешит спасти мою молодую полуторасотлетнюю жизнь от воспаления легких, вызванного длительным пребыванием в мокрой одежде?

– А ты попрыгай, – мрачно советовала Орсана, шнуруя сапоги, – авось согреешься.

Приведя себя в порядок, мы выпустили Ролара. Вампир и не думал прозябать, а, давным-давно раздевшись, завернулся в розовое кроватное покрывало и расхаживал по комнате, с интересом разглядывая висящие на стенах картины и не забывая время от времени сетовать на жестокую судьбу.

– Жулик, – с чувством сказала я, – вот так на ужин и пойдешь; скажешь хозяйке, что это новейшая старминская мода.

Вампир скорчил умоляющую физиономию, и я, вздохнув, прочитала над его одеждой нужное заклинание. Когда он оделся и вернулся в нашу комнату, Орсана уже стояла у входной двери, делая вид, что не замечает его и уж тем более не ждет.

– Орсана, не дуйся! – взмолился тот. – Я же вампир, что с меня возьмешь: как говорится, у дурака и шутки дурацкие. Иной раз обижу – и не замечу. Прости, если и впрямь обидел...

Орсана чуть покраснела, но не промолвила ни слова. Принять извинения иной раз труднее, чем принести.

– Ну так что – мир? – Ролар, не дожидаясь ответа, протянул девушке руку.

– Перемирие, – буркнула Орсана, не глядя хлопнув его по ладони.

– Надолго ли? – риторически спросила я, распахивая дверь.

Бум! Дера и Слар сели на пол, потирая ушибленные лбы – девочка левой рукой, мальчик правой.

– А вы что тут делаете?! – страшным голосом пророкотала я, упирая руки в бока и грозно нависая над детьми.

Двойняшки переглянулись.

– Тетя ведьма, а вы правда едите маленьких детей? – очень вежливо поинтересовалась девочка.

Я опешила от такой любознательности, зато Ролар не растерялся.

– Что вы, деточки! – медовым голосом проворковал он, присаживаясь на корточки перед малышами. – Тетя ведьма, конечно же, не ест маленьких детей, у нее для этого слишком короткие зубки... зато дядя вампир подзакусит вами с превеликим удовольствием!

И Ролар продемонстрировал близняшкам одну из своих самых ослепительных улыбок.

Дети с визгом бросились наутек.

– Теперь маленькие негодники поостерегутся за нами шпионить, – с удовлетворением сказал вампир, вставая.

– Обязательно было распускать клыки? – скривилась Орсана. – Они теперь маме наябедничают.

– Что у тетиведьминого дяди длинные острые зубы? – насмешливо предположил Ролар. – Кто, скажи мне, обращает внимание на детские фантазии?

– Пойдем, дядя вампир, – перебила я, первой шагая за порог. – Нас уже заждались.

Привидение мало способствовало престижу работы в замке. Нехватка прислуги особенно остро ощущалась во время трапезы – единственная служанка не успевала обносить господ блюдами, и нам пришлось довольно долго сидеть перед пустыми тарелками, ожидая своей очереди. Все тот же дворецкий зажег три дополнительных канделябра и встал у двери, то ли в соответствии с этикетом, то ли не решаясь променять освещенную столовую на пустынные коридоры и сомнительное общество привидения.

Помимо нас, хозяйки и няни с детьми, трапезу разделяли еще трое родственников госпожи Белозерской. По правую руку хозяйки сидела ее сестра, тощая старая дева с высоким шиньоном на затылке, по левую –

дальний родственник, тысячник в отставке. Рядом с сестрой, в кресле-каталке, скрючилась над тарелкой древняя и, похоже, выжившая из ума старуха – бабка покойного хозяйкиного мужа. Сестра поминутно вздрагивала и озиралась по сторонам, старуха непрерывно что-то бормотала себе под нос, угрожая пальцем жареной курице, дальний родственник успел уговорить три бокала вина за пять минут, пришел в благодушное расположение духа и то и дело порывался рассказать о сражении девятьсот шестьдесят третьего года и своем личном вкладе в победу. (Если не ошибаюсь, речь шла о пограничном конфликте с эльфами, причем сражения как такового не было – эльфы предупредительно обстреляли из луков заблудившийся в их лесу полк. А тот, почему-то уверенный, что находится на своей территории, залег в подручных ямах и наотрез оказался уходить, стреляя и ругаясь в ответ. Это безобразие продолжалось больше месяца, причем эльфы давно махнули на легионеров рукой и сняли осаду, надеясь, что эти идиоты проголодаются и сами уйдут, но те упрямо продолжали партизанить в Ясневом Граде, питаясь грибами и ягодами, а также трофейными, украденными из эльфийской полевой кухни лепешками, пока за ними не явилось «подкрепление», высланное тогдашним белорусским королем по просьбе своего эльфийского коллеги.)

При виде столь обширного паноптикума Ролар пришел в восторг. По его мнению, которое он не замедлил высказать шепотом мне на ухо, более благодарной аудитории для явок привидения не стоило и желать.

– Ты еще не выиграл! – прошептала я в ответ, стараясь не потерять нить светской болтовни, завязанной хозяйкой и ее сестрой. Интересы обеих дам вертелись вокруг жизни королевского двора – сплетен, интриг и нарядов. Сплетни и интриги я сочинила без труда, наряды пришлось вспоминать.

Удовлетворив любопытство, Дивена немного рассказала о себе. Ее ныне покойный муж некогда занимал почетную должность королевского советника, затем «попал в немилость» – скорее всего, просто надоел, за более серьезный проступок король не преминул бы конфисковать замок, – и вышел в отставку, а там вскоре и преставился.

Разговор плавно свернул на привидение.

К привидению госпожа Белозерская относилась философски и в то же время на диво практично. Лично ей, хозяйке, привидение несколько не мешает, но создает определенные проблемы при наборе слуг и приемах гостей. Она сразу же отмела в сторону деликатные намеки касательно происков врагов в простынях, заявив, что привидение настоящее и принадлежит ее покойной бабке. Портрет оной висел над столом –

эффектная женщина в лиловом платье, золотоволосая и синеглазая. Очень, кстати, похожая на саму Дивену и ее детей.

– А служанки-лунатички у вас нет? – как бы между прочим поинтересовалась Орсана.

Хозяйка удивилась, но ответила, что до недавнего времени была, однако два привидения на один замок – это слишком, и она дала девице расчет.

– Вы уверены, что это именно она? – Ролар кивнул в сторону портрета.

– Уверена, – отрезала хозяйка. – Я ее видела.

– И что? – затаив дыхание, спросила Орсана.

– Поздоровалась и прошла мимо, – невозмутимо ответила хозяйка замка, накалывая на вилку крошечный кусочек капусты и поднося ко рту с воистину королевской грацией. Мы как-то сразу ей поверили. С подобной аристократки станется раскланяться даже с живоглотом.

– А я говорю – ведьма! Ведьма она и есть! – неожиданно рывкнула старуха, заставив Орсану поперхнуться.

– О чем это она? – поинтересовалась я, искоса поглядывая на бабуку, как ни в чем не бывало бормочущую себе под нос.

– Ходили слухи, что моя бабушка увлекалась колдовством, – равнодушно пояснила Дивена. – Якобы она приворожила своей внучке, то есть мне, богатого мужа, чего бабушка мужа до сих пор нашей семье простить не может.

– А это правда? – все еще покашливая, прохрипела Орсана, раздраженно пресекая попытку вампира похлопать ее по спине.

– Нет, – отрезала хозяйка. – Да, согласна, в последнее время наш род несколько обнищал, но он куда более древний и знатный, чем род мужа. Только благодаря этому браку он смог проникнуть в высшее общество и дослужиться до советника. Взаимная выгода от союза не нуждалась в подпитке колдовством.

– Кстати, о выгоде, – вспомнила я. – Во сколько вы оцениваете эту... досадную неприятность?

– Пятьдесят кладней, – после недолгого раздумья постановила госпожа Белозерская.

– Шестьдесят! – торопливо поправила сестра, чьи нервы хуже переносили соседство с потусторонним миром.

– Но за каждый разбитый предмет с вас будет вычтена полная стоимость, – меланхолично добавила хозяйка.

– Простите?

– В замке много предметов старины, в том числе хрусталя и

фарфора, – пояснила Дивена. – К сожалению, предыдущие колдуны имели дурную привычку сбивать на бегу, а также швырять в призрака бесценные произведения искусства, многие из которых склонны биться. Так, на прошлой неделе я лишилась расписной вазы пятого столетия, в которой попытался спрятаться от привидения некий знахарь Вланимар, впоследствии с позором выставленный за ворота...

Переждав взрыв смеха, хозяйка невозмутимо продолжила:

– Мне бы очень хотелось, чтобы на сей раз моя коллекция средневекового фарфора не подверглась варварскому уничтожению, тем более что сам призрак еще не нанес замку и людям никакого ущерба, кроме морального.

– Мы тоже на это надеемся, – искренне сказала я.

Ужин затянулся часа на три, и, когда мы наконец поднялись в свои комнаты, перевалило за полночь. Где-то в глубинах замка уныло и протяжно заскрипели половицы, простонала и лязгнула тяжелая дверь. В разошедшихся рамах завывал ветер, за шкапами скреблись мыши; для полноты ощущений не хватало только звона цепей бродящего по коридорам призрака.

– Ролар возьмет себе первый этаж и подвальное помещение, – по праву дипломированного специалиста распоряжалась я, тыча пальцем в потрепанный план замка. – Ты, Орсана, поброди по второму этажу, от хозяйских спален до нашей комнаты, – вдруг привидение захочет навестить гостей? Я же проверю третий этаж, крышу и башенки.

– А если мы его увидим, что нам тогда делать? – с содроганием уточнила наемница.

– Ничего, – пожала я плечами.

– Ничего?!

– А что вы можете сделать? Если язык не отнимется, попробуйте его разговорить. Может, оно чего-то хочет? Вдруг – сущую безделицу: перекинуться в картишки, предсказать чью-то гибель, указать замурованный в стену клад или собственный скелет?

– Его скелет лежит в фамильном склепе, – скептически буркнула Орсана.

– Ну и что, вдруг оно давно мечтало сводить экскурсию к собственному скелету? Может, ему на спине лежать неудобно? Может, просто одиноко?

– Не стану я его переворачивать! – возмутилась Орсана. – И рядом лежать не собираюсь. Пусть жалуется кому-нибудь другому, меня этим не

проймешь.

– А тебя никто и не просит. Извинишься и сбегаешь за мной.

– И за мной, – вмешался Ролар, – если оно такое же, как на портрете, я согласен скрасить его одиночество!

– Если в контакт вступить не удастся, – продолжала я, пропуская мимо ушей не относящиеся к делу реплики, – запомните, где вы его видели, и опять-таки позовите меня. И, ради богов, держитесь подальше от этого проклятого фарфора! Одно блюдо – и мы не только не заработаем на овес для лошадок, но еще и останемся должны.

– Постараемся! – в унисон пообещали оба. Я давно заметила, что, когда Ролар и Орсана не грызутся, их мысли и поступки приходят в удивительное соответствие.

– В таком случае – не будем терять времени. Я еще хочу выспаться до утра.

– А может, сразу ляжем спать, а утром скажем, что никого не видели? – робко предложила Орсана.

– Чтобы привидение само разбудило нас посреди ночи, звеня цепями под ухом? Нет уж, спасибо. Если не изгоню его, то хотя бы попрошу, чтобы не мешало спать. Заодно осмотрим замок и убедимся, что его хозяева не ложняки и не собираются посреди ночи открыть разбойникам ворота.

– Ну, тогда ладно, – нехотя согласилась наемница, поправляя пояс с кинжалами.

Перед сном служанка потушила все свечи, оставив только по масляному светильнику на каждом этаже да еще вдоль лестницы. Сначала я таскала с собой канделябр с двумя свечами, но вскоре сообразила, что мне вполне хватает лунного света, сочившегося из узких витражных окошек, забранных пластинами хрусталя.

Бродить по замку было одно удовольствие. Привидения я не боялась; напротив, мною двигал азарт сродни рыболовному. Я начала с крыши – обошла вокруг стояка башни, пытаясь отыскать вход (потом оказалось, что башенка со шпилем – всего лишь архитектурное излишество и подняться в нее невозможно), осторожно глянула через высокий парапет, полюбовалась прекрасными видами, расстилавшимися внизу, прислушалась к шелесту ветра и, не заметив ничего предосудительного, спустилась вниз, на третий этаж.

Моим глазам открылось дикое, завораживающее и красочное зрелище.

По коридору, задрав пышные юбки и высоко подкидывая толстые ноги, галопом неслась няня в ночном чепце и длинной кружевной рубашке.

Ее разинутый рот застыл в беззвучном крике; глаза мчались быстрее тела, выпучиваясь из глазниц.

За няней шумно летело привидение. Ярко-лилового цвета, в форме головастика с руками, обмотанное цепями и увешанное пудовыми гирями, оно стонало, хрипело, выло и улюлюкало. Волны громового эха плескались о каменные стены. Стоящие вдоль стен доспехи злорадно скалились прорезьями забрал.

На портрет золотоволосой женщины в лиловом платье оно походило только цветом. Впрочем, при некотором воображении... Няня вильнула в сторону, рванула на себя дверь стенного шкафа и головой вперед нырнула в скопище тряпья. Закрывшаяся дверь гулко хлопнула ее по пышному заду. Привидение с разгону врезалось в меня, мелькнуло лиловым, пыхнуло теплом и растворилось ключьями быстро светлеющего тумана.

Я пошатнулась – больше от неожиданности, чем толчка. Прислушалась – где-то вдалеке скрипнула дверь, тихо шаркнула нога.

Привидение исчезло.

Привидение попало.

Орсана, больше раздраженная, чем испуганная, уже ждала меня в комнате. По ее словам, привидение привязалось к ней возле детской, напоминало гигантскую сливу, сбжавшую с каторги, издавало «на диво поганья звуки», заставило Орсану пробежаться по всему коридору, но затем наемница вспомнила о своей чести и, развернувшись лицом к привидению, обложила его «брыдкими словами», после чего то, смущенное, покраснело и капитулировало, растаяв в воздухе. Повторять чудодейственные слова Орсана отказалась наотрез.

Не успела наемница окончить рассказ, как вернулся Ролар.

– Ты выиграла! – с порога объявил он и, захлопнув за собой дверь, устало рухнул на кровать, переводя дыхание.

– Ну что там у тебя?

– Привидение! – Ролар, все еще тяжело дыша, приподнялся на локте лицом ко мне. – Самое что ни есть привиденистое! Цветастое, как синяк под глазом. Я гнался за ним через все подвальное помещение, но оно улизнуло в стену кухни, а в кухне его уже не было.

– Ты за ним – чи оно за тобой? – скептически уточнила Орсана.

Ролар метнул на нее гневный взгляд, но усталость взяла свое, и он снова распластался на кровати.

– Настоящая гонка с препятствиями! – стонал вампир, осоловело уставившись в потолок. – Там, внизу, куча этого проклятого фарфора, и

весь на таких ненадежных подставочках, что рядом пробежать – и того хватит.

– Ты сбил хоть одну? – встревожилась я.

– Нет, что ты. Я сменил ипостась.

– Тебя никто не видел?

– Надеюсь, нет. А даже если видел – привидением больше, привидением меньше – какая разница?

– Это не привидение, – я покачала головой. – Ролар, я проиграла. На что мы спорили?

– Ни на что, просто так, – машинально ответил вампир, и тут же встрепенулся. – Что ты имеешь в виду? Я спорил, что оно ненастоящее!

– Ты спорил, что в замке есть дети, – поправила я.

Мы сели за стол все вместе – я, мои друзья, Дивена, ее трусливая сестра, отставной тысячник – с утра трезвый, няня с Дерой и Сларом, служанка прикатила коляску с полоумной бабкой. Дворецкого почему-то не было видно. Дети, как ни странно, вели себя очень тихо, жались к няне, то и дело испуганно оглядываясь по сторонам.

– Ну, как продвигаются поиски? – выдержав приличествующую случаю паузу, спросила хозяйка замка, подставляя маленькую фарфоровую чашечку под носик кофейника в руках служанки.

Я выждала, пока чашечка наполнится до краев, и лишь тогда скромно ответила:

– Госпожа Белозерская, вынуждена вас огорчить. Ваше привидение не имеет никакого отношения к вашей прабабке... вернее, она имеет отношение к его появлению, но совсем не то, что вы думаете.

Мне впервые удалось подметить на бесстрастном лице хозяйки признаки удивления.

– Вот как? – Дивена колупнула десертной ложечкой рассыпчатый бочок миндального пирожного, пытаясь совладать с неприличным наплывом эмоций. – Откуда же оно тогда взялось?

– Ниоткуда. Точнее, вы неправильно поставили вопрос. ОНО тут отродясь не водилось. Есть ОН. Фантом.

– Извините, я не совсем улавливаю разницу.

– Фантом – это галлюцинация, вызванная магом, – пояснила я. – В вашем замке обосновался некий проказник, активно клепающий фантомов: мы видели трех одновременно на разных этажах замка. Они нестабильны, разрушаются от соприкосновения с материальным объектом, даже от громкого звука. Как это ни смешно звучит, обстрел призрака фарфором

давал хорошие результаты...

– И что же вы нам посоветуете? Носить с собой по блюду? – хохотнул отставной тысячник.

– Зачем? Будем устранять первопричину.

– И как, позвольте узнать?

– Вурдалак, – серьезно сказала я.

– Простите?

– Как говорится, клин клином вышибают. У меня есть знакомый вурдалак, я пригласила его немножко пожить в вашем замке, – пояснила я, усиленно стараясь не замечать вытягивающихся лиц аудитории. – Он вообще-то людоед, но не бойтесь, он пообещал съесть только колдуна. Думаю, этой ночью с призраком, как и с его хозяином, будет навсегда покончено. Вы и ваши дети смогут спать спокойно...

И тут Дера и Слар заревели – дружно, в голос.

Мой расчет оказался верен – Ролара-таки заметили, выдуманная на ходу байка пришлась к месту и оказала нужный эффект.

– Фу, дети, как некрасиво, – поморщилась госпожа Белозерская. – Вы же слышали: нет ни малейшего повода для беспокойства. Сам король доверял госпоже Редной охрану своих покоев!

Я поперхнулась пирожным, но сумела кивнуть, как будто еженощно держала королю свечку.

– Может, у них животики разболелись? – растерянно предположила няня. – Они вчера вечером сырое тесто с кухни таскали, я их отругала, но где ж за эдакими сорванцами уследишь?

– Где ж вам уследить за маленькими колдуном и ведьмочкой? – подтвердила я. – Госпожа Дивена, не знаю, огорчит вас это или обрадует, но у кого-то из ваших детей – возможно, у обоих, недавно открылся магический дар, прабабушкино наследство. Вот они и развлекаются как могут – создают фантомы, наводят слуховые галлюцинации.

– Дети, это правда? – строго спросила хозяйка, глядя на двойняшек.

Рев усилился.

– Ну что ж, тогда идите и станьте в угол, – решила Дивена. – Как вам не стыдно – пугать домочадцев привидением! С завтрашнего дня я займусь поисками соответствующего учителя, и помимо счета и письма вы начнете брать уроки магии. Госпожа Редная, а вы не возьметесь за их обучение?

Слово «уроки» потрясло близняшек больше, чем слово «угол». Худшее наказание – когда шалость превращается в нудное ежедневное занятие. Они ревели – каждый из своего угла – как две невинные девицы перед свадьбой по принуждению.

– Очень сожалею, но вынуждена отказаться. – Я аккуратно свернула лежащую на коленях салфетку и встала из-за стола. – Мы с родственниками спешим в... Ясневый Град, по срочному и важному королевскому поручению. Лучше всего будет отдать детей в Старминскую Школу Магов, там их способностям найдут наилучшее применение.

На том, к общему удовольствию, и порешили. Госпожа Белозерская церемонно отсчитала мне шестьдесят золотых и, когда мы многожды заверили друг друга во взаимном уважении, словно бы мимоходом заметила:

– Госпожа Редная, сейчас, когда все прояснилась, не могли бы вы забрать своего вурдалака? Он уже несколько часов сидит на пороге замка, не давая нам выйти, а дворецкому, заночевавшему у племянника в деревне, – войти. Я не знала, что он ваш друг, и не хотела беспокоить вас до завтрака, но, поскольку все так удачно сло...

Не дослушав, я бросилась к ближайшему окну, выглянула вниз, ожидая увидеть там кого угодно, до живоглота включительно, но...

На пороге, положив морду на лапы, невозмутимо дремал крупный зверь, снежным пятном выделяясь на серых ступенях.

Глава 19

Не помня себя от волнения, я слетела вниз, прыгая через несколько ступенек. Когда я с разбегу распахнула входную дверь, волк все еще был там. При виде меня он вскочил, взъерошился... а потом прижал уши, как нашкодивший пес, подошел ко мне и лег у ног, виновато заглядывая в лицо и виляя хвостом. Я бросилась перед ним на колени, обхватила за шею и, уткнувшись лицом в густую шерсть с терпким запахом лесного зверя, расплакалась от облегчения.

Ролар и Орсана, отставшие от меня всего на пару секунд, не торопились ликовать, держась на почтительном расстоянии. Вампир встревожено начал:

– Вольха, а ты уверена, что он не...

Но конюх госпожи Белозерской как раз привел наших лошадей, вычищенных и оседланных – вчера вечером мы несколько раз повторили ему (на всякий случай, у парнишки был на редкость тупой вид и соответственная манера кивать головой со счастливым видом ничего не понимающего иностранца), что кони понадобятся нам уже на рассвете, но сами, что греха таить, проспали. Смолка, увидев меня в обнимку с волком, ревниво фыркнула и заскребла землю когтистым копытом, не выказывая, впрочем, испуга. До сих пор она ни разу не ошиблась, и все сомнения в подлинности волка отпали. Называть его «Лёном» у меня не поворачивался язык, я один раз попробовала и осеклась, смутившись, – словно в отсутствие друга пытаюсь беседовать с его верным псом, обращаясь к нему по имени хозяина. Впрочем, позже выяснилось, что окликать волка, равно как и отдавать ему приказы, нет нужды – он прекрасно понимал меня без слов, то ли повинуюсь жестам, то ли читая мысли. Ролар, которому я задала этот вопрос, сначала рассмеялся, а потом призадумался. По его словам, никто не знал, какова она – волчья жизнь после смерти, о ней никто из воскрешенных не помнил. Вполне возможно, у волка и сохранились телепатические способности Повелителя.

На Орсану волк подозрительно заворчал, зато Ролара принял куда приветливее, чем меня в первый раз. Присев на корточки, вампир сосредоточенно ощупал потянувшегося к нему зверя и недовольно покачал головой:

– Худой как скелет. Так не пойдет, за оставшиеся пару дней надо откормить его до нормального состояния, иначе у него просто не хватит сил

для трансформации.

– За два дня?!

– Это же не обычный волк. Он быстро придет в форму; на отдыхе с обильным питанием хватило бы и нескольких часов. – Ролар, придерживая спадающие штаны, протянул мне свой ремень. Орсана порылась в сумке и предложила вампиру моток мохнатой волосяной веревки на замену. – Но, увы, нам надо спешить.

Из ремня вышел превосходный ошейник, широкий и прочный, в два оборота. Волк прижимал уши, щерился и пытался отвернуть морду, пока я застегивала пряжку и продевала свободный конец в петельки, но, в общем, вел себя вполне корректно. Затем я привязала к ремню остаток веревки (довольно длинный, локтей двадцать), намотала свободный конец на руку и вскочила в седло, красочно представляя, как «ласточкой» вылечу из него, если волк вздумает рвануться в сторону. Но не выпущу, чего бы мне это ни стоило.

Осталось попрощаться с госпожой Белозерской; правила приличия не позволили ей сломя голову мчаться по лестнице, и она только-только переступила порог, тщательно скрывая любопытство. Я уже не стала спешиваться, и церемонию прощания взял на себя Ролар, осыпав даму комплиментами и чувственно поцеловав любезно протянутую руку (Дивена удивленно покосилась на его неощутимую бороду, но ничего не сказала). Вампир ничуть не переигрывал, как будто и впрямь частенько захаживал в королевский дворец, навещая «троюродную кухню». Интересно, где он мог научиться хорошим манерам? Уж точно не в витягской казарме. Может, Орсана права, и его и впрямь натаскивали как универсального шпиона что в Легионе, что при дворе?

Прежде чем возвращаться на тракт, мы завернули в селение, купили у мясника пуд парной говядины, тут же отрезали от нее здоровенный кусок и несколько минут умиленно наблюдали, как волк с рычанием его уплетает. Проходившие мимо люди бросали на него завистливые, а на нас – возмущенные взгляды, но меня это мало трогало. Попробуй кто-нибудь пристыдить нас или обругать, я бы вызверилась на него почище волка.

Из-за волка нам пришлось резко сбавить темп. Он вполне мог бежать наравне с галопирующими лошадьми, но было видно, каких усилий ему это стоит. У меня просто сердце разрывалось, когда он начинал прихрамывать и отставать, а затем делал отчаянный рывок вперед, догоняя. Взять его на седло я не могла, так что приходилось чуть ли не ежечасно останавливаться и ждать, пока он отдышится и перекусит. За день мы проехали не больше

половины обычного перегона. Вечером снова заморосил дождь, и, когда впереди показался город («Брас, – сообщил Ролар, – один из крупнейших городов Озерного Края; можно даже сказать, единственный»), мы решили не искушать судьбу и переночевать на постоялом дворе, шумном людном месте, каковых разбойники до сих пор тщательно избегали. До темноты оставалось не меньше двух часов, но мы предпочли потерять их, нежели жизни.

По меркам пустынного Озерного Края Брас считался чуть ли не столицей, на деле являясь большим селом с огрызкообразной крепостью в центре, окруженной неглубоким рвом (по совместительству служившим сточной канавой). В крепости проживала некая не слишком высокопоставленная особа, изнуренная похмельным синдромом после вчерашней гулянки, – даже стражники не избежали этой плачевной участи и теперь сидели на корточках по обе стороны подъемного моста, держась за вертикально поставленные алебарды. Доблестные воины проводили нас безразличными взглядами, даже не поинтересовавшись документами и целью визита в город.

Чем дальше от крепости, тем реже попадались каменные дома; их сменили деревянные лачуги, а там и вовсе мазанки. На улицах кипела жизнь. Крысы, кошки и воробьи безо всякого стеснения шмыгали между ногами делового и празднующегося люда. Остановив какого-то оборванца, мы разузнали дорогу к ближайшему постоялому двору, оказавшемуся единственным в городке. Больше и не требовалось: святыми мощами, живописными видами, историческими местами и прочими достопримечательностями Брас похвастать не мог, а для проезжих купцов вполне хватало и одного его.

По иронии судьбы, постоялый двор вплотную примыкал к кладбищу. Ведущая к нему дорога оказалась единственной приличной дорогой в этом захудалом городишке. На нее пошли тысячи плит серого и розового гранита, более уместного в облицовке храма. По ней хотелось ходить всю жизнь. По ней хотелось пронести невесту на руках. Я бы не удивилась, узнав, что похоронные процессии дотаскивают гроб до кладбищенских ворот и разворачиваются, дабы в угоду усопшему повторить последний путь на «бис».

Ролар, хихикая, сообщил, что двадцать лет назад здесь была обычная сельская улица, немощеная и колдобистая, но затем белорский король договорился с эльфийским на предмет совместной постройки неброского, но капитального дома дворцового типа и ведущей к нему дороги, дабы монархи и их посольства могли без помех встречаться на нейтральной

территории Озерного Края. Белория отвечала за дом, Ясневый Град – за дорогу. Эльфы честно выполнили свою часть уговора, а тогдашний брасовский градоправитель не выдержал искуса и удрал вместе с выданными на строительство деньгами. Официально его все еще искали и с повторным финансированием не спешили, хотя даже дураку было ясно, что гхыр найдут, а о явке с повинной не стоит и мечтать.

Из окон постоялого двора открывался прелестный вид на оградки, надгробия, венки, цветочки и фигуры в черном, рыдающие над могилами. Хозяин заведения и прислуга давно притерпелись к этому жизнеутверждающему зрелищу, но немногочисленные постояльцы были другого мнения. Орсана старательно глядела себе под ноги, Ролар машинально насвистывал известный мотив «Последнего пристанища», я же раздраженно ворчала, что обычно магам и их спутникам платят за ночлег на кладбище, но никак не наоборот.

Платить и не пришлось. На постоялый двор меня с волком не пустили. Хозяин был непреклонен – его жена обожала кошек, держала их не меньше дюжины, кошачья вонь струилась не только из распахнутых окон и дверей – даже из трубы.

Я задумалась. Мне не хотелось оставлять волка на улице; он мог снова удрать, укусить кого-нибудь, затеять драку с собаками, или, того хуже, нас опять могли настигнуть метаморфы. К счастью, вопрос разрешился сам собой – один из местных жителей, случайно подслушав наш разговор, предложил мне переночевать на его сеновале. Так что неизвестно, кто из нас оказался в выигрыше – я на сеновале или Орсана с Роларом на провонявшем кошками кладбище.

Все ночь сено шуршало, пищало и потрескивало, серые тени бегали по стенам и гулко прыгивали на клетки с кроликами. Волк постоянно срывался с места и гонял назойливых крыс (очень надеюсь, что только гонял), а возвращаясь, сворачивался клубком у меня в ногах и начинал искать блох, звучно клацая зубами. Часа в три истерично заржала лошадь в соседнем сарае. Мне показалось, что это Смолка, я выскочила ее проведать и уже на улице сообразила-вспомнила, что оставила лошадь на конюшне постоялого двора, а голос подала одна из хозяйских кляч... Так что ночка выдалась та еще, я даже не уверена, что вообще спала, скорее урывками дремала.

Проснувшись с первыми петухами, я выскочила с сеновала, стуча зубами от холода. Солнце еще не взошло, а на траву выпало столько росы, что ее можно было черпать горстями. Позавтракав вместе с

гостеприимными хозяевами, я отблагодарила их за ночлег, прочитав над зеленеющими грядками заклинание «чтобы в огороде все росло» (очень простенькое и эффективное заклинание – после него дружно пускаются в рост морковка, картошка, репа, свекла, огурцы, укроп, хрен, лебеда, осот, крапива и мокрица – в общем, все, чем мог похвастаться порядочный огород).

Орсану и Ролара я встретила у ворот постоянного двора. Нежно обхватив разделяющий их столб, они вели неторопливую и, несомненно, деловую беседу, напрочь позабыв про оседланных лошадей, успевших разбрестись по округе. Меня чуть удар не хватил – Смолка, ничтоже сумняшеся, доедала еловый, перевитый лентами венок на свежей могиле, а жеребцы меланхолично щипали траву вокруг обомшелых надгробий. Заметив меня, вампир и наемница шарахнулись в стороны, залились румянцем и, синхронно откашлявшись, пожелали мне доброго утра. Я молча ткнула пальцем в сторону кладбища, они обернулись, охнули и бросились ловить четвероногих святотатцев. Это оказалось непростым делом – за ночь одежда и волосы друзей так пропитались кошачьим духом, что кони фыркали и пятились, отказываясь узнавать хозяев.

– К вечеру мы будем в Арлиссе, – пообещал Ролар, кое-как сладив с Карасиком. – Только сначала сделаем небольшой крюк и заедем в Куряки.

– В курятник? – не расслышала Орсана. – Зачем?

– Ку-ря-ки. Название села, а заодно и крупнейшего в Белории конезавода. Вполне вероятно, что ложняки разживаются лошадьми именно там.

– А если нет?

– Владельцы конезаводов, как и любые торговцы, конкурируют друг с другом и прекрасно знают, кто, когда, кому и сколько продал.

– Так он тебе и скажет! – усомнилась я, вовремя дергая Смолку за повод. Проходившая мимо баба так и не догадалась, в какой опасности было ее коромысло, заинтересовавшее всеядную лошадку цветастой росписью.

– Не скажет с ходу – заведу в темный угол, широко улыбнусь и предложу взаимовыгодное сотрудничество. – По спокойному лицу вампира нельзя было догадаться, шутит он или говорит серьезно.

Мы тронулись в путь, но на выезде из Браса я весьма кстати заметила лавку знахаря-травника, спешила и, попросив друзей немножко обождать, зашла внутрь. Магом ее владелец не был, но в травках разбирался, все они были собраны по правилам и в срок, то есть исключительно действенны. В лавке я пробыла не дольше пяти минут, у

знахаря нашлось нужное снадобье, и он не стал ломить цену, а я, соответственно, торговаться. Небрежно сунув пакетик в карман, я расплатилась, вышла и снова вскочила на лошадь. Орсана без особого интереса спросила, что мне там понадобилось, на что я так же равнодушно ответила, что прикупила кой-каких зелий взамен истраченных. Девушка чуть заметно покраснела, решив, что речь идет о желудочных каплях, а я не стала ее разубеждать. Пока, по крайней мере, чтобы она не обиделась еще больше.

Куряки открылись перед нами с вершины высокого пологого холма, и я не удержалась от изумленного вдоха – повсюду, куда ни глянь, простиралось необъятное разнотравное поле, заполненное лошадьми и строениями. Село, если так его можно назвать, больше напоминало военный лагерь на привале – лошади паслись, резвились и перебегали с места на место, вокруг них суетились люди и собаки, тянулись телеги с мешками овса и возы с сеном; блинные конюшни чередовались с сельскими хатками и огородиками, и только в центре было какое-то подобие площади, окруженной домами лавочного типа с пестрыми вывесками.

Ролар не поехал в жилую часть села, а начал петлять среди конюшен, сосредоточенно прислушиваясь – вернее, вдумываясь, словно сам не был уверен, кого или что он ищет, и рассчитывал на наитие. «На вампирье чутье», – поправила я, и оно его не подвело: Ролар расплылся в радостной улыбке и уверенно свернул к дверям пятой по счету конюшни. Они были распахнуты настежь, стойла пустовали, но в конце коридора, в последнем загончике с левой стороны, кто-то возился, негромко бурча и размеренно швыряя на стоящую в проходе тележку комья конского навоза.

Волк принялся, наострил уши, но рычать не стал. Ролар негромко кашлянул, прерывая бурную уборочную деятельность. Из стойла настороженно выглянул коренастый гном с вилами наперевес, подслеповато сощурился, пытаясь разглядеть три темные фигуры на фоне брызжущего солнцем проема, а затем испустил ликующий вопль, выронил вилы и кинулся нам навстречу.

– Упырь меня раздери со всеми моими потрохами! Ролар, старина, ты вернулся! – Низкорослый бородач подпрыгнул и повис у вампира на шее. – А я уж думал...

– Орум, дружище! – Ролар сердечно похлопал гнома по спине. – Я не так уж и стар, не прошло и шестидесяти лет с размена первой сотни!

Разжав объятия, гном соскользнул на пол и горячо потряс вампиру

руку.

– Вот уж кого не чаял увидеть! Ходили слухи, что тебя... – Орум осекся, заметив меня с Орсаной. – А это что за красотки? Насколько я помню, ты никогда не таскал за собой двух девиц сразу, гы-гы-гы!

– Это не девицы, это злобная ведьма и кровожадная наемница. Ой! – Ролар схватился за виски, схлопотав две затрецины одновременно. – Я же говорил! Злобную кличут Вольхой, кровожадную – Орсаной. Эй, хватит распускать руки! Я же не отрицаю, что вы – красотки!

Мы замахнулись на него в третий раз, но передумали.

– Они знают, что я – вампир, – пояснил Ролар во избежание дальнейших недоразумений.

– О! – уважительно сказал гном, разглядывая нас с неподдельным интересом. Видимо, пытался угадать, чем мы заслужили такую честь. Потом перевел взгляд на волка, севшего у моих ног, и его глаза окончательно округлились. – Ну и дела...

– Дела, – подтвердил Ролар. – Надо кое-что обсудить.

– Так какого рожна мы тут торчим?! – опомнившись, с прежней энергией загрохотал гном. – «Серебряная подкова» давно открыта!

– Ничего не имею против, – ухмыльнулся Ролар. – Девочки, надеюсь, вы очень голодны? «Серебряная подкова» не балует своих клиентов изысканными блюдами и столичным сервисом. Правда, как ни странно, никто еще не отравился... точнее, не пожаловался...

Гном сорвал кожаный рабочий фартук, закинул его на дверцу стойла и завопил во всю глотку:

– Карька-а-а! Куда ты запропал, мракобесово отродье?!

– Здеся, – глухо, с достоинством проворчало над нашими головами. На балке, свесив одну мохнатую лапку и поджав другую, сидел, посверкивая красными огоньками непропорционально огромных глаз, средних размеров домовичок. Существо коротким ножиком строгало обрезок березовой чурки, придавая ему вид грубой ложки. Домовичок отложил незаконченную поделку, выпрямился, свесил вторую лапку и невозмутимо стряхнул опилки с мохнатого пуза прямо в обращенные к нему лица.

Гном, точно разъяренная моська, запрыгал на месте, осыпая домовичка замысловатой бранью, в которой помянул добрую сотню родственников нечистика, а также обстоятельства, при которых Орум мечтал бы увидеть их всех в гробах.

– Чаво тебе, бородатый? – невозмутимо пробурчал домовичок, вклиниваясь между гномьим выдохом и вдохом. – Чаво кудакаешь, чаво мастеровать не даешь? Не видишь – имуществом обзавожусь, давешнее-то

совсем в щепу разохлось, молоко хлебать несподручно.

– Я тебе щас как похлебаю – из ушей потечет! А ну, слазь живо! Работа для тебя есть!

– Чаво надуть-то? – лениво поинтересовался домовичок, обеими ручонками вычищая живот от мелких стружек, которые опять-таки летели вниз, не улучшая гному настроения.

– Конюшню дочисть да свежей соломкой присыпь, чтоб ввечеру кони на сухое и чистое вернулись!

– А чаво мне за это будет? – трудоголизмом домовичок определенно не страдал. Мелкие домовые бесята совершенно незаслуженно пользовались в народе уважением, селясь в избах исключительно для собственного удобства, а вовсе не в помощь хозяевам, как те наивно полагали; допроситься от домовых каких-либо общественно полезных действий удавалось лишь после длительных уговоров и посулов, причем они были горазды хлебать не только из поставленного возле печи блюдечка, но и прямо из забытого на столе горшка, а то и бессовестно в оный наплевать. Особо нахальные домовые примерно раз в месяц разыгрывали перед хозяевами спектакль своего торжественного ухода с должности «избяного счастья», то есть увязывали ложку в узелок на палочке и неспешно, чтобы успели остановить и задобрить, ковыляли к порогу. Тем не менее, селяне благоговели перед этими поганцами, а на предложение изгнать зарвавшегося бесенка могли вытолкать за порог саму ведьму.

– Дуля с маком!

– А ватрушка с творогом? – Домовичок деловито облизнулся.

– Ах ты, вымогатель мохнозадый! Будет тебе ватрушка!

– С творогом? – дотошно уточнил Карька.

– С гхыром!!!

Шварк! Я не увидела, как домовичок спрыгнул вниз, только что он сидел на балке и тут же возник в недочищенном стойле. Не теряя время попусту, бесенок развил такую бурную деятельность, что навоз полетел из двери с утроенной скоростью.

– Пойдемте, пойдемте же скорей! – Гном, приплясывая от нетерпения, дернул Ролара за рукав. – Есть большой разговор, большая жажда и большой голод, а у нас очень мало времени, после обеда я должен ехать в Брас за овсом для лошадок!

– Что случилось, Орум? Что-то с Ле... Повелительницей? – заметно обеспокоился Ролар. Гном метнул многозначительный взгляд в нашу с Орсаной сторону.

– Повелительницей?.. Кхм-м... Ну ладно. Жива-здорова, если ты это

хотел услышать. Вот только сбрендила окончательно. Постой, сядем за столик – расскажу все по порядку, а то натошак мысли путаются.

Нахмурившись, Ролар ускорил шаг. Мы едва поспевали за ним, гном вообще перешел на бег, но не жаловался, напротив – обогнал нас и первым распахнул перекошенную дверь старой-престарой избушки, по порожек ушедшей в землю и обросшей мхом до самой трубы.

Прибитая над дверью подкова с дуговой чеканкой «На счастье!» размерами напоминала хомут; в ее верхней части прилепилось ласточкино гнездо, а в нем благим матом орали только что вылупившиеся птенцы, завидев подлетающую родительницу. Мне подумалось, что если эта проржавевшая орясина свалится кому-нибудь на голову, счастье он обретет только в следующей жизни.

Пригнувшись, мы один за другим прошли под многообещающей подковой, чтобы окунуться в дымный полумрак корчмы. Гном спросил у подбежавшего мальчишки, свободен ли его любимый столик, просиял и завел нас в самый темный угол, подальше от двери и окон.

– Что сегодня на обед? Мясо есть?

– Рыба речная жареная, щи вчерашние, котлета «Сытная», бараньи ребра в чесночном соусе и капуста тушеная на гарнир, – равнодушно перечислила девица в засаленном, некогда белом переднике.

– Мне рыбу, – сказала я.

– А мне капусту с котлетой. – Орсана тщательно осмотрела стул, но все-таки села, хотя черное пятно в центре подозрительно напоминало плохо отмытую кровь. Волк забрался под стол и свернулся калачиком.

– А нам всего вместе, да побольше! – хохотнул гном. – Стой! Куда пошла?! И по кружке пива, конечно!

– Выкладывай, – потребовал Ролар, не дожидаясь выполнения заказа. – Что произошло в Арлиссе после моего... отъезда?

– Ну, сперва она рвала и метала... – Гном кашлянул и осекся. – В общем, Повелительница его не одобрила. Она никак не ожидала, что ты подчинишься ее дурацкому приказу.

– Какому приказу? – живо заинтересовалась Орсана.

– Ей нужен был свой человек в Легионе, – пояснил Ролар, взглядом призывая друга к молчанию. Я поглядела на вампира не менее красноречиво, но он предпочел казаться явным и бессовестным лжецом, нежели открыть правду.

– Шпион? – презрительно фыркнула девушка. – Так я и знала!

– Скорее, соглядатай, – смягчил определение Ролар. – Наблюдал, изучал, проникался духом, но у дверей не подслушивал и секретных карт

не крал. И что дальше?

Не знаю, как Орсана, а я ему не поверила. Что это за «соглядатай», который не появляется в Арлиссе месяцами и, похоже, вообще не имеет связи с родной долиной?

– А дальше началась самая потеха... – Гном убрал руки со стола, давая расставить принесенные девицей блюда. От них исходил не самый приятный, но вполне съедобный запах. – Так вот, тут-то она и сбрендилась. Стали ей повсюду мерещиться враги, заговоры, покушения. До публичных казней дело, хвала Великому Подгору, не дошло. Те, кто поумнее и, соответственно, поподозрительнее в глазах Повелительницы, дали деру при первых же признаках опасности. Более наивные дождались изгнания, остальные притихли, как мыши под веником.

Гном запрокинул кружку и ритмично забулькал пивом в глотке. Ролар хмуро барабанил по столу пальцами, переваривая услышанное. Орсана укусила котлету раз, другой, отодвинула на край тарелки и взялась за капусту. Моя рыба, напротив, оказалась совсем недурна – или же я проголодалась больше, чем думала. Съев несколько кусков, я привстала и потянулась за солонкой, а заодно незаметно посыпала тарелку с хлебом серым порошочком из щепоти.

Орум сосредоточенно зажевал пиво бараниной, бросил обгрызенное ребрышко под стол. Оттуда только хрупнуло.

– Потом ее пробилло на врагов в мировом масштабе. Дескать, и люди ее распрекрасную долину не уважают, и эльфы как-то подозрительно ушами стригут, а уж гномы – те точно шпионят на Волмению! Троллей она всех повыгоняла еще с прошлого раза... ну, помнишь, когда ребята ее разыграли...

– Помню, помню. Ближе к делу.

– Изволь. – Гном печально заглянул в пустую кружку и пододвинул к себе миску со щами. – А тут еще советник новый у нее объявился. Какой-то из пришлых, никто в Арлиссе его не знает. То ли он ее науськивает, то ли просто такой дурак, что попустительствует, – стучак его знает. В общем, теперь в Арлисс никого, кроме вампиров, не пускают. Смешанные семьи поудирали в Догеву и Леск.

– Леший знает что! – Ролар раздраженно, с громким стуком поставил кружку на стол, щи заплескались в тарелках. – Она вообще соображает, что делает? Ладно еще люди, но зачем нарываться на конфликт с другими расами?

– Спасибо, – ядовито сказала я. – Очень польщена.

– Я мыслю в экономическом масштабе, – отмахнулся вампир. – Из

двадцати приезжающих в Арлисс торговцев десять – эльфы и дриады, шесть – гномы, трое – вампиры из других долин, и только один – человек. Одно дело потерять одного купца из двадцати, и совсем другое – девятнадцать!

– Ишь, как мы разбираемся в международной торговле, – ехидно протянула Орсана. – Что ж ты не пошел к Повелительнице в советники?

Ролар и Орум как-то странно на нее посмотрели, но ничего не сказали.

– Это все? – спросил вампир у гнома.

– Нет, не все. Мало того, что у Повелительницы крыша поехала, так и у подданных не все дома! Поддерживают ее обеими руками, крыльями, клыками, в общем, чем ни попадя. Видел я на днях нашего общего знакомого, Коббера. Так он сначала сделал вид, что меня не узнает, а потом... потом... нет слов! Нет, ты представь, каков мерзавец? Он... он... не поставил своему старому другу и кружечки пива! – Орум задохнулся от возмущения. Не зная Всеобщего, по трагической гримасе и надрыву в его голосе можно было предположить, что злосчастный Коббер прикончил горячо любимую матушку гнома.

– Не переживай, Орум, я восполню эту трагическую потерю, – пообещал Ролар, звонко щелкнув пальцами над головой. Подскочивший к столу мальчишка ловко стряхнул с подноса две кружки пива, да так, что обе встали донцами на стол, а шапки желтоватой пены поползли вверх с угрожающей скоростью.

Орсана с ленивым интересом расковыривала принесенную котлету, вытягивая из нее лохмотья неопределенного происхождения.

– Теперь я понимаю, почему котлета называется «Сытной», – задумчиво сообщила она. – Один-два укуса – и ты понимаешь, что не так уж и голоден...

– Вчера на конюшне издох ледащий жеребенок, – подмигнул гном, со свистом втягивая пивную пену. – Я хотел оттащить его на скотомогильник, но кто-то меня опередил...

Орсана торопливо поставила тарелку на пол. Волк принюхался и одним движением языка сгреб котлету вместе с остатками гарнира.

Проходившая мимо разносчица нагнулась за пустой тарелкой; невозмутимость, с которой девица поставила ее на поднос вместе с прочей посудой, заставила меня содрогнуться. Надеюсь, они их хотя бы споласкивают?!

– Ой, какая собачка! – тем временем засюсюкала разносчица, присаживаясь на корточки рядом с волком. – А можно ее погладить?

– Можно... – устало разрешила я, откидываясь на спинку стула. –

Только это не собачка, а волк, и чужаков он не любит.

Девушка подскочила как ошпаренная, отдернула руку. Волк лениво проводил ее прищуренным взглядом и снова опустил морду на передние лапы.

– А ты сейчас в Арлисс? – невнятно поинтересовался гном, дожевывая обмакнутый в чесночную подливу хлеб. – Не советую... Особенно с ними...

Ролар кивнул на волка:

– У нас нет выбора.

– А... ясненько. Ну что ж, успеха вам. Дай хоть клочок волос на память, в урне еще есть местечко!

– Шуточки у тебя... – поморщился Ролар и пояснил для недоумевающей аудитории: – Гномы сжигают своих мертвецов и хранят частичку их праха в общей погребальной урне. После сожжения покойного все друзья и родственники берут по одной щепотке пепла на память. Самым страшным оскорблением у гномов считается помочиться в погребальную урну врага.

– Поэтому урны приходится прятать, и как можно тщательнее, – подхватил гном. – Собственно говоря, именно так я потерял две предыдущие...

Мы прыснули со смеху.

– Орум, я вот чего хочу спросить. – Ролар отставил пустую кружку и в упор посмотрел на гнома. – Ты не знаешь, кто и куда продает молодых лошадей, преимущественно гнедых, породы белорусский рысистый? Меня интересуют партии больше десяти штук.

Ответ нас ошеломил.

За последние три месяца сто пятьдесят отборных жеребцов с Курякинского конезавода были проданы... в Арлисс.

– Что за ерунда?! – так и взвился Ролар. – Зачем нам лошади? К'яарды намного выносливее, резвее и умнее!

Я бы не стала утверждать столь категорично. Возможно, Смолка и была умнее обычной лошади, но использовала свой ум на редкость глупо.

– Увы, на к'яардов напал мор, – сокрушенно развел руками гном. – Барышник, приехавший за лошадьми, жаловался, что их не успевают закапывать. Наши жеребчики выносливее оказались...

– А кобылы, что – тожедохнут? – обеспокоено спросила я.

– Не знаю, но берут одних жеребцов. Заплатили за пятьсот голов вперед, перебили цены наших постоянных клиентов, теперь кони идут только в Арлисс.

Мы озабоченно переглянулись.

– Вы думаете, это связано с... – Я не стала договаривать, друзья и так прекрасно меня поняли.

– Не может быть, – решительно заявил Ролар, – совпадение! Они могли купить лошадей и раньше, три месяца назад, или вообще не в Куряках.

– А светло-гнедые или темные? – уточнил гном.

– Вроде бы самые обычные, рыжие.

– Наши лошадушки-то, – ухмыльнулся Орум, – мы единственные чистую линию разводим, следим и за стáтью, и за окрасом. Курякинских коней и клеймить-то не надобно, любой знаток с первого взгляда отличит.

– Я не знаток, – отмахнулся вампир, – а масть самая что ни есть распространенная, у каждого второго селянина такой Гнедко по полю плуг тягает.

– Ты что?! – возмутился гном. – Сравнил деревенских кляч с нашими скакунами! Да ты видел, как они вышагивают? Как шею горделиво изгибают? Как голову точеную держат? Почтище иных королей.

– А уж какие яблоки аккуратные лепят – залюбуешься, так бы и съел, – угрюмо поддакнул Ролар.

Гном насупился и потянулся за третьей кружкой – Орсаниной. Наемница к ней не притронулась, да и сейчас возражать не стала.

– В любом случае в Арлиссе надо держать ухо востро, – заключила наемница, рассеянно пощипывая хлебную краюшку. – Не ложняки, так русалки с вампирами-расистами; леший знает, что хуже.

Ролар стиснул зубы, поигрывая желваками на скулах, но смолчал. У меня отлегло от сердца – хлеб ели все, и от купленного в Брасе жгучеяда никому плохо не стало. Смолке я, конечно, доверяла, но чем леший не шутит? Ролара и Орсану она видела каждый день, но с утра как-то странно на них косилась и старалась держаться поодаль. Очевидно, ей просто не нравился запах кошатины, который ощущала даже я. Похоже, ночью коты совершили подлую диверсию и пометили моим друзьям сапоги, причем так добросовестно и обильно, что намекать на гнусный дух было в высшей степени нетактично. Ребята и без того были очень даже в курсе.

– С русалками еще проблема, – хмуро добавил гном, стараясь не глядеть на удрученного Ролара, – посшибали кракенами все мосты, вплавь и вброд переправляться не дают, топят без разговоров. Вдоль рек рогатин упреждающих навтыкали, досок с надписями хулительными, о каких-либо переговорах и слышать не хотят. Леший знает, что на них нашло.

Вампир в сердцах стукнул по столу кулаком, пустив длинную трещину

вдоль доски:

– Какого ляда?! Куда смотрит этот проклятый Данавиэль?

– Я его давно не видел. Никто не видел. Ты же знаешь, он и без того не слишком охотно шел на контакт с сухопутными, все только диву давались, как у тебя получалось с ним ладить. Ты зря уехал, Ролар. Ты единственный, кого она хоть иногда слушала. На тебе держалась вся...

– Хватит, – вампир резко встал, чуть не опрокинув стул. – Едем в Арлисс. Немедленно!

Полагаю, даже если бы нам вздумалось возражать, он не стал бы и слушать.

Глава 20

Границей Арлисса, в отличие от Догевы, была не дорога, а река, заключившая долину в круглую петлю. Мы приехали не по тракту, а прямой тропинкой из Куряк, и пограничной заставы, равно как и вампиров вообще, поблизости не было. На том берегу впритык к воде начинался вековой лес, преимущественно дубовый, но ветер уже доносил сюда семена из Ясневого Града, и опушку оживляла молодая поросль белых ясеней, а у их подножия вовсю цвели Elfiell Viresta, золотые эльфийские колокольчики.

– Переправляться-то как будем? – хмуро поинтересовалась Орсана, натягивая поводья и спешиваясь за две сажени до кромки воды – уж больно красноречиво колыхались у берега бесформенные лоскутья, некогда бывшие одеждой.

Мостом, как и говорил гном, даже не пахло. Пахло тиной, тухлятиной и еще какой-то дрянью, окрасившей воду в неестественный красноватый цвет.

Я потянула носом и авторитетно заключила:

– Вода отравлена.

– Это же река, Вольха, – неуверенно возразил вампир, – как ее можно отравить?

– Глянь, вода не движется. Видимо, ее запрудили в перекрестье петли, а затем влили несколько бочек отравы. Уже давно, иначе здесь было бы не продохнуть от разлагающейся рыбы.

Ролар как раз слезал с коня, придерживаясь за переднюю луку, но рука, дрогнув, соскользнула, и он кулем шлепнулся на землю. Повернул ко мне искаженное ужасом лицо:

– А как же русалки?

– Если они не удрали до возведения плотины, то им тоже не поздоровилось. А вот кракены могли выжить – и выжили, судя по тому, что мост по-прежнему отсутствует.

– О боги... – Вампир, не вставая, обхватил голову руками и уткнулся лицом в колени. – Как она могла?! За что?! У нас же были прекрасные отношения, мы всегда могли договориться, решить все вопросы миром...

Мы сочувственно молчали, так же прекрасно понимая, что без приказа или хотя бы ведома Повелительницы тут не обошлось. У воды зудела мошкара, с треском носились стрекозы, а вдалеке, среди редких камышей, кормилась утиная стайка. Невосприимчивая к яду живность, безмятежно

снующая на фоне мертвой реки, производила более жуткое впечатление, чем если бы повсюду плавали русалочки и трупы.

По прошествии десяти минут Ролар взял себя в руки, глубоко вздохнул и поднялся. Лицо у него было неестественно спокойное, словно застывшее.

– Идти к главному мосту у тракта нет смысла – скорее всего, он тоже разрушен. Брода нигде нет, остается только вплавь. – Вампир начал было раздеваться, но я перехватила его за руку.

– погоди, такие решения второпях не принимают. Откуда мы знаем, какой дряни туда налили? Может, через пару дней эти славные уточки дружно протянут ножки, наклевавшись околелых стрекоз?

– Но ведь посольство как-то переправилось на этот берег, – задумчиво сказала наемница. – Плот пустили или там временный мостик навели, в одно бревнышко.

– Лично я не рискнула бы перебираться через реку по бревнышку, если до этого кракен развалил каменный мост. Ролар, а в Арлиссе есть «эффект черновика»?

– В пределах долины, за реку он не распространяется.

– А маги?

– Год назад не было, и сомневаюсь, что появились, раз долина закрыта для иных рас.

– К каковым, кстати, относимся и мы с Вольхой, – напомнила Орсана.

– Повелители и Хранители могут приходить в долины, когда им заблагорассудится, и приводить с собой кого угодно, – отмахнулся Ролар.

– Ну да, – мрачно поддакнула я, – если у Стражей Границы нет привычки делать предупредительный выстрел в живот, а потом спрашивать, кого леший принес.

– Страж на то и Страж, чтобы издали отличать своих от чужих. Ты лучше думай, как нам попасть на ту сторону!

– Ну и придумай. – Я повнимательнее пригляделась к реке. Не такая уж она и широкая, сажень двадцать пять, к тому же – стоячая, должно получиться. Спустившись к воде, я присела на корточки, закрыла глаза, несколько минут помолчала, сосредотачиваясь, а затем тихо, нежно, одним длинным свистящим словом выдохнула заклинание. От моих разведенных рук покатила прозрачная, искрящаяся дорожка. Коснувшись того берега, она ослепительно полыхнула зеленью и исчезла.

Очень довольная результатом (я впервые применяла заклинание моста на настоящей реке, а не между двумя табуретками в школьной аудитории), я отступила назад и картинным жестом ярмарочного зазывалы пригласила друзей начать переправу.

– Что, прямо по воде? – недоверчиво уточнила Орсана.

– Ну да. Ведьма я или нет? Иди, не бойся. – Я демонстративно ступила одной ногой на воду, перенесла на нее вес тела, пару раз качнулась туда-сюда и шагнула обратно на берег. Дорожка с честью выдержала испытание, во время него став если не видимой, то угадываемой – с обеих сторон неподвижной полосы побежали мелкие волны. – Да, и глаза коням завяжите, чтобы не взбрыкивали.

На время колдовства я неосмотрительно выпустила поводок и, пока друзья рылись в сумках в поисках подходящих тряпок, волк по собственному почину решил взять на себя роль первопроходца. Дорожка слегка пружинила под его лапами, а ближе к середине легонько завибрировала, хлопая по воде, как длинная гибкая доска, опирающаяся только на концы.

– Главное – не торопитесь, – заключила я, наблюдая за волком, размашистым прыжком одолевшим последнюю сажень, – тогда она будет меньше качаться. Но и не останавливайтесь, иначе «мостик» начнет проседать и распадаться под ногами.

Орсана потрепала Венка по шее, чтобы скрыть волнение, взяла жеребца под уздцы и решительно шагнула на дорожку. Девушка и конь, аки посуху топающие по воде, вполне могли дать начало прекрасной легенде о молодых невинных девах и игрневых единорогах, доведись поблизости какой-нибудь впечатлительный менестрель. Или очередной зловещей байке про вампиров, коим, упырям проклятушим, и река не помеха – Ролар на всякий случай выждал, пока Орсана достигнет того берега, и повел Карасика следом.

Я замешкалась, растерянно почесывая в затылке – колдовской резерв опять был в норме, восстановившись еще быстрее, чем в прошлый раз. Да и истощался ли он вообще? Эх, жаль, сразу не проверила... Погруженная в раздумья, я невесть зачем вскочила на лошадь, и та привычно тронулась с места. Когда я опомнилась, было поздно: Смолка уже трусила через реку, ухитряясь так мягко и продуманно ставить копыта, что мостик почти не раскачивался. Соответственно не было и ряби по краям, но кобыла уверенно шла вперед, словно по настоящим доскам. Несколько секунд я обречено жмурилась, ожидая громкого плюха, а затем сообразила, что раз эта паршивка чует магию, то вполне способна и видеть ее.

Мы только-только миновали середину реки, как прозрачная дорожка выпучилась трехсаженным горбом и ровная поверхность превратилась в крутой спуск. Смолка, не удержавшись, осела на задние ноги, и мы с визгом покатались вниз, как на саночках с ледяной горки. За спиной что-то

выло, сопело и плескалось, Ролар и Орсана доблестно (то есть обнажив мечи и не поворачиваясь к реке спиной) разбегались в разные стороны, а волк, взъерошившись и оскалившись, припал к земле. Будь у нас глаза на затылке, мы со Смолкой визжали бы еще громче: вынырнувший из омута кракен попытался цапнуть нас саблевидными зубами, но немного промахнулся и в пасть ему угодила дорожка. Несущийся к поверхности змей набрал немалую скорость и выскочил из воды на треть серебристо-зеленого тела, оттянув дорожку, как стрела тетиву. Что произошло дальше, нетрудно догадаться – я и лошадь кубарем вылетели на берег, а крайне озадаченного кракена с удвоенной скоростью понесло вниз, затем снова дернуло вверх и опять вниз, словно висящую на струне прищепку. После пятого или шестого колебания «струна» угомонилась, змей разжал зубы и медленно затонул, сведя на нос выпученные глаза и безвольно вихляясь всем телом.

Смолка по инерции проехала несколько сажень на зад, потом умудрилась выровняться, не сбросив всадницу. Мы не успели даже толком испугаться, но, глянув на мертвенно-бледные лица моих друзей и вытянувшиеся морды жеребцов, живо дошли до той же кондиции. Спешиваться я не стала, опасаясь не удержаться на дрожащих ногах.

– К-куда т-теперь? – «бодро» осведомилась я.

– Т-туда. – Указующий перст Ролара дрожал не меньше, на коня ему удалось вскочить только со второй попытки. В виду имелась узкая просека, традиционно для вампирьих долин начинавшаяся не от самой опушки, а за кустами. В Догеве таких было превеликое множество; определить, в каком месте нужно продираться сквозь внешне неприступный лес, мог только старожил, знающий все здешние тропки. На обычных же дорогах стояли заставы, проверяющие документы и взимающие въездную пошлину.

Ролар щекотнул коня шпорами, тот наклонил голову и тараном пошел сквозь кусты, с хрустом ломая и раздвигая ветки. Венок раскапризничался, и Орсане пришлось сделать три круга, раз за разом подводя его к кустам, от которых он отворачивал в последнюю секунду. Как ни странно, вредничала и Смолка, для которой до сих пор понятия «бездорожье» не существовало. Она не то чтобы возражала против хлещущих по морде ветвей, скорее ей вообще не нравилось на этом берегу и моя затея ехать дальше. Но пришлось: с Верховной Ведьмой, к тому же вооруженной прутом, не поспоришь.

Прежде чем кусты сомкнулись за лошадиным крупом, я оглянулась на реку, и дорожка, вторично полыхнув, исчезла.

* * *

Арлиссский лес был мрачнее догевского – может, с непривычки или из-за пасмурной погоды, как всегда испортившейся к вечеру. Не пели птицы, хотя в лиственном лесу, да еще в конце весны они обычно не умолкали с раннего утра и до глубокой ночи, вдохновляющей соловьев. Над головами неприязненно шуршали темные дубовые кроны, к лицу и лошадиным ногам то и дело липла пыльная паутина. Догевские Стражи ходили именно по таким тропинкам, «эффект черновика» связывал их в единую сеть, давая возможность патрулировать куда больший участок границы, чем можно обойти за десять минут. Ни о какой паутине, тем более пыльной, там и речи не шло, пауки не успевали натянуть и десятка нитей, как Страж снова их разрывал. Халатность здешних пограничников, учитывая, что Арлисс переругался со всеми расами, настораживала. Неужели они рассчитывают на кракена? Эту тварь не так уж трудно провести или отвлечь, особенно если ты маг или у тебя есть парочка «лишних» спутников.

А тут еще со Смолкой стало твориться что-то неладное. Поджав хвост и втянув шею в себя, она похрапывала, фыркала, брызгая пеной, шла по странной волнообразной траектории, дико косилась по сторонам, шарахалась от выползших на дорогу корней.

– И почему мы не уточнили симптомы болезни? – запоздало сокрушалась я, не понимая, что происходит с моей боевой подругой. Ролар предлагал мне оставить лошадь в Куряках и пересесть на его жеребца, но я отказалась, хотя Смолка подвергалась двойной угрозе – и как наполовину к'ярд, и как кобыла. Что-то не верилось мне в эту историю с повальным мором. Если это такая уж прилипчивая и смертоносная зараза, почему за три месяца она не вышла за пределы Арлисса? Да и Лён, которому наверняка о ней сообщили, не пожелал сменить Вольта на обычного коня. А он не из тех, кто лезет на рожон из чистого упрямства. Выходит, знал или подозревал что-то неизвестное мне.

Спешившись, я осмотрела Смолку с ног до головы, прощупала живот и пропассировала ауру, но никаких отклонений, не считая странного поведения, не обнаружила.

- По-моему, она просто боится, – предположила наемница.
- Кустов и деревьев?
- Того, кто в кустах и за деревьями.
- Ролар, а ты кого-нибудь чуешь?
- Нет. Разве что пару белок вон на том дубе.

– Вряд ли у моей кобылы такая острая форма белкофобии.
– И вряд ли на его слова можно полагаться всерьез, – подхватила Орсана. – Лично меня не оставляет ощущение взгляда в спину.
– Меня тоже, – согласилась я. – Ручаюсь, Смолка его тоже чувствует.
– У вас мания преследования, девушки, – снисходительно бросил вампир. – Не доверяете мне – посмотрите на моего жеребца: и ухом не ведет.

– Что с вас, мужиков, возьмешь... – вздохнула Орсана. – Ролар, ты вообще имеешь понятие о такой вещи, как женская интуиция?

– А, ты имеешь в виду женский эквивалент логического мышления?

– Ролар, а где Стражи? – запоздало спохватилась я. – В Догеве они давным-давно бы нас остановили или хотя бы показали из-за деревьев и поздоровались. Ни одному человеку, если его приезд не был согласован с Повелителем, не удавалось проникнуть в глубь долины даже на сотню шагов. Стражи Границы отличались чутьем, не уступавшим самому Повелителю, и распознавали незнакомцев за полверсты.

– Не знаю... – Ролар огляделся по сторонам, хотя по моему вопросу, предваренному поисковым импульсом, и так было ясно – поблизости нет ни одного Стража. – Странно... Правда, этой дорогой мало кто пользуется... Но для Стража это не имеет значения, он засечет тебя в самой непролазной чащобе.

Я порылась в карманах и предложила Смолке хлебную корку, но она рассеянно понюхала ее и отвернулась, продолжая высматривать неведомого злыдня.

– Ладно, ничего не попишешь, поедем дальше. – Я сунула ногу в стремя, но вскочить на лошадь не успела. Смолка внезапно взвизгнула, точь-в-точь как припадении ложняков, и встала на дыбы, молотя по воздуху когтями. Застряв в стремени, я шлепнулась на спину и со свистом вылетела из сапога, который вместе с кобылой унесся по обратному маршруту, к реке.

Спрашивать, все ли со мной в порядке, никто не стал – я одним быстрым движением перетекла в сидячее положение, сама удивившись собственной изворотливости и живучести. Впрочем, у нас были заботы поважнее – кого бить и куда драпать, если для первой заботы врагов будет многовато.

В придорожных кустах тихо хрупнула ветка. Одна, вторая, еще ближе... Ролар и Орсана слаженно блеснули мечами, я подобралась, готовая метнуть пульсар в первую же несимпатичную рожу или морду, но тут ветки встрепенулись, раздвинулись, и на тропинку перед нами

выскочила маленькая рыжая косуля. Шевельнула длинными ушами, покосилась на живописно замершую группу и стремглав бросилась прочь.

– Прекрасно, – мой тон и выражение лица абсолютно не вязались со смыслом сказанного, – просто великолепно. А сейчас за ней с воем и гиканьем выпрыгнут стая волков и орава разбойников, и мы скончаемся от ужаса прежде, чем они до нас добегут.

– Да нет там никого, – растерянно возразил Ролар, вкладывая меч в ножны.

– Вот именно, нет. И кобылы моей тоже нет. Вы что-нибудь понимаете? – Я встала, поджимая босую ногу и живо вспоминая коллегу по несчастью, неизвестного селянина с заначкой в сапоге.

– А ты?

– Могу только предположить, что кто-то здесь приколдовывает. И очень лихо, потому что я ничего не чувствую. Зараза, все мои вещи и зелья остались в седельных сумках, а без них проверить эту догадку невозможно. («Хорошо хоть жгучеяд из кармана не выложила», – мысленно добавила я).

– Фантомы, как в том замке, только невидимые? – сообразила Орсана. – Но зачем вампирам пугать своих же лошадей?

– Незачем, – подтвердила я. – Значит, это делает кто-то другой. Эдакая маленькая, но греющая душу гадость, в отместку за изгнание.

– Человек?

– Или русалки. Они умеют колдовать – правда, по-своему, без заклинаний. Им как-то удается сгущать вокруг себя магическую энергию и преобразовывать ее силой мысли.

– Среди эльфов и гномов тоже есть маги, – напомнил вампир.

– Но их не травили, как русалок, и они не станут размениваться на мелкие пакости.

– Как люди?

– Вот именно. – Я подмигнула вампиру с таким плутовским видом, словно не мыслила жизни без ежедневного вредительства. – Русалкам же ничего другого не остается – выйти на сушу и сразиться с вами в открытую они не могут.

Мне пришлось-таки залезть на Карасика позади Ролара. Вдвоем в одном седле было тесно и неудобно, широкая спина вампира заслоняла обзор спереди и частично с боков, а болтающимся ногам ужасно не хватало стремян. Я все норовила пристроить их на пятках Ролара, так что он тоже не испытывал радости от моего милого соседства.

– Но из-за отравленной реки русалки не могут приблизиться к Арлиссу, как же им удастся наводить фантомы?

– Может, потому ее и протравили? Хотя ты прав, фантомы держатся от силы пару дней. Ну, тогда не знаю. Разве что кто-то регулярно насылает их с другого берега.

– Притворяясь рыбаком? – съязвила Орсана. – Спрятаться там негде, а снять его стрелой проще простого.

– Загорает на солнышке, – предположил Ролар, в очередной раз стяхивая мои ноги. – Или коров пасет, с другой стороны долины есть небольшая деревенька.

– Мы зря уцепились за единственную версию. – Я недовольно поерзала в седле, чуть не выпихнув из него вампира. Устроиться поудобнее не удалось, но хотя бы отсиженный зад размяла. – Чем дольше мы ее обсуждаем, тем правдоподобнее она кажется, а ведь это всего лишь случайная догадка. Что, если дело вовсе не в фантомах? Вдруг та...

И тут наконец-то появились Стражи.

* * *

У женщины, откинувшейся на спинку трона, были холодные фиолетовые глаза, властные, неприятные и в то же время завораживающие. Короткие волосы, светлые до серебристой белизны, топорщились в художественном беспорядке. Чувственные губы не скрывали презрительной усмешки, а острая линия носа придавала лицу еще большую надменность. В роли единственного украшения выступали золотые серьги в форме трилистников клевера с длинными черенками-цепочками.

Красота Лереены не поддавалась критике, даже самой пустяковой. Бирюзовое платье из гладкого, переливающегося и прохладного на вид шелка плотно облегло идеальную фигуру. В глубоком, до середины бедра, разрезе виднелась стройная ножка, едва тронутая загаром. «И чем она Лёну не угодила?» – помимо воли подумала я.

– Хранительница – человек. Надо же, – Повелительница забросила одну ногу на другую, и разрез распахнулся во всю длину. Мужчина на моем месте изошел бы слюной. Женщина, впрочем, тоже – ядовитой, от зависти. Я же смотрела на Лереену совершенно равнодушно, как на делового партнера, с которым собиралась заключить чрезвычайно важную для нас обеих сделку. – Он был уверен, что откликнется на твой зов, – задумчиво и непонятно продолжала Повелительница, оценивающе скользя по мне взглядом. – Почему, интересно? Что такого уж важного он не смог

сообщить кому-нибудь другому?

– Например, вам? – не удержавшись, с ехидцей уточнила я.

– Мне? – Вампирша скривилась, словно я сделала ей неприличное предложение. – Нет. Обычно это Верховная Травница. Впрочем, его Келла уже слишком стара для Хранительницы. Честно говоря, я не понимаю, почему он давным-давно не сместил ее с этого поста, да еще позволяет ей собою командовать. Будь я на его месте, Травница свое тоже бы знала.

– Да уж, вами не покомандуешь, – проворчала я, косясь на невозмутимых Стражей, сжимающих мои запястья, словно два стальных капкана.

Меня, униженно распяленную между двумя вампирами, так и протащили до самого города. Хорошо хоть позволили натянуть пожертвованный Орсаной сапог, иначе я бы в кровь сбила босую ногу. Еще двое Стражей вели под уздцы жеребцов; Ролар и Орсана, одинаково насупившись и храня гордое молчание (это было нетрудно, Стражи сами обрывали любую попытку начать разговор), тряслись в седлах со связанными за спиной руками. Волк бежал рядышком, не давая вампирам схватить или хотя бы отвязать веревку. У Дома Советаний (в арлисском исполнении он больше напоминал купеческие хоромы из белого эльфийского гранита) нас разлучили – друзей повели дальше, а меня, после часового ожидания на крыльце, потащили на «аудиенцию».

Как ни странно, Лереене польстил этот сомнительный комплимент. Она небрежно махнула рукой, вампиры выпустили меня и слаженно отступили на шаг. Еще одно движение, и мы остались в Доме одни. Я потеряла ноющие запястья. Интересно, может ли она читать мои мысли? Я на всякий случай поставила магическую защиту от телепатии, но в безопасности все равно себя не чувствовала. Это заклятие быстро распадалось, приходилось каждые пять-десять минут его подновлять, а это раздражало, выматывало и мешало плести другие заклинания.

– Садись, – кивнула Повелительница на один из стульев, обращенных к длинному столу в центре зала. Отказываться было глупо. Лереена встала, с хрустальным цоканьем каблучков-шпилек прошла по мраморному полу и села напротив, сцепив руки под подбородком. Поединок взглядов я проиграла на первой же минуте. Смотреть ей в глаза было невыносимо, откровенное презрение мешалось в них с жалостью – так матерый волк смотрит на твякающего щенка, сдуру преградившего ему путь к овчарне.

– Что ж, это его дело и его право, – наконец сказала Повелительница. – Важен результат. Полагаю, ты заявила в Арлисс, чтобы провести обряд на моем Круге? Чем же тебя не устроил Догевский?

«Не читает, – облегченно подумала я. – Или притворяется, ждет, попытаюсь ли я ее заколдовать?»

– Я не успевала в Догеву до истечения двенадцати дней.

– Какой сегодня?

– Десятый.

– Ты же ведьма, – сказала она таким тоном, словно я зарабатывала на жизнь чисткой выгребных ям, – что тебе стоило телепортироваться прямо в Догеву или хотя бы сократить путь до нее?

– Я не смогла сразу поймать волка, а телепортация не оставляет следов, по которым он мог бы меня найти.

«И, честно говоря, я так толком не освоила эту процедуру. Занесло бы в Ясневый Град, на клумбу со священными розами, а потом доказывай разъяренным эльфам, что промахнулась».

Лереена неопределенно хмыкнула.

– Как это произошло?

– Ваше посольство попало в разбойничью засаду. – Мы еще по дороге через лес условились не говорить Повелительнице и арлисским вампирам о ложнях. Пока не убедимся, что говорим не с ними же.

Она и глазом не моргнула, даже не поинтересовалась, уцелел ли кто-нибудь из ее подданных. То ли я не зря скрытничала, то ли такие мелочи ее не волновали.

– Кто это был?

– Тролли, – ради правдоподобия соврала я. В вампиров она бы не поверила, а тролльих кланов пруд пруди, эта раса славится необузданным нравом и пренебрежением к смерти, что своей, что чужой, безжалостно расправляясь с ненужными свидетелями. Искать среди них убийц Повелителя бесполезно, а войну объявлять глупо, они расхохочутся и просто не придут.

– Да неужели? – Лереена, видимо, тоже вспомнила известное присловье: «Смелый только на себя пеняет, а у труса вечно тролль виноват».

– Именно так, – с каменным лицом подтвердила я, делая вид, что не замечаю откровенной иронии в голосе собеседницы. Обвинить меня в убийстве она все равно не могла, иначе зачем бы мне, Хранительнице, так рваться в Арлисс замыкать Круг? Вампирша сменила тему:

– Как вы умудрились перебраться через реку, не воспользовавшись подвесным мостом?

– Если бы мы знали, где он, воспользовались бы с удовольствием.

– У реки возле Арлисского тракта стоит указатель. На сегодняшний

день это единственная дорога в долину, мост натянут в двух саженях над водой, и речные твари до него не достают.

– Мы приехали тропой из Куряк. – Меня одолевал жуткий соблазн посыпать ее порошочком, но я прекрасно отдавала себе отчет, что обличать ложняка посреди кишмя кишашего ими города – не самая умная идея. А если я не права и Повелительница заметит, что я опыляю ее какой-то дрянью, нам с друзьями не поздоровится еще больше.

Похоже, Лереена сочла мои ответы если не честными, то хотя бы убедительными, и негромко, троекратно хлопнула в ладоши. Из двери к внутренним покоям выскользнул слуга с подносом, поставил его перед нами и так же бесшумно исчез. Высокий серебряный чайник, украшенный тонкой резьбой, две чашки и две горки колотого шоколада на тарелочках, светлый и темный. Повелительница сама разлила по чашкам красноватый напиток, пахнувший жасмином, – вровень с краями, ни на волос ниже. Одну поставила передо мной. Жидкость даже не шелохнулась. Я с трудом удержалась от соблазна качнуть чашку, дабы убедиться, что там не лед. Как поднести ее ко рту, я не представляла.

– Перейдем к делу. Когда ты прошла церемонию посвящения?

– Простите?

Лереена без проблем управилась с транспортировкой чашечки, сделала маленький глоток, взяла кусочек темного шоколада и, прежде чем положить в рот, пояснила:

– Как давно ты стала Хранительницей?

– Два с половиной года назад. Но никакой церемонии не было!

– Не смейся. Маловато... – Лереена внимательно, даже несколько бесцеремонно пригляделась ко мне, словно насквозь просвечивая взглядом. – Но основные признаки налицо, может, и получится... Он очень рисковал, выбрав для этой цели человека. Я даже не уверена, что тебе удастся активировать Круг, не говоря уж о том, чтобы войти и выйти из него.

Отлично понимая, что Повелительницу мне не перещеголять, я попростому взяла чашку обеими руками, осторожно подняла и отхлебнула. Потом потянулась за светлым шоколадом – не назло Лереене, просто не любила горечь, ее мне хватало и в жизни. Настоящий, эльфийский, сам тает во рту. Семь кладней за фунт, по старминским расценкам. К своему удивлению, такой уж резкой антипатии к Повелительнице я не испытывала. Скорее неприязнь, как... к сопернице. Умной и опасной, с которой нужно играть по предложенным ею правилам, иначе последствия будут непредсказуемыми.

– Я умею работать с Ведьминскими Кругами, это же моя профессия. И, если вы объясните, что именно от меня требуется, я все сделаю.

– Изумительно. – Лереена понизила голос до свистящего шепота, словно так я не смогу ее услышать. – Она ни разу не видела, как замыкается Круг, но дала согласие... на такое способна только бесстрашная героиня или редкостная идиотка, что, впрочем, одно и то же. Ведь он предупредил тебя о возможном риске?

– Да, – солгала я, не желая выставлять себя совсем уж на посмешище. – Разумеется. Просто все как-то не подворачивался случай посмотреть. То я в отъезде, то с покойниками перебои, не специально же убивать...

– Почему бы и нет? – холодно возразила Повелительница. – С такими вещами не шутят. Он что, собирался жить вечно, да еще по своим дурацким принципам? Удивляюсь, что он вообще сподобился избрать Хранительницу, хотя бы... такую.

«Какую» – предстояло додумать мне, и ход моих мыслей мне очень не понравился. Если он и отличался от Лереениных, то навряд ли в худшую сторону.

– Так вы позволите мне провести обряд?

– Разумеется. А ты в этом сомневалась?

– Еще как! – вырвалось у меня.

– Я не ссорилась с Лёном, несмотря на тот глупый розыгрыш, – Лереена брезгливо поджала губы, мельком глянув на белого волка, не отходящего от моих ног на протяжении всей аудиенции. Изредка порывивая на Стражей, к Повелительнице он отнесся совершенно равнодушно. – Ты ведь знаешь о нем, верно? Так вот, мне абсолютно все равно, когда и на ком он женится; достаточно, если он просто зачнет мне ребенка. Я предложила ему такой вариант еще в прошлый раз, и его согласие – всего лишь вопрос времени. Возможно, у него есть любимая женщина и он не хочет ей изменять. Возможно, ее никогда не было и он боится выказать свою неопытность. Что ж, я подожду. Любовь не может длиться вечно, как, впрочем, и воздержание от оной. Так что у нас взаимная выгода, девчонка. Арр'актур нужен мне живым. И если тебе удастся вернуть его... надеюсь, ты помнишь обратную дорогу? Провожать тебя в Догеву будет некому. Ее Повелителю придется загоститься в Арлиссе на неопределенный срок, прямо пропорциональный его упрямству.

– А если не удастся? – с содроганием предположила я.

Лереена загадочно усмехнулась, отставляя пустую чашечку:

– Я советую тебе очень постараться. Приходи в храм завтра на

рассвете, и я покажу тебе, как замыкается Круг. Даже помогу, пожалуй, – сомневаюсь, что у человеческой девки хватит решимости довести обряд до конца.

– А что с моими друзьями? – спохватилась я.

– Я распорядилась, чтобы их разместили в гостевом доме по соседству. Тебя к ним проводят.

Повелительница встала и подошла к окну, демонстрируя изящную, обнаженную до самой талии спину. Бескрылую, как и положено женщине-вампиру. Я только сейчас сообразила, что на улице кромешная тьма, а в зале не горит ни единой свечи.

– Можно еще вопрос? – спросила я, поднимаясь. Волк встрепенулся и, подбежав к двери, с надеждой царапнул ее лапой.

Лереена полуобернулась, удивленно изогнула бровь.

– Где все ваши Стражи?

– Где им и положено, – слегка растерялась Повелительница, – на Границе!

– До середины леса нам не встретился ни один.

– Значит, вы их просто не заметили. В моем гарнизоне больше двух сотен Стражей!

– Значит, я их просто не заметила. Спасибо за аудиенцию, очень... неприятно было с вами познакомиться. – Я открыла дверь, пропустила волка вперед и вышла следом, не сделав даже намека на прощальный поклон. Не в моих привычках отвечать любезностью на неприкрытое хамство. Спорить с Повелительницей мне тоже не хотелось. Тем более строить вслух предположения, почему Стражи не заметили нас.

Мне казалось, что я уже знаю ответ.

* * *

Гостевой дом оказался небольшой деревянной хаткой наподобие той, в которой я жила в Догеве, у Крины. Чистый, но неуютный, он производил впечатление нежилого. От накрытого стола вкусно пахло жареным мясом, у стен стояли четыре кровати и два шкафа, в одном из которых как раз рылась Орсана, подбирая себе пару новых сапог. Когда я вошла, она тут же обернулась и вскочила с корточек, но приветствовать меня не торопилась.

Я уставилась на нее с не меньшим подозрением. Мы сделали пару шагов навстречу друг дружке и застыли как вкопанные.

– Слушай, Орсана, – преувеличенно бодрым голосом начала я, запуская руку в карман, – а не желаешь ли ты отведать некоего чрезвычайно полезного для здоровья порошочка?

– Благодарствую, – в тон мне ответила наемница, пятясь к стене, – я и так себя очень даже неплохо чувствую!

– А как иначе я узнаю, что ты не ложняк?

– А вдруг ты сама ложняк и хочешь меня отравить?

– Да я это, я, не валяй дурака, – я щелкнула пальцами, и вокруг горячей на столе свечи закружились десятки иллюзорных бабочек. – Скопировать магические способности невозможно, это часть души, а не тела. Помнишь, я рассказывала, что разбойники обозвали меня «пустышкой» и хотели просто убить?

Настороженное выражение постепенно сползло с ее лица, Орсана со вздохом облегчения шагнула вперед, но теперь уже я не торопилась с ней обниматься.

– Протяни руку. Не так, ладонью вверх.

– Ну ты и сыпанула! – охнула наемница. – Это мне вместо ужина, что ли?

– Лизни хотя бы разок, только так, чтобы я видела.

– А как он действует?

– Точно не знаю, те волки под деревьями то ли вдохнули его, то ли он просто начал разъедать шкуру. В практический магии жгучеяд используется как компонент отравленных приманок, так что внутрь оно вернее будет. Не бойся, для тебя настоящей он безвреден.

– Погоди, так ты меня уже проверяла? – Возмутилась Орсана.

– Несколько раз. И тебя, и Ролара, даже после кратковременных отлучек в кустики. Лижки давай, ругаться потом будешь. Не хватало мне еще выслушать кучу упреков, а потом окажется, что от ложняка!

Девушка с укоризной покосилась на меня, зажмурилась и обречено лизнула ладонь. Посмаковала, проглотила и лизнула снова, уже с удовольствием:

– Сладенький. Как мука с сахаром. А он и правда полезен для здоровья?

– Бестолочь ты, – устало сказала я, присаживаясь на ближайшую кровать и пряча лицо в ладонях. – Я еле на ногах держусь, а она еще привередничает – вредный, полезный...

Подруга раздумала ругаться и пристроилась рядышком. Легонечко подпихнула меня плечом:

– Что случилось? Она отказалась тебе помочь?

– Напротив. Даже изъявила желание поприсутствовать, чтобы все прошло как надо. – Я покосилась на свечу и та потухла. Бабочки прыснули в стороны, растворяясь на лету, и дальше мы шушукались в темноте, невидимые с улицы.

– Прекрасно!

– Если бы. Слишком уж легко мы договорились, я чую какой-то подвох.

– В Арлиссе нам не рады, это точно, – Орсана ожесточенно поскребла комариный укус на запястье. – Пленниками нас не называли, но гостем я себя тоже не чувствую. Скорее, ценным заложником в военном лагере, причем с кем они воюют, непонятно, а мы просто подвернулись под горячую руку.

– Верно. Более того, – нас собираются использовать, и я точно знаю как, но поделаться ничего не могу. Боюсь, нам остается только наблюдать за развитием событий...

– Пока не станет слишком поздно, – нетерпеливо оборвала меня Орсана. – А где Ролар? Ты его не видела?

– Нет. Его же увели вместе с тобой!

– Нас почти сразу развязали и отпустили. Сказали, чтобы сидели тихо и ждали тебя, но охрану не выставили, и он тут же удрал. Как ты думаешь, он не мог...

– ...Заманить вас в ловушку? – Ролар легко перемахнул через подоконник. – Нет. Я угодил в нее вместе с вами. Плохо дело, коллеги.

Вампир швырнул мне какой-то предмет, и я узнала его, еще не успев поймать. Это был золотой обруч Лёна.

– Где ты его нашел?! – воскликнула я, задыхаясь от волнения. Обруч дрожал в моей руке, изумруд поблескивал гранями в лунном свете.

– В Лереениной сокровищнице. Ей следует бдительнее охранять свою казну. Орсана, если не трудно – выдерни из меня эту штуку, а то я не могу до нее дотянуться.

Ролар повернулся к нам спиной, и мы увидели рукоять торчащего из нее кинжала. Зрелище было, мягко говоря, не для слабонервных. Кинжал вошел глубоко, до упора, чуть шевелясь в такт прерывистому дыханию вампира. Я, конечно, видала и не такое, но все равно едва удержалась от вскрика, а уж об Орсане и говорить нечего.

– Ну, долго ты там будешь копать? – поторопил вампир. – Саднит, между прочим!

– Она в обмороке, Ролар, – грустно констатировала я, щупая пульс сомлевшей подруги. – Принеси воды, а?

– Идти к колодцу с кинжалом в спине?! Может, мне еще ведро на него прицепить вместо коромысла? Нет уж, увольте, не собираюсь выставлять себя на всеобщее посмешище. Ты сможешь выдернуть его одним рывком?

– Попробую. Ляг на пол, так будет удобнее.

Ругнувшись, Ролар осторожно наклонился, встал на четвереньки и, не удержавшись от тихого стога, лег, сложив руки под подбородком.

– Давай, тяни, – скомандовал он. – А-а-а! Да не расшатывай, не топор из колоды достаешь!

– Тихо ты! Я пока только примеряюсь.

Орсана пошевелилась и открыла глаза. Увидев меня верхом на сосредоточенном, ожидающем рывка Роларе, с рукояткой кинжала в руках, который я как раз собиралась то ли вытянуть, то ли вонзить поглубже, отважная наемница вернулась к прерванному обмороку.

– Надо что-то делать с нашей легионершей, – озабоченно заметил Ролар. – Может, потренировать ее на... ой!

– Вот, заberi на память, – я сунула ему под нос окровавленный кинжал. Вампир как ни в чем не бывало сел и принялся разглядывать памятное оружие.

– Старинный. Оружейная школа Арлисса, ни с чем не спутаешь. Видишь бороздки вдоль лезвия? Там яд. Не беспокойся, действует только на людей.

Я поспешно вытерла руку о штаны.

– Тебя приняли за человека?

На Роларе заживало медленнее, чем на Лёне, хотя кровь остановилась практически сразу. Вампир разделся до пояса, скомкал и бросил в угол окровавленную рубашку. Полез в сумку за запасной.

– Как ни странно. Уж вампиры-то в таких делах не ошибаются.

– А кто на поляне принял нежить за вампиров? – не без издевки напомнила я.

– Нежить же, не человека. Паразит, из кустов метнул, я только свист услышал. Но почему он не почувствовал во мне родича?

– Думаешь, вспылал бы братской любовью? – скептически хмыкнула я. – А теперь посуди сам. Ты приехал в Арлисс в компании двух человеческих девушек. Маскарадную бороду отлепить не удосужился, крыльями не размахивал, со старыми друзьями прилюдно не болтал. Вот и нарвался...

– Да при чем тут борода и крылья, вампира с их помощью не проведешь!

– А почему бы нам не предположить, что это был вовсе не вампир? –

подала голос незаметно воскресшая Орсана – как оказалось, внимательно слушавшая наш разговор. – Ему удалось обмануть Ролара, но сам он не сумел воспользоваться вампирьим чутьем, равно как их силой и проворством. Ручаюсь, настоящий вампир загнал бы тебе эту штуку прямо в сердце, чтоб уж наверняка.

– Но я мог бы поклясться... – Ролар осекся и безнадежно махнул рукой. – Ладно, сдаюсь. Против ложняков мое чутье никуда не годится. Как вы поговорили?

– Поговорили нормально, но чувствую себя ужасно. Лереена сказала, что не выпустит Лёна из Арлисса. И, боюсь, мне уйти тоже не даст.

– Не паникуй раньше времени. Повелительница любит нагонять на подданных страху – полагает, что так они усерднее будут выполнять ее приказы, но я не помню, чтобы мера определенного ею наказания заметно превышала вину. Удерживать Лёна силой она не станет, другое дело, если он сам захочет остаться. Вряд ли он ехал в Арлисс ради еще одного розыгрыша.

У меня неприятно защемило сердце, но только на мгновение, я быстро взяла себя в руки. На что, собственно, я рассчитывала? Парочка и впрямь подобралась – загляденье, а уж на предложенных Лерееной условиях, без всяких там брачных и родительских обязательств, не то что на недельку задержишься – зазимуешь! Да и не об этом речь, меня беспокоило совсем другое.

– Ты не понял, Ролар. Лён действительно нужен ей для продолжения рода, но вовсе не вампир! Она – ложняк, и собирается завладеть его телом сразу после завершения обряда. Потому-то нас так охотно и пропустили в Арлисс, даже Стражи навстречу не вышли, чтобы не спугнуть – дождались, пока мы не зайдем поглубже!

– Вольха, не городи ерунды, – возмущенно перебил Ролар. – С чего ты взяла, что моя Повелительница – ложняк? Где доказательства?

– Да хотя бы вот это! – Я помахала у него перед носом золотым обручем.

– Его запросто могли подбросить.

– В сокровищницу, куда ходит только сама Лереена да воры вроде тебя? Какой смысл? И ты бы видел, как она отреагировала на сообщение о гибели целого посольства! Никак! словно не узнала ничего нового, шпионы давным-давно доложили ей о провале операции.

– Лереена в своем репертуаре, – с усмешкой покачал головой Ролар. – Она считает, что Повелительнице не к лицу выказывать простые вампирьи чувства, которые якобы подрывают ее авторитет. Но в глубине души она

остается обычной женщиной, впечатлительной и уязвимой. Уверен, сейчас она нервно мечется по тронному залу, закрыв ставни и сняв туфли, чтобы стража у дверей не слышала стука каблучков.

– Или, довольно ухмыляясь, доедает оставшийся на столе шоколад. Ты выгораживаешь ее, потому что боишься поверить, что настоящая Лереена мертва!

– А у тебя мания преследования!

– Вы оба впадаете в крайности, – вмешалась Орсана. – Реально мы имеем только брошенный из-за угла кинжал. Он доказывает, что ложняки в Арлиссе есть, но их не так уж много, может, вообще один, самый неумный, увязавшийся за нами еще от святого источника. Тот, что удрал со всеми конями. Он же мог подбросить в сокровищницу обруч, чтобы сравить долины – ведь рано или поздно сюда заявится посольство уже из Догевы, обеспокоенное длительным отсутствием своего Повелителя.

– Ты думаешь, арлисская казна кучей свалена на заднем дворе? – возмутился Ролар. – Туда не так-то просто проникнуть, у дверей стоит охрана, а внутри уйма ловушек. Я забрался в сокровищницу через тайный ход, о котором знают только Повелительница и некоторые особо доверенные лица.

– Значит, она доверяет не тем, кому надо. – Я выглянула в окно и на всякий случай очертила дом сторожевым контуром. В отличие от защитного, он работал только на предупреждение, ведь кроме шпионов к двери мог подойти и посыльный, а мне совсем не хотелось отчитываться перед Повелительницей за его бесчувственное тело. – Но Орсана права – будь Лереена и все ее подданные ложняками, тебя бы не пытались убить исподтишка, а без церемоний захватили ваши с Орсаной тела, пока вы сидели со связанными руками. Вот только сомневаюсь, что ложняк тут один и явился он вслед за нами. Уж больно странные вещи здесь творятся. Боюсь, Ролар, что твоя долина и есть тот загадочный рассадник метаморфов, откуда они расползаются по всей Белории как тараканы.

– Бред! – Вампир вскочил и раздраженно прошелся взад-вперед по комнате. Совершенно, впрочем, беззвучно. – Зачем им тогда понадобилось снаряжать в Догеву это треклятое посольство, да еще подменять его на обратном пути? Почему они сразу не отправили за Арр'актуром ложняков?

– Насчет посольства могла распорядиться Лереена, тогда еще настоящая, а история с подменой... к'яарды! – осенило меня. – Они издали чуют метаморфов, и эпидемия среди них не случайна. Вероятно, их попросту отравили... правда, ума не приложу, чем, тут надо очень постараться. Посольство, от которого с визгом шарахаются все встречные

лошади, сбрасывая всадников или опрокидывая телеги, не могло не вызвать подозрений. А они мигом переросли бы в уверенность, прибегни Лён к помощи Верховной Догевской Ведьмы, буде таковая имелась. А на тот момент она, то есть я, была!

– Что ж ты, Верховная Ведьма, сразу их не раскусила? – с досадой бросил Ролар, снова усаживаясь на пол возле нашей кровати.

– Не волнуйся, зная, что искать, мигом бы нашла. Прочитала бы несколько заклинаний, взяла парочку волос, ложку крови для анализа, тут-то они бы и попались! Регенерировать со скоростью вампиров они не способны, если погибают от первого же серьезного ранения. – Я провела пальцем по багровому шраму, оставшемся на месте выдернутого кинжала. Ролар, пожившись, отстранился и накинул рубашку.

– Ну хорошо, допустим, – нервно согласился он, – но почему они не дождались возвращения послов, а выехали им навстречу? Одно дело – застать врасплох вооруженный до клыков отряд, охраняющий Повелителя и потому предельно бдительный и подозрительный, и совсем другое – подкараулить вампиров поодиночке, у дверей собственных домов, где они никак не ожидают нападения.

На это я как раз могла ему ответить:

– Думаю, из-за «дурацких принципов» Лёна, как выразилась Лереена. В отличие от нее, он не кичился званием Повелителя и не гнушался дружескими беседами с подданными. На официальных приемах у него не было такой возможности, но за неделю пути он мог близко сойтись с послами и в случае подмены сразу почуял бы неладное. Ложняк может завладеть чужим телом и даже получить доступ к его памяти, – на некромантии нас учили допрашивать трупы, они и без души все прекрасно помнят, – но мысли-то у него будут совсем другие! Если скрыть их от Повелителя полностью, это вызовет еще большие подозрения. Значит, их либо подделывают, либо тщательно сортируют. В любом случае они будут заметно отличаться от прежних.

– Все равно, что-то не клеится, – покрутила головой Орсана. – Раз они не собирались подменять Повелителя тогда, зачем он понадобился им теперь, если магические, а соответственно и телепатические способности им недоступны?

– Чтобы протянуть время. Лжеповелитель может несколько недель, а то и месяцев пудрить мозги Совету и жителям Догевы, уклоняясь от своих обязанностей под предлогом усталости или мигрени, а ложняки тем временем успеют расплодиться в таком количестве, что им станут не страшны объединенные силы всех Разумных рас. Тсс!

Мы затаили дыхание. Предупредительный сигнал контура услышала я одна, но отчетливые шаги различила даже Орсана. Кто-то медленно прошел мимо дома, не останавливаясь и нарочно шаркая сапогами.

– Издевается, гад, – с ненавистью прошипел вампир. – Намекает, что нам отсюда никуда не деться. Может, выйти и вернуть ему кинжал? Если это настоящий вампир, вытащу и извинюсь...

– Не глупи. Он там не один.

Я говорила не наобум. Леший знает откуда, но я точно знала, что за пределами сторожевого контура вокруг дома кружат как минимум пять вампиров. И вампиров ли?

– Незачем их провоцировать. Обряд я проведу в любом случае, ведь это единственная возможность вернуть Лёна. А там по обстановке разберемся. Лереена сказала, что Круг находится в каком-то храме, где это?

Ролар кивнул на окно, за которым высилось что-то темное и внушительное.

– Совсем рядом, в центре площади. Ты должна была мимо него проходить.

– Честно говоря, не обратила внимания. Не до того было. А сколько вампиров присутствует при обряде?

– Обычно в храм заходит Повелитель и один из Старейшин, для подстраховки. Дверь запирается изнутри на брус, а снаружи дежурит Верховный Травник и стоит стража.

– То есть я останусь там вдвоем с Лерееной, которая заменит Старейшину?

– Не считая волка. Но он будет крепко привязан, а ты на пару минут станешь абсолютно беспомощной.

– И ничто не помешает ей меня убить?

– Нет, убивать Хранительницу во время обряда она не станет. Но может подойти к двери и откинуть брус, впустив стражу, которая повяжет тебя с Арр'актуром прежде, чем вы опомнитесь.

– Дверь и брус я могу зачаровать заранее. А там нет никого потайного хода, как в сокровищнице?

– Только небольшое отверстие в центре купола, для солнечного света. Но вскарабкаться по стенам невозможно, а деревьев рядом нет. Ты что, собираешься взять Лереену в заложницы? Как, позволь узнать? Она намного сильнее тебя, а магия против нее бессильна.

– Лён поможет. Накормим ее жгучеядом и поговорим по душам.

– А если у тебя ничего не получится и Лёна рядом не будет? Вряд ли Повелительница, подергав зачарованную дверь, добровольно согласится

дегустировать твое снадобье. Она решит, что ты хочешь ее отравить, придумав байку о захвативших долину метаморфах.

– Хорош каркать! Получится. А нет, с Лерееной-ложняком я управлюсь сама. Если Повелительница выйдет из храма в полном одиночестве, вы точно будете знать, что она настоящая, и ты, Ролар, попробуешь с ней поговорить и убедить связаться с Ковеном Магов.

– А еще мы будем знать, что она сделала из тебя котлету, – угрюмо добавила наемница.

– У тебя есть другой план?

– Нет, – сникла подруга. – Но неужели больше ничего нельзя сделать? До рассвета еще несколько часов, мы что, так и будем сидеть, сложа руки, как в яме перед казнью?

– Ну... предлагаю сыграть в карты, – вполне серьезно предложила я. – Заснуть все равно не удастся, а просто так сидеть – впору свихнуться. У кого-нибудь есть колода?

Друзья оторопело переглянулись.

– По-моему, ты уже засиделась, – заметил Ролар, но, похлопав себя по карманам, извлек пухлую стопочку карт, а Орсана сходила к столу, почиркала кресалом и принесла зажженную свечу. – Во что и на что?

– Как и положено взрослым серьезным людям, – я спохватилась и поправилась: – и вампирам, разумеется. В подкидного дурака на раздевание, чур ты сдаешь!

Глава 21

Присланный Лерееной стражник не снизошел до стука в дверь, за что и поплатился, чуть не померев на месте от разрыва сердца: мы с радостными воплями шлепали по полу замусоленными картами, сражаясь за право обладания Роларовыми подштанниками. Все остальное он уже проиграл, а в этой партии ему опять не везло с козырями, так что бой шел фактически между мной и Орсаной, вампира в расчет не брали, и он обречено скулил, обзывая нас шулерами.

Разумеется, приход стражника резко поубавил нам веселья. Побросав карты, мы торопливо расхватали проигранную одежду, наскоро привели себя в порядок и все вместе вышли на улицу.

До восхода солнца оставалось не меньше получаса, но небо уже окрасилось в ровный светло-голубой цвет без единого клока тучек. В Арлиссе, как и в Догеве, дома ставили прямо посреди леса, расчищая лишь небольшой участок под одну-две грядки, и те преимущественно с цветами (Лён объяснил, что это делается из-за «эффекта черновика» – какой смысл обзаводиться обширным подворьем, если на него придется три-четыре «дырки» сквозь пространство, из которых в любой момент могут выскочить заплутавшие в лесу чужаки, воры или крайне озадаченный медведь в дурном настроении). Исключение составляла площадь, огромная и аккуратно вымощенная, в центре которой стоял храм.

Храм напоминал полурастущий цветок белой кувшинки – шесть лепестков уже отделились от бутона, а остальные еще сомкнуты остроконечным куполом. Не такой уж и высокий, от силы восемь саженей, при дневном свете он завораживал изяществом линий и филигранностью отделки. Гладкие бледно-розовые стены блестели, точно настоящие лепестки; казалось, они матово светятся изнутри, источая живое тепло. Идеально подогнанные камни словно срослись, не оставив щелей; храм как будто выточили из цельной скалы, расписав не красками, а хрустальными прожилками – почти незаметными, но, стоило уцепиться взглядом хотя бы за одну, как стена стремительно обрастала узорами сверху донизу.

– Эльфийская работа, – тихо сказал Ролар, но в царившей вокруг тишине даже шепот казался режущим уши криком. – Они выстроили этот храм в благодарность за кой-какую услугу.

В другое время я не преминула бы уточнить, за какую именно, но мое теперешнее настроение совершенно не располагало к экскурсам в

зодческую историю Арлисса. На площади почему-то не было ни души – кроме Лереены, ожидающей нас возле двустворчатых, в полтора моих роста, дверей. Повелительница выглядела еще прекраснее, чем вчера (если это вообще возможно), обрядившись в воздушное белое платье с длинными, расширяющимися книзу рукавами, отороченными золотой тесьмой. На мне оно смотрелось бы саваном, но Лереене удивительно шло.

Повелительница стояла у храма в гордом одиночестве, без стражи и Старейшин. На мгновение у меня даже мелькнула страшная мысль, что они ждут нас внутри и собираются торчать там на протяжении всего обряда, но Лереена, не здороваясь, повернулась к нам спиной и распахнула двери. Навстречу ей выпорхнули три или четыре летучие мышки, хлопанье их крыльев и скрип петель гулко отдались в пустом зале.

Я украдкой пожала друзьям руки, на удачу, и собиралась уже пройти в храм, но Ролар удержал меня за плечо и выдвинулся вперед. Слегка иронично поклонился Повелительнице, не спуская с нее пронзительного взгляда:

– Vinell tene, Dorresta.

– Roll... Rollearren?! – Лереена отшатнулась, словно увидела ядовитую змею. – Werrita heren tess?!

– Ta djuin Lerrevanna, – отрезал вампир. – Keres'sa deill?

– Deill? Tha! Terten. – Повелительница посторонилась с такой гаденькой усмешкой, что я бы дважды подумала, прежде чем воспользоваться ее разрешением. Ролар без колебаний шагнул через порог.

– Ты что делаешь? – растерянно шепнула я, заходя следом.

– Большую ошибку. Для исправления еще большей, – помедлив, неохотно отозвался вампир, не то отвечая мне, не то пытаюсь убедить сам себя.

Изнутри храм показался мне намного выше и просторней. Сквозь звездчатое отверстие в куполе тускло брезжил утренний свет, но святилище не выглядело ни унылым, ни мрачным. Прожилки хрусталя стали заметнее, окрасившись в золотистый цвет, и вились по темно-серым стенам, как диковинные лозы с редкими цветками-кристаллами. В рукотворность здания не верилось совершенно, я словно очутилась в огромной горной пещере, холодной и сыроватой, но не затхлой. С трудом оторвавшись от созерцания общей перспективы, я опустила глаза и почувствовала, как сердце, екнув, в обмороке сползает куда-то под желудок.

Посреди зала находился Круг, который я так опрометчиво пообещала замкнуть.

Собственно гексаграмма не отличалась от догевской – черные линии,

намертво впечатанные в гранитный пол, двенадцать мраморных статуй в наружных и внутренних углах шестиконечной звезды да массивная плита алтаря в центре, покоящаяся на четырех пирамидальных камнях. Но изображали статуи не волков, а каких-то странных крылатых тварей, вроде помеси упырей с летучими мышами: тупые оскаленные морды с парными клыками в обеих челюстях, кожистые крылья с когтями на сгибах, перепонками соединяющие передние и задние лапы. С догевскими статуями их объединяли только драгоценные камни, неведь как вставленные в пасти неведомых гадин. Вытащить их, не выбив клыки, казалось невозможным.

За спиной стукнул брус, опускаясь на крючья. Мы с вампиром обернулись. Лереена, чтоб ее, не торопилась отходить от двери. Она даже прислонилась к ней спиной, скрестив руки на груди.

– Так-так-так, кого я вижу!

Что она при этом думает, можно было не добавлять. Лицо вампириши напоминало довольную морду кошки, прибежавшей на щелчок мышеловки и обнаружившей двух мышей сразу.

– Ты ведь помнишь наш уговор, Ролар?

– Разве я могу забыть что-либо сказанное Вами, Повелительница? – почтительно, но как-то не слишком убедительно подтвердил Ролар. Лереена поморщилась, словно фраза содержала намек, понятный только им двоим.

– И тем не менее у тебя хватило наглости как ни в чем не бывало заявиться в Арлисс с двумя человеческими девками, да еще в этих идиотских усах, на потеху всей долине!

– Вы предыдущих не видели, – обиженно проворчала я.

– Увы, проблемы долины всегда беспокоили меня куда больше моей внешности и репутации, – вампир сокрушенно склонил голову. – Только Повелительница способна заботиться обо всем одновременно, не нуждаясь ни в чьих советах и помощи.

Фиолетовые глаза полыхнули гневом. Будь у Лереены поменьше выдержки и какой-нибудь тяжелый предмет вроде скалки, вампиру бы не поздоровилось.

– И что же так сильно беспокоило тебя на этот раз?

Ролар выпрямился. Раскаяния на его лице мы не заметили; напротив, он так вызывающе смотрел на Повелительницу, словно в чем-то ее обвинял.

– Вы можете расспросить меня после обряда... если захотите.

– Захочу. Но, полагаю, у штатного палача это получится намного лучше и убедительнее, – Лереена недобро сдвинула брови, потихоньку

начиная закипать.

– Как прикажете, Повелительница. Не угодно ли вам приказать мне самому растянуться на дыбе и пощипать себе ногти клещами?

– Прекрати ерничать! – не сдержалась Лереена. – Ты пересекаешь границу, не выполнив поставленное мною условие, вламываешься в храм вперед Повелительницы, хамишь ей в лицо, но при этом изображаешь из себя преданного недоумка. Может, все-таки определишься?

Разговор начал принимать явно скандальный и личный характер. Я почувствовала себя третьей лишней и негромко кашлянула.

– А ты чего стоишь? – спохватилась Повелительница. – Раздевайся!

– Что? – опешила я. – Полностью? А как же...

– Он и не такое видел, – пренебрежительно бросила Лереена. – Ну, чего ты ждешь?

Проклятая баба торчала у дверей как приклеенная. Ролар, не зная, что она мешает мне наложить заклятие, не догадался отвести ее в сторону и тоже недоумевал, почему я медлю.

Пришлось импровизировать.

– Я в туалет хочу! – нахально заявила я, оглядываясь по сторонам, словно надеялась обнаружить в храме шаткую дощатую будочку.

Похоже, мне удалось-таки показать Ролару, да и Лереене, нечто невиденное ими прежде – они одинаково вытаращили на меня глаза, объятые священным ужасом.

– Вольха, ты же только что туда ходила, – мягко напомнил вампир, повернувшись спиной к Лереене и выразительно гримасничая – мол, потерпишь, не позорь славное имя Хранительницы. Я не менее красноречиво сцепила руки внизу живота и изобразила нервную чечетку, предпочитая опозориться сейчас, нежели оконфузиться потом.

– У меня желудок расстроился, на нервной почве!

– Человек... – с нескрываемым презрением процедила сквозь зубы Лереена, отлипая от дверей и проходя в глубь храма. – Ну иди, только быстро!

Я подбежала к дверям, но открывать их не стала. На крюках толщиной в мое запястье лежал солидный четырехгранный брус, с виду неподъемный, но, судя по цвету и структуре древесины, выточенный из белого эльфийского ясеня, а это дерево сочетает крепость железа с легкостью пробки. Коснувшись крюков и намертво припаяв к ним брус, я с чувством выполненного долга повернула обратно.

Вытаращенные глаза полезли на лоб, у Ролара даже челюсть отвисла, явив кончики клыков.

– Расхотелось, – невозмутимо пояснила я, присаживаясь на краешек алтаря и начиная расшнуровывать сапоги.

Лереена не нашла слов, окончательно сраженная человеческой глупостью.

Ну что ж, обратного пути не было. Поискав глазами вешалку и не обнаружив таковой, я развесила одежду на одной из статуй. Святилище немедленно приобрело уютный, домашний и вместе с тем слегка фривольный вид. Лереена безмолвно изучила живописную композицию, потом глянула на Ролара, многозначительно вздернув левую бровь, и вампир послушно сгреб мои вещи в охапку, освобождая статую. В присутствии высокомерной Повелительницы я чувствовала себя нищенкой, из милости приглашенной к господскому столу, – неотесанной простолюдинкой, с чавканьем обгрызающей кости и громко хлюпающей супом прямо из миски на виду у хозяйки, брезгливо поджимающей губки. Может, с вампирами она ведет себя по-другому? Да нет, вряд ли она способна запросто заскочить в гости к любому из подданных, как это делал Лён. Повелитель Догевы не гнушался навестить умирающего старика, принять роды или заскочить на свадьбу к знакомым – а знаком он был со всеми жителями долины. Заведись в Догеве хотя бы один ложняк – Лён мигом бы его обнаружил. А если она тоже о них знает, но из каких-то соображений пособничает им? От этой мысли мне стадо совсем нехорошо. Тогда она выслушает нас, изумленно поохает, предложит немедленно бежать к телепатофону, а потом распахнет двери и скомандует страже стрелять на поражение. Нет, лучше об этом пока не думать, сосредоточиться на обряде...

Я медленно, ежась от холода, растянулась на мраморной плите лицом вверх. Свет, пусть и не яркий, бил в глаза, заставляя щуриться. Волк сам вскочил на алтарь и лег у меня в ногах, поперек плиты, застыв как изваяние. Против ожидания, Лереена не стала его привязывать, хотя с обеих сторон алтаря свисало по несколько цепей с защелкивающимися обручами.

– Вижу, ты и так прекрасно знаешь, что нужно делать, – наклонившись, Повелительница небрежно потрепала его по загривку. Зверь напрягся, но не шелохнулся. – В отличие от своей Хранительницы. Сдвинь ноги, а руки скрести на груди.

Поза меня не вдохновила. Для полноты ощущений не хватало только свечи, желательно длинной и витой. Я умоляюще взглянула на вампира, и тот понятливо наклонился к моему лицу.

– Ролар, мне это очень не нравится!

– Не бойся, – прошептал он в ответ, – все идет как надо. Если Лереена попытается изменить обряд, я тебе сразу скажу.

– А вдруг ты не успеешь? – жалобно спросила я, начиная тихо паниковать от неизвестности.

Он как-то странно на меня посмотрел:

– С тобой в любом случае ничего не случится. Впрочем, сама увидишь. Главное, не волнуйся.

– Легко сказать... – Я почувствовала, что действительно хочу в туалет, но признаваться, разумеется, не стала.

Лереена выудила из складок платья кинжал-стилет, подбросила на ладони, переворачивая, и, ни слова не говоря, протянула мне рукоятью вперед. Я взяла и чуть не выронила – стилет показался мне невесомым. Выточенный из цельного куска какой-то плотной слоистой кости, он был легче деревянного. Рукоять – не отполированная, а гладкая и шелковистая сама по себе – так уютно ложилась в ладонь, что словно растворялась в ней, и лезвие становилось продолжением руки. Само лезвие напоминало полупрозрачное перо – тонкое, с центральным стержнем и отходящими от него волокнами. Я посмотрела сквозь «перо» на свет, и оно стадо матово-розовым, а прожилки окрасились в алый цвет, будто кровеносные сосуды. Кажется, я рисовала в конспекте нечто подобное, а потом нам показывали раритетный кубок из этого материала, наполняли его водой и демонстрировали, как он меняет цвет при добавлении одной-единственной крупницы яда.

– Сколько кинжалов выходит из одного единорога? – поинтересовалась я, скрывая возмущение. Мы с Лёном как-то беседовали об этих легендарных существах, и вампир утверждал, будто в их вымирании виноваты исключительно люди, перебившие единорогов ради драгоценных рогов и вполне съедобного, якобы целебного, мяса.

– Пять-шесть, – спокойно ответил Ролар, не догадываясь о подоплеке вопроса. – Если спилить кончик рога, не больше трети, за год он снова отрастет. Одного клинка хватает на несколько лет, он очень прочный.

– Первый раз вижу, чтобы рог единорога использовали в смертоубийственных, а не лекарственных целях.

– Ритуальных, – поправил вампир. – Его невозможно отравить, даже испачкать, а нанесенные им раны быстро затягиваются.

– А кому их наносят?

– Себе. Вольха, хорош трусить. Будет несколько капель крови, и все.

– Может, ты вообще рядом с ней ляжешь? – раздраженно перебила Лереена. – Раньше не мог все подробно объяснить?

– Да, не мог, – несколько смущенно огрызнулся вампир.

Тонкие губы Повелительницы, искусно подведенные бледно-перламутровой помадой, растянулись в понимающей, злорадной улыбке.

– Bravo, Ролар! Доверяй, но проверяй, верно? А я-то уж было подумала, что ты в кои-то веки изменил своим принципам!

– Замолчи, – со звериным подвыванием рыкнул вампир, и я моментально покрылась пупырышками с ног до головы, только что не примерзнув к алтарю.

Лереена и бровью не повела; напротив, гневная вспышка собеседника доставила ей явное удовольствие.

– Я, по крайней мере, не притворяюсь закадычной подружкой, – отчеканила она, уничижительно глядя ему прямо в глаза. Ролар скрипнул зубами и отступил от алтаря, за наружный круг статуй, исчезнув из моего поля зрения.

«Хоть бы они окончательно не переплевались во время самого обряда и вообще обо мне не забыли», – тоскливо подумала я, запоздало спохватившись, что держу кинжал наподобие свечки и он, кстати, здорово ее напоминает.

– Переверни его лезвием вниз, – приказала Лереена, снова поворачиваясь ко мне, – и установи между третьим и четвертым ребром, над сердцем.

Острые кольнуло и пробило кожу, вокруг него начало медленно расползаться пятнышко крови. Я покрепче стиснула рукоятку. Казалось, стоит только ее выпустить – и стилет сам нырнет между ребер, как в воду, не встречая сопротивления.

– И что теперь?

– Закрой глаза, расслабься, и спустя несколько минут Круг активизируется. – Лереена сказала это таким бесцветным и равнодушным голосом, словно давала мне указания, как найти в погребке бочку с мочеными яблочками.

– И все? – опешила я. – А заклинание? А источник силы для первичного толчка? Разве Круг может активироваться сам по себе?

Ни в коем случае, безапелляционно заявлял Учитель на лекциях по практической магии. Без черных кошек, брыкающихся девственниц или хотя бы разом выплеснутого резерва Ведьмины Круги оставались безобидными рисунками в пыли. После активации – да, они могли пребывать в рабочем состоянии годами и даже разрастаться, как дыры в прохудившихся сапогах, черпая энергию из разницы ее уровней с той и этой стороны. Но даже сапог без шила не пробыешь, а тут – междумирье!

– Если ты истинная Хранительница, источник заключен в тебе самой. – Лереена по-прежнему стояла рядом, но Ролар молчал – видимо, правилами это допускалось. – Нужно только его высвободить.

– Как?

– Я же сказала – лежи спокойно.

От такого ответа мне захотелось вскочить и с воплем убежать куда глаза глядят, высадив дверь вместе с заклинанием. Что бы там Ролар ни говорил, Лереена вела себя очень подозрительно, словно предвкушая некую забаву, которая обернется для нас западней.

– А куда я попаду и как мне искать там Лёна?

– Он сам тебя найдет. Подумай лучше, как убедить его вернуться.

– И что я должна ему сказать?

– Тебе лучше знать. – Улыбка Лереены стала совсем уж змеиной. – Не зря же он выбрал именно тебя. Вспомни, что было для него важнее всего? Может, остались какие-нибудь незаконченные дела, невыполненные обязательства? Или у вас есть общая тайна, которую он доверил только тебе?

«Если бы он мне доверял, я бы тут не лежала», – мрачно подумала я, с огромной неохотой закрывая глаза. Видимо, на улице взошло солнце; косые утренние лучи пока не залетали в храм, но выбеленное ими небо слепило даже сквозь веки.

– Он Повелитель Догевы, и на нем держится... держалась вся долина. Возможно, стоит напомнить ему об этом, – издали подсказал Ролар.

«Ага, – мрачно подумала я, – он и при жизни-то таких напоминаний терпеть не мог. Один Кайел чего стоит».

Лежать с закрытыми глазами, неведь чего ожидая, было не то чтобы страшно – жутко до умопомрачения. Время тянулось так медленно и противно, что между ударами сердца я успела бы досчитать до ста, возникни у меня такое желание. Прошли месяцы и годы, прежде чем оно хоть немножко ускорилось. Ничего по-прежнему не происходило, с улицы не доносилось ни звука, вампиры, кажется, вообще окаменели, не шевелясь и словно не дыша. Вскоре я начала мерзнуть, а алтарь – все ощутимее мозолить выступающие части тела. Вдобавок у меня зачесалось между лопатками. Вряд ли это можно было считать первым признаком исходящей оттуда силы; скорее всего, там пиновала, пользуясь моим беспомощным состоянием, какая-нибудь ушлая блоха.

Не утерпев, я приоткрыла глаза, и в то же мгновение расположенный напротив рубин ярко вспыхнул. Статую окутало красноватое сияние, и мрамор начал просветляться, словно свиной жир в поставленном на припек

горшке. За считанные секунды каменная тварь стала призрачно-водянистой, но гораздо более реалистичной; мне даже почудилось, будто она шелохнулась, разминая затекшие лапы, поудобнее перекатила во рту камень и хищно сузила устремленные на меня буркала.

По Лереениному лицу плясали красные отблески, но даже без них его выражение трудно было перепутать с добрым и участливым. Торжествующий, злорадный шепот развеял последние сомнения:

– Похоже, мне все-таки удастся понаблюдать за обрядом со стороны... давно мечтала.

Я мысленно застонала. Роль простого зрителя тоже устроила бы меня куда больше. Камни загорались один за другим, все быстрее и быстрее. Лежа с полуприкрытыми глазами, весь Круг я не видела и могла только догадываться, что после преобразования статуй в последнюю очередь активировался тринадцатый камень – алмаз, закрепленный на алтаре, возле моей макушки.

Воздух над гексаграммой начал сгущаться, мутнеть, раскручиваться обращенной вниз воронкой. В висках застучала кровь, холод и зуд отступили вместе с оставшимся на алтаре телом.

...открыть дверь легко, труднее переступить порог. Позади дотлеваает очаг, уже не дающий тепла, впереди расстилается черная дорога. Что останавливает нас? Страх? Нет. Напротив, дорога манит, завораживает, увлекает вдаль... Сомнения? Нет. Все уже решено. Воспоминания? Нет. Они как отброшенные предметами тени, искажающие их очертания до неузнаваемости, и цепляться за них глупо.

Что же держит нас на пороге? Что не дает нам с легким сердцем пуститься в путь?

Да гхыр его знает!

Но примириться с давным-давно сделанным выбором иногда помогает только хлопнувшая за спиной дверь...

И тут Лереена резко подалась вперед и с размаху ударила основанием ладони по оголовью стилета, вгоняя его по самую рукоять.

Я удивленно распахнула глаза, вздрогнула и умерла.

...в прошлый раз я словно проридралась сквозь горный поток, сейчас же дорога сама таяла за моей спиной, словно поторапливая, а затем и вовсе исчезла, став ненужной.

Странное ощущение – не видеть и не слышать, но знать...

Разрозненные обрывки чувств, мимолетные касания, беспорядочные, ничего не значащие мазки, создающие цельную картину из золотистых призраков деревьев, холмов и полей, ускользающих от прямого взгляда. Мягкое мерцание теплой, как парное молоко, воды, не отражающей ни облаков, ни солнца. Ни плеска, ни звука, ни пения птиц – лишь эта светлая, бархатистая мгла и ненавязчивый, но настойчивый шепоток: «Тебе здесь не место. Ты должна уйти. А он – остаться навсегда».

– Лён!

Беззвучное движение. Шелохнувшиеся пряди ивы, змеистая рябь вокруг камышинок, развевающиеся волосы цвета спелого льна. Его ждет кто-то еще, ждет, приподняв весла над водой. Капли жемчужными бусинами осыпаются в воду, и разбегающиеся от них круги щекоцут колени.

– Вернись!

Укоризненное колыхание речных трав. В ушах шелестят чьи-то жалобные голоса. И спокойное, безразличное:

– Зачем?

Тень качнулась и уходит, отдаляется, растворяясь в туманной дымке. Слишком поздно, девочка. Ты опять опоздала... Весла медленно опускаются в воду, отталкиваясь от переливающейся на дне гальки.

– Потому что...

Меня словно дернули под воду. Золотистое сменилось черным, воздух исчез – сначала вокруг, потом из легких...

– Так я и знала! – Голос, жесткий, деловой, вернул меня на грешную землю. Давясь кашлем и едва сдерживая подступившую к горлу тошноту, я с трудом перевернулась на бок, села, расправляя ноющие плечи. Неужели за сотни лет эксплуатации этой проклятой каменюки никто не додумался обить ее хотя бы войлоком?

– Зачем вы прервали обряд? – возмутилась я, когда насилу разлепленные глаза перестали разъезжаться в разные стороны и источник голоса трансформировался из размытого белого пятна в облокотившуюся на стацию Лереену. Повелительница со скупающим лицом разглядывала свои острые, посверкивающие перламутром ногти.

– Ничего подобного. Он логически завершен.

– Но я не успела ответить на вопрос!

– Ты ответила.

Я лихорадочно огляделась. Волк безмятежно дремал на алтаре, и не

думая менять ипостась. Я осторожно коснулась его бока, и мохнатый хвост лениво дернулся вправо-влево – дескать, жив-здоров, чего и тебе желаю.

Дурнота и внутреннее опустошение накатили с утроенной силой. Покачнувшись, я судорожно уцепилась руками за край алтаря, чтобы не завалиться на спину. В храме резко, ощутимо потемнело, Лереена снова начала сливаться с мраморной тварью.

– Не получилось? – невесть зачем прошептала я, хотя все и так было ясно. Ролар, потупившись, молчал, словно вина за неудачный исход лежала на нем.

– Как видишь. – Лереена оторвалась от созерцания ногтей и пошла вокруг алтаря, размеренно цокая каблуками. Как гвозди в крышку гроба забивала.

– Вы не больно-то расстроены, – излишне резко вырвалось у меня. Невеста, чтоб ее! Ни капли огорчения, только легкая досада, что из-за смерти Лёна ей придется немного изменить планы!

Повелительница остановилась и ответила мне прямым бесстрастным взглядом.

– Я изначально не питала никаких иллюзий. Сомневаюсь, чтобы Арр'актур вернулся, даже если бы ты ответила правильно. Он всегда был волком-одиночкой.

– Говорю же, я не успела ответить!

– Да неужели? – Лереена, похоже, задалась целью выиграть межрасовый конкурс «Самая противная женщина года». Мой голос уже был у нее в кармане.

– Да, я хотела последовать совету Ролара, только-только подобрала слова и начала говорить, но тут меня ка-ак дернет – и все...

– А что ты в этот момент подумала? – вкрадчиво, как-то ядовито прошипела она, наклоняясь к моему уху, но глядя при этом на вконец павшего духом вампира.

Меня словно накрыло стеной лесного пожара, всепожирающей и беспощадной, мгновенно выжегшей душу дотла.

Лереена была права. Я успела додумать ответ. Но совсем не так, как собиралась.

Он же телепат. Он слушал мои мысли, а не слова.

И я все испортила!

Как всегда.

– Полагаю, больше добавить нечего, – заключила Лереена, выпрямляясь и отступая от алтаря. – Он ушел. Окончательно.

– А как же... – неожиданно вспомнила я, хватаясь за грудь. Сердце

билось, как ему и положено, о предумышленном убийстве напоминала лишь узкая струйка засохшей крови, наискось тянущаяся через бок. «Несколько капель, и все!» Ну, Ролар!

– Конечно, – пожалала плечами Повелительница. Стилет опять был у нее руках. Лезвие дымилось, оставаясь при этом чистым и блестящим. – А как иначе ты собиралась попасть на тот свет?

– С тем же успехом я могла покончить с собой в первой попавшейся подворотне!

– Ролар, объясни ей, – свысока бросила Повелительница, продолжив неспешный обход Круга.

– Круг – гарантия твоего возвращения в твое же тело. – Ролар протянул мне одежду и деликатно отвернулся. Я только сейчас заметила, что реар исчез, на шнурке сиротливо болталась пустая серебряная оправа. – Он действует как пружина, сначала растягиваясь до предела, а затем сокращаясь и вытаскивая обратно тебя и... того, кто захочет последовать за тобой.

– Но почему... почему я не умерла? Еще ни один человек не переживал прямого удара в сердце!

– Видишь ли, Вольха... – Ролар замялся, – не хочется тебя расстраивать, но ты... не совсем человек.

– Что?! А кто же тогда?

– Ну... – вампир смущенно кашлянул. – В некотором роде... как говорят эльфы, с кем поведешься...

– Ты что, хочешь сказать, что я – вампир?!

– Нет-нет, это совсем другое, – поспешил заверить меня Ролар. – Просто в тебе течет кровь вампира, и это придает организму некоторые... хм... дополнительные свойства.

– Кровь?! Какая кровь? – у меня уже голова пошла кругом. Собственная смерть, тот свет, воскрешение, горькое разочарование, а теперь еще это сочувственное хмыканье и туманные намеки! – Ролар, или ты сейчас же, связно и подробно, объяснишь мне, в чем дело, или я придушу тебя голыми руками и буду долго, методично и упоенно пинать ногами труп!

– Ты уже оделась? – Ролар обернулся и, убедившись, что пикантный момент миновал, подошел и сел рядом, положив руку мне на плечо. – Вольха, ты обменялась кровью с Арр'актуром, верно?

– Нет! – Вопрос показался мне настолько диким, что я возразила прежде, чем Ролар успел договорить.

– Да, – уверенно сказал вампир. – Реар – лишь символ, метка, в нем

нет никакой силы. Она в том, кто его носит. В тебе. Мало просто вручить Хранителю реар, похлопать по плечу и пожелать удачи. Как тонко подметили в своих мемуарах охотники за вампирами, сердце – наше самое уязвимое место. Оправиться от такой раны, да и то, если она небольшая и чистая, может только Повелитель. Или тот, с кем он поделился своей кровью. Не укусил, не дал отхлебнуть из вены, а залечил ею смертельную рану... им же нанесенную. Я не знаю, как Арр'актур это с тобой проделал – возможно, усыпил или загипнотизировал, и ума не приложу, зачем ему вообще понадобилось идти на такой риск, ведь человек куда уязвимее вампира, ты могла умереть еще во время посвящения, не говоря уж о самом обряде.

По мере того как Ролар говорил, мне все больше казалось, будто я очутилась в каком-то дурном сне, липком кошмаре, выпустившем на волю мои потаенные страхи. Да, возможностей у Лёна было хоть отбавляй. Время в его компании летело незаметно – а может, какая-то его часть просто ускользала от моего сознания? Вампиру даже не приходилось усыплять свою жертву, напротив – ему стоило немалых усилий добудиться меня по утрам, а в дом он входил бесшумно и без стука. Неизвестно, до чего бы я в конце концов додумалась, но тут в игру вступило воображение, такое же ехидное, как я сама. Я живо и красочно представила облизывающегося, плотоядно оскаленного Лёна, на цыпочках крадущегося к моей постели с огромным зазубренным ножом в поднятой руке, и длинную корявую тень, ползущую за ним по стене. «Жуткая» картина мигом привела меня в чувство. Нет, глупости, У него наверняка были веские причины так поступить.

Но какие – я уже никогда не узнаю...

А Ролар неумолимо продолжал:

– После посвящения тело Хранителя постепенно изменяется – обостряется зрение, слух, отступают болезни, повышается ловкость, возрастает физическая, а в твоём случае и магическая сила. Это происходит очень медленно, почти незаметно, но, как только Повелитель умирает, процесс ускоряется в сотни раз. С первого же дня Хранитель обретает способность к быстрой регенерации, а уже в конце недели становится практически бессмертным, как Повелитель.

– Бессмертным?! – Наверно, со стороны я здорово смахивала на помешанную – бледная, встрепанная, с приоткрытым ртом и безумным взглядом. – Ролар, что ты несешь? Я – бессмертная?!

– Уже нет, – уточнил он. – Первый же удар в сердце обращает процесс вспять. В отличие от Повелителя, при необходимости возлегающего на

алтарь ежедневно, Хранитель может замкнуть Круг только один раз. Возможно, какие-то побочные эффекты вроде крепкого здоровья и ночного зрения сохранятся еще на несколько лет, так что, если у тебя намечаются какие-нибудь рискованные и опасные дела, не откладывай их на потом.

– Так вот что произошло в валдачьих катакомбах! – осенило меня. – Сила вампирьей крови, позволившая совершить грандиознейшую телепортацию в истории магии! Эх, зря они отговорили некроманта от сомнительной девицы, вышло бы не хуже, чем с вампиром!

– Что?

– Потом объясню, – пообещала я. – Но почему ты не рассказал мне об этом раньше? Если бы я знала, что могу без ощутимых потерь черпать силу из собственной крови, все было бы намного проще! Нам не пришлось бы сражаться с разбойниками, убегать от волков и питаться мятой селедкой!

Ролар, до сих пор старательно отводивший глаза, наконец отважился на прямой взгляд, и я почувствовала себя палачом, примеряющимся, как бы полочнее тукнуть секирой по повинной вампирьей шее.

– Если бы в течение двух недель тебе не удалось провести обряд, процесс стал бы необратимым. Представь – ты превратилась бы в самую могущественную ведьму на земле, сильную, ловкую, неуязвимую, без труда читающую чужие мысли и не стареющую до трехсот лет.

– Впечатляет, ну и что?

– Я боялся, что ты не устоишь против соблазна.

Не задумываясь, я размахнулась и отвесила Ролару пощечину. Он не увернулся, хотя вполне мог успеть, виновато потер щеку:

– Извини. У меня не было иного выхода.

Я грязно выругалась, чтобы не расплакаться.

Все было кончено. Мне не удалось спасти Лёна, я бесплодно растратила подаренную им силу, по собственной глупости провалив обряд, да что там – я даже не сумела заслужить доверие друга-вампира, с которым несколько дней делила пищу и кров и сражалась плечом к плечу. Отныне Догева была закрыта для меня навсегда, а о возвращении в Стармин не стоило и помышлять.

Лучше бы Лереена убила меня по-настоящему.

А Повелительница тем временем подошла к двери, беспрепятственно откинула брус и настежь распахнула створки.

Глава 22

Я слишком поздно вспомнила, что работающий Круг способен исказить или вовсе разрушать наложенные по соседству заклинания. Роларовы усы бесследно исчезли, а моя куртка, и без того потрепанная, превратилась в живописное рубище из дырявых лохмотьев – я столько раз, не задумываясь, зачаровывала прорехи и грязные пятна, что от оригинала остались только пояс и пуговицы.

Ролар, в первое мгновение опешив, кинулся было вслед за Лерееной, но та уже переступила порог. Хватать ее за шиворот и втягивать внутрь вампир не посмел. Бросил на меня отчаянный, умоляющий взгляд, но я чувствовала себя настолько паршиво, что восприняла срыв нашего плана как само собой разумеющееся, и, поднявшись, в полной прострации поплелась к выходу. Волк широко зевнул, потянулся, спрыгнул на пол и неспешно потрусил следом.

Орсана ждала меня у порога. Она радостно подалась навстречу, но, увидев мои потухшие глаза, сникла, не задавая вопросов. Попыталась сочувственно меня обнять, но я уклонилась и прошла мимо.

Вернее, прошла бы, не уткнувшись в грудь какого-то типа, не пожелавшего уступить мне дорогу. Пока мы сидели в храме, народу на площади заметно прибавилось, причем собрался он отнюдь не любопытствовать или скорбеть. Я бы определила его настроение как выжидательно-угрюмое. Детей на руках никто не держал, немногочисленные женщины мало отличались от мужчин, единогласно предпочтя штаны юбкам и опоясавшись мечами.

Я сделала шаг влево, но заградительный тип тут же повторил мой маневр, и я наконец-то соизволила на него взглянуть. Темноволосый вампир среднего роста, с серо-зелеными глазами и длинным, слегка крючковатым носом; на висках с обеих сторон по белоснежно-седой прядке, заплетенной в косичку. Приязни он у меня не вызвал, впечатление портит хамоватая улыбочка и черная мантия с серебряными кантиками. В ней он здорово смахивал на приглашенного на похороны дайна, влюбленного в свою работу и радостно предвкушающего, как он сейчас кого-то отпоет.

Лереена успела пройти половину расстояния от храма до края площади, но вдруг досадливо тряхнула головой, остановилась и, полуобернувшись, небрежным взмахом руки указала на меня с Орсаной:

– Ах да, убейте этих девок. – И, словно извиняясь, пояснила: – Ничего личного, ведьма. Я просто хочу быть уверена, что тайна Круга не выйдет за пределы долины, а людям, увы, доверять нельзя.

Толпа радостно оживилась, подтягиваясь к нам и со свистящим шелестом обнажая мечи.

Несмотря на недавние мысли, я решительно возражала против их немедленного осуществления, да еще таким способом. Когда захочу, тогда и умру, без посторонней помощи – сначала завещание составлю, прощальную записку напишу, вымоюсь, переоденусь, да и вообще, может, еще десять раз передумаю!

При взгляде на несколько сотен «гномьих аспидов» умирать расхотелось совершенно. Я не заметила ни одного гворда, излюбленного оружия вампиров, владеть которым никто, кроме них, не умел. Выходит, нас окружали одни ложняки, а сдаться без боя убийцам Лёна означало не только подвести его, но и предать. А уж этого за мной никогда не водилось, не дождетесь!

Орсана тоже не собиралась молить о пощаде. Наемница молча придвинулась ко мне, заводя руку к возвышающейся над плечом рукояти. Вдохнув поглубже, я приготовилась сражаться до последнего, но нас снова заслонил Ролар.

– Только тронь их, – тихо, но внятно сказал он.

Как ни странно, Лереена, вздрогнув, сделала ложнякам знак отступить, и те с неохотой повиновались. Похоже, сбылись мои наихудшие опасения – Повелительницу либо подменили, либо завербовали, иначе вряд ли метаморфы стали бы ее слушаться.

– Ролар, Ролар, – с притворным сочувствием покачала головой Повелительница. – Ты так и не сумел стать хорошим подданным. Тебе сделали публичный выговор и изгнали за пределы Арлисса, но наука не пошла впрок, и ты продолжаешь оспаривать мои приказы.

– Когда они несправедливы, – уточнил Ролар, дерзко выдерживая взгляд ледяных глаз.

– Приказы Повелительницы **не могут** быть несправедливы, – повысила голос Лереена. – Пора это запомнить.

– Истинной Повелительницы – возможно, – парировал Ролар. – Ты меня знаешь, Лереена: если с голов этих девушек упадет хотя бы по волоску – ты горько об этом пожалеешь, обещаю.

– Ты осмеливаешься мне угрожать?! – как-то неуверенно возмутилась Лереена, оглядываясь по сторонам в поисках моральной поддержки. – Да ты знаешь, что я с тобой сейчас сделаю?!

– Убейте его вместе с ними, – свистящим шепотом посоветовал неприятный тип в мантии, разонравившись мне окончательно.

Ролар и Лереена, одинаково шокированные столь оригинальным предложением, дико уставились на сторонника радикальных мер.

– Меня?!

– Его?!

– Это еще что за хмырь? – потребовал объяснений Ролар. – Первый раз его вижу, а глянь-ка – уже не сошлись характерами!

– Это мой новый советник, – с вызовом сообщила Лереена. – Свято место пусто не бывает!

– Не больно-то и хотелось. Да за такие советы я его своими руками придушу!

Хмырь, от греха подальше, затесался в толпу и оттуда продолжал развивать полюбившуюся ему идею:

– Ваше Высокородие, целесообразнее всего избавиться от этого докучливого предателя. Сегодня он привел с собой двух человеческих девок, а завтра поведаст о наших планах и секретах другим представителям этой гнусной расы.

– Докучливый предатель? – Ролар хохотнул, но недобро сведенные брови не сулили Лереениному советнику ничего хорошего в обозримом будущем, после которого необозримого уже могло не быть. – Это забавно. Что, по-вашему, я ловлю людей и насильно разбалтываю им «секреты», о которых те, кому надо, давным-давно знают?

– Я, между прочим, не «девка», а Верховная Догевская Ведьма! – осмелилась я подать голос. Вышло на редкость пискляво и не к месту. Честно говоря, на успех переговоров я абсолютно не рассчитывала и включилась в них исключительно за компанию. – А моя подруга и так почти ничего не знает, так что не валяйте дурака, давайте разведемся по-хорошему и сохраним друг о друге самые теплые и яркие воспоминания.

– Только сначала я его все-таки пристукну, – добавил Ролар. – Воспоминания будут еще ярче!

Пристукнуть советника Лереена не дала, но и наказывать нахального вампира не торопилась.

– Ты за них ручаешься? – неожиданно мирно спросила Повелительница.

Ролар не ответил и даже не кивнул, только укоризненно приподнял брови – мол, ты и так все прекрасно знаешь, зачем ломать комедию? Лереена долго, оценивающе смотрела на него, потом фыркнула, пожала плечами и постановила:

– Чтобы духу вашего через полчаса в Арлиссе не было! – После чего отвернулась и пошла к Дому Советаний.

– Ну можно его хоть разок стукнуть?

Лереена только досадливо махнула рукой на ходу. Советник злобно глядел ей вслед, стискивая приподнятые кулаки. Вампиры растерянно переглядывались, не пряча мечей, но и не атакуя.

– Пойдемте завтракать, – как ни в чем не бывало предложил Ролар, поворачиваясь к нам. – Тут неподалеку есть просто изумительная забегаловка, фирменное блюдо – запеченный в тесте младенец. Шучу, Орсана, шучу – карп. Вольха, не кривись, тебе нужно набраться сил – чуть попозже, когда я поговорю с Лерееной, у нас будет много работы.

– Но... она же дала нам всего полчаса!

Вампир только досадливо поморщился.

– Не обращайтесь внимания. У Лереены много недостатков, но за клепсидрой она следить не станет и вооруженный отряд по горячим следам не пошлет. Гораздо важнее добиться у нее второй аудиенции и рассказать о наших подозрениях. Сейчас я подойду к ней, поговорю по душам, и тогда...

– Ролар, опомнись! Надо драпать отсюда, пока она не передумала, – взмолилась Орсана, хватая вампира за рукав. – Какие, к гхыру лысому, подозрения?! Она ложняк, тут и гадать нечего! И советник ее из той же банды – ишь, зыркает, как крыса из-под веника!

– Она не ложняк, – покачал головой Ролар. – Уж собственную... Повелительницу я ни с кем не спутаю.

– Тогда она с ними в сговоре! – Я схватила Ролара за второй рукав.

Распятый между нами, вампир все еще порывался идти за Лерееной, но мы вцепились крепко.

– Открой глаза, неужели Повелительница не замечает, как ее подданных подменяют на метаморфов? Давай сделаем вид, что уезжаем... только сделаем вид – уверена, за нами сразу бросятся в погоню. Настоящая Лереена нас бы еще выпустила, но эти твари – ни за что! Мы о них знаем, мы убили с полдюжины их собратьев – хватит не на три, а на тридцать смертных приговоров.

Но три гласа – мой, Орсанин и разума остались без внимания. Ролар решительно стряхнул наши руки и быстро пошел, почти побежал вслед за удаляющейся Повелительницей.

– Lereena, rew! Qur lehar't!

– Weer lehar'ten? – неохотно отозвалась Лереена, приостанавливаясь, и в ту же секунду ближайший вампир набросился на нее со спины, обхватил

рукой за шею и приставил к горлу широкий охотничий нож.

Из-за нетерпеливости зрителей представление началось досрочно.

– Это еще что за шуточки?! – Повелительница попыталась изобразить царственное возмущение, но преуспела. – Стража, на помощь!

Естественно, никто не шелохнулся. На площади воцарилась гробовая тишина.

– Давай сюда меч, придурок, – прошипел советник, выступая из-за спин «вампиров». – Тебя это тоже касается, наемница... и никакой магии, иначе она умрет!

Орсана и Ролар переглянулись. Отдать оружие врагу – лишиться последней надежды. Мне было легче сделать нравственный выбор – магия всегда оставалась при мне... по крайней мере, пока при мне была голова.

Лереена не издала больше не звука, но в ее всегдашнем презрительном прищуре скользнули ужас и мольба о помощи. Поколебавшись, Ролар осторожно положил меч на землю, подпихнул к советнику. Тот тут же наклонился и поднял, с довольной ухмылочкой повертел в руке. Выжидательно уставился на Орсану.

Сломить наемницу оказалось не так-то просто.

– Ось зараз, розмечтався! – заупрямилась она, вытягивая свой меч, но отнюдь не для передачи врагу. – Попробуй-ка его у меня отобрать!

– Орсана! – трагически прошептал Ролар. – Ну пожалуйста... умоляю тебя... ведь иначе они убьют Лереену!

– Ну и гхыр с ней, не больно-то она мне и нравилась!

Неизвестно, скольких ложняков успела бы уложить наша несгибаемая наемница, но тут Лереена охнула, лезвие кольнуло ей шею, а потом вывалилось из бессильно разжавшейся кисти, и на мостовую осело безголовое тело. Меч опустился, снова поднялся и очертил сияющую дугу вокруг хозяина.

Эти светло-золотистые волосы, иронично прищуренные серые глаза я узнала бы из тысячи.

Лён!!! Но как?!

Времени на расспросы и объятия не было. Улучив момент, я выхватила из кармана пакетик со жгучеядом и, наощупь прорвав обертку, подбросила его в воздух.

Что тут началось! Ближайшие «вампиры» завизжали от боли тонкими крысиными голосами, побросали оружие и закружились на месте, раздирая ногтями сморщенные лица. Ролар ловко вывернулся из кольца ложняков, кувыркнулся по земле, пнул советника в пах и на лету подхватил свой меч, выпавший из обмякшей руки. Спустя какую-то долю секунды он уже стоял

спиной к спине с Орсаной и Лёном, все трое азартно рубились с тварями, избежавшими понюшки целебного порошочка. Таких оказалось немного. Мне, присевшей на корточки в центре воинствующего треугольника, не составило труда обстрелять наиболее ретивых врагов короткой серией заклинаний. Теперь я знала, с кем имею дело, и мышки с зайчиками прыснули во все стороны.

Торжество победы не затянулось. Со всех сторон подтягивались свежие силы противника. Первые трупы начали проседать, расплываясь зловонной жижей. Под ногами стало скользко.

Только Лереена, хлопая глазами, озиравлась вокруг с выражением безграничного удивления на побледневшем лице.

– В храм! – первым сообразил Ролар. Схватив Повелительницу за руку, он так бесцеремонно рванул Лереену за собой, что та чуть не уткнулась лицом в загаженную брусчатку.

– Что... да как ты посмел... нахал! – взвыла Повелительница. На дальнейшие возражения у Лереены не осталось времени – Ролар поволок ее к храму, выставив вперед руку с мечом. Лён и Орсана прикрывали их с боков, частью парируя удары аспидов, частью просто отпихивая ногами пораженных жгучеядом тварей, слепо мечущихся по площади. Я приотстала, тщательно выплетая заклинание. Огненная дуга расходящимся полукругом выжгла добрую треть площади. Огромное дерево, скошенное под корень, с треском повалилось на ближайший дом, сминая стены как бумагу.

Я догнала друзей у самой двери храма. Лён и Орсана захлопнули створки сразу за моей спиной, забросили на крючья брус.

Отдышавшись, мы уставились друг на друга. Я заметила, что вампиры и наемница не торопятся опускать оружие. Под их взглядами Лереена сжалась в дрожащий комок, отрицательно мотая головой:

– Нет-нет! Я не знала! Правда! Я тут ни при чем! Ролар, что происходит?

Вампир крайне непочтительно сплюнул на пол.

– Что происходит? Что происходит?! Святая наивность! Кто тут Повелительница, ты или я? Иди и спроси у своего нового советника, если дар тебе отказывает!

Снаружи воцарилась подозрительная тишина. Мы на всякий случай тоже затаили дыхание, опасаясь пропустить что-нибудь интересное.

Чуть погодя в негостеприимную дверь культурно постучали.

– Кто там? – тонким издевательским голоском поинтересовалась Орсана.

– Откройте! – наивно потребовали ложняки голосом советника.

– Сами открывайте! – ехидно предложил Лён, поудобнее перехватывая меч. Гномий аспид только что не шипел в руке нового владельца, но стальная хватка на рукояти не давала ему извернуться и полоснуть чужака.

– Вы лишь оттягиваете свою кончину, – донеслось из-за двери. – Все равно вам оттуда не выбраться, сдохнете от жажды и голода, а это куда мучительнее!

– Вся жизнь – выбивание отсрочек у смерти, – философски пожал плечами Ролар. – Проваливай, ходячая падаль. Здесь не бордель, чтобы тебе открыли после первого же стука.

Метаморф умолк, обдумывая следующее «заманчивое» предложение.

– Если бы я не знал, что это нежить, то решил бы, что за дверью стоит добропорядочный вампир, не на шутку озабоченный недавней размолвкой со скандальной тещей, – удивленно сказал Лён и неожиданно, со всего размаху, вогнал непокорный меч в дверь по самую рукоять и так же быстро выдернул. В бороздке посредине лезвия осталась кровь, по ту сторону двери кто-то с хрипом осел на землю.

Мы очень надеялись, что это советник, но тот оказался не настолько глуп, чтобы подслушивать впритык к доскам.

– Эй, вы! – снова завел опротивевший голос. – Нам нужны только Повелители, остальные, так уж и быть, могут катиться на все четыре стороны!

– Идите к лешему, господин советник, вас там давно заждались, – ругнулась Орсана и, подумав, вежливо добавила: – Будьте так любезны, не отвлекайте противника – мы как раз обсуждаем тактику разгрома вашего жалкого воинства.

Дверь загудела – советник в сердцах пнул ее ногой. Слышно было, как он удаляется, раздавая указания о сооружении тарана.

– Напрасный труд. – Я размяла пальцы. – Эту дверь непросто взять штурмом и без моего заклинания. Но, на всякий случай... вот так-то лучше. Итак, что у нас на повестке военного совета? Пленных брать будем или ограничимся грабежом и всеобщей резней? Кстати, а с ней что делать?

– Она не метаморф. – Орсана с явным разочарованием кивнула на серый налет жгучеяда, запорошившего волосы и плечи Лереены. – Давайте выдадим ее сообщникам-ложнякам, пусть подавятся!

– Докажи сначала, что это не твои сообщники, – огрызнулась Лереена. – Rollearren, Ar'akk – tur, terr kve rell'ast? Terr?

– Да, не верим! – единогласно отрезали вампиры.

Лереена смерила их уничтожающим, но, увы, малоэффективным

взглядом. Доверия к ней он не прибавил. Видя, что любые доводы тут бесполезны, Повелительница раздраженно выдернула у Ролара свою руку, отошла в сторону и присела на край алтаря вполоборота к нам и двери – мол, думайте и делайте, что хотите, я выше этой ничтожной суеты. Честно говоря, я вздохнула с облегчением. Близкое соседство с Лерееной нервировало не меня одну, с ее уходом напряженная обстановка хоть и не разрядилась, зато мы стали куда более сплоченными и деятельными.

– Подсади меня! – Орсана кивнула Ролару на правую створку двери, сквозь которую в шести локтях от пола пробивался тонкий солнечный лучик. Вампир подставил сцепленные руки, с их помощью наемница легко вспорхнула на брус и прильнула глазом к маленькому круглому отверстию на месте выпавшего сучка.

– Ну, что они там делают? – жадно поинтересовалась я.

– Ничего. Стоят. Советника не видно – наверное, лично участвует в сооружении тарана. – Орсана переступила с ноги на ногу, поудобнее умащиваясь на брус. – Ух ты, сколько ложняков – не меньше пяти сотен, и все с мечами! Но откуда в центре города взялось такое здоровенное войско и почему оно не вызывало подозрений?

Лереена высокомерно поджала губы, не собираясь вступать в разговор. Но, поскольку все остальные не нарушали выжидательной тишины, присоединившись к вопросу, ей пришлось ответить:

– В Арлиссе проходит ежегодный набор в армию запаса, а заодно и осуществляется обучение явившихся добровольцев боевым навыкам, в целях повышения государственной безопасности. Их тренировками занимаются выходцы из Догевы – три месяца назад я попросила Арр'актура прислать мне сотню опытных бойцов для усиления Арлисского гарнизона.

– Ничего подобного, – уверенно возразил Лён, и наше внимание дружно обратилось на него – ко всеобщему запоздалому смущению. Спohватившись, Ролар торопливо стянул с себя куртку и отдал Лёну, а тот обвязал ее вокруг пояса и продолжил: – Насколько я помню, эта просьба оказалась в мусорной корзине прежде, чем я ее дочитал. Еще чего не хватало – ослаблять собственный гарнизон ради каприза взбалмошной соседки, одержимой манией преследования! А эти типы вообще не из Догевы, я ни одного из них раньше не видел.

– Это я-то взбалмошная? – привскочила с места разъяренная Повелительница. – По крайней мере, обо мне по Арлиссу не ходят двусмысленные анекдоты.

– Зато по Догеве – ходят, – «утешил» ее Лён. – Ладно, шутки в сторону.

Возможно, в роли «догевского подкрепления» выступил пропавший отряд Доррена – кажется, я узнал одного из волийцев, в прошлом году он приезжал в Догеву на праздник пива. Ролар, ты знаешь эту историю с марш-броском через горы?

Темноволосый вампир утвердительно кивнул.

– Примерно два месяца назад во время учений в ущелье Четырех Пик исчезло одно из подразделений Волийской армии. Думали, что их накрыло некстати сошедшей лавиной. Ни трупов, ни спасшихся не обнаружили, и немудрено – ущелье завалено щебнем и колотым льдом чуть ли не до середины.

– Волия? Впервые слышу о таком государстве? – недоумевающе сдвинула брови Орсана, отрываясь от амбразуры. – Ой! Ай-я-яй!

– Это одна из Двенадцати Долин. – Ролар, не отходявший от двери, невозмутимо подставил руки, и потерявшая равновесие наемница свалилась прямо к нему в объятия. – Она расположена на северо-востоке Волмении, у восточного подножия Гребенчатых гор.

– Ущелье Четырех Пик находится в Гребенчатых горах? – Орсана не торопилась слезать с дружеских рук, и Ролару пришлось чуть ли не силой стряхивать ее на пол. – Да? Тогда если отряд – как там его, Роддена? Доррена! – не погиб под лавиной, то почему он не вернулся в Волию, а потащился через полстраны в Арлисс, выдавая себя за догевцев?

– На это я могу тебе ответить. – Ролар, в свою очередь, с грацией кота вскочил на брус, чтобы понаблюдать за противником, и в ус не дуящим перед лицом укрывшегося в храме врага (замышляющего, несомненно, хитрые и коварные планы). – Только Арлиссом правит женщина! Только в Арлисс не допускаются иные расы! Только из Арлисса сбежал Совет Старейшин во главе с Советником, доведенный до предела капризами стервозной девчонки! Куда еще могли направить свои стопы столь чудесно воскресшие воины? О, вот и таран! Мерзавцы! Они срубили мой дуб!

– Ты сам его сажал? – сочувственно поинтересовалась Орсана.

– Нет, но в детстве я любил прятаться на нем от назойливой младшей сестренки. Она так и не научилась лазить по деревьям. Ого!

Ролар спрыгнул на пол, и храм тут же содрогнулся до основания. Мраморные статуи закачались.

– Похоже, дверь – единственное, что останется после десятка таких ударов, – мрачно заметила Орсана.

Пришла моя очередь балансировать на брус.

Второго удара не последовало. Дуб затрепетал в руках таранщиков скользким змеиным телом, расщепился у комля огромной зубастой пастью

и хлестнул заострившимся хвостом, рассекая пополам недостаточно удачливых и увертливых ложняков. Остальные в ужасе бросили ожившее бревно и отхлынули с площади, как тараканы из освещенного свечой круга. Язвительно помахав им вслед раздвоенным языком, таран величественно обвился вокруг храма, зевнул, вцепившись зубами в собственный хвост, да так и застыл, снова обернувшись бревном.

Теперь у нас появилась дополнительная защита в виде толстенного дубового обруча, добротнo окольцевавшего храм.

Заметно присмиревший враг робко выглядывал из-за домов и деревьев, не выказывая особого желания продолжать осаду. Прошло не меньше получаса, прежде чем пример громко бранящегося лжесоветника, первым подбежавшего к храму и злобно пнувшего одеревеневшее чудище ногой в бок (кажется, он сильно ушибся, но не подал виду, вот только ругань стала изощреннее), снова настроил их на решительный лад.

– Если она – настоящая и не на их стороне, то почему ее не убили сразу? – Орсана кивнула в сторону Лереены.

– Возможно, не хотели заявлять о себе раньше времени, – предположил Лён. Он наверняка уже знал то же, что и мы, – от Орсаны или Ролара. Обнаружив исчезновение реара, я тут же магически заблокировалась от телепатии, не желая, чтобы Лереена копалась в моих мыслях. Впрочем, до этого у Лёна было несколько минут, но их хватило бы только на общую оценку ситуации. – Телепатические способности им неподвластны, а без них Повелительница не смогла бы по-прежнему управлять Арлиссом, подданные заподозрили бы неладное и вышли из повиновения.

– И, если Лереена до сих пор жива, можно надеяться, что в долине еще остались настоящие вампиры, – со вздохом облегчения заключил Ролар.

– И настоящие косули, – мрачно поддакнула я, слезая с бруса. – Интересно, где-то сейчас моя лошадка?

– А куда глядели Стражи? – вспомнила Орсана. – Согласно, ложняки неотличимы от вампиров, но на первых порах, пока в долине еще были к'яарды и Стражи на них ездили, почему они не доложили Лереене об их странном поведении?

– Стражи уже давно никуда не глядят. – Я обречено махнула рукой. – Они погибли на месте и тут же подменились двойниками. Лишенный шестого вампирьего чувства, новый пограничный гарнизон патрулирует основные дороги, и только. Вот почему мы так легко проскочили через наружное кольцо долины. Думаю, волийский отряд заявился в долину не сразу – сперва осел на границе, потихоньку подменяя Стражей и травя

к'яардов, а уж затем...

– Кстати о к'яардах. – Лицо Лёна, смотревшего, казалось, сквозь дверь, озарилось знакомой улыбкой-предвкушением. – Сейчас здесь будет очень весело!

Ролар и Орсана, отпихивая друг друга, полезли на брус, а я прильнула к оставшейся от меча щелке.

Снаружи пока что ничего интересного не происходило. Советник негромко шушукался с окружавшими его приспешниками, изредка поглядывая в нашу сторону, словно желал убедиться, что храм стоит на прежнем месте, а не убежал на цыпочках в кусты. Судя по его угрюмому лицу, скорая капитуляция нам не грозила.

Я только собиралась уточнить, что именно Лён имел в виду, но тут на площадь ворвалась Келла на храпящем Вольте.

Завидев ложняков, черный жеребец встал на дыбы, но, в отличие от Смолки, не бросился наутек, а пошел вперед, молотя по воздуху копытами. Травнице с огромным трудом удалось его обуздать и заставить опуститься на все четыре ноги.

– Что здесь происходит? – закричала она, оглядываясь по сторонам. – Где ваша Повелительница? Я хочу, нет, требую, чтобы она немедленно к нам вышла!

За не на шутку разгневанной вампиршей из лесу выехали и выстроились на краю площади около сотни вампиров на обычных лошадях.

– Полагаю, Лереена и сама больше всего на свете желает отсюда выйти, – вполголоса проворчал Лён и крикнул в ответ: – Келла, берегись! Это не вампиры, а принявшие их облик твари, они держат нас в осаде!

Ложняки охотно подтвердили его слова, оцетинившись мечами в сторону незваных гостей.

Травница отшатнулась, Вольт попятился и заплясал на месте, щелкая клыками и злобно порывивая.

– Ты в порядке? – Келла, быстро овладев собой, сжала конские бока коленями, и Вольт, охнув, встал как вкопанный. Похоже, еще чуть-чуть – и она бы его раздавила.

– Да!

– Они тебя не обижали? – дотошно выспрашивала Травница, как ретивая бабушка, примчавшая на помощь любимому и единственному внуку и готовая собственноручно накостылять гнусным хулиганам, покусившимся на ее драгоценное чадо.

– Келла! – раздраженно возопил Лён. – Нет, они меня всего-навсего убили!

По отряду вампиров прокатился дружный вздох, из взятых наизготовку гвордов с сухими щелчками выскочили длинные строенные лезвия, кое у кого засверкали мечи – к счастью, не гномьи. Несмотря на пяти-шестикратно превосходящие силы противника, отступить никто не собирался. Напротив – смертельно оскорбленные вампиры, злобно нахмурившись и ощерившись, ждали только сигнала к атаке. Оного пока не поступало ни от Келлы, ни от советника, одинаково огорошенных нежданно-негаданно свалившимся на голову противником и лихорадочно продумывающих план действий.

Тем временем с противоположной стороны площади появился еще один отряд, побольше и пошумнее. На сей раз – человеческий, и тоже чем-то весьма недовольный.

– Вы куды мою дочку дели, вомпэры кляты?! – Зычный голос перекрыл гул трех стакнувшихся на площади воинств.

– Батька!!! – радостно заверещала наемница, так пихнув Ролара локтем, что тот уступил ей дверной глазок, свалившись с бруса. – Я здесь! Задай перцу этим гадам!

– Твой отец – командующий приграничными войсками Винессы?! – вытаращил глаза вампир, разглядев горластого седовласого мужика на белой лошади с заплетенной в косицы гривой. Винесские знамена реяли над грозными рядами подчиненных ему всадников; их было не меньше двух сотен. – Ты что же это нам мозги пудрила, отважная наемница, бедная селянская дочка, бескорыстная патриотка?! В пику папочке решила поступить в Легион союзного королевства?!

– Не твое вампирье дело! – взвилась Орсана. – Нет, ну вы только посмотрите на этого мерзавца – самого выперли из Арлисса, даже вампирам надоел хуже горькой редьки, а туда же – поучает! Куда хочу – туда и поступаю, тебя не спросила!

– Меня не выперли, я – в добровольном изгнании, это разные вещи!

– Неужели? – скептически изогнула бровь Лереена, и Ролар сорвался уже на нее:

– А ты, сестренка, лучше помолчи, пока я тебе под шумок шею не свернул! Заварила кашу – сейчас выкинем тебя наружу, будешь расхлебывать!

– Сестренка?! – потрясение ахнули мы с Орсаной.

– Сводная, – неохотно уточнила Лереена. – И нечего так на меня смотреть, все претензии к моей матери! Уж я-то ни за что бы не опустилась до смешанного брака...

– Ну и помрешь старой девой, – окрысился Ролар. – Тебя не то что

Повелитель – последний тролль в жены не возьмет, разве что полдолины в приданое наобещаешь! Впрочем, она теперь и даром никому не нужна – кишмя кишая ложняками, отгороженная от всего мира отравленной рекой! Как ты умудрилась расплестись еще и с русалками, а? Они-то тебе чем помешали?

– Они первыми начали! – возмутилась Повелительница.

– Что, вообще без причины? Ты хотя бы пыталась с ними поговорить?

– Я? С русалками, стоя по пояс в воде и выслушивая их вечные насмешки?! – Лереена скорчила брезгливую гримаску. – А для чего мне тогда Совет Старейшин?

– Все ясно, – обречено заключил Ролар, – русалки сразу раскусили ложняков и без разговоров отправили их ко дну, а Лерка, не удосужившись лично во всем разобраться, послала к Данавиэлю кого-нибудь вроде своего фальшивого советничка. А тот, вернувшись, наплел Повелительнице о совсем рехнувшихся русалках и подбил ее протравить реку. Верно?

– А что мне еще оставалось делать? – огрызнулась Повелительница.

– Ничего, – смиренно признал вампир и, внезапно метнувшись к алтарю, так рывкнул, нависнув над Лерееной, что она с писком опрокинулась спиной на плиту, как нашкодивший щенок. – Все, что ты могла, ты уже сделала, идиотка! Насмешки ее, видишь ли, коробят! Неохота в новом платье в речку соваться! Ну так теперь ты вляпалась по самую макушку, причем отнюдь не в воду!

В другое время мы бы с огромным удовольствием понаблюдали за бурной семейной сценой, но тут за дверью раздался многоголосый вопль, сменившийся топотом, ржанием, лязганьем оружия и разрозненными криками ярости и боли. Орсана снова прильнула к глазку, а я согнулась у щели.

Неизвестно, кто из командиров первым отважился махнуть рукой, но долгожданный жест был воспринят с энтузиазмом, и на площади царило столпотворение. К нашему несказанному облегчению, подкрепление правильно сориентировалось в обстановке и дружно атаковало лжевампиров с гномьими аспидами. Две сходящиеся конницы буквально смяли несколько рядов ложняков, но затем увязли в толпе и пустили в ход мечи и гворды.

За моей спиной Ролар продолжал орать на Лереену, но его голос терялся в общем гаме, и отдельных слов было не разобрать.

Через несколько минут и людям, и вампирам пришлось спешиться – на живых ложняков кони не реагировали, но, учуяв зловоние истаявших трупов, быстренько опомнились и наотрез отказались участвовать в битве.

В седле осталась только Келла. Она галопом нарезала круги вокруг площади, благоразумно не ввязываясь в схватку по причине отсутствия оружия, и Вольту приходилось отдуваться за двоих, топча подвернувшихся на пути ложняков.

Мы так увлеклись этим зрелищем, что испуганный вскрик обернувшегося Лёна: «Ролар, прекрати! Она же сейчас...» – несколько запоздал.

«Сейчас» уже наступило.

Лереена как-то странно вывернула шею, судорожно дернула нижней челюстью, и та внезапно раздалась вперед и вширь, вовлекая в трансформацию всю голову, а за ней и тело. Зубы заострились и удлинились, руки неестественно вытянулись, белое платье истлевшими клоками осыпалось на пол. Ролар едва успел отскочить, как извивающаяся на алтаре тварь подняла красноглазую, клыкастую морду, сложила крылья вогнутой полусферой, вытянула шею и беззвучно завопила. Нас разметало по углам и прижало к полу, звуковая волна ударила по спине, как мешком с опилками. В ушах нестерпимо засвербело, потом их словно заломило от ледяного ветра. Еще мгновение – и из них хлынула бы кровь, но, на наше счастье, тварь с лязганьем захлопнула пасть, переводя дыхание и оглядываясь.

– Под алтарь! – громко скомандовал Лён, вдохновляя нас личным примером.

Только мы успели добежать и на четвереньках заползти под плиту, как Лереена завелась снова, уже уверенно и надолго, волнообразно меняя тональность, но не силу звука. Вокруг с дребезгом взрывались статуи, пятифунтовые мраморные осколки с грацией пушинок кружились в вихревых потоках, то и дело выстреливая в стороны, как из пращи. Стены и пол быстро покрывались вмятинами. Драгоценным камням полагалось бы вообще рассыпаться в пыль, но, к моему изумлению, они целыми и невредимыми лежали на полу, словно прилипнув к углам гексаграммы – видимо, их оберегала остаточная магия Круга.

Наскоро поставленная мною защита не дала нам окончательно и бесповоротно оглохнуть, но голосистая тварь умудрялась-таки частично ее пробивать, и боль в ушах не стихала.

– Что с ней такое? – заорала я, сама не услышав своего голоса. Но Лёну хватило мысли.

– Это вторая ипостась женщины-вампира! – придвинувшись, прокричал он мне в самое ухо. – Вместо волка у мужчин, но проявляется спонтанно и не поддается контролю!

- Ее можно как-нибудь заткнуть?!
- Нет, пока она сама не успокоится!
- Это надолго?
- Смотря насколько сильным было потрясение!
- Куда уж сильнее!

То, перед чем спасовала целая армия ложняков, без труда удалось одной взбешенной вампирше. Храм вибрировал, как чугунный котел, по которому лупят кочергой, из щелей между камнями сыпалась замазка, а сами они на глазах расползались в стороны и выдвигались из гнезд.

- Упырица гхырова! – не сдержалась я.
- А ты еще удивлялась, почему я не хочу на ней жениться!
- Я?! Да женись на ком хочешь, мне-то что! Кто я вообще такая, чтобы чему-то удивляться? Хранительница, тьфу! Да их наклепать – раз плюнуть, даже спрашивать не надо!

– Вольха, ты чего? – опешил Лён.

– Чего я? ЧЕГО Я?! Я в ярости, если ты еще не заметил! Целую неделю за мной оптом и в розницу гоняются всевозможные твари, объединенные пламенной нелюбовью к моей скромной персоне, в течение двух последних лет я сама постепенно превращаюсь в какого-то монстра, полчаса назад вообще умерла, а теперь сижу под алтарем и надо мной носится твоя отвергнутая невеста, пытаюсь сровнять храм с землей, снаружи томятся в ожидании орды ложняков, а ты невозмутимо интересуешься, чем я недовольна?!

– И чем ты недовольна? – невозмутимо поинтересовался Лён.

Я задохнулась от возмущения, а этот мерзавец добавил:

– Разве я тебя о чем-то просил? Заставлял догонять посольство, связываться с ложняками, ехать в Арлисс и проводить обряд? Ты сама приняла решение, а теперь предъявляешь мне какие-то странные претензии!

– Странные?! Надеюсь, у тебя нет еще одной Хранительницы?

– Нет, а что?

– Хочу быть уверена, что если сейчас тебя пристукну, то больше никогда не увижу!

Теперь мы орали друг на друга исключительно от избытка чувств, напрочь забыв про упырицу. Я в первый раз видела Лёна таким взбешенным, он даже побледнел от негодования:

– И это твоя благодарность?!

– Что?! Я еще и благодарить должна?!

– Представь себе!

– Извини, здесь мое воображение бессильно!
– Да как ты смеешь меня упрекать – после того, что я для тебя сделал?!
– Со мной сделал! И когда только успел, гнусный кровопийца?!
– Это я-то кровопийца?! Ах ты бесстыжая, паршивая ведьма! Если бы я только знал!

– Если бы я только знала!

И тут рядом с нами раздался такой надрывный, истерический визг, перекрывающий Лереенин, что «паршивая ведьма» и «гнусный кровопийца» разом замолчали и недоуменно уставились на Орсану. Наемница, убедившись, что завладела общим внимание, тут же закрыла рот, откашлялась и деловито уточнила:

– Успокоились? Тогда заключайте перемирие и начинайте думать, как нам отсюда выбраться!

Мы опомнились и устыдились, но не стали с фальшивыми улыбками пожимать друг другу руки, а сразу перешли к нужному мыслительному процессу.

– Выход только один – через дверь! – мгновенно сориентировалась я.

Орсана, видимо, давно пришла к тому же выводу, потому что сердито заорала в ответ:

– Но мы не сможем вылезти из-под алтаря, пока она хлещет звуком и в воздухе кружится эта пакость!

– Значит, пойдём к двери вместе с ним! – решительно объявил Лён, пихая Ролара в бок и взглядом указывая ему на изнанку мраморной плиты. – Ты готов?

– Давай!

Вампиры поднатужились и приподняли плиту. Один край задрался выше другого, Лереена соскользнула с алтаря и закружилась под потолком, напоминая огромную летучую мышь с хрупким бледным тельцем и полупрозрачными крыльями. Вылететь сквозь дыру в куполе она не могла, а уцепиться за край и протиснуться не догадалась. Визг не утихал, плита ощутимо вибрировала. Вампирам кое-как удалось ее выровнять, и мы на полусогнутых ногах засеменили к двери, как четыре гнома под одним щитом. От нас с Орсаной проку было мало, но мы честно старались.

– Как мы ее откроем?! – закричала Орсана, когда до двери оставалось не больше пяти шагов. – Там же кольцо из тарана, а створки распахиваются наружу!

– Это моя забота! – проорала я в ответ, освобождая руки для заклятия. – Не останавливайтесь, представьте, что ее нет!

Мы нырнули в дверь, как в завесу водопада, и проскочили ее насквозь,

вместе с бревном. Как оказалось, у выхода нас терпеливо поджидал советник с дюжинным отрядом ложняков. Не успели они радостно взмахнуть мечами, как мы невежливо пронеслись мимо, а следом вылетела упыристая Повелительница.

Не растерявшись, ложняки совместили приятное с полезным: кинулись догонять нас, а заодно убежать от Лереены. Парочка малодушных попыталась сменить нас в храме, но дверь уже приняла нормальный вид, и они только разбили себе лбы. В отличие от них, мы вовсе не собирались спасаться бегством и, круто развернувшись, встретили врагов лицом к лицу. Прицельно сброшенная вампирами плита стала кой для кого надгробной, остальным пришлось резко затормозить и отскочить назад. Лереена налетела на них со спины, полоснула когтями и ушла в небо, не прекращая вопить. Убить никого не убила, но отвлекла, и мы не замедлили этим воспользоваться, уложив пятерых на месте. Советник, зараза, попятился и затерялся в толпе, Лён с Роларом бросились вдогонку. Мы с наемницей тоже не остались без дела: на меня нацелились сразу трое ложняков, но добежать успел только один и тут же напоролся на Орсанин меч.

Лереена реяла над площадью, как улетевшая с веревки простыня, не столько помогая своим, сколько сея панику в рядах противника, мешая ложнякам осознать свое численное превосходство и выработать более-менее четкий план. Настоящие вампиры, видимо, частенько сталкивались с истериками своих «прекрасных» половин и почти не обращали на нее внимания, только пригибались, когда она на бреющем полете проносилась у самой земли, визгом расшвыривая недостаточно расторопных вояк. Оставленные ею просеки мигом затягивались, бой закипал с новой силой.

Я продолжала угощать всех желающих боевыми пульсарами, и спустя несколько минут мой резерв истощился до дна – впервые за последние две недели. Искать энергетический источник не было времени, пришлось взять в руки меч. В голове мелькнула подленькая мысль, что куда разумнее зажать его под мышкой, картинно осесть на землю и притвориться мертвой, но вместо этого я встала спиной к спине с Орсаной, создавая по крайней мере видимость прикрытия. Пару ударов мне удалось-таки заблокировать, потом наемница выкроила секунду для разворота и достала моего противника самым кончиком меча, зато поперек горла.

Враги несли огромные потери. Элитный догевский отряд и винесские пограничники, закаленные постоянными стычками с драчливыми степняками, дорого продавали свои жизни – две-три за одну. Но, увы, «купцов» было слишком много и они продолжали стекаться на площадь со

всех сторон, потихоньку одерживая верх.

И тут в небе появилась черная точка. Она быстро выросла до размеров и очертаний дракона, вернее, драконихи. Герета описала круг над площадью, выискивая подходящее местечко, и села на крышу храма. Задумчиво посмотрела вниз, как огромная нахохлившаяся ворона, а затем глубоко вдохнула и дунула пламенем в самую гущу схватки, где как раз сошлись в неравном бою Лён, пара догевских вампиров и добрая дюжина вовсе не добрых ложняков.

Я заорала едва ли не громче Лереены, но, когда пламя схлынуло, в черном выжженном круге стояли целехонькие, хоть и несколько сконфуженные вампиры, а окрест них живописно дымились сиротливые холмики из сапог и оплавленных кольчуг. Повелитель приветственно отсалютовал Герете мечом, и вампиры снова ринулись в бой.

Мой вопль сыграл мне на руку – дракониха заметила нас с Орсаной и метко плюнула огнем в кучно подступающих к нам ложняков. Золотистый клуб расплескался по земле, противники исчезли в трехаршинном столбе взметнувшегося огня, да так и не появились. Нас обдало жаром, но не опалило даже волос. Рычарг как-то хвастался, что драконы умеют испускать тридцать шесть сортов пламени, от иллюзии до плазменного сгустка, избирательно испепеляющего рыцаря в целехоньких латах, и наоборот. Вслед за жаром меня прошиб пот – в столь наглядной демонстрации я участвовала впервые и удовольствия, прямо сказать, не получила. Особенно при взгляде на Орсанин меч, вымазанный кровью тварей и дымящийся до самой рукояти. Кое-где на подруге тлела и куртка.

Еще пара-тройка столь же эффективных плевков – и ложняки дрогнули! Побросав мечи, они бросились кто куда, лишь бы подальше. Их почти не преследовали, разве что до края площади – слишком устали, да и не рискнули углубляться в незнакомый лес.

Лереена продолжала бесноваться, закладывая крутые виражи вокруг храма. В отсутствие прочих звуков ее вой ввинчивался в уши с утроенной силой. Дракониха позволила ей сделать три оборота, а затем клацнула зубами, как пес на пролетающего мимо воробья, и вампирша исчезла в ее пасти. Снаружи остались только крылья. Немного потрепыхались, потом обвисли и медленно втянулись внутрь. Герета выждала пару минут и брезгливо сплюнула Повелительницу на лужайку перед храмом. Лереена шевельнулась, с трудом приподнялась на локтях и тупо уставилась на заваленную трупами площадь.

В наступившей тишине Лён первым поднял меч над головой, и обе армии победителей ликующе и бестолково заорали, а потом кинулись

брататься, не разбирая, где люди, а где вампиры.

Глава 23

К утру Арлисс насквозь провонял падалью. Смердели воздух, земля, вода, трава, даже цветы. Запах не вытравливался ничем, к нему невозможно было притерпеться, принюхаться. Еда потеряла всякую прелесть; ели, только чтобы унять слабость в ногах и рези в желудке.

Отлично понимая, чем может обернуться каждая секунда промедления, люди и вампиры устроили экстренный военный совет, разбились на смешанные группы по десять – двадцать бойцов и отправились прочесывать лес. У Келлы в сумке нашлась настойка жгучеяда, ее разлили по пузырькам и проверяли каждого встречного, будь то дряхлый старик или шестилетняя девчушка с трогательными голубыми глазами.

Прежде всего обрубали мост, но, скорее всего, большая часть ложняков уже успела по нему покинуть Арлисс. Остальным деваться было некуда.

Злые, измотанные, отупевшие от непрерывной резни, мы с Орсаной, Роларом и Лёном шли по долине как три демона смерти с карающими мечами и один – с карающей магией. Нам жгучеяд не понадобился – Повелитель вел под уздцы Вольта. Конь настороженно зыркал по сторонам, и ложнякам ни разу не удалось застать нас врасплох. Да они и не пытались, больше озабоченные спасением своей шкуры; один только раз из кустов выпрыгнули сразу девять вооруженных ложняков-вампиров, но к тому времени я успела пополнить резерв из встреченного по пути источника, да и друзья не сплеховали. Спустя десять часов в нашем активе значились семнадцать «вампиров», четыре волка, олень и дикий кабан. На наше счастье, метаморфы выбирали для трансформации объекты средней величины. Гоняться за мышами и воробьями не пришлось, а медведи, тьфу-тьфу-тьфу, не попадались.

С вампирами управились мечи, но животные, не принимая боя, пускались наутек. Догнать их могли только пульсары, мгновенно превращавшие беглецов в обугленные тушки. Аппетитный запах жареного мяса быстро сменялся зловонием, подтверждая, что Вольт не ошибся. Орсана угрюмо обмолвилась, что, пожалуй, с этого дня станет убежденной вегетарианкой, и никто не стал ее отговаривать.

Беспрерывные обращения к магии не прошли даром. Я свалилась первой – в обморок. Никогда в жизни мне не приходилось так долго и

монотонно колдовать, это истощало сильнее беготни по лесу. Я провела без сознания не больше пяти минут и, очнувшись, уверяла, что превосходно отдохнула и могу идти дальше, но друзья мне почему-то не поверили. Ролар утверждал, что мой цвет лица напоминает ему некое прыгучее земноводное, причем на последнем издыхании. Большинством голосов (при одной воздержавшейся) решили повернуть обратно.

Едва добравшись до дома – первого попавшегося, – мы с Орсаной завалились спать. Лён отстал по дороге, повстречав Келлу, а Ролар наскоро прожевал кусок хлеба с сыром и снова убежал, присоединившись к другой бригаде. На помощь пришли свежие отряды арлиссских вампиров, на сей раз – настоящих. Прослышав о нависшей над долиной угрозе, они бросали все свои дела, отнимали у жен завалывшиеся без дела гворды, которыми изобретательные супруги приловчились крошить капусту в кадках, и спешили в город. Там их наскоро инструктировали, разбивали на группы и посылали в лес. На отдаленных хуторках сыскалось-таки несколько к'ярдов, теперь их использовали вместо ищеек.

Когда окончательно рассвело, стало ясно, что своими силами нам не управиться. Метаморфы расплзлись по Арлиссу как раковая опухоль. Погибли около тысячи вампиров, и число жертв продолжало расти – к счастью, уже гораздо медленнее. Если городских жителей-метаморфов пришлось вырезать всех до единого, то ближе к границе – лишь каждого десятого – двадцатого. Население долины уменьшилось примерно на четверть.

И не было никакой гарантии, что метаморфы не вышли за ее пределы задолго до вчерашнего дня.

Немедленно связаться с Ковеном Магов не удалось: телепатофон, как и следовало ожидать, оказался сломан. На починку (вернее, почти безрезультатные ее попытки) ушло больше суток. С грехом пополам установили контакт со Старминской Школой, но устройство так шипело и плевалось бессвязными обрывками мыслей, что маги поняли только одно: в Арлиссе творится что-то неладное.

Спустя два часа возле заметно покосившегося храма материализовался Учитель, задействовавший ради такого случая главный портал Башни Телепортации. На моей памяти им пользовались впервые; для его активации понадобились объединенные усилия двух десятков архимагов, спешно созванных со всего Стармина.

Мы коротко, как равные, поздоровались. Учителю, похоже, уже доводилось сталкиваться с подобными тварями. Осмотревшись по сторонам, а пуще того – приняхавшись, он помрачнел, сник, пробормотал:

«Эх, как же мы недоглядели-то...» – и забросал меня вопросами. Интересовало его только текущее положение дел, предысторию он знал лучше нас.

Камнедержский маг не открыл мне всей правды, умолчав, что из активированного в Гребенчатых горах Круга вырвались не только жмыри. Прибывшие на место происшествия маги-практики прочесали окрестные леса и селения, помимо прочей нежити обнаружив и убив с десятков метаморфоз. На этом Ковен посчитал проблему решенной и не стал предавать дело широкой огласке. «По политическим и экономическим соображениям», – смущенно пояснил Учитель, не выдержав пристального, презрительного взгляда Лёна. Ковен просто-напросто опасался за свою репутацию и посему тихо замял оплошность молодого мага, сдуру снувшегося в неизвестный Ведьмин Круг. Иначе пришлось бы вводить чрезвычайное положение, просить у короля денег на усиление охраны городов и проверку жителей, лесные облавы, а также на закупку и бесплатную раздачу амулетов по всем белорусским селениям. Наум, мягко сказать, был бы весьма недоволен – к тайной радости Всерадетеля, спящего и видящего, как бы подсадить Ковен.

Но вслух Лён не произнес ни слова. Молча смотрел, как Учитель суетится вокруг телепатофона, легкими касаниями налаживая невидимые связи между кристаллами. Потом так же безмолвно надел на голову обруч устройства и передал в Ковен подробную информацию о враге. Старминские телепаты распространят ее по всем городам и даже соседним странам, включая Волию и Ясневый Град. Прежде всего, разумеется, следовало очистить от ложняков Арлисс, и к вечеру сюда должны были прибыть еще несколько магов, телепортируясь самостоятельно.

Мы вздохнули поспокойнее. Но пока что на смертельно опасную охоту снова пришлось идти мне с друзьями...

* * *

На следующее утро Ролар отправился на переговоры с русалками, категорически отказавшись от вооруженного сопровождения, а из оружия взяв только гворд. Я увязалась за ним, пообещав, что не брошусь его спасать, даже если он начнет вопить во всю глотку – мне просто нужно в ту же сторону, поискать свою лошадку. Впрочем, если Ролар так уж решительно возражает против моей компании, я могу пойти и одна, но

тогда мой растерзанный ложняками труп будет на его совести.

Вампир содрогнулся и сдался.

Искать Смолку не пришлось. Стоило нам выйти на опушку, как я увидела эту поганку, безмятежно щиплющую траву на том берегу реки. Как она туда перебралась, осталось загадкой, потому что кракен по-прежнему безобразничал в мутной воде и немедленно вынырнул нам навстречу, оскалив зубы и растопырив щупальца.

– Данавиэль! – сложив ладони рупором, что есть мочи заорал Ролар, перекрывая шипение разъяренного змея: – Dewieni ast, karitessa!

Ответа не последовало, но спустя пару минут змей захлопнул пасть, со свистом выдохнул из ноздрей две струи белесого пара, развернулся к нам боком и встопорщил спинной плавник, словно поручень.

Ролар без колебаний вскочил на искристую чешую. Я, в душе обмирая от страха, последовала его примеру.

Кракен рванул с места, как арбалетный болт. Я судорожно уцепилась за плавник, Ролар же едва пошатнулся, ловко спружинив полусогнутыми ногами – видно, не первый раз катался. До плотины, напоминавшей бобровую хатку из беспорядочно набросанных бревен и камней, мы домчались в считанные секунды. Возле нее кракен резко развернулся и, едва мы успели спрыгнуть на берег, ушел на глубину.

По ту сторону плотины медленно катила волны широкая река, почти неотличимая от озера. Денек выдался туманный, дальний берег терялся в сизой дымке. Стоило нам подойти к кромке воды, как неподалеку вынырнула русалка. Вернее, вынырнул. Откинул за плечи длинные, светлые с зеленоватым оттенком волосы, сложил руки на мускулистой груди и выжидательно уставился на нас прозрачно-серебристыми глазами с ромбиками зрачков.

Вампир опустил на одно колено, словно давал присягу, и заговорил первым. Данавиэль серьезно выслушал его до конца, потом коротко ответил, махнув рукой в сторону плотины. Ролар покачал головой и начал что-то объяснять, попутно указав на меня. Разговор шел на одном из диалектов эльфийского, я понимала только отдельные слова, а угадать общий смысл по интонациям и выражению лиц было невозможно, они так ни разу и не поменялись.

Наконец Данавиэль сделал странный жест, словно отгоняя пролетающую мимо лица муху и, вильнув длинным узким хвостом, исчез под водой.

Ролар остался стоять, отрешенно глядя на расходящиеся круги.

– Ну? – жадно поинтересовалась я, заглядывая ему в лицо.

– Все нормально. Мир. Я сказал, что маги помогут очистить реку от яда, после чего плотина будет разрушена. А Данавиэль пообещал, что русалки и кракены нас больше не тронут. Прежний договор о торговле и пользовании рекой остается в силе. Словно ничего и не было.

– Что ж ты такой мрачный?

Вампир горько прикрыл глаза и с трудом выговорил:

– Я спросил: «Много ваших погибло?» – а он пристально поглядел на меня и ответил: «Я не вправе тебя упрекать. Твоя скорбь больше».

– Все будет нормально, Ролар. Вместе мы справимся с этой напастью.

– Знаю. Но мне от этого не легче...

* * *

Нам пришлось задержаться в Арлиссе еще на неделю – моя помощь требовалась раненым людям, Ролар и Орсана, одолжив у меня Смолку (кобыла прониклась важностью возложенной на нее миссии и согласилась поработать розыскной собачкой – при условии, что вампир и наемница не станут карабкаться ей на спину), прочесывали долину в поисках уцелевших метаморфов, Лён и Лереена целыми днями пропадали в наспех расчищенном храме. Камни временно закрепили на деревянных подставках. В битве и последующих стычках погибли пятьдесят восемь догевских вампиров и двадцать шесть арлиссских, но треть из них еще можно было оживить.

У людей, к сожалению, второго шанса не было. Орсанин отец лишился большей части своего отряда...

На пятый день из Винессы прибыл гонец с медалью для Орсаны. Тамошние маги выловили около сотни метаморфов, причем один из ложняков успел принять облик королевы и следующим заходом собирался захватить тело самого короля. Скоропостижно овдовевший король выражал Орсане свою безграничную благодарность за своевременное предупреждение – к медали прилагалась дарственная на замок и сотню акров земли, не облагаемой налогом в течение десяти лет. Наш король ограничился похвальной грамотой «За заслуги перед Отечеством», помпезно врученной мне Учителем, и повышением по службе для Ролара. Ни то, ни другое не стоило нашему экономному монарху ни гроша. Ковен Магов поспешил исправить этот недочет – Учитель туманно намекнул на некий гномий банк, куда нам следовало зайти по возвращении в Стармин.

О размере премии маг не распространялся; скорее всего, ее провели через казну неофициально.

Больше всех награде обрадовался Орсанин отец. Он светился, как ясно солнышко, любой разговор сводя на дифирамбы своей красивой, умной и отважной дочери. Не шло и речи о скором замужестве Орсаны: ей предстояло делать карьеру, дабы неустанно прославлять свой род. Недостаток обернулся достоинством: теперь Орсанины потомки могли с гордостью утверждать, что ВСЕ в их роду – и мужчины, и женщины – славно потрудились мечами в защиту отчизны. Сама Орсана приняла медаль с напускным равнодушием и, только оставшись наедине с нами, с ликующим визгом и криком: «Ура!!! Какая же я все-таки молодчина!» – повисла у Ролара на шее. Вампир ничего не имел против и с энтузиазмом обнял ее чуть ниже талии.

Увы, к огромной бочке меда прилагалась стандартная ложка дегтя, и досталась она мне. Мы с Лёном по-прежнему не разговаривали. Не то чтобы в случае крайней необходимости писали друг другу лаконичные записки и молча тыкали в них пальцами, но общение протекало исключительно на деловом уровне. А это было еще хуже, отнимая последнюю надежду на примирение. Ну как тут можно завязать беседу по душам, если в ответ на подчеркнуто-вежливое: «Приветствую Вас, Повелитель», – звучит столь же прохладное: «Доброе утро, госпожа ведьма. У Вас ко мне какие-то вопросы?» – и наоборот.

Орсана, правда, хихикала и утверждала: «Хто розумнийший, той першым в дурости и признається», – но мне в это что-то не верилось. Я не чувствовала себя виноватой, Лён, видимо, тоже, и признаваться непонятно в чем мы не собирались.

* * *

Перед нашим отъездом Лереена распорядилась устроить торжественный ужин в честь гостей и спасителей Арлисса. Первый кубок выпили стоя и молча, потом застолье потихоньку начало оживляться, посыпались шутки и зазвучал смех, заиграла тихая музыка. Молоденькие арлиссские вампирши, разносившие блюда и напитки, небезуспешно строили глазки винечанам, очарованные буйными кудрями и длинными вислыми усами бравых вояк. Догевцы, впрочем, тоже не страдали от отсутствия внимания, а возле Лёна девицам так и вовсе словно медом было

намазано, они постоянно сталкивались друг с дружкой и злобно буравили конкурентов взглядами.

За стол гости садились вперемежку, как придется. Я оказалась между Орсаниным отцом и Келлой, а: Лён и Орсана – напротив. Догевская Травница глядела на меня с неподдельным восхищением и уважением. Даже с легким благоговением, пожалуй. Не знаю, кто и что ей рассказал, но мою роль в этой истории он вряд ли преуменьшил.

Я же только сейчас узнала, кому мы обязаны так кстати подоспевшей подмогой. Привязанный неподалеку «виновник» покосился в нашу сторону и негромко заржал, словно догадавшись, что речь зашла о нем. Облепившая Вольта ребяшня наперебой потчевала его всяческими лакомствами, и черный жеребец с удовольствием пожинал плоды заслуженной славы.

– Представляешь, что мы подумали, когда спустя три дня после твоего отъезда на догевскую площадь ворвался окровавленный конь Повелителя! – рассказывала Келла, изменившись в лице от одних воспоминаний. – Вольт никогда бы не бросил хозяина, даже раненого. Выходит, случилось что-то ужасное и непоправимое, а мы были уверены, что Хранителя у Лёна нет. Догева взбурлила, Старейшины начали собирать войско, а я с десятью дюжинами добровольцев поскакала на разведку, если понадобится – боем.

Травница отхлебнула глоток вина и, немного успокоившись, продолжила:

– Конечно, мы точно не знали, что, где и по чьей вине произошло, и устремились по следам отбывшего посольства. Они вели в Арлисс, а спустя несколько часов, в лесном овраге, мы обнаружили забросанные лапником трупы и окончательно убедились, что дело плохо. Отправив гонца в Догеву, я с отрядом поскакала дальше, уже не останавливаясь до самого Арлисса. У подвесного моста какие-то типы, – теперь-то я знаю, что это ложняки, но тогда жутко возмутилась подобной наглости – попытались нас задержать, но мы смели их конями.

– А почему вы приехали на обычных лошадях, а не к'яардах? – удивилась я. – Ведь они намного резвее!

– На лошадей мы пересели только в Куряках, чуть не загнав к'яардов. Бедняги еле держались на ногах, мы оставили их в залог за свежих коней. Кроме Вольта, он перескочил через ограду и помчался вслед за нами. Как чуял – в лесу моя лошадь подвернула ногу и лишней конь пришелся весьма кстати. Ну, а дальше ты сама все знаешь. Нам безумно повезло с союзниками-людьми – в одиночку мы не выстояли бы против ложняков и получаса. Вот только никак не могу понять: почему за сбежавшей дочуркой гнались целым войском, да еще пограничным, по чужой стране?!

Орсанин отец допил свой кубок, заел ломтиком жуткого на вид сыра, с черно-красной плесенью, и охотно включился в разговор:

– То оно якось само выйшло. Была у нас замена гарнизону, хлопцы в отпуск пазбиралыся, а тут прыйшов ад короля загад: йихаты з абозам до Стармина, якись дужэ цэнны груз супроводиты – видаць, слитки золотыя. А адтуль вже и в отпуск. Ну, прыйихали мы до столицы, сдали той груз у казну и думаем: раз мы вжэ в Белорыи, то чаго ж нам на той замак знатный, ийльфийский, не подывитыся? За день туды-сюды поспеем.

На нас с Орсаной напал приступ безудержного смеха, мы скорчились над тарелками, представив, во что превратились стены после двухсотенного отряда винечан со смачным армейским лексиконом. Любитель расписной старины удивленно сдвинул брови, но, поскольку его слушали не только мы, продолжил рассказ:

– А на обратну дарогу, вядома, зайшли мы до карчмы, глотку потешиты. А там мужыки балакают: мол, приходыли днем якись дивчины дурноватые, про вомпэрау пытали, то всяка людына та гномына з пераляку у вокны поскоквала, аж пляцень при корчме з разгону снесла. Я перш пасмяявсь, да тилько ж потым воны кажуць: адна дивчина рыжая, а другая свитла, обое з мячыма, пры конях, а у свитлой ще ножи та кольчужка. Наемница, мае буты, з виннеским говорком. Я за тых мужыкоу, што да як... матэр родная! Па всим видать – то Орсанка мая в карчме шуму наробила! Я-то думав, што вона дома пид замком сидить, бо крэпка полайилися мы перед моим адъездам, я ей у Вицяге и падаруначак купив, каб не злувалася... А тут хтось бачыв, шо вона, пра вампирау поспытаушы, разам з той рыжухай ды якимсь мужыком чэрнявым да Озернага Краю падалася, а там вжэ и до Орлиса недалече! Хлопцы, кажу, ратуйте! Трэба дочку маю вызвалаты, поки вомпэры яе зусим не засмокталы! Ну, мы по коням – уси разам, ништо не адмовивсь! – и до Орлису того!

Громкий голос и колоритная манера изложения привлекли к рассказчику всеобщее внимание. Его дочь сидела красная как мак, а я рыдала от смеха уже под столом.

– Как же вы перебрались через реку? – поинтересовалась Келла. – Я так поняла, что мост один, но мы вас там не видели. Да и на площадь вы въехали с противоположной стороны.

Винечанин пренебрежительно махнул рукой:

– Та нашто нам той мост, мы вплавку, па ихней сажалке смэрдючей!

«Сажалка», кстати, уже не смердела. Прибывшие из Стармина и Ясневого Града маги очистили воду и разобрали плотину. Большинство стоящих на столе блюд были приготовлены из свежей рыбы, выменянной

на сыры у русалок. Об отсутствии мяса никто не жалел.

– А как же кракен? – не удержавшись, спросила Лереена, сидевшая во главе стола неподалеку от нас. Лёну, кстати, предлагали роскошное кресло рядом с ней, но он сделал вид, что не расслышал, и это место занял Ролар. Мантию советника он так и не надел, но, с общего молчаливого согласия, считался «временно исполняющим обязанности» одного.

– Та вылазила якась змяюка, – безмятежно откликнулся Орсанин отец, привставая и накладывая себе на тарелку здоровенный кусок фаршированной щуки. – Мы ей шмат сала кинули, вона и видчапилася. – И с неподдельным интересом добавил: – А вось што-то такэ в небе летало та вэрэщало, бы свиння у кума в садочку?

Лереена поморщилась, кое-кто захихикал, а Лён подмигнул вконец смутившейся Орсане и невозмутимо ответил:

– То одна з наших жинок на подмогу кинулася, а вишчала, шоб самой не так боязно було.

– От такой жинки и вомпэр повтикае, – искренне посочувствовал винечанин, и под столом оказалась не только я...

* * *

На следующий день гости начали потихоньку разъезжаться, расходиться и разлетаться. Учитель как-то уломал Гереду, и она согласилась отнести его с прочими магами в Стармин (перед отлетом дракониха так долго и кокетливо полировала огнем чешую, что я заподозрила – ей просто понадобился благовидный предлог для внезапного появления на школьном дворе).

Чуть попозже долину покинуло винесское войско. После команды «Запе-е-евай!» грянула такая лихая и скабрзная песенка, что провожающие облегченно вздохнули, когда отряд наконец скрылся в лесу.

Орсана заупрямилась и с отцом не поехала. Нахально заявила, что столь великой воительнице родительская воля не указ и в Винессу она вернется не раньше, чем проводит меня. Куда – я и сама толком не знала. В Стармин не тянуло совершенно, а Догева... ох... боюсь, испытательный срок в должности Верховной Ведьмы закончился еще одной записью «нареканий не имела»... Спросить Повелителя в лоб я не решалась, а сам он эту тему не поднимал. Может, считал, что тут и так все ясно?

Определиться с выбором помог Ролар. Видимо, он в очередной раз

поругался с Лерееной и, выскочив из Дома Советаний, раздраженно объявил, что уезжает обратно в Витяг. Это меня вполне устраивало. Город большой, шумный, для ведьмы там наверняка найдется работа.

О чем договорились Повелители, мы так и не узнали, но в дорогу Лён начал собираться вместе с нами. Именно с нами, догевцы отбывали ближе к полудню, а оседланный Вольт уже утром стоял у крыльца рядом с нашими лошадьми. Что Лёну взбрело в голову, непонятно. Накануне он долго беседовал с Келлой, отозвав ее в сторонку; Травница сначала недовольно кривилась, но потом сменила гнев на милость и материнским жестом провела ладонью по его щеке, словно благословляя. Лён, против обыкновения, не уклонился...

* * *

Смолка, предательница, успела сдружиться с Вольтом и упрямо держалась возле него. Ролар и Орсана ехали по другую сторону от черного жеребца.

– Объясни наконец, кой леший понес тебя в Арлисс? – Ролар, прежде обращавшийся к Повелителю с положенным уважением, неожиданно сменил «вы» на «ты». Панибратский тон резанул уши, но Лён только усмехнулся и досадливо покачал головой:

– Я не думал, что все так далеко зашло. Послы сообщили мне, что в долине творится что-то неладное, Повелительница, мягко говоря, чудит, а советник год назад исчез в неизвестном направлении. Ребята были так обеспокоены, что даже не заикнулись об официальной цели визита. Они слезно умоляли меня съездить в Арлисс, разобраться в происходящем и поговорить с Лерееной. Ну, я сдуру и согласился...

– Вы давно знакомы? – запоздало догадалась Орсана.

– Конечно, – одновременно кивнули вампиры. Ролар почтительно замолчал, уступая слово Повелителю.

– Мы познакомились на официальной церемонии представления жениха невесте, еще в Догеве, – сообщил Лён, поправляя золотой обруч. В сокровищнице, кстати, он очутился благодаря лжесоветнику. Лереена туда почти не заглядывала, и ушлый ложняк распорядился финансами в свое удовольствие. – Арлиссский советник уже тогда произвел на меня впечатление умного и проницательного вампира, а вскоре мне представился случай убедиться в этом на практике.

Ролар смущенно кашлянул и пояснил:

– История с похищением сразу показалась шитой белыми нитками. Я не стал шпионить за троллем, а прямо попросил отвести меня к «похитителю», в противном случае пообещав рассказать все его «безутешной» невесте. У него просто не было выбора!

– Так вот кто способствовал разрыву помолвки! – Орсана шутливо ткнула Ролара кулаком в бок.

– Ничего подобного, – запротестовал Ролар, пытаясь вернуть тычок, но девушка вовремя отвела коня в сторону, – я просто не противился неизбежному. И вообще, Лён может подтвердить: я был против этого дурацкого розыгрыша!

– Ага, – поддакнул Лён. – Я несколько минут подбирал слова и когда наконец выдал: «Вы знаете, ваша сестра мне... не очень нравится», – он махнул рукой и заявил: «А, мне тоже! Ну и леший с ней, давайте лучше согласуем таможенные пошлины». После чего мы ошалело посмотрели друг на друга, расхохотались, и начало дружбе было положено!

Ролар терпеливо переждал взрыв смеха и попытался оправдаться:

– Роль оскорбленного брата мне изначально не удалась, дай, думаю, хоть экономику подтяну! Я же советник, мне прежде всего положено думать о благополучии долины, а сердечные дела Повелителей меня не касаются!

– Я не удивлюсь, если они еще и выкуп поделили, – вздохнула Орсана.

– Пропили! – торжественно поправил Ролар. – В «Серебряной подкове», вместе с троллем, как бишь его там? Вал?

– Но как тебе удалось скрыть это от Лереены?

– Она не может читать мои мысли. Пожалуй, это единственная способность, унаследованная мною от матери-Повелительницы. – Вампир чуть погрустнел, но тут же тряхнул головой и приподнялся на стременах, пытаясь разглядеть за Лёном меня: – Вольха, а ты-то чего молчишь? Заснула?

– Умерла, – угрюмо буркнула я, даже не поворачиваясь к друзьям, чтобы случайно не столкнуться взглядом с Повелителем Догевы.

– Н-да, тяжелый случай... – вздохнул Ролар, явно имея в виду не мою скоропостижную кончину.

– Может, помиритесь наконец? – не вытерпела Орсана.

– Мы не ссорились, – равнодушно возразил Лен.

Я согласно кивнула, хотя с куда большим удовольствием пихнула бы его кулаком в бок, да так, чтобы аж с коня свалился.

Подруга возвела глаза к небу и укоризненно покачала головой, но

оставила нас в покое.

* * *

Мы пару раз пускались наперегонки, но, в общем, никуда не спешили, так что за день едва успели добраться до Браса и проехать еще с десяток верст. На ночлег мы остановились в чистом поле, возле узкой безымянной речушки. Далеко на юге темнел лес; его холодное дыхание долетало даже сюда, принося терпкий запах хвои и туманом разливаясь по лугам.

Я помогла развести костер и, отойдя в сторонку, села на травянистом берегу реки, обхватив руками колени. Распряженные кони в охотку бродили по воде, вычервленной заходящим солнцем.

Никогда в жизни я не чувствовала себя такой одинокой и растерянной. Ну и что же мне теперь делать? Леший с ней, с Верховной Ведьмой, но как помириться с Лёном? За что он так на меня ополчился? О боги, неужели из-за...

Подошел Ролар и устроился рядышком, тоже делая вид, что любит закатом.

– Ролар, вопрос жизни и смерти! – торопливо прошептала я, оглядываясь на Лёна. – Он помнит, я ему сказала? Там, по ту сторону Круга?

Вампир заметно удивился:

– А что ты такого наговорила?

– Какая разница? Жуткого дурака сваляла.

– Да нет, вряд ли, – сжалившись, успокоил меня Ролар. – Я, например, вообще ничего не помню с момента смерти до пробуждения на алтаре.

– Что?!

Вампир немедленно пожалел, что так успешно отвлек меня от душевных терзаний. Случайно обмолвившись, он вынужден был идти до конца, иначе я бы не отвязалась.

– Во время войны с людьми я был немногим старше Лёна, а Лереене только-только сравнялось двенадцать лет. Но она замкнула для меня Круг. Впервые в жизни, тайком от Старейшин и наперекор им, без страховки. Если бы она потеряла сознание прежде, чем выдернула стилет, ей было бы некому помочь. – Ролар помолчал, рассеянно изучая бегущие по небу облака, потом усмехнулся и перевел взгляд на меня. – Поэтому я провожу вас до Витяга, подам в отставку, заберу вещи и вернусь в Арлисс. Не

сердись на нее, Вольха. Она хорошая девочка, добрая, отзывчивая, просто... бестолковая. И ей без меня очень плохо, что бы она там ни говорила.

– Я ни на кого не сержусь, Ролар. Не обращай внимания на мою неизменно кислую физиономию, вы тут совершенно ни при чем. Я просто очень устала и запуталась.

– Не ты одна, – лукаво подмигнул вампир и, не давая мне открыть рот, встал, протягивая руку: – Пойдем-ка к костру, а то эти двое нам сейчас накашеварят – только что морковку нечищеную пытались в кулеш покрошить, еле отобрал!

* * *

Я проснулась посреди ночи. Осмотрелась, приподнявшись на локте. Лён сидел у костра, задумчиво помешивая палкой угли, остальные крепко спали. Помедлив, я откинула одеяло, подошла и опустилась на корточки по другую сторону костра. Мы посидели, помолчали, разделенные пламенем. Лён бросил палку в костер, из угольков выпорхнуло и растаяло в воздухе облачко хвостатых искр.

– Поговори со мной, – тихо попросила я. – Или прямо скажи, чтобы паршивая ведьма раз и навсегда оставила тебя в покое.

Он поднял голову и изумленно поглядел на меня, словно не веря своим ушам. Я почувствовала, как заливаюсь краской. Еще мгновение – и я, развернувшись, сломя голову бросилась бы прочь, но серые глаза неожиданно потеплели, Лён усмехнулся:

– Не скажу. – И протянул ко мне руки: – Иди сюда!

Я на всякий случай оглянулась, но других кандидатов на примирение не обнаружила. Робко шагнула вперед, а потом как-то сразу очутилась у Лёна на коленях; обняла за шею, прижавшись всем телом, как маленькая испуганная девочка. Вампир с шелестом развернул крылья, окутывая меня поверх своих рук, сомкнувшихся вокруг моей талии. Сразу стало тепло и уютно, мы словно слились в единое целое, некогда разделенное на две вечно стремящиеся друг к другу половинки.

Лён тихонько прикоснулся губами к моему затылку. Я всхлипнула:

– Я очень за тебя волновалась.

– Знаю.

– Тогда почему ты на меня накричал?

– Сам удивляюсь. Наверное, от растерянности.

– Ты – и растерялся? – не поверила я.

– Ну да. – Лён мягко отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза. Вампир улыбался, тепло и чуть иронично. Как прежде, и мне снова захотелось расплакаться – теперь уже от счастья. – Ты представь мое состояние – я прихожу в себя в совершенно незнакомом месте, рядом стоит Лереена и жадно разглядывает меня в упор. Я на нее тоже посмотрел, украдкой, и подумал, что, пожалуй, не стоит торопиться со сменой ипостаси. Как оказалось, не зря... Пока вы беседовали, я наскоро просмотрел твою память, и у меня шерсть встала дыбом. Придумать что-нибудь с ходу не удалось, пришлось затаиться и ожидать более подходящего момента. То есть менее неподходящего, потому что обстановка все накалялась и накалялась. Когда Орсана заупрявилась, я понял, что дольше медлить нельзя, перевоплотился, выхватил у ближайшего ложняка меч и снес ему голову. Вы, к счастью, не растерялись, и началась такая заваруха, что, ей-ей, знал бы – гхыр воскрес! А тут еще ты начинаешь ни за что ни про что на меня кричать, в чем-то обвинять, я и не сдержался... А потом, каюсь, вел себя как мальчишка. Ты сердилась, скрывала мысли, и я не знал, что думать и как себя с тобой вести.

– А я – с тобой, – смущенно призналась я. – Я же растерялась, Лён...

– Ты – и растерялась? – передразнил он. – Вольха, мы идиоты! А еще хвастались, что знаем друг друга, как облупленных...

– Да уж, – хмыкнула я, украдкой вытирая нос. – Я даже о себе, оказывается, многого не знала. Например, откуда у меня такие красивые глазки.

Вампир разом посерьезнел. Тяжело вздохнул, потупился, и между нами снова пробежал легкий холодок отчуждения.

– Что ж... рано или поздно мне пришлось бы тебе все рассказать. Вот уж не думал, что это произойдет таким образом... что буду чувствовать себя виноватым и оправдываться, но... Вольха, я не назначал тебя Хранительницей. И, будь моя воля, на требушетный выстрел не подпустил бы к Кругу.

– Что?! – опешила я.

Лён торопливо поправился:

– Я доверяю тебе, как никому другому, но дело вовсе не в этом. Ролар рассказывал тебе, как становятся Хранителями?

– Обмениваются кровью с Повелителем?

– Верно, – Лён помолчал и веско добавил: – а сначала позволяют ему убить себя. Ну, или почти убить, обмен происходит на грани жизни и

смерти, и жизнь далеко не всегда перевешивает. Я обязан был предупредить об этом будущего Хранителя и заручиться его согласием на обряд.

– Почему же ты этого не сделал?

– Потому что ты и так умирала. На затопленной мостовой, у фонтана, смертельно раненая каменным мечом. Помнишь?

Я хотела отрицательно, недоуменно помотать головой, но перед глазами сама собой всплыла пригрезившаяся некогда картина – ночь, вычерненная кровью вода, распластанное на камнях тело... и Лён, стоящий на коленях, с приложенным к запястью ножом.

«– *Arrless, genna! Tredd... Geriin ore guell...*

– *Держись, девочка! Сейчас... Я не позволю тебе умереть...*»

Выходит, не пригрезившаяся...

– У меня не было выбора, – продолжал Лён. – Моя кровь – единственное, что могло тебя спасти, и в тот момент я меньше всего думал о назначении Хранителя. Да и Ведьминого Круга тогда в Догеве не было. Ты выжила и даже не заподозрила, что легкая рана на боку – след от ножа, а нанес ее тебе я, пока ты лежала в забытьи.

– Но ты же отдал мне свой реар! – Я машинально схватилась за гроздь амулетов, хотя еще неделю назад сорвала шнурок с шеи и со злостью зашвырнула подальше в кусты.

– Это вышло случайно. Мы прощались – возможно навсегда, – и я подумал: почему бы и нет? – пожал плечами Лён. – Для другого Хранителя этот реар уже не годился, зато подарок из него вышел прекрасный. Ведь ты не раз жаловалась, что ненавидишь нахальных телепатов, а постоянно поддерживать магическую защиту невозможно. Куда проще носить на шее безотказный амулет. Но у меня и в мыслях не было, что он на тебя подействует! В письме, которое ты увезла в Стармин, я признался твоему Учителю, насколько ты была близка к смерти, и попросил его на всякий случай понаблюдать за тобой, первое время.

– Это еще зачем?

– Помнишь Арлиссский храм?

– Такое забудешь!

– Один из предков Лереены подобным образом спас жизнь тогдашнему правителю Ясневого Града, не поладившему с бешеной рысью, и благодарные эльфы выстроили вампирам новое святилище для Круга. Раньше Арлиссские Повелители проводили обряд в пещере наподобие догевской, и во время паводков ее частенько затапливало. Но эльф не стал Хранителем. Его раны благополучно зажили, однако трансформация не

началась, и я был твердо уверен, что все остальные расы невосприимчивы к нашей крови. Она действует всего несколько минут, потом разрушается, и я хотел убедиться, что рана успела полностью зажить и со временем ее края не начнут расходиться. Ты бы видела себя со стороны, монстр разворотил тебе половину грудной клетки! Келла и Старейшины знали, что на самом деле произошло той ночью. Они видели – мой реар исчез, но были уверены, что я его просто выбросил. Всё заставляли меня обзавестись новым... Представь, как я изумился и растерялся, когда приехал в Стармин на стрельбища и с порога увидел у тебя несомненные признаки Хранительницы! Я по-прежнему мог читать твои мысли, хотя реару полагалось бы их скрывать – не будь между нами невидимой связи. Но тогда мне было не до откровений, потом все как-то не подворачивалось случая, а в этом году у тебя начались выпускные экзамены, и я решил – потерплю еще пару месяцев, пусть Вольха получит свой диплом с отличием, она его заслужила. У Повелителя не может быть двух Хранителей одновременно; как только я завел бы себе новый реар, ты постепенно снова стала бы обычным человеком. И обычной ведьмой, ведь твои магические способности тоже пошли бы на спад. Не исчезли, разумеется, а вернулись в норму.

– Выходит, я сжульничала на экзамене? – огорчилась я, до сих пор слушавшая рассказ Лёна с закрытым ртом.

– Вовсе нет. Ты знаешь все заклинания и умеешь их применять, а каким источником силы при этом пользуешься, особой роли не играет. Ты же сама рассказывала, что даже архимаги обвешиваются артефактами-накопителями, ибо для некоторых заклятий, как ни крути, собственных сил не хватает.

– М-м-м-м... – Я, сгорая от стыда, уткнулась лицом в ладони. – Лён, ты прав – я паршивая, неблагодарная ведьма... Ты спас мне жизнь, а я леший знает что себе надумала, набросилась на тебя, толком не разобравшись...

– Брось. Мы уже квиты. – Лён осторожно развел мои руки. – Кстати, Верховная Догевская Ведьма, чем ты в первую очередь займешься на своей новой должности?

– Ну... – Я неопределенно кашлянула, пытаюсь выровнять дыхание и не шмыгнуть носом. – Пожалуй, подам заявление о переводе на полставки.

– Это еще зачем? – опешил Лён.

– А мне понравилось быть просто ведьмой. Полагаю, ты не станешь возражать, если несколько месяцев в году я буду поднабираться опыта на трактах?

– И долгими зимними вечерами писать мемуары о своих подвигах? – рассмеялся вампир.

– Почему бы и нет? Не совершу, так придумаю! На менестрелей и летописцев полагаться нельзя – либо забудут, либо так ославят, что лучше бы забыли. Пусти-ка... – Я высвободилась из его объятий и пошла к реке, вернее, к темнеющим поодаль лознякам.

– Что, отправляешься на поиски подвигов прямо сейчас? – иронично поинтересовался Лён, слишком хорошо зная меня, а значит, и ответ.

– Нет... в кустики схожу, раз уж проснулась, – смущенно призналась я.

– погоди, я с тобой!

Вампир догнал меня, и мы вместе вышли на берег. Возле самых лозняков Лён ехидно скомандовал: «Вампиры налево, ведьмы направо!» Я повернулась было к нему спиной, собираясь скромненько отбыть в указанном направлении, но не выдержала. Остановилась, зажмурила глаза и отважилась наконец задать вопрос, мучивший меня всю неделю:

– Лён?

– Что? – преувеличенно бодро откликнулся он.

– Ты сказал, что не выбрал бы меня Хранительницей... правильно, она из меня вышла никудышная... даже двух слов связать не смогла... но ты все-таки вернулся. Почему?

Тишина затянулась надолго. Он не отвечал и не уходил, словно боялся ответа больше, чем я – вопроса.

– Вольха?

– Д-да? – чуть слышно выдавила я.

– Потому что я тоже тебя люблю.

И мы разошлись в разные стороны, одинаково ошеломленные и не знающие, что говорить и делать дальше.

Но уверенные, что как-нибудь разберемся.

...И нас ничуть не огорчало, что наша история не войдет в легенды...

Table of Contents

[Ольга Громько Ведьма-хранительница](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)